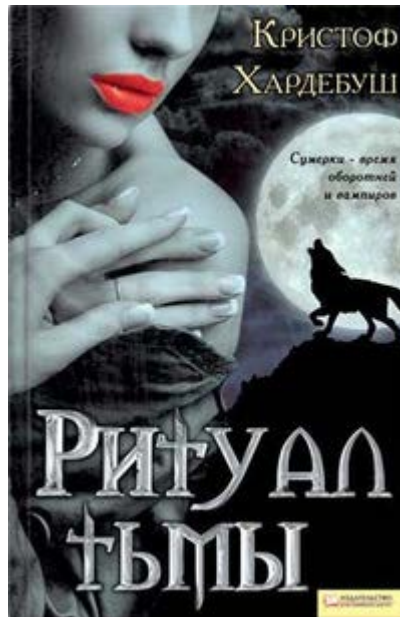

Кристоф Хардебуш Ритуал тьмы

: Mist; Spellcheck: ReSpekt8

«Ритуал тьмы»: Книжный клуб "Клуб семейного досуга"; Белгород; 2011
ISBN 978-5-9910-1556-1

Аннотация

Аристократ Никколо без ума влюблен в Валентину. Но ее руки добивается граф Людовико. Валентина еще не знает, что один из ее кавалеров — вампир, а в жилах другого течет кровь волка.

Церковное братство идет по следу созданий тьмы и не остановится ни перед чем, чтобы стереть их с лица земли...

Кристоф Хардебуш Ритуал тьмы

Моей возлюбленной

Она идет, торжественна, как ночь...

Дж. Байрон

Предисловие

Казалось бы, о созданиях Тьмы сказано уже все. После «Дракулы» Брема Стокера, «Интервью с вампиром» Энн Райс и «Сумерек» Стефани Майер читатель хорошо знаком с этими вымышленными существами. Но настоящий мастер умеет взглянуть на популярную тему под другим углом, обогатив всем известную легенду.

Именно к таким авторам и относится Кристоф Хардебуш. Отечественные читатели уже знакомы с его творчеством — трилогия о приключениях троллей пришлась по вкусу поклонникам фэнтези. В новой книге Кристоф Хардебуш обращается не к традициям Толкиена, а к наследию Брема Стокера. В итоге на страницах романа вас ждет жгучая смесь приключений, фантастики и любви. «Ритуал тьмы» очень напоминает качественную приключенческую литературу XIX века. Это сходство проявляется не только в обилии

неожиданных событий и битв, выпавших на долю героев, но и прежде всего в их характерах. Юный аристократ Никколо Вивиани — главный герой книги — благороден и отважен, понятия чести и долга у него в крови. Впрочем, с кровью предков ему передались не только темные волосы и светло-серые глаза, но и родовая тайна. О ней Никколо узнает в тот миг, когда жизнь его будет висеть на волоске...

Но не только вымышленные герои описаны в этой книге. Автор смело вводит в повествование самого... лорда Байрона, утверждая, что известный поэт был оборотнем! Рискованно? Да! И при этом вполне реально в рамках художественного шедевра Кристофа Хардебуша. Фантазия дает автору право на многие вольности, главное, что они выглядят логичными и естественными, органичными. Устоять перед обаянием еще одного персонажа, Людовико, графа Карнштайна, совершенно невозможно. И не только потому, что он — вампир. Кроме немыслимой физической мощи создания Тьмы он наделен сердцем, которое умеет любить. Ну и, разумеется, там, где есть силы Тьмы, должны появиться и защитники Света. Сводя на страницах книги столь разных героев, Кристоф Хардебуш не спешит развешивать на них ярлыки «положительных» и «отрицательных». Каждый читатель вправе сам решить, каким силам служат герои. Ведь порой во имя добра творятся кровавые преступления, а те, кто несет в себе Тьму, совершают подвиги.

И наконец, какой же роман без очаровательной героини?! Валентина — девушка, достойная того, чтобы лучшие мужчины добивались ее благосклонности. Ее красота и внутренний свет притягивают и Людовико, и Никколо. Но только она сама ведает, кому отдать свое сердце.

Кажется, что от своих героев Кристоф Хардебуш научился магии. Ведь как иначе объяснить то, что в созданный им мир так легко веришь, так сопереживаешь героям? Персонажи не шаблонные, они меняются от страницы к странице, от поступка к поступку. И это подкупает.

Итак, вы готовы попасть под магическое очарование вампира? Не бойтесь услышать вой оборотня лунной ночью? Сможете заглянуть в глаза безумного охотника за созданиями Тьмы? Если ваш ответ «да», значит, путешествие в мир «Ритуала тьмы» будет захватывающим и незабываемым!

Действующие лица

Семья Вивиани и слуги

Граф Эрколь Вивиани итальянский дворянин

Графиня Вивиани его жена

Никколо Вивиани его сын и наследник

Марцелла Вивиани младшая дочь Вивиани

Карло кучер, слуга семьи Вивиани

Семья Лиотар и слуги

Август Лиотар швейцарский купец

Мадам Лиотар его жена

Валентина Лиотар его дочь

Эмили камеристка Валентины

Дворяне

Людовико, граф Карнштайн, он же Людвиг фон Карнштайн загадочный граф, бонвиван

Франсуа, маркиз де Пуйсежур французский дворянин

Английские литераторы, их друзья и слуги

Лорд Джордж Гордон Байрон знаменитый поэт, пользующийся дурной славой

Мэри Шелли, урожденная Годвин писательница

Перси Биши Шелли ее муж, писатель

Джон Китс поэт

Джон Уильям Полидори лечащий врач лорда Байрона

Джозеф Северн друг Джона Китса

Клара Клэрмон, по прозвищу Клэр сводная сестра Мэри Шелли, любовница Байрона

Флетчер телохранитель Байрона

Бергер слуга Байрона

Представители церкви

Жиана доверенное лицо кардинала делла Дженга, впоследствии глава тайной церковной организации

Кардинал делла Дженга впоследствии Папа Лев XII

Брат Фернандо член тайной церковной организации

Брат Иордан член тайной церковной организации

Брат Йозеф член тайной церковной организации

Брат Бернардин член тайной церковной организации

Брат Сальваторе член тайной церковной организации

Жители Женевы и окрестностей

Жан-Батист Рауль де Базерат бонвиван, гуляка

Мадам Боссени женеvская патрицианка

Марк Август Пикте ученый

Анна Луиза Жермена де Сталь писательница, космополит по убеждениям

Жюли Рекамье подруга Валентины Лиотар и мадам де Сталь

Жан Бонне убитый крестьянин, разводил кур

Лондон и Париж

Леди Кэролайн Лэмб бывшая любовница Байрона

Вильгельм фон Гумбольдт посол Пруссии в Лондоне

Александр фон Гумбольдт его брат, знаменитый ученый

Жанна Обри французская учeная

Эсмеральда французская предсказательница судьбы, маг

Виконт Франсуа Рене де Шатобриан писатель, министр иностранных дел Франции

Османская империя

Али-паша восточный правитель

Утман-бей его правая рука

Омар контрабандист

Гристо пленник Али-паши

Катя его возлюбленная

Прочие

Мадам Азема управляющая борделем в Мюльхаусе

Элиза и Эмилия проститутки в Мюльхаусе

Жиаккомо слуга Тьмы

Различные чиновники, дворяне, разбойники, рыбаки, банкиры, солдаты, слуги и многие другие.

Пролог

В морозном воздухе прогремел выстрел. Комья грязи и снег взметнулись вверх, когда пуля вошла в землю в пяти метрах от цели. Выругавшись, охотник потянулся за пороховым рожком.

Зверь не двинулся с места — даже когда на него посыпались мелкие камни и земля. Он невозмутимо смотрел на охотника своими светлыми глазами. Волк должен был дернуться, отступить, но этого почему-то не произошло. Где-то в ветвях каркнул ворон, будто и его удивило поведение зверя...

От холода у охотника занемели руки. Он носил перчатки с обрезанными пальцами, чтобы легче было заряжать ружье, но этим ранним утром, когда холодный туман рваным саваном свисал с деревьев, а солнце едва поблескивало над горизонтом, перчатки не спасали от мороза.

И все же охотник не терял самообладания. Его кисти совершали привычные движения, как и сотни раз до того.

Волк шелохнулся. Медленно и величественно он направился к человеку. Заметив это, мужчина выругался, и его дыхание вырвалось изо рта белым паром; этот пар смешивался с пороховым дымом, сливаясь с туманом.

Тщательно закрыв пороховой рожок, охотник достал из кожаного мешочка на поясе пулю, опустил ее в дуло и вытащил из-под ствола шомпол. Только после этого он позволил себе посмотреть на волка, который двигался все быстрее.

Мужчина поспешно загнал пулю и заметил, что волк уже бежит. Охотник не воспользовался пыжом. Он опустился на колено, насыпал порох на полку ружья и внимательно посмотрел на животное.

Волк приблизился. Он скалился, показывая зубы, и по-прежнему не сводил удивительно умных глаз с человека. Это был крупный зверь с густым, почти черным мехом и парой белых волос на морде. Учитывая размер и ширину плеч, он, несомненно, был вожаком стаи. Вряд ли какой-то другой волк осмелился бы бросить ему вызов.

Охотник понимал, что у него осталось времени всего на один выстрел, и потому заставил себя глубоко вздохнуть, поднося ружье к плечу. Все в человеке противилось этой медлительности, требовало стрелять, убить этого волка, но охотник сперва успокоился и тщательно прицелился, и уже тогда выстрелил.

Пуля отбросила зверя назад, сбив его, так что волк закачался. Точное попадание, прямо в грудь. Блестящий выстрел. Идеальный выстрел. Охотник гордо улыбнулся.

Но волк вновь поднялся и парой прыжков преодолел последние метры. Мужчина успел схватиться правой рукой за охотничий нож на поясе, левую же выставил перед собой. Удар тяжелых черных лап швырнул его на землю, ружье отлетело в сторону. От холода у охотника перехватило дыхание, корни и камни впились ему в спину, но это было ничто по сравнению с чудовищной болью от вонзившихся клыков. С жадным рычанием зверь впился ему в горло.

Вопли умирающего еще долго оглашали лес.

А когда вновь стало тихо, ворон каркнул еще раз.

Книга 1 ПРОМЕТЕЙ

Ареццо, 1816 год

— Стояла мрачная грозовая ночь, — юноша нервно отбросил темный локон со лба. — Величественные вершины Альп были окутаны тучами, столь хмурыми и угрожающими, словно облачились в траур.

С каждым произнесенным словом волнение отступало. Теперь ему не мешали даже взгляды слушателей, собравшихся в прохладной комнате. Всего несколько мгновений назад юноша думал, что не сможет произнести ни звука, теперь же слова вдохновенно слетали с его губ. История шла своим чередом, повествуя о молодости безумного монаха, который вскоре повергнет в ужас жителей деревушки чудовищными преступлениями.

Все вокруг стало для юноши неважным. Огонь в камине не мог разогнать мартовский холод, за высокими узкими окнами садилось солнце, но в этот дождливый день оно все равно источало лишь слабый свет. На книжных полках под потолком уже лежали глубокие тени, и бывшие владельцы дворца неодобрительно или задумчиво наблюдали за молодым литератором — зависело от того, под каким углом смотреть на их портреты. Время от времени в комнате скрипели стулья, когда кто-то из слушателей шевелился, но в целом помещение наполнял лишь голос чтеца...

...Его слова, ведь он сам написал эту историю. Мальчик писал ее, используя каждую свободную минуту, перевел множество листов бумаги, вновь и вновь покрывая пол разорванными страницами, когда ему не нравился результат. История была зловещей: страшная сказка, с моралью.

С каждым предложением голос юноши становился все увереннее. Он расправил плечи и ходил перед слушателями взад-вперед — к этому он старательно готовился в своей комнате перед зеркалом. Левой рукой он жестикулировал, этому приему его долго обучал преподаватель риторики. Якобы так действовал рукой еще Цицерон и его последователи. Мальчик вживался в образы героев, шепелявил, говоря от имени трактирщика, смотрел свысока в роли одержимого своей властью синьора.

Ему казалось, что он сам находится среди величественных Альп, столь удачно описанных им, и чудилось ему, будто в тени комнаты скрывается монах с горящими безумным светом глазами.

История заканчивалась триумфальным финалом, ярким крещендо: злодей получал по заслугам, а герои побеждали.

Запыхавшись, утомленный юноша наконец взглянул на собравшихся.

— Браво, Никколо! — воскликнула девятилетняя Марцелла.

Ее темные локоны подпрыгнули, когда она поднялась со стула и восторженно зааплодировала. Для ее возраста она обладала удивительно хорошим литературным вкусом, с радостью заметил Никколо.

— И Миме история тоже понравилась, — его сестра подняла со стула тяжелую фарфоровую куклу.

Но юноша смотрел на другую слушательницу, которая до сих пор не проронила ни слова.

Эта особа была не только старше Марцеллы, но и намного начитаннее. Она получила классическое образование и прекрасно разбиралась во всех видах искусства. Девушка музицировала, пела и с увлечением рисовала, насколько ей позволяло время. Если верить Марцелле, Валентина была наделена и литературным талантом! И все это притом, что юная красавица обладала столь похвальными для женщины качествами, как сдержанность и скромность.

Никколо чувствовал, как по его виску стекает капелька пота, но он не решался отереть лоб, чтобы не привлечь к этому внимания.

— Хорошая история.

— Хорошая? — сдавленно переспросил Никколо.

— Интересная и увлекательная, — кивнула Валентина.

На мгновение юноше показалось, что он заметил в темносиних глазах столь уважаемой и тайно желанной им девушки иронию, но ее улыбка была искренней, а главное, доброжелательной. Задумчиво склонив голову набок, Валентина кивнула, так что ее светлые волосы блеснули в лучах свечей.

— Мне кажется, что эта история лучше повести о всаднике без головы в «Нью Мансли», которая тебе так нравится. И в любом случае твой монах намного страшнее.

Юноша с облегчением вздохнул и наконец расслабился. Комната, до этого момента служившая сценой, вновь стала обычной — потрескивание огня в камине, легкий сквозняк от окон, тени по углам. Лучшей атмосферы для первого представления своего произведения на публике и представить нельзя. Мерцание свечей, грозовые тучи на небе и легкий ветерок, щекочущий кожу, словно ледяная рука смерти.

Дверь зала распахнулась, и Никколо, ожидавший старого слугу Лазаро, обернулся, но в комнату вошел отец, и улыбка мгновенно сползла с лица юноши.

— Так вот ты где, Никколо. Я тебя искал.

— Я развлекал дам, отец, — оправдываясь, юноша поднял руки.

Кивнув, граф повернулся к дочери.

— Марцелла, будь добра, оставь нас одних. Возможно, ты могла бы пойти вместе с Валентиной в свою комнату. Нисколько не сомневаюсь, что вы можете заняться рукоделием и это принесет вам не меньше удовольствия.

— Хорошо, папа, — вежливо присев в книксене, сестра Никколо попрощалась с отцом и взяла Валентину за руку.

Юношу всегда удивляло, что его отец полагал, будто Марцелла может заниматься рукоделием ради удовольствия.

Отметив серьезное выражение лица графа, Никколо тут же отбросил праздные мысли. Валентина с любопытством посмотрела на него, но мальчик лишь пожал плечами. Он не знал, что понадобилось отцу и воспоследуют ли какие-то неприятности.

Граф повернулся к сыну и смерил его долгим взглядом. Отец был высоким мужчиной, а его военная выправка делала его еще выше. Как и всегда в присутствии графа, Никколо сам себе казался маленьким, хотя на самом деле граф Эрколь был выше сына всего лишь на полладони.

Мальчик старался выдержать этот взгляд, но вскоре опустил глаза.

Считалось, что Никколо очень похож на отца, по крайней мере, по словам его болтливых теток, но в резких линиях и рубленых чертах графа мальчик не узнавал себя. Он унаследовал от родителя разве что высокие скулы, во всем остальном же (так, во всяком случае, Никколо предпочитал думать) мальчик был похож на мать. По крайней мере, у него были ее светлосерые глаза.

— Никколо, ты вновь пугал сестру своими ужасными историями? Не отрицай. Я вижу листы бумаги на столе.

— Да, отец, — солгал юноша, не желая вступать в объяснения.

На самом деле прошло уже довольно много лет с тех пор, как ему в последний раз удалось напугать сестру. Скорее неумемная фантазия Марцеллы, в особенности в отношении розыгрышей, могла внушить страх кому угодно.

— Ну ладно.

Никколо удивленно поднял голову. Что, и никакой тирады? Никаких тебе вздохов? Никаких увещаний и морализаторства?

— В последнее время я много думал, мой мальчик.

Никколо наострил уши. Отец давно не называл его «мой мальчик», и юноша не знал, радоваться ему по поводу такого теплого обращения или наоборот, сердиться из-за того, что с ним обращаются как с ребенком. Мрачная атмосфера вечера, восхищавшая Никколо

эффектом, который она производила на слушателей во время чтения, теперь показалась ему пророческой. Что-то надвигалось, и парень не мог заставить себя думать, что это предвестие чего-то хорошего.

— Ты знаешь — я не молодею.

Никколо уже открыл было рот, чтобы возразить, сказать, что отец еще молод и полон сил, но граф поднял указательный палец:

— Позволь я договорю.

Никколо обеспокоенно кивнул. Конечно, седина уже коснулась висков графа и даже перебралась на макушку, но он был сильным мужчиной, и до того самого «склона лет» оставалось еще много времени.

— Я не становлюсь моложе, и пришла пора подумать о будущем.

В сознании Никколо вспыхнула ужасная мысль. Отец болен. Всмотревшись в лицо графа, юноша мгновенно обнаружил все признаки болезни. Темные круги под глазами, бледная кожа...

— Ты должен быть готов к тому, что тебе однажды придется взять на себя все дела семьи Вивиани.

— Отец, я... вы что... — Никколо не решился высказать свою догадку.

Впрочем, граф не обратил внимания на его слова.

— Я пришел к выводу, что ты проводишь слишком много времени в своем кабинете и библиотеке, вместо того чтобы приобретать практические навыки и умения. Конечно, изучение работ античных авторов может дать тебе какие-то знания.

Никколо не стал упоминать о том, что в последнее время он занимался только современными работами. Его отец не очень-то хорошо относился к романам.

— Но теперь ты должен приобрести практические навыки, чтобы впоследствии заботиться о делах семьи. Мы богаты, однако я не Карл IV, да хранит его Господь, который может позволить своим детям жить в праздности. И мы все знаем, к чему это приводит. Тебе не хватает дисциплины, и мы должны что-то предпринять, чтобы изменить это обстоятельство.

— Предпринять? — Никколо было сложно проследить за ходом мыслей своего отца.

— Я уже говорил с другом нашей семьи, самым эрцгерцогом. Он готов предоставить тебе место в своих войсках в должности адъютанта. Военное дело — это как раз то, что нужно парню в твоём возрасте. Там ты сможешь не только завести дружбу с другими мужчинами, которая продлится всю вашу жизнь, но и приобретешь все достойные итальянца качества.

Граф продолжал что-то говорить, рассказывая о товариществе и боевом духе, о приключениях и героизме и, наконец, о тех временах, когда он сам был солдатом, но Никколо его не слушал. Казалось, будто отец говорит на каком-то совершенно другом языке, которого юноша не понимал.

— Место в войске? Отец, но я же не солдат!

— Это ты пока не солдат, но скоро им станешь. Научись дисциплине, да и всех тараканов из твоей головы вытряхнут. Военное дело столь же важно для духовного воспитания юноши, как и для развития его физической силы. Я же хочу, чтобы у тебя было и то, и другое.

— Отец!

— Нет, уже все решено. Никаких разговоров. Слышать ничего не желаю. Понятно?

— Да, отец, — печально кивнул Никколо.

Он знал, что возражения лишь разозлят графа. Но мысль о том, что придется находиться в войске с его грубыми нравами, плохой пищей и невыносимой муштрой, камнем повисла на его душе. Отец вовсе не был болен. Он просто проявил себя тираном, деспотом, казалось, вышедшим из старых пьес. Он напоминал Наполеона Бонапарта, которого сам так презирал.

— Однако я считаю необходимым, чтобы перед этим ты, сообразно твоему статусу,

повидал Европу и представился знатным семействам, которые когда-то будут предопределять будущее этого континента.

Лучик света в непроглядной тьме, предвестье надежды.

— В этом путешествии ты сможешь завершить свое образование. Я думаю о том, чтобы отправить тебя в длительную поездку, сынок. Когда ты поступишь на службу в войско, ты должен уже стать мужчиной и оставить все детские глупости. Посмотри мир, испытай свои силы.

— Вы имеете в виду что-то вроде гран-тура¹?

Граф задумчиво погладил себя по подбородку.

— Думаю, можно сказать и так, — в конце концов согласился он, хотя это слово ему явно не понравилось.

Однако отношение отца к этому понятию Никколо не интересовало. Мысленно он уже перенесся во все те места, которые посетит, и видел перед собой людей, которых повстречает. Можно было пережить настоящие приключения, посетить страны, где жили настоящие герои, увидеть собственными глазами исторические сооружения, а затем описать все это, ведь именно в словах проявляется истинная красота непреходящих вещей.

— Я хочу поблагодарить вас, отец, — в восторге пролепетал он. — Идея просто превосходна, а ваша щедрость позволит мне... стать мужчиной, — Никколо очень надеялся, что не переборщил.

Граф недоверчиво посмотрел на сына, но тот тщательно следил за тем, чтобы на его лице не отражалось ничего, кроме чувства долга и почтительности.

— Я очень рад, что мы с тобой пришли к согласию по этому вопросу. А теперь иди и поговори об этом со своей матерью. По-моему, она предпочла бы, чтобы ты всю жизнь держался за ее юбку.

Держать эту новость при себе было нелегко, но Марцелла уже легла спать, и поэтому Никколо не мог отправиться к сестре и рассказать о решении отца, так что пришлось терпеть до завтрака. Ночью мысли о предстоящем путешествии не давали уснуть. Юноша замечтался. И только одна ложка дегтя была в этой бочке меда — мысль о том, что после отъезда из Ареццо он оставит здесь Валентину. Никколо хотелось как можно больше затянуть предстоящее путешествие, чтобы избежать столь ненавистой ему военной службы, поэтому неясно было, застанет ли он девушку в доме отца после своего возвращения. Пока что Марцелле нужна была наперсница, но в скором будущем отец сам захочет отправить дочь в дом к другому аристократу, чтобы там девочка могла завершить свое обучение и потом удачно выйти замуж.

А это означало, что Валентина будет для него потеряна. И он должен открыться перед ней еще до отъезда. За тот год, что юная швейцарка провела в доме графа, он успел полюбить эту девушку. И не только за красоту. Он полюбил ее душу, сильнее же всего их связывала любовь к литературе. Валентина была знакома с произведениями и классиков, и современных авторов, а что самое главное — она разделяла его интерес к страшным историям. Они вместе читали английские журналы, которые так тяжело было достать, обсуждали их и пытались превзойти в своих текстах. Никколо понятия не имел, что произойдет, если он признается ей в том, что его чувства уже давно не только дружеские. Конечно, она могла отвергнуть его любовь или сказать, что их брак не устроит родителей, но об этом юноше думать не хотелось. Единственное, что он знал наверняка, так это то, что должен признаться ей, а все остальное утрясется как-то само собой.

Терзаемый этими беспокойными мыслями, Никколо сидел за столом в просторной столовой и щедро подливал себе кофе, пытаясь отогнать усталость. Он с нетерпением ждал прихода сестры. Длинный стол из темного дерева был накрыт на троих, и все могли

¹ Гран-тур — путешествие молодого аристократа по Франции, Италии, Швейцарии и европейским странам после окончания учебного заведения, бывшее традиционным в XVIII веке. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

разместиться. На серебряных подносах были соблазнительно разложены пирожки и свежий хлеб, но у Никколо не было аппетита.

Как и всегда, Марцелла опоздала, спустившись на завтрак после графа. Поэтому брат смог лишь бросить на нее выразительный взгляд, на который девочка не обратила внимания. Глаза у нее припухли и покраснели, будто она тоже не выспалась, но Никколо это не удивляло: по ночам Марцелла тайком читала книги, которые брала у Никколо, угрожая, что, если брат откажет, она обо всем расскажет отцу.

— Просто поразительно, до чего дошли объемы печати, — пробормотал граф, спрятавшись за новым выпуском газеты «Таймс», которую слуга каждое утро клал на стол. — Когда они написали об этом в передовице, я едва мог в это поверить.

— Что, отец?

Зашелестев газетой, граф посмотрел на сына, словно только сейчас заметил его присутствие.

— Прости, я не хотел отвлекать тебя от еды. Я просто удивился при мысли о том, сколько людей сейчас держат в руках этот выпуск. Мы действительно живем во времена, когда жизнь меняется с невероятной скоростью, — с этими словами отец отхлебнул чаю из изящной фарфоровой чашки и вновь спрятался за газетой.

Улыбнувшись, Никколо кивнул, хотя и не понимал чувств своего отца, и сейчас они мало его интересовали. Газеты были преходящими, чтиво на один день, в то время как печатное слово способно было на большее. Из публицистики Никколо читал только журналы, и то только тогда, когда мог их достать. Кроме новостей и статей, в этих журналах печатали рассказы, от которых у юноши кровь стыла в жилах. Журналы были ничуть не хуже книг, но в этом отношении граф был весьма прозаичен. Его интересовали лишь те книги, где громоздились столбики цифр, отражавших успехи его предприятий.

Никколо с удовольствием воспользовался этим коротким разговором, чтобы нарушить царившее во время завтрака молчание.

— Надо торопиться. Еще предстоит столько приготовлений, — юноша наслаждался изумлением во взгляде сестры.

— Каких еще приготовлений?

— Ах, ты еще не слышала? Я отправляюсь в гран-тур.

Сестра отреагировала не совсем так, как он ожидал. Марцелла поперхнулась какао и чуть было не пролила его на стол. К счастью, она успела вовремя поднести салфетку к губам. Прикрывая рот, девочка захихикала, в то время как отец, не опуская газету, недовольно хмыкнул.

Марцелла извинилась, но нахальная ухмылка с ее лица так и не исчезла.

— Да кем ты себя возомнил? — Она наклонилась вперед. — Английским лордом Никколо Отважным?

— Я оправляюсь в образовательное путешествие, — возмущенно возразил Никколо и промокнул салфеткой уголки рта. — В Англию. И Францию. Может быть, даже на Восток.

Помолчав, Марцелла прищурилась.

— Разыграть меня хочешь? Папа, он говорит правду?

Опустив газету, граф посмотрел на дочь.

— Какую правду, дитя мое?

— Никколо действительно отправляется в путешествие? Гран-тур?

Граф недовольно перевел взгляд с Марцеллы на сына.

— Действительно, ему предстоит образовательное путешествие. Для юноши его положения это более чем уместно.

Триумфально вздернув подбородок, Никколо наслаждался возмущенным взглядом сестры. Он чувствовал ее зависть. Марцелла была лишь ребенком, маленькой девочкой, которая останется дома, в то время как он сам будет распоряжаться с моей судьбой. «Но по крайней мере она останется в обществе Валентины». Неожиданная мысль испортила ему настроение. Марцелла молча поджала губы.

— И это притом, что ты утверждаешь, будто война с Наполеоном вынесла на поверхность омерзительнейших представителей общества и в наши дни даже в собственном доме нельзя чувствовать себя в безопасности? — В дверном проеме показалась мать Никколо.

Она казалась очень худой и бледной в своем утреннем наряде. Тщательно зачесанные назад волосы придавали ее лицу строгость. Как и всегда, графиня позавтракала в своей спальне и спустилась к семье лишь для того, чтобы пожелать всем доброго утра.

— Сейчас времена вновь стали спокойнее, любовь моя, а юноша не может познать мир, выглядывая из окна своего дома. А теперь, будьте добры, позвольте мне дочитать мою газету, — отрезал ее супруг.

— А вот в Шварцвальде бандиты и безумные монахи, — сквозь зубы прошипела Марцелла.

— А еще бонапартисты, которые только и ждут, чтобы поймать отпрыска уважаемой тосканской семьи и потребовать за него выкуп, — поддержала ее мать.

— О Господи! — Граф уже в третий раз опустил газету, и сейчас в его голосе звучало настоящее раздражение. — Никколо отправится в это путешествие. Все решено. Потом он поступит на службу в войско. Я не хочу, чтобы вы вмешивались в это и не намерен обсуждать с вами этот вопрос.

— Это несправедливо! — Бросив салфетку на стол, Марцелла вскочила и с развевающимися волосами выбежала из столовой.

Граф недовольно посмотрел ей вслед.

— Она сыта, — попытался успокоить его Никколо.

— И я тоже, — с сарказмом фыркнула мать и, повернувшись на каблуках, покинула комнату.

— Женщины, Никколо. — Граф посмотрел на сына, ища его поддержки. — Такие нежные создания. Их жизнь предопределяется их чувствами. Когда закончишь военную службу и получишь звание офицера, найди себе жену, которая будет набожной, скромной, а прежде всего, молчаливой. Вот тебе мой совет. Так ты избежишь от множества неприятностей. — С этими словами он вновь поднял газету, и по выражению его лица было понятно, что он не потерпит больше никаких разговоров.

— Спасибо, отец, — пробормотал Никколо, скорее потому, что это показалось ему уместным, ведь он вовсе не собирался воспользоваться советом своего отца.

Да кто захочет жениться на немой монашке? Уж точно не отец, и мать Никколо была тому доказательством.

Выйдя на прохладную террасу, юноша подумал о словах своей сестры и матери.

Конечно же, графиня предпочла бы, чтобы он остался рядом с ней, а Марцелла хотела его напугать, пересказав пару страшилок, которые Никколо же ей и рассказывал. Но при этом их слова оказали свое влияние.

Мирные земли, по которым он путешествовал в своих мечтах, земли с великолепным прошлым и впечатляющим будущим, сменились в его представлении какими-то темными пространствами, где собирались отбросы общества, чтобы отомстить тем, кто не был похож на них самих. Образы, напоминавшие героев античности, сменились горбатыми уродливыми созданиями, чьи зловещие умы были способны лишь на подлость и ненависть. Никколо вспомнились все истории о заживо погребенных и описания ампутаций, которые он читал в своих журналах. Юноша, сглотнув, обвинил сам себя в глупости, но пугающие мысли никуда не исчезли.

Эта ночь станет выдающейся и повлечет за собой ряд последствий. Весь этот грохот не мог остаться незамеченным, хотя в отдаленной оливковой роще они не могли рассчитывать на многих зрителей. И все же потребуются деньги и увещевания, а также угрозы, чтобы истории, которые будут рассказывать об этой прохладной ночи, не стали чем-то большим, чем просто легенды.

Жиана отбросила эти мысли. Пускай крестьяне в этой Богом забытой местности помнят о власти Святого Престола и боятся его, как и надлежит добрым христианам. Его Высокопреосвященство кардинал делла Дженга² не раз рассказывал ей, насколько важна их миссия, а страхи местного населения были невысокой платой за успех.

Вой вернул ее в реальность. Будущему придется подождать. Сперва нужно позаботиться о том, чтобы для нее и ее людей это будущее вообще настало. Ее кожаные перчатки заскрипели, когда девушка вытащила пистоль из кобуры на поясе и аккуратно зарядила его, губы невольно зашептали слова молитвы Розария: «*Qui pro nobis spinis coronatus est*»³. Вокруг слышались и другие молитвы — ее подчиненные просили Создателя придать им силы, защитить во время боя, смилостивиться над ними и их собратьями. Жиана видела, как брат Фернандо украдкой смотрит на нее. Видимо, он просил Святую Деву Марию не только о помощи в бою, но и о силах, чтобы противостоять искушению Жианы. Девушка едва сдержала улыбку. Юный брат впервые вышел вместе с ней на охоту, и его реакции были ей вполне знакомы. Ничего, он привыкнет. По крайней мере, если проживет достаточно долго, служа кардиналу.

Из оливковой рощи вышло то, за чем они охотились — неестественное, гигантское создание, лишенное божественной милости, насмешка и угроза самому творению. Ее собратья гнали создание вперед, время от времени звучали выстрелы, но в слабом лунном свете среди темных деревьев почти ничего нельзя было разглядеть. Жиана пыталась рассмотреть врага, продолжая молиться. «*Qui pro nobis crucem baiulavit*»⁴. Ей даже показалось, что враг заметил засаду, несмотря на удачную позицию — их укрытие находилось под низким уступом. Это создание было не только опасным, но и хитрым. Не раз таким чудовищам удавалось скрыться, выпутаться из сплетенной церковью сети.

Но допустить этого нельзя. В тени двух оливковых деревьев показалось сгорбленное существо. Его можно было бы принять за человека, но слишком уж крупным оно было. Слишком большим для потомка Адама. Чудовище бежало то на четырех, то на двух лапах, его темный мех сливался с тенью, и только яркий блеск глаз во мраке выдавал его.

Жиана улыбнулась.

Рядом с ней вскочил брат Фернандо, подняв мушкет наизготовку.

— Нет! — рывкнула она, пытаясь опустить его руку, но было уже слишком поздно.

Прогремел выстрел. Это была глупость, но она уже случилась. Не трата времени, девушка выскочила из укрытия и приготовилась стрелять.

— Огонь!

В темноте было не разобрать, попал ли в чудовище брат Фернандо, но монстр знал о них, а расстояние по-прежнему оставалось слишком большим. Жиана почти не сомневалась, что сумела его подстрелить — зверь взвизгнул от боли, да и другие братья открыли огонь, но этого было недостаточно. Чудовище держалось на ногах. Более того, оно неслось в атаку.

— Перезарядить мушкеты!

Не все здесь верили столь истово, как она. Двое братьев побросали оружие, один

² Кардинал делла Дженга — викарий Рима, впоследствии Папа Римский.

³ «Который за нас был увенчан тернием» (лат.) — слова католической молитвы Розария, читаемой по четкам.

⁴ «Который за нас нес крест» (лат.).

кинулся наутек, а второй опустился на колени и начал молиться, закрыв глаза. По крайней мере, так казалось. Чудовище приземлилось рядом с ним, перепрыгнув через уступ.

Сейчас, когда монстр стоял рядом с людьми, можно было оценить его истинные размеры. Он превосходил ростом Жиану в два раза. Его густой всклокоченный мех пах кровью, а белые смертоносные клыки блестели в лунном свете. Огромная лапища сбила брата Йозефа с ног. Баварец не стал кричать, он лишь молча повалился на землю, а его внутренности отлетели в другую сторону. Чудовище насмешливо заревело, и это пробудило в Жиане ярость. Нельзя позволять врагам святой церкви торжествовать победу. Не прерывая молитву, девушка зарядила в пистоль серебряную пулю. «*Qui pro nobis crucifixus est*»⁵. Подняв оружие, она прицелилась и выстрелила.

Победный рев превратился в вой боли, но чудовище по-прежнему держалось на ногах. Оно посмотрело на Жиану, и она отметила в его дьявольских глазах проблески узнавания. В их рядах было не так много женщин. Монстр походя разорвал брату Бернардину глотку, так что голова откинулась на спину, и обезглавленное тело осело на землю. Оттолкнув бедолагу, чудовище приблизилось к Жиане, перезаряжавшей пистоль. Кто-то из братьев выстрелил, но создание не обращало на него внимания. Сейчас его интересовала только девушка. Жиана понимала, что она не успеет зарядить пистоль к тому моменту, как монстр окажется рядом, и потому сунула руку в карман за небольшим мешочком. Она почему-то верила, что не окажется к этим созданиям настолько близко, что придется прибегать к этому средству, и сейчас могла только надеяться на то, что на этот вид чудовищ средство подействует.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь, — прошептала она, когда монстр изогнулся к прыжку. Сорвав повязку с мешочка, она рассеяла его содержимое в воздухе и отпрыгнула в сторону. Что-то ударило ее в плечо, и Жиана повалилась на уступ, больно ударившись затылком о камень. Мир вокруг закружился.

Девушка чуть не потеряла сознание, но преисполненный боли крик врага вернул ее к реальности. Она хваталась за этот крик, стараясь сосредоточиться. Кто-то подхватил ее за плечи и поднял на ноги. Тошнота отступила, и Жиана услышала, что вой перешел в стон.

Там, где только что возвышался гигантский, покрытый шерстью монстр, лежал дрожащий голый человек. По его загорелой коже струилась кровь. Мужчина не казался старым, ему было всего лишь лет тридцать — ненамного старше, чем она, но, учитывая противоестественность такого существования, кто сможет сказать, насколько он на самом деле стар? Дьявол-искуситель может дарить своим последователям необычно долгую жизнь.

Серебряные пули, смоченные святой водой и благословленные Его Высокопреосвященством, не позволяли ранам чудовища закрыться, как произошло бы с обычными повреждениями.

Коснувшись лба, Жиана посмотрела на свои пальцы. На перчатках виднелись темные пятна. Не только чудовище истекало кровью.

— Связать его! — рявкнула она, а затем оглянулась на павших братьев, но им уже ничем нельзя было помочь.

Эти создания убивали, как только представлялась такая возможность, и Жиана была готова отплатить им той же монетой.

Братья набросили на обнаженного мужчину путы, похожие на светлые канаты, но Жиана знала, что это тросы, покрытые слоем серебра. В траве у стены девушка нашла свой пистоль и присела рядом с пленным. Из рта и носа мужчины текла кровь. Он ухмылялся, и видны были его красные ровные зубы — не осталось и следа клыков. Но жажда убийства по-прежнему сверкала в его глазах.

— Я убил четверых ваших, — с трудом выдавил он.

Жиана с интересом наблюдала за тем, какое действие оказывает на него серебряная пыль. Результат превзошел все ее ожидания.

⁵ «Который за нас был распят» (лат.).

— Пиррова победа. Вполне уместно на этой территории, — равнодушно ответила она. — Их души направились к Господу Богу, и им суждено вечное блаженство, ты же проведешь остаток вечности в аду.

— Вы попались на нашу удочку. Я был лишь отвлекающим маневром. Все остальные теперь в безопасности.

— Ах, ты имеешь в виду свою самку и волчат?

От этих слов улыбка сползла с его лица.

— Вчера у Асколи-Сатриано мы предали их тела огню. Ты был последним. Теперь Беневенто свободен от тебе подобных.

Его лицо исказила гримаса страдания, и слезы смешались с кровью. Вообще-то Жиана должна была радоваться, но сейчас ей хотелось ругнуться. Последние годы не пошли на пользу святой матери-церкви. Она помнила те безбожные времена, когда французские псы попирали ногами все, что было для нее важно. Тогда святая церковь была отброшена на годы, если не десятилетия назад. Но Наполеон добился и положительных изменений. Те, кто раньше прятался, теперь выползли из своих укрытий, думая, что эра отречения от Бога будет долгой. Кое-кто даже полагал, что церковь окончательно уничтожена. Но враги Святого Престола рано радовались и теперь должны были поплатиться за свою гордыню. Жиана зарядила пистоль.

— *Anáthema estô* ⁶.

— Ты не орудие Бога, — прошипел мужчина, глядя на нее с ненавистью.

— Пути Господни неисповедимы, — невозмутимо ответила она и выстрелила ему в лицо.

Его тело изогнулось, в него впились тросы, но теперь здесь было достаточно серебра. Чудовище умерло. Бросив пистоль ему на грудь, Жиана приказала:

— Сожгите его.

Братья начали готовить сожжение. У Жианы же были другие дела, о которых нужно было позаботиться.

— Брат Фернандо?

— *Si* ?⁷

— Твое поведение недопустимо. Это стоило жизни двум нашим братьям и подвергло всех нас опасности. Я хочу, чтобы ты вернулся в Рим. Моли Господа о прощении, моего же прощения тебе не будет. В наших рядах тебе нет места.

— Да, сестра.

Наверное, испанцу было обидно принять такое унижение от женщины, но результат его несдержанности был у всех на глазах. Судя по опыту Жианы, испанцы часто слишком торопились. Конечно, они все должны были быть усердны, чтобы выполнить Божью миссию, но ошибки были смертельны. И вновь им пришлось заплатить слишком высокую цену за приведение в исполнение приговора, вынесенного кардиналом.

Тем временем к ним подошли другие братья, которые гнали чудовище из укрытия в ловушку.

— Пошлите архиепископу Беневенто сообщение о том, что Божья воля исполнена. Направьте десять братьев в окрестности, чтобы выяснить, не было ли здесь неожиданных соглядатаев.

Жиана не знала, как следует поступать в этом случае. Обещание вечного прощения грехов вместе с материальными наградами приносили наилучшие результаты. Вот уж действительно, эта местность была наказана Богом. Церковь много столетий вела здесь борьбу с еретиками, умевшими принимать облик животных. Говорят, когда-то здесь

⁶ Дословно: будь передан Богу (*др. греч.*) — традиционные слова отлучения от церкви.

⁷ Да (*исп.*).

создавали свои государства мавры и сарацины. Народ был суеверен и потому легко сбивался с истинного пути. И это в ста пятидесяти милях от Рима! Тут прорастали семена Тьмы, и воины нового времени, отрекшиеся от Бога, своей ложью и ересью готовили для этого почву.

— Сестра! Сестра!

Жиана удивленно оглянулась. К ней бежал брат Иордан, который должен был с парой послушников следить за каретой и лошадьми на дороге с другой стороны холма. Его ряса так и развевалась. Подобное поведение очень не вязалось с его обычным спокойствием. Жиана испугалась, что она что-то проглядела и здесь были другие проклятые создания, но брат казался не обеспокоенным, а скорее возбужденным.

— Я получил новости из Рима, сестра! Наши братья с той стороны Альп напали на след чудовища, которого разыскивает Его Высокопреосвященство.

Его эмоции передались и Жиане. Она почувствовала, как в ней поднялась волна страсти, которую она всегда испытывала во время охоты.

— Они обнаружили его укрытие? Они уверены?

— Да, сестра.

— Торопитесь. Скоро будем выезжать, — громко крикнула она и схватила Иордана за руку. — Ну наконец-то!

3

Арецо, 1816 год

Никколо набрался мужества. Он долго раздумывал, не купить ли ему цветы для Валентины, или, может, написать стихотворение... Но потом решил, что этого делать не стоит. Если она ответит отказом на его признание, он будет торчать посреди ее комнаты с цветами, как идиот. К тому же сейчас он не чувствовал себя в состоянии излить свою душу в стихотворной форме. Он хотел бы прославить Валентину эпической сагой, которая по красоте превзошла бы «Вертера». Но Никколо сомневался в своем таланте и не хотел неудачным рифмоплетством испортить единственную возможность признаться Валентине в любви.

Что ж, время пришло. Через несколько дней начнется его путешествие, поэтому сегодня он должен предстать перед Валентиной как мужчина. И если все пройдет удачно, то Никколо надеялся получить от девушки локон, конечно, в обмен на свой собственный. Да, локон. Это намного лучше цветка или стиха.

Еще раз откашлявшись, юноша поднял руку, собираясь постучать в дверь сестры, где в это время дня обычно находилась Валентина. Из комнаты донеслось хихиканье и шуршание юбок. Не успел он коснуться двери, как она открылась, и перед ним возникла Валентина...

Ей было шестнадцать лет — чуть меньше, чем ему, и ростом она доходила ему до подбородка. «Прекрасные классические черты лица», — сказала его мать после приезда девушки, в особенности графиня расхваливала ее профиль. Сегодня на Валентине было темно-синее платье, удачно подчеркивавшее тонкую талию. Белокурые локоны она завязала на затылке в хвост лентой такого же цвета. Глаза девушки блестели.

— Никколо! — радостно воскликнула Валентина. — А я как раз собиралась тебя искать.

— Как удачно, — робко ответил юноша. — А я шел к тебе.

Уже не впервые в ее присутствии он почувствовал себя полным дураком.

— Вот как? — Взяв его под руку, девушка махнула Марцелле и закрыла за собой дверь. — Я так взволнована. Просто поверить не могу.

Такой фразы Никколо ожидал только после своего признания, поэтому слова Валентины совершенно сбили его с толку. Вместо того чтобы опуститься перед ней на колени, как он намеревался, Никколо повел девушку по лестнице вниз в прихожую.

— Что же так взволновало тебя? — спросил он.

— Марцелла только что мне обо всем рассказала. Твой отец считает, что я должна воспользоваться этой возможностью и поехать домой к родителям.

Никколо не сразу понял значение ее слов.

— Ты едешь домой?

— Да, уже через пару дней! Только представь себе! Я буду сопровождать тебя в первой части твоего гран-тура. Мы поедем вместе, разве это не замечательно?

Юноша чувствовал себя, словно пьяный. «Да, это замечательно». Перед поездкой ему не придется прощаться с возлюбленной. Она останется рядом с ним, по крайней мере, до тех пор, пока они не приедут в Швейцарию. Никколо молча вознес благодарственную молитву небесам за то, что теперь Валентина не только будет сопровождать его в дороге, но ему не придется признаваться ей в любви, по крайней мере, сейчас.

Никколо ожидал слез, но мать проявила выдержку, как и надлежало наследнице семьи римских патрициев, ведь ее предков можно было проследить до времен самого цезаря. Графиня напоминала античную статую с тонким прямым носом и выразительными глазами. И такая же холодная, как мрамор. Отец же, напротив, несмотря на все предположения Никколо, явно пытался сдерживать свои чувства.

— Заставь меня гордиться тобой, сынок, — вот уже в который раз произнес граф.

Такое ласковое обращение приятно удивило Никколо, хотя и вызвано оно было лишь необычностью происходящего.

Весеннее утро было прохладным, серое небо и густой туман портили красоту Тосканы.

— Помни обо всем, чему ты научился, — добавила мать, наклоняясь к нему. Ее и без того бледная кожа в предрассветных сумерках казалась еще блее. — И пиши нам почаще.

Но тут она уже не смогла сдерживаться. Напускная холодность была отброшена, нижняя губа задрожала. До этого момента Никколо держался молодцом, но сейчас, глядя на мать, и он почувствовал, как у него сжалось горло, и потому лишь кивнул, когда мать поцеловала его в щеку.

Марцелла стояла в дверях поместья и на фоне дверного проема казалась еще меньше. Девочка надела свое любимое платье ярко-желтого цвета со светлыми узорами. Она крепко прижимала к себе куклу Миму. Марцелла еще не простила его за то, что он уезжал из Ареццо без нее.

— Мы отправляемся, — Никколо подошел к ней, поднявшись по ступенькам к двери. — Хочу попрощаться с тобой.

Юношу и самого передернуло от холодности своих слов, но другие не пришли на ум. Ему хотелось обнять сестру, но она была настолько напряжена, что он не решился на это.

— Вы с Валентиной плохие! Вы бросаете меня здесь одну! — выдохнула она. — Ты будешь обо мне думать? — Она так и не посмотрела ему в глаза.

— Конечно буду, глупышка. И я буду писать тебе много- много писем. Уверен, что Валентина тоже тебе напишет. Кто знает, может быть, вы как-нибудь съездите проведать ее в Швейцарию.

Когда она бросилась ему на шею, юноша все-таки расплакался. Опустившись рядом с сестрой на корточки, он крепко ее обнял.

— Не забывай меня.

Никколо был ошарашен глубиной ее слов. Объятия затянулись, но в конце концов брат все же отстранился. Девочка тоже плакала и сердито утирала слезы рукавом платья — за это ей еще достанется от мамы.

Прежде чем вновь повернуться к родителям, Никколо промокнул щеки носовым платком, несколько раз вздохнул и взял себя в руки.

Четыре лошади перед каретой уже нетерпеливо били копытами. Карета напоминала

немецкие «берлины»⁸. Она уже давно принадлежала семье, но всего лишь пару лет назад ее полностью отремонтировали. Колеса — высотой с человека. И внутри Никколо с Валентиной могли свободно разместиться. Его слуга и две камеристки Валентины устроились на крыше. Туда же уложили и всю кладь. Сперва Никколо казалось, что ему мало что потребуется в дороге, но потом он понял, что это не так. Кроме своего сундука, он увидел два больших чемодана и две сумки с одеждой, которая, по мнению родителей, могла пригодиться ему в дороге.

Последний раз оглянувшись на мать и отца, юноша поднялся по ступенькам и занял свое место в карете. Валентина улыбнулась ему. Очевидно, она не могла дожидаться того момента, когда они покинут Ареццо и начнется их путешествие. Ее восторг и нетерпение передались и Никколо. Глубоко вздохнув, он улыбнулся в ответ и, взмахнув рукой, хлопнул ладонью по потолку кареты.

— Поехали.

Тяжелая повозка величественно двинулась вперед, покачиваясь на булыжниках. Родовое поместье Вивиани осталось позади.

4

Женева, 1816 год

Ему снилась охота. Белые, бесконечные поля, холодный снег в лунном свете, ощущение бега. Легкие горят, существует только тело. Чистая радость ничем не стесненных движений. Бесконечные силы, ведущие вперед и вперед. Эти силы не оставляют его, он не может устать, он схватит добычу и разорвет ее в клочья. Какой сладкий сон о безудержной дикости и чистой страсти охоты.

Реальность была менее приятна. Земля под ним была твердой, но почему-то чувствовались и вкрапления чего-то мягкого. Было холодно, и его зазнобило, руки и ноги дрожали от усталости. Мир казался черно-белым, какие-то смутные тени, не желавшие складываться в единую картину. Голова сильно болела, и эта острая боль удушала все мысли. Казалось, что виски вот-вот взорвутся. К горлу подступила тошнота. Он не смог удержаться, его вырвало. Из рта хлынула теплая кровь, потекла по подбородку, залила обнаженную грудь.

— Сэр?

Ничего не понимая, он повернул голову на голос. Какая-то его часть хотела убежать отсюда, скрыться, но он не мог даже пошевелиться.

— О Боже... Сюда! — В голосе слышалось волнение. — Сюда!

Он почувствовал прикосновение чего-то к своей коже. Какая-то ткань, колючая, но теплая. Зрение постепенно возвращалось, расплывчатые тени начали складываться в образы. Впереди на фоне какого-то светлого прямоугольника возникло чье-то лицо.

— Бергер? — прохрипел он. На языке чувствовался вкус крови. Его опять вырвало.

Сзади кто-то закричал. Громко, но неразборчиво. Еще чьи-то голоса. Что-то говорят и говорят... Сейчас он не мог воспринимать все это, попытался хотя бы сосредоточиться на том, где находится. Какое-то темное место, затхлое и зловонное. Повсюду белые пятна, в воздухе пыль. Что же это? Его укрыли каким-то темным плащом, но руки и ноги по-прежнему мерзли.

— Где я, Бергер?

— В курятнике, сэр, — голос слуги звучал испуганно и беспомощно.

Он не удержался и затрясся от смеха. От этого все тело пронзила боль, но он ничего не

⁸ «Берлины» (от итал. *berlina* — карета) — крытые кареты, популярные в XVIII веке.

мог с собой поделаться.

— А я уже подумал о Платоне и его пещере, — сквозь смех выдавил он, но слуга лишь уставился на него, ничего не понимая.

На лбу Бергера появилась еще одна морщинка, хотя и без того его лицо напоминало печеное яблоко. Вид у швейцарца был ошарашенный. Казалось, будто жизнь постоянно доставляет ему одни неприятности. Что ж, по крайней мере, в данный момент такое настроение было вполне оправданным.

— Вы ранены? Вы можете встать, сэр? Вам нужно как можно скорее покинуть это место. Вы можете... заболеть.

Бергер подхватил его под мышки и попытался поднять. Перед глазами все поплыло, в ушах зашумело, словно он стоял на берегу Стикса. Пришлось пару раз осторожно вздохнуть и подождать, пока сердце успокоится и обморок отступит.

— Слабый, как щенок, — пробормотал он, когда Бергер поднял его на ноги.

Он упал бы, если бы слуга не поддерживал его.

Будто только очнувшись ото сна, он оглянулся. Они действительно находились в курятнике. В низкую дверь лился солнечный свет, пол был покрыт птичьим дерьмом. Обитатели курятника — а их было довольно много — были мертвы и разбросаны по полу. Повсюду была кровь, и в воздухе висели маленькие перышки, взвившиеся от движений Бергера. Всем птицам свернули шею и нанесли тяжелые раны. От некоторых кур не осталось ничего, кроме голов. К горлу вновь подступила тошнота, но он сумел ее подавить.

Подняв руки, он посмотрел на ладони. На пальцах запеклась кровь, и темно-красные следы тянулись от запястий к локтю. Он был весь в перьях. От его движений засохшая кровь покрылась трещинами.

Он бездумно провел кончиками пальцев по подбородку и удивленно уставился на красные капли, соблазнительно поблескивавшие в слабом свете. Эти капли хотелось слизнуть, по, чувствуя кисловатый металлический привкус во рту, он удержался.

— Сэр? Сэр?

Бергер продолжал что-то говорить.

— Да, идем уже, — неуверенно протянул он и хотел было сделать шаг, но нога подогнулась.

Без помощи Бергера он не смог бы устоять. Слуга подвел его к выходу. День был серым и туманным, но, несмотря на густые облака, даже такой слабый свет резал глаза.

— Джордж! О Господи, дружище! Ты как вообще? Ну, я имею в виду... Ну и ну! — Снаружи их ожидал худощавый юноша с густыми черными волосами, локонами ниспадавшими на лоб. Кустистые брови подчеркивали темные глаза, придавая некую загадочность лицу. Правда, юношу немного портил мягкий подбородок.

— Не волнуйся, Поли, со мной все в порядке.

— Мне не нравится твой голос, — возразил юноша уже намного сдержаннее. Они направились к огромной темно-зеленой карете, стоявшей перед грязным хутором, к которому прилепился курятник. — Нужно срочно отвезти тебя домой. Я тебя осмотрю. Ну и вид у тебя!

Какой-то мужчина, размахивая руками, попытался приблизиться к ним, но путь ему преградили двое громил, поэтому излить свой гнев незнакомцу не удалось.

— Возмести этому человеку нанесенный ущерб, Бергер. Будь щедр. Нужно, чтобы он запомнил о нас только хорошее.

Мысль о том, какими их на самом деле запомнит крестьянин, вызвала у него улыбку. Голый мужчина, закутавшийся в слишком маленький для него плащ, с лицом, измазанным кровью и перьями, с руками, как у безумного берсерка, да еще двое обеспокоенных сопровождающих. Огромная карета. Выражение лица одного из господ — он мог бы соперничать с печалью Богородицы. Да уж, скорее ситуация представлялась комичной.

— Конечно, сэр, — ответил слуга, впрочем, не отступая от него ни на шаг.

Они двинулись по грязному дворику, и каждый шаг забирал столько сил, будто

старость уже пришла. Сложно было даже представить, сколько времени им потребовалось на то, чтобы преодолеть эти тридцать метров. Но в конце концов он очутился в полумраке кареты, закутанный в пальто слуги, и укрылся грубой попоной, в то время как его врач и остальные пытались подкупить разгневанного крестьянина, а самое главное, заплатить ему за молчание.

Он почти уснул, но, когда карета тронулась с места, очнулся. Глаза открывать было трудно, и поэтому он просто прислушался к шепоту.

— На этот раз все хуже, чем в Карлсруэ и Брюгге. Придется ему раскошелиться.

Шепот продолжался, но он больше не мог слушать. Сны вернулись, и, хотя все тело болело, он не мог отказаться от своих сладких сновидений. Потребуется несколько дней, чтобы прийти в себя, но это того стоило.

Карета переваливалась по проселочным дорогам, мягко баюкая больного, который вновь видел заснеженные поля и мчался за добычей.

5

Неподалеку от Шамони-Монблана, 1816 год

Несмотря на холодный ветер, Никколо не шевелился. Сейчас он не думал ни о дороге, ни о карете, ни о спутниках. Значение имела только гора. Ее величественная белая вершина, видимая издалека, окрасилась розовым. Сквозь узкую щель в облаках прорезались последние солнечные лучи. Над черно-белым миром возвышался Монблан, словно окруженный волшебным светом правитель возвышался над своими подданными. Зрелище было восхитительным, и при виде такой красоты юный итальянец не решался даже вздохнуть. Как жаль, что он не великий художник, ведь умей он рисовать, то запечатлел бы этот дивный миг на полотне во всем его величии.

Никколо видел Альпы не в первый раз, но еще никогда это зрелище не поражало его настолько глубоко.

— Удивительно, — ахнула Валентина.

Юноша осторожно взял ее за руку, чувствуя холод ее пальцев. Она ответила на его прикосновение, и это наконец-то отвлекло Никколо от горы.

— Да, всю дорогу мы видели Монблан серой, окруженной облаками горой, а теперь он вдруг появился перед нами во всей красе. Наверное, нам повезло, что мы оказались в этом месте именно сегодня.

Они постояли молча еще пару минут, однако в эти мгновения Никколо мог думать только об узких пальцах девушки в своей ладони, и гора, погружающаяся в темноту, утратила свое очарование. Никколо мог быть вполне доволен — совместная поездка сблизил их с Валентиной еще больше, и постепенно его надежды на то, что девушка ответит на его чувства, крепpli.

На локон на его виске упала капля дождя и, блеснув яркой жемчужиной, скатилась по щеке. Разрыв в облаках закрылся, Монблан померк, слившись с землей и небом.

— Нам нужно ехать дальше, если вы не возражаете, — крикнул Карло.

Кучер явно старался оставаться вежливым, но в его голосе звучало раздражение. Отец направил апулейца вместе с Никколо в эту поездку не столько за умение рассыпаться в любезностях, сколько за знание дорог и долгие годы службы на благо семьи. Говаривали, что Карло раньше был солдатом, а учитывая шрамы на его руках и грубые словечки, которые он позволял себе при общении с ровней, Никколо был склонен верить этим слухам.

— Хорошо, — согласился юноша, галантно указывая на карету. — Пройдем?

Валентина, улыбнувшись, кивнула, и Никколо подвел ее к дверце, аккуратно обходя большие лужи — напоминание о дожде. Ненастье стояло уже несколько дней, и поэтому они двигались медленнее, чем рассчитывали. От Шамони-Монблана их отделяло несколько миль,

но Никколо был уверен, что к вечеру они уже будут в городе.

Впрочем, усевшись в карету, Никколо с неудовольствием отметил, что уже почти стемнело — они слишком долго любовались горой. Карло зажег лампы, остальные путешественники уселись на крыше. Никколо подал сигнал, и Карло, щелкнув языком, тронул лошадей.

— Мы приедем поздно, — заметила Валентина, поправляя юбку.

Ткань зашуршала под ее пальцами, которыми она недавно прикасалась к ладони юноши. Девушка осторожно отложила в сторону книгу в кожаном переплете, томик «Илиады», которую она читала в дороге.

— До тех пор, пока Карло сможет ориентироваться на дорогах, это не вызовет никаких проблем. Я послал вперед гонца, так что в Шамони нас уже ждет теплый дом с чистыми комнатами.

Снаружи донесся какой-то вой, напоминающий волчий, но Никколо убедил себя в том, что это всего лишь ветер.

— А ведь здесь наверняка водятся волки, — прошептала Валентина, и вся уверенность Никколо исчезла, как не бывало.

На мгновение ему вновь вспомнились страшные истории, которыми он развлекал Марцеллу, приводя девочку в восторг. Это были рассказы о чудовищах с горящими глазами, гнавшихся за одинокими путниками и разрывавших их на части. «За одинокими путниками, а не за целой каретой с полудюжиной людей».

— Наверняка здешние пастухи на них охотятся, — отмахнулся Никколо, пытаясь успокоить свою спутницу. — И не забывай, моя мама родом из Рима, так что кровь волчицы Лупы⁹ практически течет в моих жилах. Поэтому волки мне не помеха, даже если они заберутся в эту карету.

— Ты хочешь сказать, что похож на волка? — Улыбнувшись, Валентина протянула руку и на мгновение коснулась его губ кончиками пальцев. — Могу себе представить, как ты скалишь клыки, приводя невинные жертвы в ужас и замешательство, — кокетливо рассмеялась она.

— Ни в коем случае, — от ее прикосновения юношу бросало то в жар, то в холод. — Я хотел лишь сказать, что смогу справиться с любым волком. — Никколо провел ладонью по кожаной обшивке лавки.

— *Homo homini lupus est*¹⁰, — процитировала Валентина, и Никколо не смог как-либо истолковать брошенный ею взгляд.

Дорога оказалась на удивление хорошей, хотя временами под колеса попадали камни, и тогда карету пошатывало. Слева и справа темной стеной тянулся лес, изредка перемежавшийся полями и лугами. Ночь освещал лишь свет ламп: с заходом солнца облака вновь сгустились. Вскоре заморосило. Небольшой фонарь, прикрепленный к крыше кареты, замигал, и Никколо испугался, как бы от постоянного пошатывания не расплескалось масло. Ехать в темноте будет очень неприятно.

Внезапно Карло резко остановил карету, прикрикнув на лошадей, и изо всех сил натянул поводья. Валентина слетела с лавки и упала Никколо на руки. Его пальцы коснулись теплой ткани ее накидки, и, когда девушка, прижавшись к нему, выпрямилась, Никколо почувствовал ее дыхание на своем горле. От этого простого прикосновения волосы на его шее встали дыбом, а по спине побежали мурашки.

— Извини, — выдавил он, неохотно убирая руку, но девушка лишь отмахнулась.

— Это ты меня извини, как неловко с моей стороны. Что произошло?

— Сейчас выясню, — Никколо надеялся, что особых проблем не возникнет.

⁹ Волчица, по легенде, вскормившая Ромула и Рема.

¹⁰ Человек человеку волк (лат.).

Если они сломали ось или соскочило колесо, то им придется остаться на ночь в горах, а такая перспектива явно никого не обрадует. Никколо опять вспомнились завывания ветра. «Или это действительно были волки?»

— Карло? Карло, что, во имя всех святых, тут происходит?

Отодвинув занавеску, юноша открыл окно и высунулся наружу. Шел мелкий дождь, и в темноте почти ничего нельзя было разглядеть.

— На дороге кто-то лежит, — ответил кучер. — Возможно, вам вместе с дамой лучше будет остаться в карете, а я пойду и все проверю.

— Что значит «на дороге кто-то лежит»? Там какой-то человек? Он ранен?

Никколо высунулся еще дальше, но кроме лошадей и части дороги так ничего и не разглядел. Кони беспокойно переступали с ноги на ногу и стригли ушами. От дождя волосы Никколо мгновенно вымокли, и он раздраженно отбросил локон со лба.

— Пожалуйста, спрячьтесь в карете, молодой господин.

Сперва Никколо последовал совету кучера, но затем опомнился и открыл дверь. Ободряюще посмотрев на Валентину, он махнул рукой.

— Наверное, там какой-то бедняга, которому мы сможем помочь, — объяснил он, выбираясь наружу. — Я об этом позабочусь.

Ее лицо побледнело, а глаза напоминали два темных озера, в которых Никколо хотелось утонуть.

— Будь осторожен.

Кивнув, он еще раз улыбнулся и, набросив на плечи плащ, побежал к передним колесам.

— Карло, я сам посмотрю.

— Мне это не кажется хорошей идеей, — возразил кучер. — Разве не лучше...

— Нет, все в порядке. — Никколо хотелось выглядеть перед Валентиной благородным.

Пройдя вперед, он похлопал лошадь по крупу, пытаясь что-то разобрать в слабом свете лампы. В длинной тени, отбрасываемой лошадьми, лежало что-то черное, несомненно, очертаниями напоминавшее человека. Не обнаружив никакого движения, Никколо двинулся вперед. «Наверное, это крестьянин, который споткнулся и упал из-за плохой погоды», — подумал он.

— Эй!

Но на его возглас никто не ответил. Никколо почувствовал какое-то движение сзади, но, оглянувшись, понял, что это всего лишь Карло, который решил слезть с козел и сейчас что-то искал в одном из тюков. Когда юноша обернулся, его глазам пришлось вновь привыкать к темноте, и на пару мгновений он вообще ослеп.

Но тут кучер отодвинулся в сторону, уже не закрывая свет лампы, и Никколо увидел упавшего человека. Решительно двинувшись вперед, он преодолел оставшиеся до незнакомца пять метров.

Юный граф как раз собрался присесть на корточки и осмотреть пострадавшего, когда на него прыгнули. От удара в подбородок юноша отшатнулся и почувствовал, что его схватили. Не успел он начать сопротивляться, как в горло уперлось холодное дуло пистоля.

— Не рыпайся, а то башку отстрелю, — рявкнул нападавший и развернул Никколо к карете.

Он говорил на просторечном диалекте, однако Никколо все равно мог его понимать.

— Все сидим спокойненько и не рыпаемся! — уже громче крикнул незнакомец.

— У нас есть деньги, — Никколо старался сохранять спокойствие. — Не стоит предпринимать никаких необдуманных действий.

— Ясен пень, у вас денег до хрена, парень. За этим-то мы и пришли.

Он продолжал толкать Никколо к карете. Вивиани держал руки поднятыми и старался не дать вымогателю повода для применения силы.

— Скажи им, пусть сядут.

Никколо выполнил это требование. Ему казалось, что язык говорит сам по себе, без его

соучастия. Его голос оставался настолько спокойным, будто юноша сейчас пил утренний кофе и обсуждал с друзьями все тонкости застольного этикета. Вот только сердце бешено билось в груди, а все тело, казалось, объят жар.

— Что происходит? — Из кареты высунулась Валентина.

Ее внезапное появление всех испугало. Пистоль у горла

Никколо дернулся, и он понял, что сейчас произойдет. Он буквально почувствовал, как дернулся палец грабителя и как спусковой крючок пришел в движение. Но для Никколо все это происходило невероятно медленно, и собственное тело почему-то не позволяло ему перемещаться с той скоростью, с которой он мог бы. Юноша резко бросился в сторону, ударив нападавшего по руке. Затем время опять ускорилося. Прозвучал выстрел, Никколо ощутил теплое дуновение ветра и, отпрыгнув в сторону, упал на мокрую дорогу.

Он мгновенно обернулся, испугавшись, что Валентина могла погибнуть, но та лишь с открытым ртом наблюдала за происходящим. Грабитель тоже явно опешил, но он был объят скорее яростью, чем страхом. Нападавший уже потянулся к кинжалу на поясе, когда прозвучал выстрел. Его отбросило назад, и грабитель оказался на земле. Карло с дымящимся пистолем в руках стоял на козлах.

— В карету! В карету! — крикнул слуга, лихорадочно махая рукой.

Никколо по-прежнему чувствовал себя слегка оглушенным, но страх за Валентину заставил его подняться и запрыгнуть в карету. Девушка сидела на лавке, и, судя по ее лицу, она до сих пор не поняла, что же происходит.

Повозка двинулась вперед, и Никколо услышал, как Карло ожесточенно орет на лошадей. Юноша подполз к двери кареты и выглянул наружу. Из леса выбежали еще какие-то люди. На них были широкополые шляпы, а за спиной развевались плащи. Это были разбойники.

— Карло! — громко крикнул он.

Карета по-прежнему двигалась слишком медленно, чтобы оторваться от преследователей.

Никколо заметил направленное на него дуло мушкета. Гибель казалась неизбежной, но боек ударил по кремню с металлическим щелчком — было слишком сыро.

Разбойник, подбежав, ухватился за дверцу кареты и попытался забраться внутрь. Он набросился на Никколо и больно ударил его кулаком в ключицу. От следующего удара юноша уклонился и, замахнувшись, пнул нападавшего в лицо. Послышался отвратительный хруст — видимо, Никколо сломал разбойнику нос. Но нападавший не сдавался. Кровь, стекавшая по губам, придавала его виду что-то демоническое. Никколо в отчаянии потянулся к сундуку под лавкой, лихорадочно пытаясь достать пистолет, но Валентина в этот момент ударила разбойника по лицу «Илиадой». Завопив от боли, раненый схватился за книгу, и Никколо, не медля ни минуты, пнул его в пах. Лицо несчастного исказилось от боли, а Валентина толкнула его книгой в грудь, и разбойник вывалился из кареты.

Лошади набирали скорость. В ночи звучали выстрелы. Что-то глухо ударило в заднюю стенку кареты, и Никколо поспешно закрыл дверь. Запыхавшийся, он сидел на полу, понимая, что они слишком быстро, с учетом плохой погоды и мокрых дорог, несутся в темноте. Лишь через несколько миль юноша понял, что им удалось оторваться от преследователей.

По-прежнему тяжело дыша, он заглянул Валентине в глаза. Девушка побледнела, заметив кровь разбойника на своей одежде, но, несмотря на испуг, улыбнулась Никколо.

— А ты действительно умеешь защищаться, — изумление в ее голосе бальзамом пролилось на душу юноши.

— Я? — с нарочитым удивлением возразил он. — Это же ты прогнала этого негодяя своим Гомером. Никогда не думал, что твое классическое образование может быть столь полезным. Капитолийская волчица гордилась бы тобой, — он замялся, но затем все-таки прибавил: — И я тоже горжусь.

Мюльхаус, 1816 год

— Ну что я тебе говорил, Луи? Это заведение лучшее во всем городе. Мадам Азема порядочная и скромная женщина, а девочки тут не только симпатичные, но и чистые.

Пьяный маркиз Франсуа де Пуйсежур с восторгом указал на ряд полуобнаженных женщин, принимавших соблазнительные позы на небольшом помосте перед потенциальными клиентами.

— Не то что все эти вшивые солдатские шлюхи, да? — громко расхохотался он.

Луи — так он сейчас себя называл — недовольно поморщился при этих словах. Конечно, он понимал, что здесь выставлялся товар на продажу, но ему было неприятно, что маркиз говорит подобным образом в присутствии этих девушек, будто речь шла о выборе аппетитных паштетов. С другой стороны, ничего иного он и не ожидал. С точки зрения Луи, в маркизе де Пуйсежуре совмещались худшие качества аристократии — хитрость, жадность и глупость, да к тому же еще и наглость.

Сделав шаг назад, он взял блондина под руку.

— Все это так, Франсуа, но нам не следует забывать о хороших манерах, не так ли?

Маркиз кивнул, хотя сейчас его скорее интересовали девичьи прелести, чем увещевания спутника.

— Ну что ж, если мы сошлись на этом, то следует сперва поговорить с дамами.

С этими словами Луи галантно снял шляпу и слегка поклонился девушкам. При этом он заговорщицки подмигнул рыженькой красавице, которая привлекла его внимание сразу, когда они вошли в бордель.

Девушки в прозрачных сорочках и коротких штанишках захихикали, и Луи учтиво улыбнулся — он очень следил за своей внешностью и манерами, считая все это частью своего богатства. Маркиз, пошатываясь, сделал шаг вперед и грубо схватил одну из проституток за грудь. Ее лицо на мгновение исказилось от боли, но она тут же надела маску почтительности, столь знакомую Луи по общению с дамами ее профессии.

— Возьми себя в руки, дружище, — прошипел он маркизу. — Давай договоримся о цене, а самим процессом насладимся в более интимной обстановке, — уже спокойнее добавил он.

«По крайней мере, тогда мне не нужно будет смотреть, как ты пристаешь к этой девчонке, словно последний идиот». От жажды у Луи свело горло, держать себя в руках становилось все сложнее. Жилка на шее рыжей девушки соблазнительно поблескивала в лучах свечей, и, несмотря на полумрак, Луи видел, как эта синеватая вена пульсирует под тонкой кожей.

Он жестом подозвал мадам, спокойно наблюдавшую за мужчинами из кресла в противоположном углу комнаты. Она была достойной представительницей своей профессии, сейчас она растолстела и постарела, однако, несомненно, в юные годы она зарабатывала деньги так же, как ее подопечные.

— Я возьму вот эту рыженькую, мадам, — прошептал Луи. Оглянувшись, он убедился в том, что Франсуа по-прежнему увлечен той же девушкой. — И блондинку моему другу.

Луи достал из кармана жилета портмоне и открыл его своими идеально наманикюренными пальцами. В глазах мадам блеснула жадность. Она уже поняла, что сегодня ее посетили богатые клиенты.

— Конечно, мсье, — ответила она с наигранной покорностью. — Элиза и Эмилия. Превосходный выбор. И сколько господа желают наслаждаться вниманием девушек?

— Пока мы им не надоедим, мадам, — улыбнулся Луи, передавая женщине пару банкнот. — Этого должно хватить, чтобы покрыть ваши расходы до завтра, не так ли?

Мадам облизнулась, привычно подсчитывая деньги.

— Конечно, мсье, конечно. Мы предоставим вам наши лучшие комнаты. И если господин пожелает, я прикажу прислать шампанского.

Луи вежливо улыбнулся, хотя сейчас ему вовсе не хотелось шампанского, даже если бы вино оказалось настоящим, а не подделкой, что подают в подобных заведениях. Его жажду должен был утолить совершенно другой напиток.

Он покосился на Франсуа, который уже успел засунуть обе руки под сорочку блондинки. Если маркиз выпьет еще, то это точно не пойдет ему на пользу, и он вряд ли сумеет завершить начатое.

— Да, подайте каждому из нас по бутылке, — согласился Луи.

Пускай Эмилия легче заработает свои деньги, когда Франсуа будет спать. Хотя, в сущности, Луи до этого дела не было.

Отойдя от мадам, Луи подал руку рыжеволосой девушке и повел ее вверх по лестнице. Прелестница ответила ему привычной скромной улыбкой.

Он поглаживал ладонью ее бедра и талию. Роскошные рыжие волосы, ниспадавшие на плечи, великолепно оттеняли молочно-белую кожу. Эта девушка, Элиза, во всех отношениях оказалась настоящей находкой. Луи сейчас лежал рядом с ней, чувствуя себя удовлетворенным. Вот только жажда, забытая в пылу страсти, уже начинала возвращаться.

— Ты хочешь еще этого... шампанского? — осведомился он.

Элиза кивнула, и Луи протянул руку за бутылкой, стоявшей рядом с кроватью среди разбросанной одежды. Он оглядел брюки, жилет, рубашку и белье, столь беззаботно оставленные им на полу. Все это придется срочно постирать, но сейчас это не должно его беспокоить. Когда девушка потянулась за искрящимся напитком в бокале, Луи вновь увидел пульсирующую жилку на ее нежной шее. Ему так хотелось испить ее.

«Позже, — едва сдержался он. — Незадолго до ухода».

— Я очень рада, что меня выбрали вы, мсье Луи, а не ваш друг, — прошептала Элиза.

Улыбнувшись в темноте, мужчина потянулся за кожаным портсигаром и, достав тонкую сигару, поджег коричневый табак.

— Мой друг очень щедр, знаешь, — задумчиво сказал он, глядя, как дым поднимается к потолку. — Настоящий маркиз, представитель древнейшего дворянского рода Франции. Жаль только, что он утратил родовое имение во время правления этого несчастного, последнего из Людовиков. Теперь его семья вот уже два поколения живет без причитающихся им почестей, а бедный Франсуа тратит последние деньги в игорных домах и борделях, — Луи задумчиво посмотрел в потолок. — Хотя, конечно же, меня это ни в коей мере не касается, — добавил он, покосившись на Элизу.

Он сам понимал, что слишком разговорился, но, к счастью, девушка лишь рассмеялась.

— Тогда надеюсь, что он оставит неплохую часть своего состояния в комнате Эмилии.

Луи нравился ее смех, а еще больше он наслаждался тем, что ее ладони сейчас гладили его живот и спускались ниже, к члену. Заметив возбуждение партнера, девушка выпрямилась и начала ласкать его член губами. Ее густые волосы щекотали кожу.

Луи застонал. Он еще мог укротить свою жажду, сдержаться, перенести внимание на другие потребности своего тела.

В дверь постучали. Кто-то всхлипнул. Элиза испуганно подняла голову и посмотрела на Луи. Тот пожал плечами.

— Что случилось? — воскликнула девушка.

— Это я, Эмилия. Можно войти?

Луи кивнул, покоровшись судьбе. Элиза даже не успела спросить у него разрешения. Дверь открылась, и в комнату вошла блондинка, которую нанял на эту ночь Франсуа. «Боже, ну и кретин», — Луи поморщился.

Элиза с шипением выдохнула воздух.

— Что произошло? — В ее голосе слышался гнев.

Эмилия выглядела ужасно: верхняя губа была разбита в кровь, вокруг глаза кожа уже

потемнела и опухла, поэтому проститутка наверняка ничего не видела. Все лицо было покрыто кровоподтеками, которые будут менять свой цвет в течение следующего дня.

— Этот мсье... — Эмилия почти плакала, — я не знаю, что его так разозлило. Он ужасно много пил. А потом ужасно на меня накричал. Шлюха бонапартистская, вот как он меня называл! И еще по-всякому. Ужас. Я не могла его успокоить. И тогда он начал меня бить.

Завернувшись в покрывало, Элиза поднялась и, подойдя к плачущей девушке, обняла ее.

— Ничего, все в порядке. Ну и скотина! Простите, мсье, — спохватившись, она покосилась на Луи.

Но ему было все равно, как называют Франсуа. Вот только с наслаждениями на эту ночь уже покончено, понял он.

— И что с ним теперь? — спросила Элиза.

— Он в моей комнате. Плюхнулся на кровать и все. Боюсь, что он проснется и опять примется за старое.

— Этого не произойдет, — заверил ее Луи.

Он тоже поднялся и принялся собирать разбросанную по полу одежду.

— Не беспокойся, Элиза, — сказал он, заметив, что девушка отошла от своей подруги. — Я оставлю вам немного денег, заберу Франсуа, и мы уйдем отсюда. У вас не будет неприятностей, обещаю.

Обе девушки посмотрели на него с изумлением. Представительницам их ремесла редко приходилось сталкиваться с пониманием и сочувствием.

Положив пару банкнот на столик у кровати Элизы, он поспешно поцеловал красотку в щеку.

— Надеюсь, шампанское поможет снять боль, — улыбнулся Луи и выскользнул в дверь.

Спустя полчаса Луи, будучи довольно далеко от борделя, запыхавшись, тащил мертвецки пьяного маркиза де Пуйсежура в переулок. Надеть на Франсуа штаны и вывести его из публичного дома, не подняв шума, было нелегко, но Луи удалось справиться с этой задачей, и его знакомый своими воплями не перебудил всех девушек и клиентов.

В этот час прямо перед рассветом даже в квартале, пользовавшемся дурной славой, было совершенно безлюдно. Франсуа, словно утопающий, Хватался за руку своего спутника.

— Эта потаскуха — отъявленная сука, чтоб ты знал, — бормотал маркиз. — Т'кая же шлюха, как и они все.

Луи кивнул.

— Как они все, — Франсуа пьяно рассмеялся. — Нич-чего дррого 'на не заслуживает, знаешь?

Он слишком приблизил свои губы к лицу Луи, так что тот ощутил исходящее от маркиза зловоние. А еще заметил пульсирующую жилку на его шее, как и у девушки. Жажда вернулась, стала сильнее, требовала своего.

— Франсуа, — шепнул ему Луи. — Такой поступок недостойн джентльмена, дорогой. Ты зашел слишком далеко.

Франсуа смотрел на него остекленевшими глазами, не понимая ни слова. Любезно улыбнувшись напоследок, Людовико открыл рот и вонзил клыки в горло маркиза.

«Я пощадил бы Элизу, — равнодушно думал он. — И взял бы у нее ровно столько, сколько мне нужно». Но маркиз разозлил его, лишил наслаждений этой ночи. Прижав к себе подрагивающее тело, чтобы пресечь все попытки сопротивления, Людовико пил до тех пор, пока движения Франсуа не стали совсем слабыми и в конце концов не прекратились.

С удовольствием отерев губы, Луи оставил труп в переулке. Иногда со злом людей трудно было смириться, но хороший ужин помогал ему не замечать худшие из их слабостей.

Колони, 1816 год

Его вела чистая, необузданная радость движения. Не было ни границ, ни проволочек, ни ограничений. Ночь раскрывала свои тайны, вдоль озера тянулись холмы, прохлада гор манила, и он легко преодолеет склоны.

Но вначале путь его пролегал по полям, вдоль длинных живых изгородей, мимо маленького пруда. Затем впереди показался лес. Между деревьями пролегли глубокие тени, луна скрылась за тучами, но даже при таком слабом свете он видел абсолютно все и легко мог отыскать тропинку.

Теперь он побежал медленнее — легко затрусил вверх по холму.

Вокруг кипела жизнь. Листья шуршали на ветру, по веткам ползали насекомые, слева шмыгнула мышка, и ее шаги громко отдались в его ушах. Чувства сами собой делили все окружавшие его создания на добычу и охотников. Но здесь ни одно животное не представляло для него опасности. Он был сильнее их всех. Некоронованный король.

Он жадно впитывал впечатления, радовался им, радовался жизни в лесу, от высочайшего дерева до мельчайшего жучка. Он чувствовал запахи влажной листвы на земле, мороси, повисшей в воздухе, пускай дождь и закончился еще днем. Запах земли играл разнообразием оттенков, в нем сладковатой нотой отдавалась смола. А еще здесь были звери. Их тропы огненными следами вспыхивали в лесу, и он видел шлейф их запахов, словно звери только что пробежали здесь. Так легко было пройти по любому из этих следов, и какая-то его часть хотела этого, жаждала испытать возбуждение охоты, схватки, добычи. Но голод уже был утолен. Во рту ощущался теплый привкус крови, и вперед его вела не жажда свежей плоти, а радость.

Лес резко закончился, уступив место широким полям. Еще недавно здесь пасся скот, теплые запахи, такие сильные и возбуждающие, но на них не стоит обращать внимания, нужно бежать вперед, вверх по холму, навстречу небесам.

Тут не было людей, и только внизу, в долине, еще горели огоньки, маленькие точки в темноте. Запах дыма, металла и камней накрывал землю толстым одеялом, но дорога его несла прочь от деревни, прочь от людей, и этот запах слабел, воздух становился чище. Он двигался по склону холма, перепрыгивая с камня на камень, все выше и выше. На вершине он остановился. Ветер приносил издали новые ароматы, обещание иных впечатлений, манящий зов свободы и охоты. Уже чувствовался аромат нового дождя, но капли прольются еще не скоро.

Он вывалил язык из пасти, наслаждаясь прохладной лаской ветерка, нежно овевавшего его шерсть.

От радости ночи он запрокинул голову и завыл, и в этом вое звучала радость и призыв к новым утехам. Его вой нарастал, наполняя собой долину, от горы к горе. Он кричал миру о своем существовании, о своей жизни.

И с другой стороны озера раздался ответ. Высокий, пронзительный вой. Приветствие. Приглашение. Его сердце билось сильно и быстро, но в это мгновение оно замерло.

Он был уже не один.

Шамони-Монблан, 1816 год

— Их поймают, мсье, поставят перед судом и повесят! Обещаю.

Никколо удовлетворенно кивнул. Навязчивость этого чиновника его раздражала. После

разговора ночью этот преисполненный усердия тип явился в гостиницу Виль-де-Лондр еще и к завтраку — по-видимому, лишь для того, чтобы в который раз повторить все слова, сказанные вчера. При иных обстоятельствах Никколо отнесся бы к этому спокойнее. Но сегодня выспаться ему не удалось, да еще и кошмары замучили, и сейчас юноше казалось, что силы оставили его. И вот вместо того, чтобы подойти к столу и позавтракать, Никколо, изголодавшись, вынужден был стоять среди наслаждавшихся трапезой постояльцев и вполуха слушать этого чиновника. Официанты подливали гостям кофе и проносили мимо юного графа подносы с ароматными свежими булочками. У Никколо заурчало в животе.

Зал гостиницы был невелик, но из-за высокого потолка с цветочным узором казалось, что тут очень просторно.

— Они наверняка из предгорья Альп, — вот уже в который раз завел свою песню чиновник. — Дезертиры, как пить дать.

Этой швали тут много осталось. До сих пор думают, что владеют всей Европой!

— Весьма неприятно, — кивнул Никколо, лихорадочно оглядываясь в поисках возможности сбежать.

К счастью, в зал вошла Валентина, которую тут же подхватил под руку официант и повел к ее месту. Проснувшись утром, Никколо заметил у себя под глазами темные круги, но девушка казалась свежей и отдохнувшей, как будто вчерашнее нападение было для нее лишь мелкой неприятностью. «Она прекрасно держалась во время всей этой безумной поездки сюда, — подумал Никколо. — Даже когда я зарядил свои пистолы и не выпускал их из рук вплоть до самого Шамони-Монблана».

После приезда Валентина отправилась спать, в то время как он еще целый час беседовал с представителями местных властей, неоднократно описывая переживания той ночи. Все это время его угощали разными настойками, поэтому утреннее похмелье тоже подпортило ему настроение. Но все эти мысли позабылись, когда Валентина улыбнулась ему.

— Простите, — пробормотал он и, не дожидаясь реакции чиновника, отошел.

Юноша поспешно направился к ее столу.

— Прекрасное утро, — он уселся напротив Валентины и серьезно посмотрел на девушку. — Как ты? Надеюсь, произошедшее не очень тебя взволновало.

— Нет, я хорошо выспалась, хотя кровати тут не из лучших. С кем ты только что говорил?

Никколо вспомнил, что Валентина не представлена этому человеку, ведь юный граф присоединился к выпивающим в кабаке уже после того, как девушка пошла спать.

— Он местный чиновник. По крайней мере, мне его так представили. Ганс, или Ханс, или, может быть, даже Жан. Должен признаться, что вчера я несколько запутался в именах и должностях.

— И что?

Никколо ответил ей непонимающим взглядом.

— Что там с этими грабителями?

— Он пообещал мне, что их схватят и проведут судебный процесс. По-видимому, он полагает, что это не здешние бандиты, а иностранцы. Бывшие солдаты.

Хозяйка подошла к их столику и поставила перед Валентиной завтрак. Пища была простой — белый хлеб, много сыра и гигантский омлет, от которого поднимался горячий пар. От этого зрелища у Никколо аппетит мгновенно улетучился, хотя всего секунду назад ему еще очень хотелось есть. Юноша отхлебнул холодной воды.

— Нужно задержаться на несколько дней, — продолжил он, когда хозяйка удалилась. — Потрясение...

— Ни в коем случае, — перебила его Валентина. — Мы уже совсем близко от Коппе. Нужно выехать как можно раньше, оставив это грязное место. Моя семья сердечно примет нас, и мы сможем позабыть об этой чудовищной поездке.

Хотя Никколо и была неприятна мысль о том, что поездка в его сопровождении

оказалась для Валентины чудовищной, он склонен был с ней согласиться. Ему не хотелось оставаться в этом городишке только для того, чтобы утолять любопытство местного населения рассказами о себе, хотя эту гостиницу он ни в коем случае не назвал бы грязной. Но сколь бы живописным ни был городок Шамони-Монблан, Никколо хотелось поехать куда-нибудь еще, в большие города и культурные центры, побывать на приемах, где блистают светлейшие умы эпохи, поговорить о том, что важного происходит в жизни людей и в мире.

«Хотя это означает, что мне предстоит разлука с Валентиной». С какой-то даже ностальгией юноша подумал о том, как собирался открыться Валентине в Ареццо. Ему казалось, что это было много месяцев назад.

«Откроюсь ей, когда буду уезжать из Коппе», — решил он.

— Прости, я не хотела называть нашу поездку чудовищной, — виновато произнесла девушка. — Ты вел себя как истинный рыцарь, и я благодарна тебе за то, что ты отвезешь меня домой.

Ее слова стали для него лучиком света в ночной тьме. Юноша смущенно улыбнулся.

— Я тоже рад, — наконец сказал он. — Скажу Карло приготовить все для нашего отъезда.

Никколо был настроен решительно. Он поднялся из-за стола и покосился на чиновника, болтавшего с хозяйкой. Воспользовавшись этой возможностью, молодой человек поспешно покинул зал.

Неподалеку от Женевы, 1816 год

Хотя Никколо был рад посетить Коппе, это несколько волновало его. Вскоре судьба уведет его из этого небольшого городка, ведь впереди ждут великие задачи и настоящие приключения, а Валентина останется в замке своей семьи. В мечтах Никколо представлял себе, как признается ей в любви и увезет ее, заберет с собой. Мысль о скандале, который может вызвать подобный поступок, и пугала, и возбуждала его. «Но это только мечты, — уговаривал он себя. — Кто же на такое отважится?»

И поэтому настроение итальянца ухудшалось по мере приближения к Коппе. А вот Валентина, наоборот, радовалась и едва могла скрыть свой восторг.

— Когда приедем домой, тебе обязательно нужно осмотреть сад моей мамы, — выпалила девушка. — У нее там растения со всего мира!

— Буду очень рад, — уныло ответил он.

— А еще они наверняка устроят для нас прием. Я смогу представить тебя важнейшим людям города и женевской знати.

«А мать, несомненно, познакомит тебя с потенциальными женихами», — мрачно подумал Никколо. Опершись рукой на узкий подлокотник, он опустил подбородок на ладонь. В Коппе нужно будет провести некоторое время, чтобы лучше познакомиться с семьей Валентины, и юноша не знал, проклятье это или благословение.

— А еще напишем Марцелле и твоим родителям, что мы прибыли в Швейцарию целыми и невредимыми, — продолжала болтать Валентина.

Никколо кивнул.

— Они уже давно ждут весточки от нас. По крайней мере, Марцелла, тут уж я точно могу поспорить.

По крыше кареты забарабанил дождь. После отъезда из Шамони-Монблана этот звук сопровождал их постоянно. Погода в этом году была на удивление скверной, и Никколо мог лишь надеяться, что вскоре она переменится. Затяжные дожди у кого угодно могут отбить охоту к перемене мест, даже если путешествовать в карете. Не говоря уже о слугах, сидевших на крыше и спасавшихся от сырости, накрываясь провощенной тканью.

— Все вокруг такое серое, — пробормотал Никколо, выглянув в окно.

Облака висели так низко, что, казалось, почти касались земли.

— Да, обидно. Когда светит солнце, озеро такое красивое. Сразу чувствуешь какое-то возвышенное спокойствие.

— Думаю, мы еще сможем насладиться этим зрелищем вместе. Не уеду, пока не увижу озеро во всей красе, — заверил ее юноша.

Валентина улыбнулась.

— Ты такой галантный, — девушка кокетливо склонила голову к плечу.

Затем Валентина опять погрузилась в чтение — ее увлекла книга какой-то французской писательницы. Название книги — «Дельфина»¹¹ — Никколо ничего не говорило. Сам он во время поездки читать ничего не мог, потому что его желудок плохо реагировал на постоянную качку, и, если юноша не выглядывал в окно, его начинало тошнить. «Морская болезнь на суше», — устало подумал он. Впрочем, он скрывал плохое самочувствие от Валентины, так как не хотел проявлять перед ней слабость.

Вскоре они въехали в пригород Женевы, прокатились по людным улицам мимо живописных домиков и садов. В конце концов впереди показались городские стены, и, хотя из-за дождя было плохо видно, Никколо был поражен. Карета подъехала к городским воротам. Послышалась недолгая перепалка Карло с двумя солдатами. Кучер почти кричал, и в каждом его слове слышалось недовольство этим холодным дождливым днем.

Затем они въехали в ворота, полюбовались бастионами и, наконец, очутились в самом городе. Валентина, отложив книгу, завороченно уставилась в окно.

Дома здесь были намного больше, чем в соседних деревеньках и городках — некоторые из них высотой в шесть-семь этажей. Некоторые здания окружали озеро.

Вдоль реки вела широкая улица, называвшаяся Гран-рю-дерив. Валентина дернула Никколо за рукав, указывая на большую церковь.

— Смотри, это площадь Фустери!

На большинстве домов высились деревянные арки, выдававшиеся над крышей, — Валентина сказала, что тут их называют «*Dômes*», то есть купола.

Через какое-то время они свернули направо и подъехали к двум плоским мостам через Рону. Валентина болтала без умолку, обращая внимание Никколо на важные достопримечательности города, рассказывала истории о своих визитах в Женеву и даже поделилась с ним воспоминанием о том, как когда-то прямо здесь, на Иль-русо, рядом с зернохранилищем, тайно купалась с подружками в речке. Никколо зачарованно слушал ее рассказы, радуясь, что может столько узнать о жизни Валентины.

Карета пересекла мост и еще немного проехала по городу — здесь стало немного тише. Вскоре они покинули Женеву, и Никколо не знал, сколько минут или часов они пробыли в этом городе, настолько мимолетным оказалось это переживание.

Чтобы добраться до Коппе, нужно было ехать по берегу озера. Рядом с широкими дорогами росли тополя, и если бы не дождь, то вид озера и гор за ним наверняка был бы чудесен, но сейчас местность страдала от сырости не меньше, чем люди.

— Тебе понравится Коппе, — продолжала говорить Валентина. — Хотя бы потому, что ты любишь литературу. В салоне мадам де Сталь уже много лет встречаются выдающиеся писатели. Мама рассказывала мне об этом. Среди них был даже Шатобриан! Да и сама мадам де Сталь очаровательна. Моя семья дружит с ней, и я уверена, что мы сможем тебя с ней познакомить.

Мысль об этом развлечении, бесспорно, была приятна, но сейчас Никколо думал о другом. Вскоре он встретится с родителями Валентины. В прошлый раз он виделся с ними так давно, что теперь практически придется знакомиться заново, ведь тогда он был еще ребенком, а теперь он взрослый. И должен произвести на них хорошее впечатление.

На перекрестке они свернули, и впереди показалось поместье, принадлежавшее семье Валентины. Это было светлое четырехэтажное здание с зелеными ставнями и двумя

¹¹ «Дельфина» — роман Ж. де Сталь.

широкими балконами. Когда карета въехала в узкий дворик, Никколо уже заметно нервничал. Его слуга поехал вперед, чтобы доложить об их приезде, и сейчас выбежал во двор вместе с остальной прислугой, чтобы помочь господам. У входа в дом стояла супружеская чета Лиотар, в которой юноша с трудом узнал семью Валентины — они приезжали погостить в Ареццо, но Никколо тогда был еще совсем ребенком. Да и рассказы Валентины не вязались с тем, что он видел. Ее отец был очень низеньким, и, хотя ему не хватало роста, он с лихвой компенсировал это массой тела. Волосы уже поседели — это было заметно даже под париком. И только широкая искренняя улыбка напоминала Никколо того жилистого непоседливого мужчину, с которым он шестилетним дуэлировал на деревянных мечах.

Женщина рядом с хозяином дома не улыбалась. Хотя Валентина всегда говорила о матери как об очень жизнерадостном человеке, Никколо этого не заметил. Мадам Лиотар, казалось, преждевременно состарилась. Она исхудала, щеки запали, а бледная сероватая кожа говорила о тяжелой болезни.

Но Валентину это зрелище нисколько не смутило. Она так стремительно метнулась вперед, что слуга, державший над ней зонтик, едва поспевал за девушкой.

— Мама! Папа! — Она бросилась отцу в объятия.

Пока родители здоровались с дочерью, Никколо тактично стоял в стороне. Ему очень хотелось войти, но он ни в коем случае не хотел показаться невежливым.

— А вы, наверное, Никколо, — наконец повернулся к нему господин Лиотар. — Для нас большая честь приветствовать в нашем скромном доме сына Эрколя. Входите же! Я надеюсь, у вашего отца все в порядке?

— Он в наилучшем здравии, — по-французски ответил Никколо.

— Замечательно! Август, ты только посмотри, каким красивым мальчиком стал Никколо, — вмешалась мадам Лиотар.

Юноша поцеловал ей руку. Конечно, он предпочел бы, чтобы она не называла его мальчиком.

— И каким вежливым, — добавила мать Валентины. Несмотря на бледность, вблизи она выглядела не столь болезненно, как сперва показалось Никколо. — Вы должны нам все рассказать о поездке, о том, как обстоят дела в Италии, а главное, как поживает ваша семья, Никколо!

Присоединившись к семейству Лиотар, юноша вошел в дом. Он сразу же почувствовал себя здесь своим. Ему тут были рады, и Никколо посчитал это хорошим предзнаменованием.

Женева, 1816 год

— Все это знакомые нашей семьи, — с улыбкой объяснила Валентина.

Прикосновение ее ладони к его руке затуманивало разум. Юноша опьянел от радости, и ему казалось, будто он парит над паркетом.

Прием семейства Лиотар в честь его приезда был поистине великолепен. В особняке в Женеве собралось около сотни уважаемых людей города: богатые купцы, высшие военные чины и аристократия. Тут были люди, наделенные властью, которые хотели упрочить свое положение в деловых кругах, художники искали меценатов, а знатные мамы подбирали подходящих женихов для своих дочерей.

— А вон близкий друг моего отца, граф Людвиг фон Карнштайн, — она указала на мужчину, окруженного толпой гостей, собравшихся словно для того, чтобы послушать проповедь.

Граф был высок, черная одежда подчеркивала его стройность. Это бледное лицо сложно было забыть, и Никколо сразу его узнал.

— Граф Людовико, — пробормотал он, но Валентина его не услышала.

Хотя они были в нескольких метрах от графа, фон Карнштайн обернулся. Вежливо извинившись, он отделился от толпы, приблизился к Валентине.

— Валентина! — На его губах заиграла любезная улыбка. Граф слегка поклонился. — Я очень рад видеть вас вновь. Кажется, что с момента нашей прошлой встречи прошла целая вечность, — слегка прищурившись, он оглядел ее. — Очевидно, Италия пошла вам на пользу.

Никколо с раздражением отметил, что Валентина убрала ладонь из его руки, присев в реверансе. Магия момента была разрушена, сейчас он был всего лишь ее другом и спутником. Юноша почувствовал себя одиноким среди всех этих людей.

— Дорогой граф, позвольте представить вам Никколо Вивиани, шевалье д'Отранто, сына графа Ареццо. Он сопровождал меня сюда из Тосканы и был очаровательным и отважным спутником. Он даже защитил меня от грабителей, напавших на нас по дороге в Шамони.

Граф еще мгновение смотрел на Валентину, а затем повернулся к Никколо. Юноша слегка поклонился.

— Граф, — кивнул он. — Вы совершенно не изменились.

— Чего нельзя сказать о тебе, Никколо. Ты стал настоящим мужчиной, как я погляжу. Грабители, говоришь?

— Ах, так вы знакомы? — вмешалась Валентина и, к восторгу Никколо, вновь взяла его под руку.

Но при этом она смотрела на графа. Людовико провел ладонью по ухоженной бородке и улыбнулся.

— Да, это так, дорогая. Раньше я вел дела с семьей Вивиани и временами бывал в роскошном доме отца Никколо.

— К сожалению, вдруг вы куда-то пропали.

Когда это произошло, Никколо был еще совсем маленьким и интересовался делами семьи значительно меньше, чем сейчас, но он прекрасно помнил, как волновался отец из-за неожиданного исчезновения своего дорогого партнера.

— Тамошний климат был мне не по нутру и к тому же вредил моему здоровью, — ответил граф.

Прежде чем Никколо успел что-то сказать, к ним подошла стареющая дама в пышном темно-зеленом платье, которое шло бы ей намного больше, если бы вырез был не так глубок.

— Дорогой граф, — воскликнула она издали. Ее движения были неудержимыми, как ход светил. — *Я непременно* должна вас кое-кому представить!

— Прошу прощения, — поклонился граф.

Дама в зеленом, не церемонясь, схватила Людовико под руку и потащила прочь, не удостоив собеседников графа даже взглядом.

— Какая невоспитанность, — заметил Никколо.

— Это мадам Боссени, — рассмеявшись, отмахнулась Валентина. — Она по-прежнему ищет подходящего супруга для своей дочери.

— Мне она показалась скорее почтенной бабушкой, чем матерью с дочерьми на выданье.

— Именно.

— Вот оно что, — догадался Никколо.

— Лучше расскажи мне о графе. Что у вас произошло? И не пытайся убедить меня, что я выдумываю.

Они медленно двинулись по салону, кивая другим гостям, но не присоединяясь ни к одной из групп. Никколо наслаждался прикосновением ее руки, таким легким, но таким важным для него.

— Граф был деловым партнером моего отца. Он вращался в высших кругах общества.

— И?.. — продолжала допытываться Валентина.

— Как тебе известно, времена Наполеона были трудными для всех нас. Повсюду войска, война в разгаре, в битвах полегло столько солдат... Но граф Людовико, прости, граф фон Карнштайн, казалось, не имел к этому никакого отношения. А потом однажды просто

исчез. Отец боялся, что его схватили представители тайной полиции, а может быть, даже убили без суда и следствия. Мы не могли его найти. В то время пропадали и другие именитые люди. Плохое было время.

— Так французы взяли его в плен?

— Я не знаю этого наверняка. Возможно, он прятался от преследователей. Мама тогда очень испугалась. Я увидел, что у нее просто слезы наворачивались на глаза. По-моему, она боялась, что нас может постигнуть та же судьба.

Валентина оглянулась в поисках графа. Ее глаза заблестели, и Никколо это совсем не понравилось. Вокруг Людовико вновь собрались гости, но сам граф словно находился в центре циклона: все вокруг говорили и смеялись, а он молчал и лишь загадочно улыбался.

— Прошлое графа фон Карнштайна исполнено тайн, — заметила Валентина. — Как интересно...

Никколо заметил, что Людовико смотрит на него. В темных глазах графа не отражались никакие чувства, но юному итальянцу показалось, что Людовико улыбается какой-то шутке, смысл которой оставался недоступным для всех остальных.

— А может быть, ему просто не нравилось, что в Италии так солнечно, — равнодушно заметил он.

Наконец Валентина отвлеклась от этого мрачного графа и вновь рассмеялась. Ее обворожительный смех заставил Никколо позабыть обо всех своих мнимых бедах.

— Вы тоже член блистательного круга? — Какой-то юноша, подойдя к ним, одарил Валентину похабной улыбкой.

— Не понимаю... — начал Никколо, но незнакомец грубо перебил его.

— Я имею в виду гулянку сегодня вечером. Мы бросим вызов судьбе, как и надлежит добрым христианам. Перекинемся в картишки, — отхлебнув вина, парень посмотрел на Никколо. — Или вы не игрок в фаро?

— Должно быть, вы меня с кем-то путаете, мсье...

— Жан-Батист Рауль де Базерат, — он поклонился. — С кем имею честь?

— Никколо Вивиани, шевалье д'Отранто. Боюсь, я действительно не игрок, как вы выразились.

— Тогда простите за беспокойство. Я видел, что вы беседовали с Людвигом, и подумал, что он договорился с вами о сегодняшней игре после приема.

— Так граф играет? — вмешалась Валентина.

— Да, дитя мое, — Базерат вновь улыбнулся, пригладив усы. — Но, конечно, только с друзьями, людьми чести. Все в разумных пределах, — он вновь повернулся к Никколо. — Прошу меня простить, я должен встретиться с моей дамой.

Никколо кивнул, и Базерат, подойдя к какой-то девушке, повел ее по салону.

— Ну и грубиян, — пробормотал Никколо.

— А по-моему, он смешной, — улыбнулась Валентина. — Знаешь, его род очень древний. Говорят, они могут проследить свое генеалогическое древо до времен крестовых походов в Палестину. Но постой-ка, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Она подвела Никколо к пожилому мужчине с большой лысиной, обрамленной пучками седых волос. Ему было лет шестьдесят, и по его лицу было видно, что он прожил полную и интересную жизнь.

— Никколо, позволь представить тебе Марка Августа Пикте¹². Мсье Пикте, это Никколо Вивиани, шевалье д'Отранто. Мсье Пикте очень известен в научных кругах, и его слава разносится далеко за пределы женеvского кантона. Он основал журнал «Британская библиотека».

— Я лишь посодействовал этому, Валентина. Этим занимались и мой брат Шарль, а

¹² Марк Август Пикте (1752–1825) — швейцарский ученый-натуралист; профессор, президент академии в Женеве.

также Фредерик Морис, — старик мягко улыбнулся.

— Для меня честь познакомиться с вами, мсье, — Никколо поклонился. — Слава прекрасного города Женевы, как центра знаний и учености, дошла и до Тосканы.

— Вы очень любезны, шевалье.

Они разошлись.

У Никколо уже голова гудела от всех этих имен, а ведь его представили не всем гостям. Но Валентина весь вечер не отходила от него, знакомила с присутствующими, рассказывала обо всем, что Никколо следует знать, и умело вела разговоры с гостями. Прием пролетел очень быстро.

Koppe, 1816 год

Утренняя прохлада освежала, хотя воздух был влажен от тумана. Одежда Никколо отсырела, пока он спускался к озеру. Мир прятался за серыми клубами тумана, словно стеснялся, не хотел, чтобы его видели. Все цвета исчезли, остался лишь серый разных оттенков. В мареве виднелись странные, фантастические очертания, которые вблизи оказывались обычными домами или деревьями.

Никколо шагал по этому загадочному миру. Все звуки были приглушены. Деревня медленно просыпалась: то там, то тут раздавался шум работы, но юный итальянец воображал, что это корабль-призрак выплывает на укутанное туманом озеро.

Никколо уже две недели гостил у семьи Лиотар и вынужден был признаться себе, что день за днем откладывает мысли об отъезде. Конечно, он надеялся, что благодаря связям Августа Лиотара его представят знаменитой мадам де Сталь, но в глубине души юноша понимал, что остался бы в Коппе и не будь такой перспективы. Разумеется, ему хотелось продолжить свое путешествие, но мысль о разлуке с Валентиной его пугала. К его удивлению, в Коппе было всего две улицы. По рассказам Валентины, Коппе представлялся юному графу маленьким городком, а вышло, что это деревня. Тем не менее селение располагалось вблизи Женевы, поэтому развлечений здесь хватало.

В надежде обдумать планы на будущее юноша воспользовался этим ранним часом и отправился на прогулку к озеру. Вода оставалась спокойной, и только слабые волны били в берег. Противоположный берег терялся в тумане, и на набережной никого не было, ведь погода не располагала к прогулкам... да и час ранний. Но Никколо наслаждался тишиной и одиночеством — превосходная возможность все обдумать и привести мысли в порядок. Нужно было разработать план или хотя бы общую стратегию действий, чтобы поухаживать за Валентиной и убедить ее родителей в преимуществах своей кандидатуры. Со второй задачей особых проблем не предвиделось, так как отец Валентины состоял в дружеских и деловых отношениях с семьей Вивиани. А как объяснить, свой поступок родителям, Никколо придумает потом.

Его внимание привлёк плеск воды, но звук вскоре прекратился, а в тумане Никколо ничего не мог рассмотреть, и потому он просто побрел дальше. Возможно, ему поможет маленькая ложь: если заявить, что он приехал в Коппе исключительно для этой цели, да еще и с благословения графа, отец Валентины ему не откажет. Никколо уже обдумывал предстоящую речь — ну чего стоит это небольшое притворство ради согласия Лиотара? — когда плеск послышался вновь.

На этот раз Никколо кое-что заметил. К берегу мощными рывками двигалось что-то темное. На мгновение юноше вспомнились истории об ужасных созданиях, поднимающихся из морских глубин, полурыбах-полулюдях, заманивающих в такие туманные дни невинных путников в свое мрачное логово, где жертв ожидала верная погибель. Но на самом деле это был пловец, целеустремленно направлявшийся к той части набережной, где стоял Вивиани.

Итальянец удивленно огляделся, но не обнаружил ничего примечательного. Непонятно, почему незнакомец плавает именно сюда, ведь тут не было ни его одежды, ни скамейки с полотенцем. Незнакомца никто не ждал. Никколо замер на месте и начал наблюдать за

происходящим. Мужчина совершал широкие равномерные гребки, видимо, он был отличным пловцом. После затяжных дождей вода в озере наверняка была холодной, но мужчину это нисколько не смущало. Добравшись до мелководья, он сделал еще пару гребков и, поднявшись на ноги, побежал к берегу. Капли стекали по его телу — кроме белых штанов, на нем ничего не было. Темные волосы мокрыми прядями ниспадали на высокий лоб. Взгляд его огромных глаз на мгновение остановился на Никколо. Отжав волосы, незнакомец отбросил их со лба. Он был среднего роста, очень стройный, с прямой осанкой, длинными ногами и красивой шеей.

Пловец вновь оглянулся, словно ожидая, что в любой момент кто-то выйдет из тумана. Но этого не произошло, и он обратился к Никколо.

— Простите, это Коппе? — Он говорил с акцентом.

По-прежнему ошарашенный происходящим, итальянец кивнул и смог лишь слабо выдавить:

— Да.

Незнакомец покачал головой. Его густые волосы уже начали курчавиться, и Никколо заметил залысины на его высоком лбу. Видимо, этот джентльмен был лишь на пару лет старше

Вивиани. Он задумчиво приложил два пальца к губам. В этом тумане, наполовину обнаженный и только что покинувший воды озера, он напоминал героя древних преданий.

— Ну где же он? — произнес он на английском, обращаясь скорее к самому себе, чем к Никколо.

Повинуясь порыву, Вивиани снял пальто.

— Может быть, я могу вам помочь? Погода холодная, и вы можете замерзнуть.

Юноша мысленно поблагодарил старого мистера Друри за скучные, но, очевидно, небезуспешные уроки английского. Хотя Никколо уже два года не практиковался на английском, слова сами собой слетели с его губ.

— Благодарю, — по-английски ответил незнакомец и направился к Вивиани.

При этом Никколо заметил, что он слегка прихрамывал на правую ногу. Вероятно, последствия старого ранения. Кроме того, юноша отметил, что они приблизительно одинакового роста и одинаково сложены.

Перехватив взгляд Никколо, англичанин прищурился, и юноша смущенно отвернулся. Ему не хотелось показаться невежливым.

Улыбнувшись, незнакомец благодарно закутался в пальто.

— Боюсь, в последнее время я приобретаю плохую привычку пользоваться чужой верхней одеждой, — сказал он.

Никколо не понял, что он имеет в виду.

— Вы не предприняли никаких мер для того, чтобы найти свою одежду?

— Я послал своего слугу из Эрманса, чтобы он привез мне вещи, но, видимо, мы с ним разминулись. Да, ему ехать было дальше... Но я дал ему фору.

— Вы что, переплыли озеро? — Никколо опешил.

Лукаво улыбнувшись, незнакомец подмигнул ему. Вблизи было видно, что англичанин все-таки замерз: все его тело покрылось «гусиной кожей», а руки дрожали.

— Да, но это подвигом не назовешь. Несколько лет назад я переплыл Дарданеллы из Сестоса в Абидос. Тогда я чувствовал себя настоящим Леандром в поисках Геро¹³. А сегодня я сам себе кажусь мокрым пуделем... Да еще и замерзшим к тому же!

В глазах незнакомца заплясали веселые искорки, и это было настолько заразительно, что Никколо, несмотря на странную ситуацию, не смог сдержать смеха. Его собеседник был

¹³ Леандр — юноша из Абидоса, полюбил жрицу Афродиты Геро из Сеста, расположенного на противоположном берегу Геллеспонта. Каждую ночь Геро зажигала огонь на башне, чтобы Леандр ориентировался на него. Однажды огонь погас, и Леандр утонул. Утром его тело прибило к ногам Геро, которая в отчаянии бросилась в море с башни. (*Примеч. ред.*)

полон очарования. Туман и холодный воздух уже не имели никакого значения, и хотя Никколо мерз без пальто, он думал только о том, что ему кажется, будто он знаком с этим юношей уже давным-давно, и сейчас они просто остановились поболтать во время прогулки у озера.

— А у вас тоже была свеча, которая указывала бы вам путь? — светским тоном осведомился он.

— Как я вижу, мне повстречался весьма умный и образованный человек, — кивнул англичанин. — Восхитительно! Нет, мне пришлось искать дорогу без подручных средств. Но ведь мы — не чета героям древности, не так ли?

Послышался конский топот, молодые люди обернулись. В тумане проступили очертания двух лошадей. Всадник на одной из них замахал рукой и воскликнул:

— Милорд!

— Ага, вот и наш героический Флетчер. Пришел вырвать своего господина из лап холода, — подмигнул незнакомец. — Нужно будет увековечить его подвиг в стихах.

Всадник либо не услышал его слов, либо сделал вид, что ничего не заметил. Спешившись, он начал многословно извиняться, подавая хозяину одежду. Тот продолжал шутить, но его насмешки были настолько милы и необидны, что Никколо вновь не смог сдержать улыбку. Уже через пару минут англичанин полностью оделся и вскочил на коня. Напоследок он махнул юному итальянцу рукой:

— Спасибо за помощь. При такой чертовой погоде ваш поступок был достоин деяния святого Мартина¹⁴.

Никколо тоже поднял руку на прощанье и уже хотел было сказать: мол, не стоит преувеличивать его помощь, когда заметил, что его пальто все еще у незнакомца.

— Мое пальто! — пораженно воскликнул Вивиани.

— Вам придется забрать его лично. По-моему, отличная причина навестить на виллу Диодати и воспользоваться моим гостеприимством. Я хочу отблагодарить вас за великодушие. — С этими словами англичанин прищипорил коня и умчался в туман.

— Но я даже не знаю, как вас зовут! — крикнул вслед Никколо.

— Байрон, мой юный друг, — всадник рассмеялся. — Лорд Байрон. Я ваш должник.

Туман поглотил и его, и слугу, и Никколо остался один.

9

Konne, 1816 год

— Каким бы интересным это ни казалось, не можешь же ты в самом деле принять это приглашение!

Реакция удивила Никколо. Он полагал, что познакомиться с известнейшим поэтом Европы — это прекрасно, и это событие вызывало в нем гордость и радость. Но Валентина смотрела на него так, будто он только что сообщил, что сегодня вечером собирается голым подниматься на Монблан. Усевшись за стол, юноша расстегнул фрак.

— А почему нет?

Сев напротив него, девушка плотнее укуталась в темно-синюю шаль. На ней было элегантное бордовое платье. Здесь, в доме родителей, Валентина позволяла себе большую роскошь в одежде, чем в Ареццо. Конечно, и в доме Вивиани ее наряды никогда не были простыми, но здесь и платье, и шаль... Вышитая серебряной нитью! А на шее — цепочка с

¹⁴ Святитель Мартин Турский, по преданию, когда служил офицером в Галлии, однажды зимой разорвал свой плащ и отдал половину совершенно раздетому человеку. Благочестивая традиция отождествляет этого нищего с Христом. (Примеч. ред.)

сапфиром...

— Потому что от Колони до Женевы все судачат об этой вилле, где живет твой драгоценный лорд Байрон.

— Не вижу ничего удивительного, — фыркнул Никколо.

«Мой лорд Байрон? Драгоценный?»

— Как бы то ни было, речь идет не только об английском лорде, но и об авторе «Чайлд Гарольда». Ты читала эту книгу?

— Да, — признала Валентина. — И она прекрасна.

Девушка слегка покраснела, и при виде этого сердце Никколо смягчилось. Но этот отзыв никак не повлиял на мнение девушки.

— Дело вовсе не в этом, — горячо продолжила она.

— А в чем же?

— Ты что, ничего не слышал об этом на приеме? — Она закатила глаза.

— Пожалуйста, прекрати говорить загадками. Допустим, я ничего не слышал. К тому же я совершенно незнаком со слухами, которые ходят в высшем обществе Женевы.

Никколо показалось, что он высказался слишком резко, но Валентина лишь ухмыльнулась.

— Тогда позволь мне сорвать яблоко с древа познания и... — Ее глаза сузились.

— Валентина!

Его возмущение по поводу этой неуместной шутки было совершенно искренним, в отличие от ее нарочитого раскаянья.

Теперь настала его очередь закатывать глаза.

— Прошу тебя, продолжай.

— Так вот, — заговорщицки прошептала она и, оглянувшись, наклонилась вперед. — Этот лорд Байрон изгнанник.

— Он же из Англии, — начал Никколо, но Валентина лишь отмахнулась, как будто его возражение не имело никакого смысла.

— Ему пришлось бежать. Говорят, что у него было столько любовниц, что десятки рогоносцев хотели лишиться его жизни. Но это не все, — помолчав, Валентина еще больше понизила голос. — Говорят, что он вытворяет совершенно немыслимые вещи.

— Но он же писатель, — возмутился итальянец. — Необразованные и ограниченные люди часто необоснованно упрекают творческих личностей в разных грехах!

— Говорят, он содомит.

— Валентина! — еще громче воскликнул Никколо. — Прошу тебя!

— Но мне так говорили. Хочешь верь, хочешь нет. Но этот тип старается держаться подальше от всех англичан, которые в этом году слетелись в Женеву прямо как библейская саранча! По слухам, к нему вхожа лишь одна странная троица — какой-то юноша в сопровождении двух молоденьких женщин, — девушка говорила все быстрее. — Они ночуют у него па вилле. Представляешь, все вместе! А мадам Боссени рассказывала, что видела его у мадам Эльнар. И этот тип хромал! Будто он настоящий дьявол! Священник из Монталегре, где живет... та троица, приходил к ним с представителем властей, и мадам Боссени божилась, что они живут во грехе!

— Что? — Никколо опешил от такого количества обрушившихся на него откровений.

— Они развратники, — наклонив голову к плечу, Валентина заглянула ему в глаза. — Ты понимаешь? Видимо, *они все* живут в свальном грехе!

После этих слов Валентина смутилась, будто вспомнив о том, что молодой незамужней даме не пристало распространяться о подобных вещах.

— Но это все только слухи, — помолчав, ответил Никколо. — Так говорят злопыхатели и те, кто не понимает гений поэта. Может быть, всему этому есть какое-то безобидное объяснение. Говорят, что труды лорда Байрона оценил Гете. Сам Гете! Человек, написавший «Страдания юного Вертера». Может ли быть более достойная похвала? И разве король поэтов оценил бы человека, который живет в свальном грехе?

Валентина смерила его скептическим взглядом. Откинувшись на спинку стула, девушка опустила глаза и уже, видимо, собралась что-то сказать, но запнулась.

— Раз уж тебя не отговорить, то хотя бы будь осторожен, Никколо. Если тебя заметят в обществе этого англичанина, твоя репутация будет испорчена, подумай об этом. Если не для себя, то хотя бы для меня и для моей семьи. Ведь доброе имя Лиотаров может быть опорочено твоими действиями. В конце концов, ты живешь в нашем доме.

Хотя Никколо не было дела до слухов в женевском обществе, он кивнул. Отец предупреждал его перед отъездом, что в Женеве ревностно следят за приличиями, и поэтому всегда нужно вести себя безупречно.

— Обещаю, что буду осторожен, — торжественно заявил он. — Я не опозорю твою семью. Это будет недолгий визит. Я просто заберу пальто, вот и все.

Она улыбнулась, и тучи, сгустившиеся над ними, развеялись в солнечных лучах ее глаз.

— А когда вернешься, все-превсё мне расскажешь, ладно?

Вивиани рассмеялся.

— Тогда я попрошу одного из ваших слуг отнести мою визитку на виллу. Завтра вечером отправлюсь в этот... оплот греха.

10

Konne, 1816 год

Никколо читал выпуск «Нью Мансли» 1814 года, в котором были опубликованы его любимые рассказы, когда в его комнату, запыхавшись, вбежала Валентина. Девушка настолько торопилась, что, видимо, совершенно не подумала о том, что не пристало врываться в комнату не постучав. Не смущало ее и то, что Никколо сидел в кресле в полурасстегнутой рубашке.

К несчастью, на вилле Лиотаров не было настоящей гостиной, поэтому юноша устроился в маленькой комнатке с креслом — тут свет лучше всего подходил для чтения. Обстановка здесь, как и во всем доме, была скромной, со строгими линиями и без украшений. Скорее всего, это было связано с кальвинистскими убеждениями семьи.

Валентина взбудораженно махнула рукой в сторону окна, из которого открывался прекрасный вид на парк и озеро.

— Никколо, пойдем! Нам срочно нужно на набережную, — девушка так разволновалась, что заговорила с ним по-французски.

Вивиани с сомнением посмотрел на пасмурное небо за окном.

— Почему? — тоже на французском спросил он.

— Там нашли труп!

— Труп?

— Да, утопленника.

— Откуда ты знаешь?

— Мне Мари рассказала. Ну, горничная. Она помогала Альфонсу с лодкой и увидела... но это неважно. Пойдем быстрее, пока папа об этом не узнал и не запретил мне, то есть нам, идти туда.

Не успел Никколо ответить, как девушка уже была у двери. Замерев в дверном проеме, она нетерпеливо притопнула ножкой. Ее лимонного цвета платье странно смотрелось на фоне темных стен в коридоре. Никколо не знал, следует ли ему идти у нее на поводу, но потом решил, что это — лишний повод насладиться ее обществом. Он оглянулся — нужно было одеться потеплее. Шерстяное пальто до сих пор было у лорда Байрона, поэтому пришлось накинуть тонкий плащ, хотя это и не соответствовало холодной погоде.

— А ты уверена, что нам следует туда идти? Зрелище наверняка будет чудовищным, Валентина.

— О да, — ее глаза так и сияли. — Мари говорит, просто жуть! Прямо как в твоих рассказах, — она указала на журнал.

Никколо действительно только что читал историю о вскрытии. Юноша виновато опустил голову, проклиная про себя Марцеллу. Несомненно, это сестра своей постоянной болтовней забила Валентине голову. Иначе почему бы девушке из благородной семьи пришла в голову мысль о том, что неплохо бы взглянуть на утопленника...

И все же он подал Валентине руку и улыбнулся.

— Пойдем.

— А если папа нас увидит, скажем, что собрались на прогулку.

— Точно. — Никколо понимал, что в такую дождливую погоду это не лучшая отговорка.

Тем не менее им удалось покинуть дом незамеченными, и вскоре они очутились на берегу, где собралась толпа зевак.

Никколо показалось, что тут присутствуют все жители крошечной деревушки Коппе — полукругом у воды выстроилось человек тридцать, мужчины и женщины всех сословий. Их разговоры заглушал шум дождя.

Юноша предпочел бы подойти незаметно, но Валентина, рассыпаясь в извинениях, начала проталкиваться вперед. Никколо она тащила за собой за руку, и вскоре они оказались в первом ряду зевак. В толпе слышалась и иностранная речь, английский и русский, но большинство собравшихся были местными и говорили по-французски.

Объект пристального внимания всех присутствующих еще находился в озере. Увидев труп, Валентина перекрестилась. Кто-то подтащил утопленника ближе к берегу, но ноги оставались в воде. Их подталкивало волной, и казалось, что бедняга еще проявляет признаки жизни. Впрочем, Никколо сразу отметил, что перед ними мертвец. Тело раздулось, кожа потемнела, кое-где проступили красные и лиловые пятна. В плоти зияли глубокие раны, кровь из них не текла, и они напоминали вспененные рты, разинутые в беззвучном крике.

Но в первую очередь внимание Никколо привлекло лицо утопленника. Вернее, его отсутствие. На месте лица свисали разорванные остатки кожи и мышц, местами даже проглядывали кости. Голова мертвеца совершенно утратила все человеческое, и юноше почему-то подумалось, что она похожа на кусок сырого мяса.

Валентина тихо вздохнула. Вивиани решил было, что она упадет в обморок, но девушка лишь сжала его руку. Кровь отлила от ее щек.

На трупе были лишь рваные белые штаны, и на мгновение Никколо вспомнил встречу с Байроном. Испугавшись того, что сейчас они смотрят на останки английского лорда, юноша уже открыл рот, собираясь высказать свое предположение, но тут же понял, что это не Байрон. Присмотревшись внимательнее, можно было заметить, что, несмотря на то что мертвеца изуродовало в воде, при жизни этот человек был значительно ниже, а может быть, и старше великого поэта.

— Тут есть врач? — громко спросил Вивиани по-французски.

— Мы отправили кое-кого в Женеву, — какой-то молодой человек махнул рукой на юг. — Приведет кого надо.

— А что насчет того чудо-доктора из Англии? Ну, тот, что живет в Колони? Может, лучше послать за ним лодку? — осведомилась одна пожилая дама, но ей никто не ответил, и Никколо заметил, что некоторые в толпе сложили пальцы в знак, отгоняющий злых духов.

— Кому-нибудь известно, кто это?

В ответ присутствующие лишь молча покачали головами.

— Надо идти, — шепнул Никколо своей спутнице. — Скоро тут объявятся brave представители закона.

Но девушка как завороченная по-прежнему смотрела на труп.

— Гляди, у него что-то в руке, — она присела на корточки.

Действительно, в правой руке мертвеца виднелся какой-то продолговатый зеленый предмет. Никколо тоже наклонился к трупу и, поморщившись, осторожно разжал холодные

пальцы. Почувствовав, как к горлу подступает тошнота, молодой граф отвел взгляд от утопленника и стал смотреть на озеро. Поднявшись, он показал Валентине маленький цветок.

— Это медуница, — разочарованно протянула девушка. — Она тут почти в каждом саду растет.

— Я думаю, нам действительно следует уходить, Валентина.

— Ты прав. Если мама узнает, что мы были здесь, ей потребуется нюхательная соль.

Взяв Никколо под руку, она вывела его из круга зевак. Удаляясь, он услышал, как какая-то сгорбленная старуха сказала:

— Надо вбить бедняге кол в сердце, а потом сжечь. Так безопаснее.

Пораженный услышанным, Никколо направился в дом Лиотаров. Должно быть, здесь очень распространены суеверия, раз кто-то осмеливается произносить такие слова публично.

— О чем ты думаешь? — спросила Валентина.

— О моем дяде.

— О дяде? — Девушка явно удивилась.

— Да. Он долго болел. Последние часы перед тем, как он умер, я просидел у его кровати. Врачи сказали, что он фактически захлебнулся, потому что его легкие наполнились жидкостью. Он раздулся, и его тело покрылось темными пятнами, как у этого утопленника.

— Ты думаешь, погибший болел?

— Не знаю. Эти раны...

— Я думаю, его убили. Ты заметил, какое у него изуродованное лицо?

— Может быть, на него напал дикий зверь, — предположил Никколо. — Приближается зима, и в долину могли спуститься волки. Или медведи. Вчера мне показалось, что я слышу волчий вой.

— Но как его тело попало в озеро? Не волки же его туда бросили.

На это у Никколо не было ответа, и он решил сменить тему.

— А ты не испугалась, глядя на него?

Валентина энергично тряхнула головой, и с ее волос во все стороны полетели брызги.

— Я вместе с мамой работала в лазарете. Помогала тем, кто вернулся с войны. Самых тяжелых больных размещали в другом крыле, но я уже и не вспомню, сколько раненых и инвалидов я там видела. Тот несчастный, — она махнула рукой в сторону озера, — меня не пугает. Надеюсь, Господь принял его душу.

При этих словах ее лицо окаменело, и Никколо ощутил в ее голосе горечь, что так не вязалось с ее всегдашней беззаботностью. Он знал, что ее брат погиб в 1813 году в битве за Дрезден и эта потеря принесла ей много боли.

С начала этого века и среди родни Вивиани в войнах погибло много мужчин, поэтому перспектива военной службы казалась Никколо не очень-то заманчивой. То, что его отец считал священным долгом, сам юноша рассматривал как проявление вечной жестокости.

11

Konne, 1816 год

Направляясь от виллы Лиотаров к причалу, Никколо даже немного пожалел о том, что решил нанести этот визит сегодня. Впервые за последние дни из-за облаков выглянуло солнце, и было бы прекрасно провести этот вечер вместе с Валентиной, играя на пианино. С другой стороны, сейчас его ожидала удивительнейшая встреча. «Может быть, я боюсь?» Ответа на этот вопрос Никколо не знал. Да, он волновался, нервничал, сердце билось слишком часто, а ладони вспотели. В конце концов, он идет в гости к человеку, имя которого знаменито не только благодаря стихам, но и покрыто дурной славой. Впрочем, раздумывать об этом особо не стоило — к причалу уже подошла плоскодонка, на которой Никколо

собирался переправиться через озеро. Лодка остановилась у ивы, купавшей ветки в воде. Хозяин лодки оказался молчаливым, но весьма обходительным человеком. С его помощью юноша уселся в лодку, и они отплыли от берега.

Воды озера сияли в лучах солнца, вершины гор белели вдаль, а вокруг сияли изумрудом зеленые луга. Повинуясь внезапному порыву, Никколо опустил руку в освежающую прохладу волн, и вода, казалось, смыла все его тревоги. Раньше Женевское озеро, серое и унылое, не производило на него особого впечатления, но в такую погоду природа ожила, и озеро выглядело именно так, как рисовала его Валентина, когда грустила по дому.

Приободрившись, Никколо сошел на берег и наградил лодочника за его услуги более чем щедрой платой.

— Вон вилла.

Метрах в ста от берега на холме возвышалось четырехэтажное здание. За ним холмы постепенно переходили в горы. Помня предупреждение Валентины, Никколо подумал, что, произнося эти слова, лодочник перекрестится, но тот лишь показал своему пассажиру дорогу и оттолкнулся от берега.

— Спасибо, добрый человек, — попрощался с ним Вивиани и, задумчиво постучав пальцем по лбу, присмотрелся к вилле повнимательнее.

Фундамент здания был квадратным. Над светлыми каменными стенами поднималась красная крыша с печными трубами и окошками. Первый этаж обрамляли колонны, на которых покоился балкон с навесом, откуда открывался вид на озеро. Вокруг виллы простирался небольшой парк с зелеными лужайками и высокими деревьями. Все тут поросло медуницей. Поместье выглядело очень опрятно и ни в коей мере не производило впечатления оплота греха.

Очевидно, прибытие Никколо не осталось незамеченным: слуга, в котором юноша узнал Флетчера, открыл дверь еще до того, как Вивиани успел пройти последние шаги до двери. Флетчер склонился в поклоне. Вдохнув, Никколо кивнул ему. Он никак не мог побороть вновь вспыхнувшую в его душе смутную тревогу.

— Позвольте взять ваше пальто, — сейчас слуга казался еще чопорнее, чем тем утром, когда он встречал своего господина на набережной.

— Не волнуйтесь, друг мой, — в прихожую вышел Байрон. — На этот раз вы получите пальто назад.

— Оба, я надеюсь? — Слова сами сорвались с языка Никколо.

Улыбнувшись, лорд кивнул. Он был одет в вечерний костюм, словно собирался на прием.

— Конечно, оба. И вы непременно должны рассказать мне, как мне отблагодарить вас за помощь. Но сперва скажите, как правильно произносить ваше имя. От холода я так торопился попасть домой, что вел себя совершенно недопустимо и не спросил, как вас зовут. Теперь же я могу лишь прочесть ваше имя на визитной карточке и боюсь, что произнесу его неправильно.

— Вам не о чем беспокоиться, ведь сама ситуация не располагала к светскому обмену любезностями. Меня зовут Никколо Вивиани, шевалье д'Отранто.

— Очень рад знакомству, шевалье, — улыбнулся Байрон, еще раз повторив имя Никколо. — Теперь же я настаиваю на том, чтобы вы поднялись наверх и познакомились с остальными.

Немного опешив, Никколо пошел за ним по лестнице. Юноша не ожидал, что тут будет кто-то еще, и мысль о том, что придется произвести хорошее впечатление не только на лорда Байрона, но и на его друзей, смущала его.

Они вошли в большой зал. В широкие окна струились лучи солнца. Эта комната, как, вероятно, и вся вилла, была обставлена просто и элегантно, в стиле начала XVIII века. Стены были обиты темным блестящим деревом.

К удивлению Никколо, компания, ожидавшая их здесь, оказалась маленькой: когда они

с Байроном вошли, из-за серебристого стола встали двое мужчин и две женщины.

— Это шевалье Вивиани, о котором я так много рассказывал. Человек, который спас мне жизнь, — заявил Байрон.

— Не много ли чести? — пробормотал юный итальянец, но лорд, опустив ладонь ему на плечо, уже подвел его к остальным гостям.

Никколо заметил, что все здесь очень молоды: никому не было больше двадцати пяти лет.

— Эти очаровательные дамы — Клара Клэрмон¹⁵ и Мэри Годвин¹⁶.

— Очень рад, — Никколо повернулся к Мэри, девушке лет двадцати, в темном открытом платье с цветочной тесьмой.

Мэри была очень красива, но в особенности Никколо поразили ее прекрасные темные глаза, в которых светился острый ум. Любуясь ее высоким лбом и тонкими губами, юноша поцеловал ей руку. Вторая девушка была одета намного ярче. Ее круглое личико обрамляли темные локоны.

— Ах, тот самый итальянец, который спас Джорджа! Восхитительно! Прошу вас, зовите меня Клэр, — Клэрмон кокетливо улыбнулась, и от этой улыбки стала казаться еще моложе.

Прежде чем Никколо успел что-либо сказать, Байрон уже потащил его к другим гостям.

— Это мой врач, наш дорогой доктор Джон Уильям Полидори¹⁷, — лорд указал на темноволосого юношу.

У Полидори были широкие черные брови и выразительные черные глаза. Он вежливо, но довольно холодно улыбнулся и склонил голову в приветствии, так ничего и не сказав.

— И наконец, не менее важный человек в нашей компании, Перси Биши Шелли¹⁸, английский поэт, о котором, по моему скромному мнению, мы еще много услышим.

Юноша был очень высок и настолько худ, что казалось, будто он страдает от чахотки. Услышав похвалу, он смущенно улыбнулся и откинул прядь волос со лба. Волосы у него были роскошные — настоящая каштановая грива до самых плеч. В целом Шелли напоминал подростка, как по внешности, так и по поведению.

— Атеист, филантроп и демократ, к вашим услугам.

Думая, что Перси шутит, Никколо покосился на Байрона, но тот лишь улыбнулся. Полидори вздохнул.

— Ну что ж, дорогой мой шевалье, могу я предложить вам что-нибудь выпить?

Сешерон, 1816 год

В последний раз затянувшись, Людовико глубоко вдохнул дым, а затем опустил тонкую сигару в тяжелую латунную пепельницу и стал смотреть, как медленно затухает огонек.

Он подошел к окну гостиной и выглянул на улицу. Из-за постоянного дождя и сумерек, опустившихся на землю, там было безлюдно. Сешерон оказался идеальным местом для проживания: деревушка находилась близко и к Женеве, и к Коппе, она была совсем крошечной, но тут было несколько гостиниц и постоянных дворов, поэтому к иностранцам

¹⁵ Клара Клэрмон — любовница Байрона, сводная сестра Мэри Шелли.

¹⁶ Мэри Шелли, урожденная Годвин — писательница, автор книги «Франкенштейн, или Современный Прометей».

¹⁷ Джон Полидори — писатель, автор книги «Вампир».

¹⁸ Перси Шелли — один из величайших английских поэтов XIX в., женат на Мэри Шелли.

здесь привыкли, и даже этим дождливым летом тут было много отдыхающих. Людовико повстречал здесь людей разнообразнейших национальностей: французов, русских, англичан и других. Хорошее место. Тут он не привлекал к себе внимания.

Комнаты, которые граф снимал, были дорогими, но мебели было немного, а так как Людовико здесь ничего не менял с тех пор, как взял ключи у хозяина дома, обстановка ничего не говорила о характере теперешнего постояльца. Пять комнат занимали весь первый этаж дома, а больше Людовико ничего не интересовало. Хозяин дома очень удивился, узнав, что постоялец поселился здесь один, и так долго распространялся об этом, что Людовико пришлось сказать, что он ищет нового слугу.

Граф ненавидел подобную ложь, от которой никуда не мог деться, но он чувствовал в хозяине склонность к сплетням и жадности, поэтому пришлось солгать, ведь иначе пришлось бы просто его убить, а это могло осложнить пребывание под Женовой.

И без того его дела здесь были непростыми.

В Коппе приехал Никколо Вивиани, и Людовико еще во время приема подумал, не возникнет ли у итальянца каких-либо подозрений. Он мог стать опасен. Хотя, конечно, этот молодой болван, по уши влюбленный в Валентину, не представлял для Людовико реальной угрозы, но граф не склонен был недооценивать силу любви. Его самого интересовала дочь Лиотара, и не стоило упускать из виду соперника, сколь бы ничтожны ни были шансы этого шевалье. В особенности следовало учитывать тот факт, что они с Никколо были знакомы раньше. Людовико надеялся, что смена имени не пробудила в юноше любопытство.

Наткнувшись впопыхах на столик, граф ругнулся. Когда же уже настанет ночь? Днем его глаза ничем не отличались от глаз простых смертных, хуже того, дневной свет слепил его, даже столь слабые лучи заходящего солнца. И только ночью его натура проявлялась в полной мере, давая ему возможность ориентироваться в полной темноте.

Встреча с Валентиной взволновала Людовико больше, чем он осмеливался признать. Ее близость оказывала на него странное влияние. Раньше граф не думал, что такое вообще возможно. Обычно он чувствовал в людях лишь их темную сторону, их стремление к уничтожению, подлость и жестокость, но в Валентине ничего такого не было. Когда он видел эту девушку, ему казалось, что он слышит ее заливистый смех, смех чистой радости, и это чувство укрощало хищника в его душе. Впервые за долгие годы Тьма, которую Людовико носил в себе, не отбрасывала тени на окружающий мир. Валентина могла сдерживать его Тьму, и потому граф хотел обладать этой девушкой, обладать целиком и полностью. Она должна стать не просто его любовницей, он женится на Валентине, и она станет спутницей его жизни. Бесспорно, для этого надлежало убедить ее отца в надежности своей кандидатуры, а этому плану может помешать один вздорный итальянец, способный пробудить в Лиотарах недоверие к его персоне.

Ну что ж, он надеялся, что сегодня вечером Никколо не будет присутствовать на ужине, и, когда после трапезы мужчины удалятся в кабинет, чтобы насладиться коньяком и сигарами, Людовико сможет поговорить с отцом Валентины о свадьбе. Сейчас граф был очень рад тому, что умеет скрывать свою Тьму и всем окружающим кажется обычным человеком.

Напольные часы в гостиной пробили половину восьмого. Пора было отправляться в путь. Взглянув в большое зеркало, Людовико с удовольствием отметил, что его внешность, как и всегда, безупречна: черные волосы и узкая бородка идеально подстрижены, на темном костюме ни пылинки. Жаль только, что дождь подпортит этот дорогой наряд.

Надев пальто, граф вышел на улицу. Янтарного цвета стекла очков защищали глаза от света, хотя из-за них кто-то мог подумать, что Людовико болен сифилисом. Впрочем, без них граф страдал бы даже при такой погоде, когда все небо затянуто тучами. Пусть лучше думают, что это сифилис, чем догадаются, что же это на самом деле. Его истинный порок крови был не таким заразным, но не менее смертоносным.

Людовико всегда старался путешествовать без спутников, но тут без возницы не обойтись. К счастью, кучер уже ждал его на козлах ландо. Даже погода немного смягчилась:

мелкий дождь прекратился и на горизонте показалась узкая полоска чистого неба. На другой стороне улицы граф заметил хозяина своего дома. Тот оживленно разговаривал с каким-то незнакомым господином в черном сюртуке. Не желая привлекать к себе внимание, Людовико шмыгнул в карету — к его удовольствию, она была крытой.

Konne, 1816 год

Карета остановилась во дворе у ярко освещенной виллы Лиотаров. Слуга открыл Людовико дверцу и сопроводил его ко входу в дом. Спрятав темные очки в карман, граф отдал пальто и направился в гостиную, где его уже ждали.

— Граф Карнштайн, как мы рады вас видеть!

Поднявшись навстречу гостю, мсье Лиотар протянул руку. Приветствовав толстяка, граф выразил ему свое почтение и повернулся к его жене и дочери. Целуя руку мадам Лиотар, он заметил, как она бледна. «Видимо, я выпил слишком много ее крови, — подумал Людовико. — Нужно будет держаться подальше от ее вен, раз уж я собираюсь жениться на ее дочери».

В иссиня-черном платье Валентина выглядела неотразимо.

— Я рада видеть вас вновь, граф, — она одарила его милой улыбкой. — В особенности после того, как Никколо немного поведал мне о ваших приключениях. Искренне надеюсь, что вы расскажете нам больше о своем прошлом.

— Не следует досаждать графу вопросами, дитя мое, — перебила ее мать.

— О нет, мадам, Валентина вовсе не досаждает мне, — Людовико, впрочем, не ответил девушке, а сразу перевел разговор на другую тему. — Да, наш юный друг Никколо. Он вернулся в Италию или же сегодня решил отужинать в городе?

— Никколо... — с воодушевлением начала Валентина, но тут же осеклась, увидев обеспокоенный взгляд отца. — Сегодня ужинает не здесь.

Странное поведение Лиотара не ускользнуло от внимания Людовико.

— У шевалье Вивиани дела, которыми он вынужден был заняться сегодня вечером, — ледяным голосом заявила мадам.

Граф не решился расспрашивать ее, что же это за дела. «Судя по ее выражению лица, сегодня Никколо ужинает с самим дьяволом».

Людовико уже собрался нарушить повисшее в воздухе неловкое молчание, но мсье Лиотар его опередил:

— Вы уже слышали об утопленнике, граф? Сегодня утром его вынесло на берег.

— Утопленнике? — Людовико поднял бровь. — Сожалею, но эта новость еще не дошла до Сешерона. Видимо, речь идет о каком-то несчастном рыбаке?

— Это еще неизвестно. Его... не опознали, — уклончиво ответил Лиотар.

— А я думаю, что его убили. А потом изуродовали ему лицо, чтобы скрыть личность пострадавшего. — Валентина сказала это насколько спокойно, будто рассуждала о своих уроках пения.

— Любовь шевалье к страшным историям передалась и тебе, дитя, — раздраженно заметила мадам.

В этот момент в зал вошла горничная.

— Ужин подан, — девушка присела в реверансе.

Лиотар взял дочь под руку, Людовико же сопровождал хозяйку дома. От его прикосновения женщина задрожала. Графа это позабавило.

Плотнее завернувшись в шаль, мадам Лиотар неуверенно покосилась на Людовико, и тот ответил ей широкой улыбкой. Граф знал, что она не сможет вспомнить те мгновения, когда он пил кровь из ее вены.

На стол подали бульон, форель и филе. Разговор шел о всяких пустяках, и Людовико очень старался произвести на семью Лиотар хорошее впечатление, подчеркивая в беседе свой ум и высокое положение в обществе. Пища не отличалась приятным вкусом, потому он

почти ничего не ел. Уже после третьей перемены блюд семейка Лиотар показалась ему невероятно скучной.

— Ваше замечание об утопленнике в озере представляется мне весьма уместным, мадемуазель, — Людовико повернулся к Валентине, которая все это время молчала. Ее улыбка вновь наполнила комнату радостью. — Впрочем, я боюсь, что местные представители властей окажутся не столь дальновидны, как вы, и не сделают соответствующих выводов.

— Я думаю, что наши жандармы достаточно умны и не станут слушать выдумки юной дамы, — поспешно вмешалась госпожа Лиотар.

Валентина поджала губы.

— Я не стал бы называть слова Валентины выдумкой, — вступился за девушку Людовико.

— Благодарю вас, — ответила она. — Но действительно, к моему мнению они не прислушаются. Как вы полагаете, возможно, ваши слова покажутся жандармам более весомыми? Может быть, вы могли бы убедить их в том, что произошло убийство, и попытаться выяснить об этом происшествии побольше?

— Туше, — улыбнулся граф. — Если таково ваше желание, я непременно завтра узнаю, как продвигается расследование. Возможно, вы позволите мне прогуляться с вами завтра днем, чтобы я мог рассказать о моей встрече с жандармами?

Валентина опустила глаза и в конце концов кивнула.

— Конечно, только с вашего позволения, мадам, — Людовико повернулся к госпоже Лиотар.

— Само собой разумеется, граф. Если все то, что сулит нам нынешний вечер, оправдается.

Несмотря на смущение мадам, он заметил холодный блеск в ее глазах. «Ну и ну, — горько подумал он, — они уже начинают прикидывать цену, которую я предложу за руку их дочери».

— Сигару, друг мой? — Лиотар встал из-за стола.

Горничная начала убирать остатки персиков со взбитыми сливками.

— Не откажусь.

Поднявшись, Людовико сжал руку Валентины. Он целовал ее на мгновение дольше, чем позволял этикет, но девушка, хоть и не отдернула ладонь, на его прикосновение не ответила.

Прощавшись с дамами, граф последовал за Лиотаром в его кабинет. Раскуривая сигару, он задумался об утопленнике. «Возможно, Валентина права и речь действительно идет об убийстве. Стоит исполнить ее желание и поговорить с властями».

Если здесь, в Швейцарии, станет опасно, придется уезжать отсюда как можно скорее. Но он не хотел покидать Женеву без Валентины.

Помахав рукой, Людовико разогнал дым и улыбнулся Лиотару.

— Мсье, я хотел бы поговорить с вами о вашей дочери.

Колони, 1816 год

Ужин состоял из трех перемен блюд. Стол был уставлен разнообразнейшими деликатесами. Уже первая перемена — устрицы, суп, редис и оливки с рыбой — пришлась Никколо как нельзя по вкусу. Разложив салфетку на коленях, юноша обвел взглядом пиршество. Лорд Байрон отхлебнул воды из высокого стакана.

— К сожалению, у нас недостаточно слуг, чтобы питаться как князь Куракин¹⁹, но я

¹⁹ Князь Александр Куракин в начале XIX века ввел в Европе моду на особую сервировку стола, предполагавшую постепенную подачу блюд (так называемая русская сервировка), а не выставление на стол всего сразу (так называемая французская сервировка).

надеюсь, что наш скромный стол не опровергнет ваших ожиданий.

— Ни в коей мере, милорд, — поспешил заверить его Никколо. — Напротив, я польщен.

— Обычно мы все же ужинаем проще, — добавила Клэр, отпивая глоток мадеры.

Никколо уже попробовал это вино, и, несмотря на кисловатый привкус, оно ему понравилось.

Сперва Вивиани удивился, увидев, что дама за столом не гнушается алкоголя, но вскоре понял, что привычки обитателей этой виллы отличаются от привычек завсегдатаев приемов и балов, на которых ему довелось побывать.

Несложно было догадаться, что жители Женевского кантона, трудолюбивые и богобоязненные люди, не одобряют подобное поведение. Несомненно, дурная слава постояльцев и гостей виллы Диодати основывалась на их непривычных манерах и нежелании соблюдать некоторые обычаи и нормы морали, а здешние простаки в своем невежестве распространяли о них слухи, которые основывались лишь на суевериях.

Хотя на родине Никколо обхождение лорда тоже вызвало бы скандал, юноша, глубоко уважая литературный талант Байрона, был склонен смотреть на это сквозь пальцы. Здесь собрались вольные духом люди, и Никколо это радовало.

В то время как все гости наслаждались деликатесами и красным вином, произнося тосты, лорд пил только воду.

— У вас нет аппетита? — спросил Никколо, видя, что Байрон вовсе не собирается накладывать себе ни телячий паштет, ни пирожки с мясом, ни жареную говядину с фасолью.

— Наш Перси считает плотские утехы недостойными, и я, в свою очередь, решил довольствоваться лишь водой и фруктами, — улыбнулся лорд. — Это очищает тело и разум.

— *Mens sana in corpore sano* ²⁰, — поддержал его Полидори.

Перси улыбнулся, и Никколо показалось, что он заметил в этой улыбке презрение.

— Есть много людей, чье тело здорово, а дух слаб, — горячо возразил Шелли. — А бывает и так, что лучшие души скрыты в телах, пораженных болезнью!

— Как врач, могу заверить вас, что здоровое тело необходимо для душевного равновесия, — кисло протянул Полидори.

Подняв бокал с водой, Байрон шутливо чокнулся с доктором.

— Ювенал²¹ говорил, что нужно молиться, чтобы обрести и здоровое тело, и здоровый дух, — заметила Мэри, не поднимая глаз. — Недавно я перевела несколько его сатирических стихотворений.

— Лорд Б. прав, — Шелли решил сменить тему. — В знак солидарности с отважным населением Ирландии я отказался от потребления мясной пищи, ведь жители острова страдают от голода. К сожалению, они настолько заиклены на своих традициях, что не видят перспектив лучшего будущего.

— Да, католики упрямы, а виски превращает их в настоящих ослов, — добавил Байрон.

— И это касается не только ирландцев, — Клэр улыбнулась.

— Скажите, шевадье, а как вы относитесь к религии? — Шелли не сводил с Никколо взгляда.

Поэт, раньше казавшийся сущим мальчишкой, теперь предстал перед Вивиани в новом свете. В его глазах горел огонь, которого Никколо раньше не замечал.

— Моя семья исповедует католицизм, что свойственно жителям Тосканы, — уклончиво ответил он, не зная, как реагировать на этот вопрос. — А что касается ваших взглядов, то ны их уже высказали.

— Вы должны простить Шелли, — вновь вмешался Байрон. — Религия для него —

²⁰ В здоровом теле — здоровый дух (лат.).

²¹ Древнеримский поэт.

больной вопрос. Если вы собираетесь наведываться сюда почаще, друг мой, чего я искренне желаю, то приготовьтесь к долгим разговорам о необходимости всеобщего атеизма. Но не волнуйтесь. Хотя я не могу отречься от Бога, с Перси меня связывает давняя дружба, и он относится ко мне так же тепло, несмотря на мои религиозные чувства.

Неуверенно улыбнувшись, Никколо отхлебнул вина, пытаясь скрыть свое смущение. Шато д'Икем было просто великолепно.

— Давайте оставим эти разговоры о религии, — должно быть, лорд заметил замешательство Вивиани. — Они безмерно огорчают меня.

— Давайте лучше поговорим о чем-то веселом, Джордж, — радостно поддержала его Клэр.

— В качестве исключения я склонен согласиться с нашей Клэр, — протянул Байрон, смерив ее задумчивым взглядом. Взяв еще один бокал, до того пустовавший у его тарелки, он палил туда красного вина. — Довольно аскезы. Воспоем же дифирамбы в честь Диониса, которому полюбился бы этот восхитительный напиток.

Лорд поднял бокал, и все поддержали его тост, возносивший хвалу покровителю театра, древнегреческому богу вина, экстаза, опьянения, вдохновения и свободы.

— Недавно в разговоре мы обсуждали интересный вопрос о том, удастся ли вскоре науке, так сказать, воссоздать жизнь, — начал Байрон. — Чудеса современного мира столь многогранны, что уже ничто не кажется невозможным. Если я правильно припоминаю, Мэри высказала несколько весьма интересных идей по этому поводу.

Улыбнувшись, Годвин опустила глаза.

— Твоя похвала, Джордж, большая редкость, и тем она ценнее, — тихо произнесла она.

Никколо заметил, что Полидори не сводит глаз с юной дамы, и если на Шелли он смотрел с ненавистью, то во взгляде, брошенном на Мэри, читалось чуть ли не благоговение.

— Что будет, если человек возвысится до уровня Создателя? — Она по-прежнему говорила тихо, но в ее словах звучала скрытая сила. Видя, что привлекла всеобщее внимание, девушка покраснела. — Что тогда произойдет и с Творцом, и с его творением?

— Эразм Дарвин²² проводил интересные эксперименты, пытаясь оживить мертвую материю.

— Да, но не опасно ли красть искру жизни у богов подобно Прометею? — осведомился Полидори.

— А каково ваше мнение, шевалье? — спросил Байрон, поворачиваясь к Никколо. — Стоит ли стремиться обрести божественную силу? Или это слишком опасно?

Вивиани опустил голову.

— Я полагаю, что это вопрос сугубо теоретический. Как автор я бы сказал, что нам всегда следует стремиться к тому, чтобы вдохнуть жизнь в неживую материю. Но как философ ответить на ваш вопрос я не решусь.

Он вздохнул, опасаясь, не сболтнул ли глупость, но его волнения оказались неоправданными.

— Bravo! — воскликнул Байрон, явно довольный услышанным. — Блистательный ответ. Так вы и сами пишете? Тогда вы непременно должны прочитать нам что-нибудь из ваших произведений.

Никколо смущенно уставился на свой бокал. Он не мог себе представить, что отважится прочитать свой рассказ о безумном монахе в этой компании.

— Италии сейчас не хватает новой свежей струи в литературе, — заметил Шелли.

— Мадам де Сталь считает, что между Северной и Южной Европой в культурном отношении пролегла глубокая пропасть и это сказывается на духовном развитии соответствующих стран, — заявил Байрон. — Время подъема для Южной Европы уже позади, и духовное обновление Европы придет с Севера. Так, она приводит в пример немцев,

²² Дед Чарльза Дарвина.

считая их «народом поэтов и мыслителей».

— С ней сложно не согласиться. Взять хотя бы такие произведения, как «Дон Карлос» или «Страдания юного Вертера», — застенчиво пробормотала Мэри.

— Гете — истинный гений, человек широчайших взглядов. В Италии таких не было со времен Данте Алигьери, — подтвердил лорд.

Темы разговора менялись с поразительной скоростью, и время в непринужденной беседе, казалось, летело незаметно. Вивиани радовался тому, что учителя не только мучили его своей строгостью, но и сумели передать ему кое-какие знания, а его любовь к литературе позволяла общаться с Байроном и его компанией почти на равных. Эта свобода в разговоре пьянила Никколо сильнее вина.

— Этот Шлегель довольно остроумен. Он утверждает, что... — Байрон не успел договорить.

Шелли внезапно вскрикнул, и в его голосе прозвучала такая боль, словно его смертельно ранили. Лицо юноши побледнело, глаза широко распахнулись, а левую руку, сведенную судорогой, он прижал к груди, другой же указывал на окно.

— Вон! Там!

Никколо попытался рассмотреть в темноте хоть что-то, но не заметил ничего необычного.

— Перси, что с тобой? — встревоженно спросила Клара.

— Что такое, во имя всех святых? — опешил Полидори.

Лицо Шелли покрыли капельки пота, глаза в отблесках свеч горели огнем безумия, и у Никколо даже мурашки побежали по коже. Перси ловил губами воздух, как утопающий, будто комната внезапно наполнилась водой. Он все время глядел в окно, не замечая происходящего вокруг.

Вскочив, Никколо подбежал к окну, распахнул его и выглянул наружу. Ему показалось, что в саду среди деревьев мелькнула какая-то тень, но уже через мгновение юноша не смог бы сказать с уверенностью, видел ли он что-то, или это его глаза, а может быть, и рассудок, сыграли с ним шутку. Крик Шелли напугал его, и, закрывая окно, Вивиани заметил, что у него дрожат пальцы.

Мэри, взяв Перси за руку, принялась его успокаивать, да и остальные гости сгрудились вокруг него. Поэт побелел как мел, дыхание участилось, он весь взмок. Мэри осторожно протерла его лоб салфеткой.

— Давайте отведем его в спальню, — в конце концов решил Байрон.

Они совместными усилиями провели Шелли по коридору, подняли его вверх по лестнице и уложили в огромную кровать в одной из комнат. По сравнению с первым этажом виллы, теплым и уютным, эта мрачная неотапливаемая комната произвела на Вивиани гнетущее впечатление. Клэр зажгла на ночном столике свечу. Стало немного лучше.

Полидори склонился над Перси, осматривая его, прощупал пульс и приложил ухо к груди.

— У него приступ паники. Скоро это пройдет, но пока ему нужно чье-то общество, так что дамам лучше остаться здесь и присмотреть за ним. А мы нальем ему разбавленного виски.

— Спасибо, доктор... Джон, — пробормотала Мэри. — Я рада, что ты с нами.

Доктор улыбнулся, польщенный, но тут же отвел глаза, заметив насмешливую ухмылку Байрона.

— Итак, предадим же Перси этим нежным рукам, — кивнул лорд.

Никколо заметил, что при этих словах Байрон смотрел на Полидори.

Покраснев, доктор повернулся и вышел из комнаты. Девушки уселись на кровать по обе стороны от Шелли. Клэр убрала мокрые от пота волосы с его лба, а Мэри прижала его слабую руку к своим губам.

Приобняв Никколо за плечи, лорд подвел его к двери.

— Пожалуйста, подождите меня внизу. Я задержусь здесь еще на мгновение, а потом

составлю вам компанию.

Вивиани молча кивнул.

Краем глаза он успел увидеть, как Байрон склонился к Шелли, что-то шепнул ему на ухо, после чего поэт закрыл глаза.

Направляясь в гостиную, Никколо попытался разобраться в происходящем. Перед его внутренним взором до сих пор стояла та тень в саду, которой, возможно, там никогда и не было, но как Вивиани ни старался, он не мог понять, что же он там увидел, и увидел ли вообще.

В гостиной за столом с остывшей едой сидел доктор Полидори, уютно устроившийся в кресле с вином в руке.

— Ну что? Как дела у нашего... пациента? — Врач шутливо поднял бокал.

— Мне показалось, что он не в себе, — уклончиво ответил Никколо.

— Не волнуйтесь, вскоре он будет в порядке. Он уже не в первый раз видит то, чего нет.

— Я не знаю, что он увидел, но в саду... — Вивиани запнулся. — Возможно, там что-то было.

— Нет-нет, мой юный друг, не дайте ему сбить себя с толку. Перси Биши Шелли постоянно на взводе, его нервы истощены, он страдает от *избыточной чувствительности*. Без Мэри он вообще вряд ли осмеливался бы выйти с утра из дома. В саду ничего не было, разве что вы у нас верите в привидения.

Вивиани невольно покачал головой. Насмешливость, звучавшая в голосе Полидори, раздражала.

— И что вы о них думаете? Я хочу сказать, что лорд Байрон, несомненно, обладает невероятной творческой энергией. Он настоящий представитель высшего общества, и я рад, что могу сопровождать его. Но что вы думаете о Шелли и его спутниках?

— Я ведь с ними едва знаком, — осторожно ответил Никколо. — Они очаровательны. И показались мне очень вежливыми и образованными.

— А еще они умны, — Полидори отхлебнул вина. — Чертовски умны.

— Они родственники? — поинтересовался Никколо.

— Мэри и Клэр — сводные сестры, — ответил доктор. — И я уже не раз думал о том, какое влияние на них оказывает наш столь подверженный эмоциям друг Перси. Он бросил жену, просто оставил ее в Англии, и отправился сюда с Мэри, знаете ли.

Полидори окружала какая-то аура уныния, он кутался в свое мрачное настроение, словно в черное, рваное пальто, и эта печаль лишь усиливалась, когда он говорил о Шелли и его спутниках.

Чтобы отвлечь его от грустных мыслей, Никколо решил сменить тему разговора.

— Фамилия Полидори похожа на итальянскую.

— Да, так и есть. Мой отец, Гаэтано Полидори, родом из Пизы. Он долгие годы работал секретарем у поэта Витторио Альфиери, но потом из-за своих республиканских убеждений вынужден был покинуть страну. Моя мать — англичанка.

— Тогда мы с вами наполовину земляки, — Вивиани улыбнулся.

Он вспомнил о том, как его отец не раз поносил «презренного республиканца» Альфиери, но решил об этом не упоминать.

— Возможно, вы слышали о моем отце. Он кое-что перевел с английского на итальянский, а вы весьма начитанны. Например, он переводил «Потерянный рай» Мильтона и Уолпола.

— Да, вполне вероятно, что я знаком с его переводами, — согласился Никколо, не упомянув, впрочем, о том, что давно уже читал подобные книги в оригинале.

Беседуя с Полидори, юный шевалье все время косился на окно, но, кроме очертаний деревьев на фоне ночного неба, так ничего и не разглядел. Устроившись напротив врача, он с удовольствием налил себе еще бокал вина. Они продолжали общаться, но Вивиани сейчас думал о своем.

— Как я погляжу, Джон взял на себя мои обязанности гостеприимного хозяина, которыми я столь невежливо пренебрег, — войдя в гостиную, Байрон виновато развел руками.

— Как дела у мистера Шелли? — спросил Никколо, вставая.

— Спит как сурок.

— Кто бы сомневался, — буркнул Полидори.

— Рад это слышать. Что ж, не хочу вас больше обременять. Уже довольно поздно, и господа Лиотар, у которых я сейчас живу, вероятно, уже беспокоятся обо мне.

— Если вы сообщили им сегодня вечером, куда направляетесь, то не сомневайтесь — они беспокоились с самого момента вашего ухода, — сухо заметил Байрон.

Никколо понял, что англичанину прекрасно известно обо всех слухах, которые ходят о нем в округе. На мгновение юноша задумался о том, останутся ли дамы тут на ночь, и от этих мыслей его бросило в жар.

Байрон звякнул в колокольчик, и в комнату вошел слуга.

— Бергер, — приказал лорд. — Наш гость уже уходит.

Слуга помог Никколо надеть пальто.

— Нужно было оставить ваше пальто у себя в качестве залога, что вы скоро придете опять, — улыбнулся Байрон.

Вивиани почувствовал гордость оттого, что поэт приглашает его вновь.

— В этом нет необходимости, милорд. Я с радостью приму ваше приглашение.

— Значит, договорились, — радостно воскликнул Байрон. — Встретимся, скажем, послезавтра. К этому времени Шелли как раз придет в себя.

Никколо кивнул. Он вернется на виллу Диодати.

12

Женева, 1816 год

— Господин граф. — Чиновник услужливо поклонился.

Людовико посмотрел на знавший лучшие времена стул, стоявший за столом. Ему захотелось протереть сиденье носовым платком, прежде чем опускаться на него, но потом он все же решил рискнуть. Если возникнет такая необходимость, придется сдать костюм в стирку. Усевшись, граф опустил на колени элегантную трость.

Жандармерия находилась на рыночной площади, но, в отличие от возвышавшихся вокруг роскошных домов часовщиков, банкиров и торговцев, здание выглядело очень скромно. Людовико удивился, обнаружив здесь всего лишь одного жандарма. В таком городе как Женева граф ожидал большего, но, видимо, почтенные кальвинисты в этом кантоне не были склонны к нарушению закона. «Или же они делают это очень благопристойно».

Дежурный оказался низеньким худым человечком, ростом не выше четырнадцатилетнего мальчишки. Дождавшись, когда граф устроится за столом, жандарм наконец-то осмелился занять свое место. Папки с документами, карандаши, чернильницы — все было расставлено на столе в идеальном порядке.

— Чем я могу вам помочь, ваше высокоблагородие?

— Я пришел спросить вас о вчерашнем происшествии. Я имею к виду утопленника.

— Да, ужасная история, — лицо жандарма выражало крайнюю озабоченность. — Что бы вам хотелось узнать, господин граф?

— Во-первых, меня интересует, установили ли вы личность погибшего.

— По одежде и кое-каким отметинам на теле его смогла опознать его вдова. Речь идет о Жане Бонне, крестьянине, который жил на хуторе неподалеку отсюда. Он разводил кур. Супруга Бонне еще вчера начала беспокоиться. Услышав об утопленнике, она приехала в город и обнаружила, что ее опасения оказались беспочвенными.

— Крестьянин, значит? — Людовико задумчиво потер подбородок. — А вы уже выяснили, что привело этого славного гражданина к столь печальной участи?

Жандарм нахмурился еще сильнее, насколько это вообще было возможно.

— Ваше высокоблагородие, я невероятно польщен вашим интересом к этому делу, и все же... и я надеюсь, вы простите мне мое любопытство... но почему вы решили задавать эти вопросы?

Людовико улыбнулся. Какой усердный жандарм... Ну, ладно. Может быть, сунуть ему пару купюр? Хотя нет, если он действительно такой бравый, это может его обидеть.

— Я действую по поручению Совета и надеюсь на ваше сотрудничество в этом вопросе, — подавшись вперед, заговорщицки сказал граф.

Глаза дежурного расширились, хотя Карнштайн не уточнил, что это за Совет и о каком поручении идет речь. Впрочем, на это у графа были веские основания: и Совет, и поручение он только что выдумал. Тем не менее его собеседник с энтузиазмом закивал.

— Сперва мы полагали, что произошел несчастный случай, что этот человек упал в озеро, возможно, в состоянии алкогольного опьянения, а значит, сам накликал беду. Но затем доктор Одьер осмотрел тело и заявил, что Бонне умер не своей смертью. Он умирал медленно и мучительно. Не буду посвящать вас в подробности медицинского отчета, ваше высокоблагородие, скажу лишь, что этого человека сперва пытали, а затем утопили.

Людовико плотно сжал губы. Значит, Валентина была права и крестьянина действительно убили. Разумеется, это еще не означало, что враги уже идут по его следу, но очень уж характерными были методы убийц, об этом нельзя было забывать. С другой стороны... *крестьянин* ?

Жандарм достал из кармана униформы носовой платок и обстоятельно промокнул лоб.

— Очень неприятная история, господин граф. Уже пошли слухи о том, что за всем этим стоит дьявол. Говорят, что в горах неподалеку от города бесчинствует стая волков и эти твари являются предвестниками Князя Тьмы.

— Самого Сатаны, да? На него всегда возлагают вину, если никого другого найти не могут, не так ли? — пробормотал Карнштайн. Его не интересовали местные суеверия.

— Как бы то ни было, пару дней назад на хутор Бонне якобы напал волк, — дежурный предпочел не обращать внимания на фразу графа. — И теперь люди, сталкиваясь с волками, боятся, что их ждет та же участь, что и Бонне.

«Волк на хуторе. Может быть, все эти сплетни не так уж и безынтересны?» По крайней мере, именно это и могло привести к смерти крестьянина.

Людовико встал, и жандарм чуть не опрокинул свой стул, с таким рвением он последовал примеру графа.

— Сообщите мне, где находится хутор этого Бонне, — попросил Карнштайн. — Можете не сомневаться в том, что я упомяну о ваших стараниях на благо города.

— Вы очень добры, ваше высокоблагородие, — печальное лицо дежурного немного просветлело. — Я опишу вашему кучеру дорогу до хутора.

13

Неподалеку от Колони, 1816 год

Дождь плотной пеленой повис в воздухе. Он скрывал запахи ночи, размывал их, придавая им собственный аромат. Но не все запахи исчезли в потоках воды. Кое-где они оказались сильнее дождя, и это были пряные запахи, пьянящие запахи, и он следовал им.

Они встретились на лужайке, где трава поникла от дождя. Двое — это еще не стая, но так лучше, чем одному. Волки принялись носиться туда-сюда, игриво прыгая друг на друга, покусывая за лапы и повизгивая. Они гонялись наперегонки по траве, а потом, словно повинувшись какому-то сигналу, замерли на месте. Второй волк лизнул его в нос. Он не

возражал.

Дождь перешел в мелкую морось и наконец закончился, давая природе отдохнуть. По земле бежали ручейки, с листьев падали мелкие капли, из-за облаков выглянула луна, заливая все вокруг серебристым светом.

Они понеслись вверх по холму, оставив лужайку позади, протиснулись сквозь живую изгородь и стали отдаляться от поселений людей с их огнями и запахами.

Но от человеческого запаха им избавиться не удалось. Это заметил и второй волк. Теперь они были не одни.

За ними по холму карабкались какие-то люди. Их было двое, и, хотя они старались передвигаться как можно тише, их шаги грохотом разносились в ночи, а еще с их губ срывались какие-то звуки, от которых волки наострили уши. Эти люди пахли кожаной одеждой и краской, потом и маслом, а еще от них исходил резкий запах пороха.

Волки сменили направление, помчались вниз по склону, но люди не отступали. Это не было случайностью, и волки занервничали, учуяв металл.

Другой волк побежал быстрее, перейдя с рыси на галоп. Они летели сквозь ночь, тело как струна, нос опущен, клыки обнажены. Когда они бежали *вот так*, наперегонки с ветром, никто не мог их догнать, две тени, скользящие над миром в темноте.

Вскоре люди остались позади, но волки продолжали свой бег — просто потому, что могли. Остановившись, они жадно втянули воздух, и второй волк заскулил. Он потерял своего собрата головой, чтобы успокоить его.

В то же время он понимал, что этой ночью их преследовали не какие-то обычные люди. В нем вспыхнуло то же чувство, что и во втором волке.

Тревога.

Двое — еще не стая.

14

Сешерон, 1816 год

— Возникли кое-какие сложности.

Жиану это не удивило. Во время операций редко когда все проходило без сучка без задоринки. Не поднимая глаз от письма, которым она сейчас занималась, женщина махнула рукой, приказывая брату Иордану продолжать.

— Мы нашли укрытие чудовища. Пока что оно нас не заметило. Стоит ли говорить, но все соблюдали меры предосторожности, как ты и приказывала, сестра.

Подняв голову, Жиана опустила руку с пером.

— И все же?

— И все же кажется, что мы столкнулись с чем-то большим, чем полагали раньше. Мы видели, как чудовище пришло. Оно сосредоточило свое внимание на одном доме, вернее, на одной вилле в Коппе.

— Коппе?

— Небольшая деревушка в девяти милях к северу отсюда, в кантоне Ваадт.

До сих пор Жиана не интересовалась здешней географией. Эта часть мира была населена отщепенцами, кальвинистами и даже худшими еретиками, и женщина очень надеялась, что ей не придется задерживаться здесь надолго.

Она была благодарна кардиналу делла Дженга за то, что он разместил их здесь в доме, когда-то принадлежавшем католическому священнику. Этот дом находился под Женевой, а не в самом городе, и потому их пребывание не вызывало лишних вопросов.

Жиана полагала, что вскоре уедет отсюда, но после разговора с братом Иорданом стало понятно, что надеждам не суждено оправдаться.

— Чтобы получить больше информации, мы проверили жильцов дома, и...

— Каким образом?

— Я подкупил пару слуг, чтобы узнать об этой семье побольше. А двое братьев следили за ними.

— Весьма разумно, — похвалила Жиана.

Таких существ нельзя было брать нахрапом, ведь они были настоящими мастерами, когда речь шла о том, чтобы скрыться, исчезнуть, замести следы. Прежде чем нанести удар, церкви нужно было все приготовить, исключив все возможности неблагоприятного исхода операции. Нужно было соблюдать крайнюю осторожность, чтобы никто, кто мог бы помешать их планам, не знал о присутствии ордена.

Поднявшись, Жиана заперла стол. Длинное одеяние сковывало движения. Обычно женщина предпочитала что-то более практичное, но здесь в целях маскировки приходилось ходить в одежде монахини, чтобы жить в этом доме с другими монахами, не привлекая внимания.

Она и так соблюдала *Consilia Evangelica* ²³ — безбрачие, бедность и послушание, а потому притворяться обычной монахиней ей было несложно. И все же любой удивился бы, заметив, что братья находятся у нее в подчинении. Как бы то ни было, монахи тщательно следили за тем, чтобы к этому дому не приближались посторонние.

Перехватив свои курчавые волосы, Жиана ловким движением стянула их в узел на затылке. В присутствии других людей она носила платок, как и положено, но в своей комнате не соблюдала это требование.

— И ваше расследование привело к возникновению осложнений?

— Да, сестра. Это чудовище здесь не одно. Есть и другие.

С губ Жианы чуть не сорвалось ругательство, но она вовремя сдержалась. Пытаясь сохранять самообладание, она стала слушать дальше.

— Брат Джузеппе следил за жителями одной виллы с другой стороны озера, в Колони. Он говорит, что видел ночью какие-то тени и слышал волчий вой.

На этот раз Жиане не удалось совладать с собой.

— Проклятье!

Иордан тактично не обратил внимания на ее поступок, и женщина забормотала покаянную молитву: «*Confiteor Deo omnipotenti quia peccavi nimis cogitatione, verbo, opere et omissione*» ²⁴.

— Так значит, сомнений нет? — без особой надежды спросила она.

Ей бы не стали ни о чем докладывать, не проверив досконально.

— Брат Джузеппе провел серьезный допрос. При этом возникли проблемы, но он заверил меня, что устранил свидетеля. Все указывает на то, что здесь присутствует не одно создание Сатаны.

— Это усложняет нашу задачу. Есть какая-то связь между ними?

— Нам об этом пока ничего не известно.

— Не следует упускать из виду то, что эта связь вполне возможна. Насколько я знаю, эти две разновидности демонов не питают особой любви друг к другу, тем не менее, присутствие оборотней может нарушить наши планы, не говоря уже о других проблемах.

Жиана принялась рассказывать по тесной комнате туда-сюда, лихорадочно обдумывая ситуацию.

— Отправь сообщение в Рим Его Высокопреосвященству. Нам нужны будут еще братья, хорошо обученные и твердые в вере, никаких новичков. Пока подкрепление не прибудет, вышли нескольких братьев в эту Коло...

— Колони.

²³ Евангельские советы (лат.) — особый путь совершенства, предназначенный для монахов.

²⁴ «Исповедую Богу Всемогущему, что согрешила я много мыслию, словом и делом» (лат.).

— И собери информацию о новой опасности. Но действуй осторожно, брат. Очень осторожно. Один неверный шаг — и тот, за кем мы охотимся в первую очередь, почувствует наше присутствие и вновь скроется во Тьме.

Иордан кивнул.

— Нам не следует рассматривать эту ситуацию как трудности на нашем пути, брат, — улыбнулась Жиана. — Это указующий перст Божий. Господь дает нам возможность стереть с лица земли двух чудовищ. Это испытание нашей веры и нашей воли. Испытание может быть тяжким, но мы встретим опасность без страха в сердце своем и будем действовать во славу Господа нашего и святой матери-церкви.

Брат вышел из комнаты, а Жиана продолжила беспокойно метаться по комнате. Неудивительно, что отродья Тьмы наслаждаются безнаказанностью, орудуя в этих местах, ведь именно здесь святая церковь ослабела из-за отступников и еретиков. Да, настали трудные времена, ведь люди начали забывать о Слове Божьем и провозвестниках его на земле. Это и вправду было испытание, и Жиана была готова принять его, была готова уничтожить все, что затмевало славу Господню в этом мире. *«Laudate Dominum de caelis, laudate eum in excelsis»* ²⁵.

15

Konne, 1816 год

— Смотри, какое солнышко, Никколо. — Валентина уже ждала его за завтраком.

И девушка говорила правду: сквозь высокие окна в гостиную проникал яркий свет, рисуя на полу и богато накрытом столе диковинные узоры. Никколо, прищурившись, уселся напротив юной хозяйки дома так, чтобы солнце светило ему в спину. Вчера юноша выпил намного больше вина, чем обычно. И почему именно сегодня настал первый за столь долгое время солнечный и ясный день? И все же Никколо улыбнулся, ведь Валентина ждала его, и мысль об этом разгоняла похмелье.

К столу подошла горничная и, наполнив тарелку Никколо, положила рядом газету. Оказалось, что это выпуск «Цюрхер Цайтунг», напечатанный всего пару дней назад.

Не успел юноша съесть круассан, как Валентина уже отодвинула свою тарелку.

— Ну, рассказывай! — нетерпеливо воскликнула она. — Как вчера все прошло?

Опустив рогалик, Никколо посмотрел на нее. В солнечных лучах ее локоны казались золотистыми, глаза сияли, и, когда он встретился с ней взглядом, его сердце забилось сильнее.

— Хорошо, — Вивиани решил немного ее подразнить.

— Хорошо? Что значит «хорошо»? — опешила Валентина.

— Ну, это был очень интересный вечер.

— Интересный? И это все, что ты можешь сказать? — Подняв газету, девушка шутливо замахнулась. — Разыгрываешь меня, да?

— Сдаюсь, сдаюсь, — Никколо откинулся на спинку стула. — Что бы тебе хотелось узнать?

— Все, как ты и обещал.

— Ладно...

Закинув ногу за ногу, юноша закрыл глаза и попытался упорядочить воспоминания о вчерашнем вечере, а потом начал свой рассказ, стараясь передать все до мельчайших подробностей.

— В целом лорд Байрон — настоящий джентльмен, должен тебе сказать, — закончил

²⁵ Начало Псалма 148: «Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних» (лат.).

Никколо. — Они все очень образованны, и приходится все время быть настороже, чтобы не опозориться или не стать жертвой их розыгрыша. Думаю, доктору Полидори с ними нелегко.

Валентина, молчавшая все это время, задумчиво кивнула.

— Я представляла себе все совершенно иначе. Не так... весело.

— Да, это очень веселая компания. И я горжусь тем, что лорд пригласил меня завтра на ужин.

По непонятной для Никколо причине девушка вдруг раздраженно поморщилась.

— Вчера вечером здесь побывал граф Карнштайн, — она резко сменила тему разговора. — Отец позвал его на обед.

— Какие дела связывают его с твоим отцом? — С одной стороны, Никколо хотел отвлечь столь внезапно разозлившуюся Валентину, а с другой, ему очень не понравилось то, что граф Людовико вот так запросто заходит в дом Лиотаров.

— Не знаю. Вряд ли отец одобрил бы подобные разговоры за столом. Ты же знаешь, все дела семьи обсуждаются после ужина, когда мужчины удаляются в кабинет, — ее лицо потемнело от гнева. — Разве это не ужасно? Такая несправедливость! Если ты молодая девушка, тебя ограждают от всего интересного! Я не могу задавать никакие вопросы, не знаю, как именно моя семья зарабатывает деньги. И я не могу пойти с тобой на виллу Диодати!

Заметив, что Валентина очень расстроилась, Никколо тут же пожалел о том, что так красочно описал ей вечер в Колони. Он поднялся и подошел к ее стулу. Покосившись на дверь, юноша убедился, что за ними никто не наблюдает, и опустил ладонь Валентине на плечо.

— Прости меня, я не хотел тебя расстраивать.

— Ничего, — девушка прижалась щекой к его руке.

Никколо замер, наслаждаясь ее прикосновением. Сейчас он позабыл о том, что собирался сказать, о том, что их могут застать здесь другие обитатели виллы, да и обо всем остальном.

Но затем Валентина встала, нарушив очарование момента.

— Но я рада, что сегодня у тебя есть на меня время. Мы получили приглашение из замка. Мадам де Сталь ждет нас на приеме.

Konne, 1816 год

— Это большая честь.

Хотя Никколо был склонен согласиться, он ничего не ответил Валентине. Сейчас его больше заботило другое: юноша все время поправлял воротник и поворачивал манжеты так, чтобы запонки находились на нужном месте. Конечно, в этом не было необходимости, ведь он очень тщательно приготовился к приему, но все равно Никколо все время одергивал одежду. Должно быть, Валентина заметила его напряжение.

— Ты выглядишь как настоящий джентльмен, — мягко сказала она.

— Это хорошо, — Вивиани криво улыбнулся. — Но я всего лишь шевалье.

По холму нужно было подняться всего метров сорок, но Никколо подумал даже, не следует ли им подъехать на карете.

С другой стороны, он понимал, какое это может произвести впечатление.

Взяв его под руку, Валентина старалась отвлечь его пустыми разговорами о жителях деревни. Они прошли пару домов, и впереди показался замок Коппе. С боков к основному зданию примыкали две круглые башни. Линии этого архитектурного сооружения великолепно вписывались в ландшафт.

Небо опять затянули тучи, и, хотя дождь еще не начался, день вновь был хмурым и серым, и погода не позволяла насладиться этим зрелищем в полной мере.

— Главный вход расположен в парке, и во время приемов гости приезжают туда на каретах, но сегодня все менее официально.

Она подвела Никколо к проему кованых ворот. Во дворе их уже ждал слуга.

— Это Арно, — шепнула Валентина. — Он родом из Парижа и ненавидит Коппе всей душой. Служанки говорили мне, что иногда он напивается и тогда выходит в этот парк, ругая все на чем свет стоит.

— Добро пожаловать, — с достоинством произнес слуга. — Мадам де Сталь ожидает вас.

Никколо едва сумел сдержать улыбку.

Открыв дверь, слуга впустил их. Внутри гостей встретила невысокая женщина, наделенная поразительным очарованием. Вид у нее был очень энергичный. Сбежав по лестнице, она заключила Валентину в объятия. Бледно-желтое платье подчеркивало ее округлые формы, темные волнистые локоны были уложены в сложную прическу, подвязанную такой же желтой лентой. Никколо не назвал бы эту женщину красивой, но она обладала потрясающей харизмой и казалась молодой и привлекательной.

— Валентина, дорогая моя! Как я рада вновь видеть тебя в Коппе!

— Благодарю, мадам, — девушка попыталась присесть в реверансе, но у нее ничего не получилось, так как де Сталь продолжала ее обнимать.

Выглянув из-за плеча мадам, Валентина растерянно улыбнулась Никколо.

— Мадам? Что за глупости, дитя. Зови меня Жермена, — баронесса наконец-то отпустила Валентину и повернулась к Никколо.

Под ее пристальным взглядом юноша смущенно улыбнулся, однако, судя по всему, мадам понравилось то, что она увидела, и баронесса протянула Вивиани руку в перчатке. Он вежливо склонился в поцелуе.

— А вы, несомненно, тот самый юный герой, которому удалось спасти Валентину от подлых разбойников, *n' est-ce pas* ²⁶?

— Я бы так это не назвал, мадам. Я не совершил ничего необычного, и...

— Красивый, отважный и скромный, — улыбнулась де Сталь.

— Это Никколо Вивиани, шевалье д'Отранто. И он действительно спас меня.

— Что ж, тебе повезло, — подмигнула ей баронесса.

Никколо покраснел, но не успел он и слова сказать, как мадам уже подхватила их с Валентиной под руки и потащила к широкой лестнице, ведущей на второй этаж.

— Пойдемте же в салон. Там мы сможем спокойно поговорить. Сегодня мои гости направились в Женеvu, бессовестно оставив меня в одиночестве, и я не откажусь от приятной компании.

По пути к лестнице Никколо обратил внимание на две картины, висевшие слева и справа от двери на первом этаже. Судя по стилю, картины были написаны не очень давно. На них были изображены сцены охоты. Проходя мимо, юноша присмотрелся к ним повнимательнее.

Картина справа изображала охотников, скакавших на лошадях вверх по холму. На вершине холма егеря и псы безуспешно пытались загнать волка. На картине слева те же охотники окружили волка под деревом, псы уже набросились на зверя, а волк, широко распахнув глаза и обнажив клыки, защищался.

— Волки? — полувопросительно протянул Никколо.

Мадам де Сталь остановилась.

— О да. Омерзительно, правда?

— Вы не любите волков?

— Я имела в виду картины. Они такие темные. И кровавая охота?.. Нет, я предпочла бы что-то более веселое.

Никколо это не удивило. Насколько он слышал, весь замок был обставлен занятнейшей мебелью, в огромные окна лился свет, а в нишах и углах комнат можно было увидеть

²⁶ Не так ли? (*фр.*)

скульптуры, картины и миниатюры любой эпохи. Эту коллекцию явно собирали, повинуюсь зову сердца, а не разума.

— Это волчья охота графа д'Оссонвиля, бывшего егермейстером при Людовике XVI.

— Егермейстером?

— Он был начальником волчьей охоты, — пояснила мадам де Сталь, проводя их вперед.

— А здесь есть волки? — поинтересовался Никколо. — Вчера ночью мне показалось, что я слышу волчий вой.

— Коппе, конечно, захолустье, но не до такой степени, — звонко рассмеялась баронесса. — Волков здесь нет уже много десятилетий.

Никколо, помедлив, оглянулся на картины. Теперь на них играли лучи света, и юноше показалось, что они изменились. Глаза волка будто вспыхнули красным.

16

Неподалеку от Женевы, 1816 год

Когда Людовико прибыл на место, солнце уже село. Впрочем, оно и так целый день не показывалось из-за тяжелых туч. Юноша, открывший графу дверь, смерил его подозрительным взглядом. В этом не было ничего удивительного, учитывая, какая страшная смерть постигла бывшего хозяина хутора.

— Добрый вечер. Я приехал из Женевы, чтобы задать вам еще несколько вопросов по поводу трагической гибели господина Бонне, — Людовико очень хорошо говорил по-французски.

— Вы кто такой? — грубо осведомился паренек.

— Граф Людвиг фон Карнштайн, консультант по особым вопросам при Тайном Совете, старший дознаватель кантона, — не поведя и бровью, заявил Людовико.

Юноша широко распахнул глаза, и граф убедился в том, что и в свободолюбивой Швейцарии титулы и звания вызывают уважение — даже если они вымышленные. Впрочем, выдуманное звание все же лучше, чем вообще ничего.

— И об чем расспросить будете?

— Просто расскажи мне обо всем, — Людовико протянул пареньку пачку банкнот.

Некоторые изобретения нового времени были весьма удобны; по крайней мере, теперь не нужно было носить с собой тяжелые кошель с деньгами.

Мальчик рассказал ему о вопросах жандармов, чудовищном виде трупа и, наконец, о событиях предыдущих дней.

— На хуторе были какие-то люди. Они дали мсье Бонне денег. Много денег, — прошептал паренек, придвигаясь к Людовико поближе.

Хозяин хутора мало что рассказал об этом своей жене и слугам, но когда они начали убирать в курятнике, то обнаружили, что он полон мертвых кур.

— Но не просто дохлых. Их разодрали на части!

Вежливо кивнув, Людовико гадливо поморщился. Он уже подумывал было покончить с этим балаганом, но тут слуга сообщил ему, кем же были эти люди. Граф вспомнил, что Лиотар вчера упоминал, к кому Никколо отправился в гости. «Интересно, знает ли юный шевалье, что здесь произошло?»

— А потом пришел еще какой-то человек. Он тоже расспросил о курах, — вздохнул юноша. — Такой, знаете, в черной робе, и все такое.

— В робе? — удивился Людовико.

— Что-то навряд ли сюртука. Во, как у того!

Он ткнул пальцем за плечо Людовико, но когда граф повернулся, он успел заметить лишь тень, шмыгнувшую за угол дома. Нахмурившись, он опять повернулся к мальчику.

— Спрашивал про кур?

— Хотел все разузнать, да только мсье Бонне его послал куда подальше. Тот тип раскошелиться-то не хотел.

— А когда мсье Бонне пропал?

— Через пару дней. Пошел в кабак и не вернулся. Мужики из кабака говорят, что ушел он оттудова как всегда.

— Спасибо, добрый человек, — кивнул Людовико.

Граф задумался, не изложить ли этому мальчишке преимущества гигиены и не намекнуть ли, что стоит смывать с себя куриный помет, но потом решил не связываться.

Задумчиво постучав пальцем по цилиндру, Карнштайн обогнул хутор и, перейдя дорогу, очутился на узенькой улочке. Тут, у перекрестка, притулились несколько домов. Вокруг виднелись другие хутора. Осторожно оглянувшись, Людовико удостоверился, что его никто не видит, и подпрыгнул. Законы притяжения на него сейчас не распространялись. Долетев до балкона одного из домов, вампир перемахнул через поручни и призвал Тени. Замерев, он слился с Тьмой.

Через пару секунд слышались чьи-то шаги. Людовико холодно улыбнулся. «Два приятных события в один вечер, — подумал он. — Сперва новость о приятеле Никколо, а теперь пот это». Помедлив еще мгновение, он взмыл над балконом и бесшумно приземлился за спиной своего соглядатая.

Видимо, его прыжок был не таким уж и бесшумным — мужчина резко повернулся, и кинжал, взрезав плащ графа, проткнул его грудь и дернулся вверх к шее. Фыркнув, Людовико атаковал противника, но тот уклонился и ударил вновь. На этот раз кинжал вошел под ребра, и холодный металл скользнул по кости.

Тьма в его теле сжалась, рана болела сильнее, чем должна бы. Людовико чуть не скорчился от боли, но сумел сдержаться. Увернувшись от следующего удара, граф схватил противника за запястье. Тьма придавала ему чудовищную силу, и он почувствовал, как кости противника ломаются под его пальцами. Закричав, незнакомец выронил кинжал, но во второй его руке вдруг блеснул еще один клинок. Он сумел вонзить лезвие в грудь опешившему Людовико. Разжав руку, Карнштайн отшатнулся. Эта рана тоже горела, и казалось, будто в нее лился жидкий огонь. Он успел уклониться, когда противник попытался атаковать вновь. На мгновение Людовико подумалось, что хищник и добыча вдруг поменялись ролями. С его губ слетело древнее ругательство. Призвав Тьму, он сосредоточился на ее силе.

Пригнувшись, вампир скрючил пальцы наподобие когтей и нанес удар обеими руками. Полоснув противника по горлу, он второй рукой впился ему в живот, вырывая кусок плоти. Из ран хлынула кровь, и несчастный осел на землю.

Не обращая внимания на боль в груди, Людовико склонился над умирающим. Впрочем, ему сразу стало понятно, что этот человек ему больше ничего не расскажет. Ногти вспороли ему горло, и на землю широким потоком текла кровь. Карнштайн хотел отобрать у него кинжал, но почему-то замер, так и не коснувшись серебристого лезвия. Казалось, будто на клинок откуда-то падает свет, хотя вокруг было темно. Встав, Людовико дернулся от боли.

В селении закричали. Видимо, их стычка не осталась незамеченной. К несчастью, он назвал пареньку на хуторе свое имя, поэтому нужно было забрать отсюда тело. Взяв умирающего на плечо, Людовико понесся вперед, не обращая внимания на слабые попытки сопротивления. Если труп обнаружат, ничего хорошего из этого не выйдет.

— Как жаль, — прошептал он, направляясь к озеру. — Я бы так хотел поговорить с тобой.

Человек, ослабевший от потери крови, перестал сопротивляться. Он понимал, что скоро умрет.

— Плохо, что моя одежда оказалась в столь плачевном состоянии, — добавил Людовико.

«Так, значит, они напали на мой след. Нужно поскорее убираться отсюда. Нельзя

возвращаться в Сешерон». Но мысли о Валентине заставили его изменить мнение. «Нет. На этот раз я не буду убегать. Если я уйду, то потеряю ее навсегда».

Подыскивая подходящее место, где можно было бы спрятать труп, граф задумался о том, как бы сохранить собственную безопасность, не отказываясь при этом от Валентины.

17

Колони, 1816 год

Никколо осторожно отхлебнул коньяк. Напиток ударил ему в нос, и юноша чуть не чихнул. Он с отвращением поморщился, но никто этого не заметил — в этот момент Полидори встал, кивнув своим собеседникам.

— Разрешите вас покинуть, — торжественным тоном заявил он. — Меня ждут у доктора Одъера.

— Конечно, друг мой, конечно, — весело ответил Байрон, поднимая бокал в его честь.

Полидори покинул зал, а все уставились на огонь в камине. Дрова тихонько потрескивали, вверх по дымоходу летели искры.

Никколо было жаль, что Мэри и Клэр сегодня остались дома, но Шелли объяснил, что Клэр заболела, а ее сестра осталась за ней присмотреть. И теперь, когда ушел и Полидори, они остались втроем. Байрон приподнял бокал, и юноша, прислуживавший им сегодня вечером, поспешно наполнил его коньяком. Флетчер и второй слуга взяли выходной, и потому лорд подыскал им замену — мальчика из деревни, красивого светловолосого паренька лет шестнадцати.

— Пусть же наш доктор сегодня напляшется вволю, и пускай другие гости не болеют, а то Полидори залечит их до смерти, — шутливо произнес Байрон вместо тоста.

Хихикнув, Шелли опрокинул коньяк себе в рот и обернулся к Никколо.

— Доктор намекнул нам, что ему нравится одна дама из Женевы. Он часто бывает в ее доме. Они музицируют вместе.

Никколо с отсутствующим видом кивнул. Сам он не обладал никакими склонностями к музыке.

— Можем пострелять в саду, — предложил Байрон. — У меня превосходные пистолеты, а из-за дождя в последнее время мы ими почти не пользовались.

— А мне тут так уютно, — покачал головой Шелли, поднимая бутылку. — Может, бренди?

— *Perché no* ²⁷? — рассеянно ответил Никколо по-итальянски.

Шелли налил ему, а Байрон тут же принялся рассказывать историю о придворном шуте-карлике по имени Перкео²⁸, который всегда произносил эти слова, когда ему предлагали выпить, и поэтому каждый день пил очень много вина.

— И когда он уже состарился, врач посоветовал ему пить поменьше алкоголя. Несмотря на весь свой скепсис, карлик выпил стакан воды — впервые в жизни! На следующий же день умер.

— Свидетельствует ли это о том, что врачи — это плохо, или же о том, что вино — это хорошо? — осведомился Никколо.

Он заметил, что с уходом Полидори у всех улучшилось настроение. Доктор был чересчур надменным, и это всегда мешало в разговоре с ним. К тому же он недолго любил Шелли и во всем пытался уязвить его, что делало общение в компании еще сложнее — а ведь

²⁷ А почему бы и нет (*итал.*).

²⁸ Карлик Перкео — символ города Гейдельберг.

говорить с этими талантливейшими людьми и без того было непросто.

— Я знаю очень хороших врачей, — отозвался Байрон, немного подумав.

— А я — плохое вино, — добавил Шелли.

Все рассмеялись. Шелли сунул руку в карман своего сюртука, который он никогда не застегивал, как, впрочем, и верхние пуговицы рубашки, так что его широкий воротник всегда неопрятно торчал. Поморщившись, словно от боли, Перси склонился набок, и Никколо заметил в его руке бутылочку с белой этикеткой.

— Боли? — весело спросил Байрон.

Кивнув, Шелли открыл бутылку и отхлебнул плескавшуюся в ней жидкость.

— У меня тоже, — лорд протянул руку и, сделав глоток, передал бутылку Никколо.

— У меня ничего не болит.

— Немного опиума не повредит, даже если вы не страдаете от боли, — Байрон подтвердил подозрения Вивиани.

— Но разве от него не чувствуешь слабость? Не становишься пассивным и сонным?

— Нет, это всего лишь глупый предрассудок. Скорее я склонен отметить, что опиум усиливает то настроение, в котором я находился до того, как его принял. Иногда от опиума я чувствую, что полон энергии, и мне хочется двигаться, а иногда становится острее мой ум, и тогда я часами могу вести интереснейшие разговоры.

Никколо неуверенно взял бутылочку. Поднеся ее к губам, он почувствовал резкий запах алкоголя.

— Маленький глоток, — посоветовал Шелли.

Вивиани отхлебнул немного. Вкус у опиумной настойки был неприятный, резкий и горький, чувствовалась крепость. Юноша закашлялся.

— Да, это горькое лекарство, — с некоторым злорадством отметил Байрон.

Шелли вновь спрятал бутылку, а Никколо, справившись наконец с кашлем, начал прислушиваться к своим внутренним ощущениям. Он пытался понять, начал ли уже действовать напиток, но не знал, чего следует ожидать.

Тем временем Байрон и Шелли завели разговор об идеализме. Лорд укорял своего друга в том, что он не смотрит на мир с позиций здравого реализма.

— Нашему времени не нужен ни идеализм, ни реализм. Нужно поменьше религиозности, муштры, порядка и побольше свободы. Нам нужны Мильтоны и Моры, а адвокатов и политиков у нас и так хватает. Нужно создать новую утопию, противостоять тиранам, найти место, где будут царить ученость и искусства. Путь туда укажет литература, ведь словом можно изменить мир!

— У истоков революции во Франции тоже стояли идеалисты, — напомнил Байрон.

— И если бы мир не отреагировал на них с таким страхом и ненавистью, все было бы хорошо. То, что в Париже дело дошло до применения силы, связано с войной.

— И с ненавистью к тиранам, — поддержал поэта Никколо, хотя французов у него на родине со времен Наполеона не очень любили. — Если бы эта страна была более просвещенной, всего этого насилия не произошло бы.

— У тирании много форм, — Байрон смерил его задумчивым взглядом. — Тирания государства. Тирания слова. Тирания духа.

— Свобода — вот главная заповедь, — возбужденно воскликнул Шелли. — А ее враг — конформизм. Нужно уничтожить все, что пропитано ложью, пусть это и считается традиционным. Свобода и любовь, вот что должно стать новым идеалом.

Никколо внимательно слушал эти слова. Разговор вился в воздухе серебристой нитью, и юноше казалось, что он видит, как мысли витают над головами поэтов, сливаясь в единый поток, а он, Никколо, плавает в этом потоке и его тело становится легким, как в воде. Он купался в их словах, словно в теплом, нагретом лучами солнца озере.

— Я буду рад, если мы отставим эти формальности, — вдруг предложил Байрон. — Если вы не возражаете.

Изумленно посмотрев на него, Вивиани кивнул.

— Конечно, я буду этому очень рад.
— Зови меня Джордж, — предложил Байрон.
— Или Альбе, — добавил Шелли.
— Почему Альбе?
— Лорд Байрон, Л.Б., к тому же напоминает слово «албанец», — ухмыльнулся Перси.
— К твоим услугам, Джордж. Ты тоже можешь звать меня Никколо.
— Тогда я очень рад, что ты примкнул к нашей компании, Никколо, — с улыбкой объявил лорд.

Склонив голову к плечу, юноша нерешительно посмотрел на Байрона. Со времени его первого визита на виллу Никколо занимали некоторые вопросы, и теперь, опьяненный коньяком и опиумом, он почти решился задать их.

— О чем задумался, друг мой? — подбодрил его лорд.

Набравшись мужества, Вивиани откашлялся.

— Скажи, а правда то, что говорят о тебе местные жители?

— Это зависит от того, что ты имеешь в виду, Никколо, — Байрон удивленно приподнял брови. — Я не демонопоклонник и не Люцифер собственной персоной. Это неправда. Если же ты говоришь о других слухах...

Он многозначительно улыбнулся, и Никколо, покраснев, пожалел о том, что вообще завел этот разговор.

— Да, вообще-то я имею в виду другие слухи, — неуверенно протянул он. — В особенности те, которые касаются Клэр, то есть, я хочу сказать, госпожи Клэрмон.

Он увидел, что Байрон и Шелли переглянулись.

— Боюсь, этот слух я не могу опровергнуть, — лорд нарочито вздохнул. — Я был полон решимости сопротивляться очарованию нашей юной Клэр, но оказалось очень сложно оставаться стойким, когда это восемнадцатилетнее создание проехало тысячи миль, чтобы меня, так сказать, лишить моих стоических убеждений. Так что я признаю себя виновным. Да, я поддался ее чарам, и время от времени мы делим ложе, хотя и не идеалы.

— А чары ее неодолимы, — поддакнул Шелли, делая красноречивый жест рукой, намекавший на пышные формы Клэр.

Вивиани чувствовал, как горят его щеки, и сейчас отдал бы все на свете, чтобы скрыть свое смущение. Но раз уж он вкусил плод с дерева познания, то стоило ли останавливаться?

— А ты, Перси?

— Наш дорогой Перси ценит в женщинах не столько дамские прелести, хотя Мэри ими и не обделена, но разум. Он говорит, что может спорить с ней, как с женщиной, когда они остаются наедине.

— Да, это действительно так, — подтвердил Шелли. — Любви не нужно благословление священника, Никколо. Она либо есть, либо нет. И я не знаю, как обряд бракосочетания может что-то изменить в моих чувствах к Мэри.

— Может быть, благословение священника ничего и не значит, но лучше следи за тем, чтобы на тебя не обрушилось проклятие нашего доброго доктора.

Байрон и Шелли захихикали, как мальчишки. Их смех оказался настолько заразительным, что и Вивиани не удержался.

— Ну а ты, Никколо? — отсмеявшись, спросил Байрон. — *Cherchez la femme* ²⁹! Кто она, королева твоего Парнаса? Кто окрыляет твои слова?

Перед внутренним взором Вивиани предстали прекрасные черты Валентины. Он мечтательно закрыл глаза.

— А почему вы думаете, что такая женщина вообще существует? — вдруг заупрямился он.

— Лишь глупец мог бы не заметить, что ты влюблен, дружище, — весело ответил

²⁹ Ищите женщину (*фр.*).

Шелли.

— Ну ладно, — сдался Никколо. — Ее зовут Валентина, у ее родителей я сейчас живу.

— Валентина, Валентина... Какое прекрасное имя. Оно словно создано для стихотворения, — начал Байрон.

— Она уже проявила к тебе, так сказать, благосклонность?

Вивиани возмущенно выпрямился.

— Она... Я... Мы еще не... — пролепетал он.

— Перси, оставь его в покое, — уgomонил его Байрон. — Я подозреваю, что наш юный друг еще не набрался мужества признаться ей в своих чувствах.

Никколо удрученно кивнул.

— Повстречались три поэта, и они не могут найти слов, которыми можно завоевать женское сердце? — воскликнул лорд. — Перси, пусти-ка по кругу твою бутылку. Нужно ему помочь.

Словно услышав их, деревенский паренек подошел к господам и подлил в бокалы коньяк. Зрение Никколо затуманилось, но он заметил, как слуга бросил на Байрона долгий взгляд и лорд ответил ему тем же, словно они были сообщниками в каком-то заговоре. Но Вивиани все равно не мог разобрать сейчас, в чем же тут дело, и мгновенно позабыл об увиденном.

— Итак, — начал Байрон. — Ты говоришь, что твоя Валентина красива, умна и добродетельна...

— Будем надеяться, что она не *чрезмерно* добродетельна, — вмешался Шелли.

Байрон, не обращая на него внимания, запрокинул голову и зашевелил губами, не произнося при этом ни звука.

— Она идет, торжественна, как ночь... — промолвил он наконец.

— Браво, — поддержал его Никколо, которому очень понравились эти слова.

— В беззвездно-чистой красоте небес... Но тьмы и света вечная игра смешается в ее очах... — медленно продолжил поэт. Запнувшись, он посмотрел на Вивиани. — Записывай.

Встав, Шелли взял перо и бумагу и передал их Никколо.

Юноше не хотелось красть у Байрона эти строки, но он был настолько очарован, что даже не стал возражать.

— Смягчаясь в тот неувловимый свет, — предложил Шелли.

— Что небо не приемлет в ясный день, — закончил Никколо.

Байрон удовлетворенно кивнул. Через некоторое время они написали три строфы, которые устроили их всех. В конце концов стих показался Никколо просто идеальным.

— Не знаю, как вас и благодарить, — заговорил он, но тут же заметил, как трудно ему стало выражать свои мысли. — Пожалуй, мне лучше идти домой. — Вивиани осторожно поднялся, и его зашатало.

— Ты не можешь сейчас возвращаться в Коппе, — заметил Байрон. — Вряд ли хозяева виллы простят тебя за то, что ты заявишься домой перед рассветом, к тому же я не могу отпустить тебя в такую погоду и позволить тебе в таком состоянии идти к причалу.

Никколо попытался подобрать слова, чтобы возразить, но не мог сформулировать ни одного законченного предложения. Казалось, стих высосал все его слова, и теперь в его голове царил лишь пустота.

— Сегодня ночью ты останешься у меня, — настаивал лорд. — На этой вилле много комнат, и я уверен, что при свете дня Валентина оценит твой стих намного выше, чем притязания пьяного юноши, нарушающего ее покой в то время, когда все добрые христиане спят.

Вивиани потребовалась пара секунд, чтобы понять, о чем толкует Байрон, но в конце концов он согласился.

— Ты прав, — пролепетал он. — Спасибо.

Байрон и Шелли подхватили Никколо под руки и помогли подняться по лестнице. Он очутился в небольшой спальне. Стены тут были покрыты шелковыми обоями, кроме кровати

с балдахином, ночного столика и трюмо, мебели здесь не было. Постель была разобрана, словно гостя уже ждали. Опустившись на простыни, Вивиани почувствовал легкий запах духов. Может быть, здесь спала какая-то дама? Эта мысль возбуждала, но Никколо не мог удержать ее. В его голове все смешалось, и образ Клары Клэрмон, оставшейся здесь до него, почему-то переплелся с образом Валентины, мирно спавшей в своей кровати.

Он еще успел заметить, что Байрон и Шелли сняли с него обувь и заботливо укрыли одеялом, но потом юношу окружила темнота и тишина. Закрыв глаза, он провалился в тяжелый беспокойный сон.

18

Неподалеку от Поградечи, 1816 год

Они бежали прочь от города и реки, двигаясь по густому лесу по направлению к горам. Острые верхушки скал поблескивали в лучах луны. Пригнувшись, волки неслись над каменистой, покрытой листьями и иголками земель, ветер трепал их мех, ночь стояла теплая и сухая.

Сзади слышались выкрики всадников, топот копыт, лай собак, лязг металла. Врагов было слишком много. Слишком много! И они несли холодную сталь и горячее серебро.

Оба волка знали, что нужно добраться до гор, а там их уже ждут каменистые ущелья, настоящий лабиринт из скал, там они смогут оторваться от погони.

Волк мог двигаться быстрее, но он оставался рядом с самкой. Не разбирая пути, они мчались по полям, пробирались сквозь изгороди, перепрыгивали канавы и каменные ограды. Так они пытались замедлить движение всадников.

Волчица изо всех сил боролась с подступавшим к горлу страхом. Сердце неистово билось в груди, все её естество требовало честного боя, но нельзя было поддаваться этому желанию. Если сейчас она потеряет контроль над собой, преследователи убьют ее, в этом она не сомневалась.

В нос били разнообразнейшие запахи, сменяясь с той же скоростью, что и очертания предметов вокруг: дома, дым, хлев, люди. Крики всадников заглушали завывания ветра, заглушали даже ее прерывистое дыхание. Охотница оказалась добычей, и вся ее душа противилась этому. Это было неправильно.

Пробежав мимо последнего хутора, волки очутились перед пустошью — раньше здесь рос лес, но его срубили, а земля истощилась. Вывалив языки, звери прыгнули в русло давно пересохшей реки и быстрее ветра полетели по песчаному дну. То, что ее волк был рядом, придавало ей сил, и она чувствовала, что ее друг ощущает сейчас то же самое. Крики людей стали тише, а собаки зашлись яростным лаем, понимая, что теряют добычу. Сердце волчицы сжалось от радости, страх и злоба отступили... но тут впереди показались еще какие-то люди.

Остановившись, она отчаянно заметалась из стороны в сторону, но люди были повсюду, они выбегали из засады, устроенной у пересохшего русла. В лунном свете блеснул металл — копья и кинжалы.

А еще она увидела сети. Ей удалось уклониться от первой сетки, но вторая прижала ее к земле, лапы запутались в веревке, от ужаса сохранять контроль над сознанием было все сложнее. Она знала, что нужно успокоиться, но сейчас ее сердце было сердцем волчицы, и оно не желало подчиняться.

В плечо ей ударил камень — скорее неприятно, чем больно, но ее другу попали в голову, и он жалобно взвизгнул, а сеть сжималась все плотнее, все попытки высвободиться оставались бесплодными. Еще один камень, на этот раз в заднюю лапу.

Ей стало больно, и страх превратился в ярость. Чистую, раскаленную, слепую ярость. Она позабыла и о всадниках, и о копьях с серебряными наконечниками.

Превращение в срединную форму оборотня началось: тело стало больше, мышцы легко порвали сеть, голова увеличилась, кости захрустели, посылая волны боли по лапам, когти удлинились.

Она поднялась, обнажив клыки и выставив вперед лапы. Остатки сети упали на землю. Кто-то бросил в нее копье, но оно летело слишком медленно, и она легко отбросила его в сторону. Охотники отпрянули, но они не могли отойти далеко, и она чувствовала их страх. Оборотень прыгнул на десять шагов вперед, и его когти разорвали одного из людей, второй упал на землю.

Волк, завыв, проскользнул под сеткой и побежал в сторону. Он не мог помочь своей подруге. Мысли женщины-перевертыша застил туман ярости, но она пыталась помнить о том, что сейчас имеет значение: надо выиграть для него время!

Она продолжила сражение, разбрасывая охотников в стороны, уклоняясь от их копий. Оторвав одному из них голову, полуволчица вскинула морду. Кровь на ее клыках блеснула в лучах луны. Где-то выли от страха собаки, слышались испуганные крики людей. Но были и те, кто отдавал приказы, и частичка ее сознания понимала, что врагов слишком много. Достаточно охотников, чтобы убить добычу.

Она прыгнула в гущу людей, копье впилося ей в бок, и острая жгучая боль пронзила тело. Древко сломалось, когда она разорвала когтями лицо нападавшего, а затем бросилась на остальных. Еще больше ран, еще больше крови, еще больше боли, еще больше смерти.

Зная, что может проиграть, она выбралась из круга врагов, превращаясь в волка в прыжке. Боль усилилась — в этом облике волчица была уязвимее, но из-за ее атаки охотники замешкались, и она сумела, приземлившись на лапы, рвануться вперед. Рана в боку кровоточила.

Оглянувшись, она поняла, что погоня отстала. Добравшись до холма, волчица вновь начала превращение. Лапы задрожали, мех исчез, ноги стали длиннее, захрустели суставы. Морда втянулась назад, челюсть встала на место.

У холма стояла обнаженная женщина. Тяжело дыша, она нащупала острие копья в боку. Серебро жгло пальцы, но она выдернула наконечник из раны. Металл потемнел от ее крови, на коже напоминанием об этой ночи останется шрам. Уже не первый шрам на ее стройном теле.

Присев на корточки, женщина повернула голову в сторону охотников. Почему они ее не преследуют? От увиденного у нее на мгновение замерло сердце. Ее возлюбленного поймали в сеть. Вокруг толпились люди, лаяли псы. Оборотень бился в путах, рычал и выл, но он не мог принять промежуточную форму, превратиться в полуволка-получеловека, ведь он не был волком по крови своей.

Женщину била дрожь. Холодный ветер студил кожу, она вся покрылась испариной, рана болела, по бедру стекала кровь, но дрожала она вовсе не из-за этого.

Волк завыл. Она знала, что этот протяжный вой не был зовом на помощь. Он отсылал ее прочь, просил, чтобы она укрылась в безопасном месте. Ее разум человека понимал, что любимый прав, но волк в ее сердце не мог смириться с горем.

— Гристо, Гристо, — хрипло прошептала она.

Волк вновь завыл, а женщина смежила веки, и по ее щекам покатились слезы.

Никколо проснулся от чудовищной жажды. Вокруг было темно. Где же он находится? Очевидно, он в кровати, но не в Ареццо и не в Коппе, с ужасом понял юноша. И тут он все вспомнил. Алкоголь, опиум и стихотворение... Байрона и Шелли. Да, Никколо по-прежнему на вилле Диодати. И пить хотелось так, будто он пешком пересек пустыню. Юноша зашарил

правой рукой по столику, стоявшему у кровати, и наконец нащупал спички и лампу. Свет ударил в глаза, и Никколо, прищурившись, поднялся. «О Господи, я же улегся в постель полностью одетым! Представляю себе, как будут смотреться завтра мои брюки и рубашка». Но прежде чем разбираться с этой проблемой, нужно было срочно найти воду. Никколо зашатало, и он ухватился за изголовье кровати. Набравшись сил, Вивиани решил спуститься на кухню и найти графин с водой.

Каменный пол охлаждал босые ноги. Никколо проклинал себя за то, что вышел из комнаты без лампы. Днем коридоры казались просторными и удобными, но сейчас в темноте скрывалось множество препятствий, о которые юноша все время спотыкался, боясь, что вот-вот уронит какую-нибудь вазу или бюст и переполошит весь дом.

В окна лился слабый свет луны, но от этого коридор, казалось, еще больше погружался в тень. Лунный свет был вовсе не серебристым, как его любят описывать поэты, а молочно-белым и каким-то густым. В одной из комнат горела лампа, но Никколо не знал, кому принадлежат эти покои.

Юноша испуганно вздрогнул — до него донесся хриплый гортанный смех. От неожиданности у него перехватило дыхание, он замер на месте. Дверь открылась. Никколо вжался в стену между комодом и декоративной колонной. В дверном проеме показались двое. В первом Никколо узнал Байрона. Кудрявые волосы поэта растрепались. Байрон наклонился ко второй фигуре и поцеловал ее в губы.

Никколо затаил дыхание, испугавшись, что сейчас его заметят. Тихо пробормотав что-то, Байрон передал стоявшему рядом подсвечник — и тут Никколо понял, что это был тот самый мальчик из деревни, который прислуживал им за ужином.

Сердце бешено заколотилось. Юноша взмолился небесам о том, чтобы Байрон его не заметил. Он уже не мог сдерживать дыхание, легкие жгло огнем, но Никколо не решался вздохнуть.

Мальчик шел по коридору, а пламя свечи освещало светлый круг на полу. Задумчиво глядя ему вслед, Байрон перевязал халат и пригладил волосы. Наконец слуга скрылся за поворотом, и Никколо подумал, что лорд сейчас вернется в свою комнату, но Байрон повернулся к нему.

— Тебя это шокирует? — На губах поэта играла насмешливая улыбка.

Глубоко вздохнув, Никколо вышел из своего укрытия. Он так и не нашелся, что сказать, и потому лишь молча покачал головой.

Байрон повернул голову. На его лицо падали тени, но Никколо чувствовал на себе его взгляд. Юноше казалось, что Байрон может заглянуть в его душу, в само сердце, и увидеть все его тревоги и заботы, увидеть слабость его человеческой природы.

— Я этого не планировал, честно говоря, но если такой очаровательный семнадцатилетний мальчонка проявляет к тебе внимание... что уж тут было поделать?

Этот вопрос явно не требовал ответа, и Никколо предпочел промолчать. Лорд медленно, походкой хищника, приблизился к нему. Шелковый халат зашуршал — Байрон поднял руку и ухватил юношу за подбородок, поворачивая его голову к себе.

— В твоих жилах течет гордая кровь твоей отчизны, Никколо, ты потомок Энея, и в облике твоём видна красота Афродиты.

— Спасибо, милорд, — пролепетал Вивиани.

— Кто еще сомневается в том, что сыновья Ромула вновь обретут свободу, пускай тот узрит огонь, пылающий в твоих глазах, и в этом огне увидит отблески подвигов, совершенных твоими предками, и предвестие тех славных деяний, что твоему народу еще предстоят.

Внезапно Байрон опустил руку. Он стоял в полуметре от Никколо, и юноша чувствовал его близость, ощущал его крепкий мужской запах. Окончательно смутившись, Вивиани сглотнул.

— Я хочу у тебя кое-что спросить, Никколо. Ты любишь Валентину? Или ты просто испытываешь к ней страсть, как я вожделею этого мальчика?

— Я люблю ее. Она моя Элоиза, — на этот раз Вивиани ответил, не раздумывая.

— Я завидую тебе. Но позволь мне дать тебе один совет. Любовь дарит лишь боль, пускай ты и не понимаешь этого в минуты страсти. А брак? Просто еще одно название для Чистилища, вот только страдаешь не после смерти, а еще при жизни. Любовь в браке не становится чище, в чем бы тебя ни пытались убедить эти гарпии. В этом отношении Шелли прав.

Байрон замолчал, и они еще пару мгновений простояли так, глядя друг на друга. Никколо вся эта ситуация казалась нереальной, будто он на самом деле спит и все это ему снится.

— Но ведь ты сам всего пару часов назад помогал мне писать стих для Валентины, — заметил Вивиани. — К чему все эти строки, как не для того, чтобы покорить ее сердце?

Словно смутившись своей откровенности, лорд тихо рассмеялся.

— Наверное, ты думаешь, что я несу какую-то чушь, — не дожидаясь ответа, Байрон повернулся и махнул рукой в сторону своей комнаты. Его профиль напоминал Никколо портреты, висевшие на стенах в особняке Вивиани. — Что ж, я удаляюсь. Доброй ночи.

Больше ничего не сказав, Байрон скрылся за дверью, оставив Никколо в коридоре. И юноша все стоял и никак не мог понять, что же он сейчас чувствует. В его груди разгорелось странное желание, и Вивиани едва удержался от того, чтобы не постучать в эту дверь и не попросить впустить его.

20

Konne, 1816 год

Людовико нерешительно покрутил сигару в руках. Он шагал по узкой улице — на самом деле, единственной улице Коппе. Повинуясь инстинкту, вампир держался поближе к домам, стараясь спрятаться под навесами магазинов и защититься от дождя, но сейчас он мало внимания уделял тому, что творится вокруг, полностью погрузившись в свои мысли. Люди инквизиции прибыли в Швейцарию из-за него, в этом не было никаких сомнений. Исходя из опыта, он не склонен был недооценивать своих врагов — слишком часто приходилось ему видеть, как те, кто не верил в решимость Ватикана, расплачивались за это. Не успокаивало Людовико и то, что охотники — то ли по ошибке, то ли нет — сейчас больше интересовались Байроном и его компанией. Городок Колони находился слишком близко от его теперешнего укрытия.

Граф уже упаковал все свои пожитки и после возвращения с хутора, на котором убили крестьянина, был готов к тому, чтобы мгновенно покинуть Сешерон, но до сих пор так и не уехал. Вместо этого он вновь отправился в Коппе, попросил кучера остановить карету у въезда в селение, чтобы пройти пешком до виллы Лиотаров.

В последнее время он слишком часто выходил из дома до наступления ночи и теперь чувствовал себя слабым и уязвимым. Людовико проклинал себя за чувства, заставившие его прийти сюда. За все те столетия, которые он успел прожить, он никогда не ощущал ничего подобного.

Тихо выругавшись, граф спрятал сигару в карман плаща и прошел по мощеной дорожке ко входу. Он поднял чугунную колотушку и постучал в дверь. Ему открыл слуга, но в коридоре уже стояла Валентина. Увидев девушку, Карнштайн позабыл обо всех своих заботах.

— Граф Карнштайн! Я очень рада видеть вас.

Принимая руку, протянутую для поцелуя, Людовико понял, что ее слова не были пустой формальностью — глаза девушки сияли, на губах играла улыбка.

В сумерках дом Лиотаров показался графу гнетущим, и мысль о том, что придется провести еще один вечер за никчемной болтовней с отцом Валентины, вовсе его не радовала.

— Если вас не смутит слабый дождь, я хотел бы пригласить вас на прогулку, — предложил он.

— С удовольствием. Мне весьма наскучило сидеть здесь, не имея возможности что-либо предпринять. Да еще и дождь лишает меня последних крох радости, — раздосадованно ответила Валентина.

Людовико не знал, что могло ее так огорчить, но решил промолчать. Подождав, пока она наденет шляпку и пальто, он предложил девушке руку. Валентина, захватив с собой маленький зонтик из промасленной бумаги, опустила ладонь на локоть графа и вышла на улицу. Они вместе направились к озеру. В вечерних сумерках вода казалась синей, от капель по поверхности расходились круги, на озере почти не было лодок. Вокруг царила необычайная тишина.

— Тут мало развлечений, не так ли? — решил начать разговор Людовико.

— «Мало» — это очень мягко сказано, граф, — фыркнула Валентина. — Никогда не думала, что буду так скучать по Тоскане. Там были карнавалы, театральные постановки, опера во Флоренции... — Девушка помолчала, видимо, предаваясь воспоминаниям. — А тут я как в тюрьме. Если бы не мадам де Сталь, я умерла бы от тоски.

Людовико сочувственно похлопал ее ладонью по руке. «Ты должна блистать на балах, наслаждаться музыкой, пить шампанское и делать все, чего только пожелает твоя душа».

— Хотел бы я показать вам Парижскую оперу, Валентина, — шепнул он ей. — Я уверен, вам понравится театр Монтансье. Я видел там премьеру «Ифигении». Потрясающая постановка, должен сказать.

— Разве вы не слишком молоды для того, чтобы видеть премьеру?³⁰ — удивленно нахмурилась Валентина. — Да, я хотела бы съездить в Париж. Но я не могу отправиться в гран-тур, поэтому придется смириться с Женевой.

— А разве наш юный друг не развлекает вас? — осторожно поинтересовался Людовико.

— Никколо? Нет, он сегодня снова обедает не дома. Сейчас он в гостях у английского лорда, вы понимаете, о чем я, — уклончиво ответила она.

— У лорда Байрона? — не сдержался Карнштайн. — Шевалье часто посещает виллу Диодати?

— Он бывает там почти каждый вечер, — нетрудно было понять, что подобное поведение Валентине вовсе не нравится.

— А вы его не сопровождаете? — Людовико не мог оторвать глаз от руки Валентины.

Девушка так сильно сжала зонтик, что у нее побелели костяшки.

— Это невозможно, и вам это прекрасно известно, граф, — холодно ответила она.

— Да, мне это известно, — Карнштайн решил в дальнейшем осторожнее подбирать слова. — И мне очень жаль, — он надеялся, что его удрученность кажется искренней. — Но что же манит туда шевалье Вивiani, раз он знает, что эта вилла пользуется в женевском обществе дурной славой?

Валентина прикусила губу. Она явно сомневалась, но в конце концов решила открыться графу.

— Надеюсь, вы не сочтете меня сумасбродной, но я не могу отделаться от ощущения, что на вилле с Никколо происходит что-то странное.

Она взглянула на Людовико в глаза, и граф почувствовал, как разгорается в его груди странное, непривычное чувство — ревность.

— Мне кажется, что он меняется с каждым днем, — протянула девушка. — Будто теперь он стал совершенно другим человеком.

— Я уверен, что Никколо посещает эту виллу с самыми благими намерениями, — спокойным голосом ответил граф. — И все же я полностью понимаю ваши чувства, более

³⁰ Премьера «Ифигении в Авлиде» состоялась в театре Монтансье в 1774 году.

того, разделяю ваши опасения. Этому английскому лорду нельзя доверять. Я выяснил кое-что о Байроне.

Эти слова взволновали Валентину.

— Вот как? Вы были в Женеве? Что же вы узнали?

Людовико рассказал ей о слуге на хуторе убитого крестьянина и о визите Байрона, но не упомянул о своем столкновении с представителем церкви.

— Неужели вы действительно полагаете, что лорд как-то связан с убийством Бонне? — прошептала Валентина. — Это ужасно. Никколо может быть в опасности.

— Я не могу этого исключать, — осторожно ответил Людовико, впрочем, прекрасно понимая, что крестьянина убили цепные псы церкви, а вовсе не обезумевший английский поэт.

— Я должна поговорить с ним, — девушка обращалась скорее к самой себе, чем к Карнштайну. — Предупредить его. Может быть, он меня слушает.

Затем она взглянула Людовико в глаза.

— Я благодарю вас, граф, — мягко сказала она. — Вы оказали мне большую услугу, проведя это расследование.

На озеро уже опустилась ночь, и Людовико чувствовал в себе привычную силу.

— Валентина, — склонившись к ее руке, он вдохнул в поцелуй совсем немного Тьмы, ровно столько, чтобы девушка на мгновение ощутила блаженство. — Нет ничего, что я бы для вас не сделал.

В глубине души он с ужасом понимал, что это правда.

21

Колони, 1816 год

— Англии угрожало вторжение, но она не оказалась под гнетом Франции, в отличие от твоей родины, не так ли? — поинтересовался Байрон.

Никколо кивнул. Он вновь пришел на виллу Диодати. Неожиданно для себя самого он с легкостью отбросил мысли о разговоре с Валентиной, только для того, чтобы вернуться пода.

«Ночуя там, ты наносишь нам оскорбление, — уговаривала его девушка, и в ее голосе слышалась мольба. — Мои родители очень волнуются. Во время последнего похода в церковь у мамы уже спрашивали, правда ли то, что наша семья поддерживает отношения с ним».

С ним. С Байроном, с кем же еще... Как же Никколо раздражало малодушие местных жителей!

«Ну что ж, тогда придется дать понять твоей маме, что я не принадлежу к вашей семье», — ответил он и тут же пожалел о сказанном — Валентина опрометью бросилась из его комнаты. И все-таки он пришел сюда. Как и в предыдущие дни, они славно поели, выпили вина, а теперь коротали время за интереснейшей беседой. Все, за исключением Клэр, которая в основном молчала, время от времени бросая на Байрона томные взоры.

— Но революция вас не коснулась, все беды были только из-за Наполеона, верно? — Голос Мэри отвлек Никколо от раздумий.

— Человек действия. К сожалению, он оказался способен на ужаснейшие поступки. Нельзя не восхищаться им за его величие, но Наполеон заслужил проклятие за то, что его дела не подчинялись зову совести. Как там у Ларошфуко? «Удача, кою отринут, покинет и ярчайшую звезду на небосводе», — встрял Байрон.

— Я был еще ребенком, — поток мыслей увлекал Никколо к берегам воспоминаний. — В наш дом пришли солдаты. Не французы, а итальянцы, служившие вице-королю. Они требовали, чтобы мы их впустили. Хотели ограбить наш дом. Но мама дала им отпор,

обругала их... несмотря на свое высокородное происхождение, она мастерица крепкого слова.

В конце концов, в ее жилах течет кровь римлян.

Юноша улыбнулся, вспоминая тот жаркий августовский день, когда он стоял рядом с матерью, вцепившись в ее юбку. Тогда он был преисполнен гнева и готов был собственными руками вышвырнуть этих оборванцев из дома.

— Тех солдат сложно было принять за людей. Грязные, исхудавшие, они скорее напоминали изголодавшихся волков.

Байрон рассмеялся, словно Никколо только что смешно пошутил.

— Я не знаю, что произошло бы, если бы к солдатам не вышел мой отец и не откупился от них деньгами.

Мэри посмотрела на него с сочувствием, и на некоторое время все замолчали. В камине тихонько потрескивали дрова.

— Я отправляюсь спать, — заявила Клэр, вставая.

Мэри поднялась вместе с ней.

— Может быть, мы пропустим еще по стаканчику в мужской компании? — предложил Шелли.

— Я вынужден отказаться, благодарю, — покачал головой Никколо. — Сегодня я должен откланяться пораньше.

Внезапно у Вивиани сжалось сердце при мысли о том, что его визиты в этот дом могут рассорить Валентину с родителями и другими жителями Коппе, и ему захотелось поскорее поговорить с ней и извиниться за сказанные сегодня слова.

— Попросить Флетчера, чтобы он провел тебя к причалу? — спросил Байрон.

— Я сам найду дорогу, — отказался Никколо.

Кивнув Шелли и Полидори, он поцеловал руки дамам и направился к двери. Байрон, провожая его, опустил ладонь ему на плечо.

— Будь осторожен, друг мой, не заблудись в темноте.

Глаза лорда сверкали, и Никколо стало интересно, что сейчас происходит в его голове, но спрашивать Вивиани ничего не стал.

Полная луна скрылась за плотной завесой облаков. Всего пару минут назад Никколо уверял Байрона в том, что сможет найти дорогу, но теперь с трудом пробирался вперед. Голова была необычайно легкой от выпитого спиртного, и у Вивиани заплетались ноги. К счастью, идти было недалеко, но юноша умудрился пару раз поскользнуться.

Добравшись до причала, он увидел рыбацкое суденышко и с облегчением вздохнул. Тут нужно было двигаться очень осторожно — если оступишься, то не просто упадешь, а еще и искупаешься в озере. От дождя доски на причале были скользкими и неприятно поскрипывали у Никколо под ногами. На дне судна, завернувшись в одеяло, спал лодочник. Посмотрев на него, Никколо ощутил угрызения совести. Когда он в последний раз смотрел на часы, было уже далеко за полночь, а сейчас, наверное, время близилось к трем часам ночи.

Вивиани уже собрался растолкать лодочника, готовясь к разгневанной, но вполне справедливой тираде. Когда краем глаза заметил какое-то движение. От виллы Диодати медленно удалялись два огонька. Всмотриваясь в темноту, Никколо попытался разобраться, что происходит, но не увидел ничего, кроме очертаний нескольких людей.

Позабыв и об усталости, и об опьянении, юноша загорелся любопытством. Преодолев причал, он, оскальзываясь, бросился бежать назад.

В какой-то момент он испугался, подумав, что это суеверные жители деревни решили ночью прокрасться на виллу и покончить с ее жителями. Перед его внутренним взором уже предстал образ разъяренной толпы, но огоньки двигались прочь от дома, прочь от Колони, от всех признаков цивилизации. Эти люди, кем бы они ни были, направлялись в горы. По-прежнему недоумевая, Никколо последовал за странной процессией. В мыслях он лихорадочно подбирал, рассматривал и отбрасывал все возможные объяснения происходящему.

Вскоре он догнал идущих. Оказалось, что это не кто иные, как Байрон, Шелли и Полидори. Тем не менее Никколо все еще не мог понять, чем же они заняты. Итальянец даже предположил, что пылкий нрав и тщеславие наконец заставили Полидори вызвать Шелли на дуэль, но тут же понял, что никто не станет выходить ночью в поля, чтобы устраивать поединок в кромешной тьме на каком бы то ни было оружии.

Он то и дело порывался позвать друзей, но всякий раз сдерживался, напоминая себе, что он следит за ними и ему зададут пару неприятных вопросов по этому поводу. Никколо продолжал красться, даже когда странная тройца свернула с тропинки, пересекла луг и скрылась в лесу. Двигаться в темноте было очень трудно, и Вивиани боялся, что его заметят — под ногами хрустели ветки, мокрая листва била в лицо, а один раз он даже споткнулся о корень и больно ударился головой о ствол дерева. Но никто не останавливался и не кликал его, потому юноша не отставал. Его так и лихорадило от любопытства.

Байрон, Шелли и Полидори остановились на лужайке, а Никколо притаился неподалеку, спрятавшись за кустом. Брюки уже намочили от дождя, холод пробирал ноги, но Вивиани не обращал на это внимания. Перед ним разыгрывалось настолько странное действие, что ему было не до холода и не до волнений относительно состояния своей одежды.

Байрон и Шелли опустили на землю лампы, и свет залил остатки какого-то строения. Каменные плиты поросли мхом, и Никколо не мог разобрать, что же это за руины.

Полидори, встав на колени, склонил голову и расстегнул рубашку до пояса, а потом поднял руки. Шелли держался в стороне, вид у него был настороженный. Байрон, подойдя, опустил ладонь Полидори на шею. В мерцающем свете ламп вся эта сцена казалась настолько странной, что Никколо невольно задержал дыхание. Байрон с какой-то даже нежностью пригнул голову Полидори к земле.

— Ты третий в нашем союзе, — начал лорд.

Он явно был сильно пьян, и Вивиани подумал, что они, должно быть, после его ухода приложились к опиуму Шелли — до этого Байрон оставался трезвым.

Никколо невольно вспомнились слухи, ходившие о жителях виллы и их гостях. Он никогда не думал, что эти сплетни окажутся правдой, тем не менее у него на глазах проводился некий мистический ритуал, напоминавший служение демонам. А ведь по слухам, Байрон и его друзья постоянно проводили обряды поклонения дьяволу!

Вивиани не знал, чего еще ждать, но тут Байрон достал длинный, богато украшенный кинжал и приставил его Полидори к горлу. От ужаса Никколо сжал кулаки и закусил палец.

Опустившись на колени, лорд положил подбородок на голое плечо доктора. Он начал что-то тихо бормотать, но Никколо не мог разобрать ни слова, более того, он не знал, на каком языке Байрон сейчас говорит. Полидори по-прежнему стоял с опущенной головой.

— Ты уверен? — спросил Байрон.

— Да, — мягко сказал доктор.

— Ты уверен?

— Да, — в этот раз ответ звучал тверже.

— Ты уверен? — В голосе Байрона зазвучала угроза.

— Да.

И тогда лорд перерезал ему горло. Тело Полидори задрожало, обмякло и повалилось вперед.

«Он убил его!» Вскочив, Никколо бросился бежать. Ему хотелось убраться подальше отсюда, прочь от этой поляны, от этого ритуала, от людей, в которых он так ошибся. Прочь от этих убийц. Он должен был... должен...

Сейчас Вивиани ни о чем не мог думать.

Сзади слышались какие-то возгласы. Глаза ему застили слезы. Никколо мчался напролом, через кусты, не разбирая дороги. Его вела паника — не безобидный испуг, не простой страх, а всепоглощающий ужас пред ликом смерти. Паника сжимала его сердце острыми когтями, поднималась вверх по спине, гнала все мысли из его сознания. Что сделают с ним Байрон и Шелли, когда узнают, что он стал свидетелем убийства? Сейчас

имело значение только одно. Бегство.

Ветки хлестали в лицо, он вновь и вновь спотыкался о корни, но ему удавалось оставаться на ногах. Юноше постоянно казалось, что он слышит сзади чьи-то шаги и крики, и это лишь усиливало его страх. Дыхание прерывисто слетало с губ, с каждым вздохом в боку кололо, словно в тело ему всаживали нож. Вивиани казалось, что он вот-вот задохнется, что в легких не хватает воздуха, и тогда он упадет здесь, среди леса, беспомощный, оставшись на милость своих преследователей. Перед глазами вспыхивали кинжалы, в каждой тени виделся Байрон с занесенным оружием, только и ждавший, чтобы броситься на него. Кровь шумела в ушах, заглушая даже бешеное биение сердца и тяжелое дыхание.

Наконец он выскочил из леса. Высокая, мокрая от дождя трава путалась в ногах. Юноша чуть не расплакался от облегчения — впереди горели огни селений: дома, хутора, деревушки. Там будут люди, и эти люди помогут ему. Там его ждет безопасность, тепло, защита цивилизации.

И вдруг в двадцати шагах перед ним из травы поднялся человек, словно цветок Зла распустился на этой лужайке и теперь тянулся лепестками к луне. В этом обнаженном мужчине с всклокоченными волосами Никколо узнал Шелли.

Хотя Вивиани не понимал, что происходит, он бросился в сторону, увидев, что Шелли поднял руки. «Как это возможно? Как он мог оказаться впереди меня?» Но у него не было ни ответов на эти вопросы, ни времени, чтобы эти ответы получить.

Удар пришелся ему в спину. Упав на землю, Никколо откатился в сторону. Ушибленное плечо тут же начало болеть. Его схватили за пальто и перевернули.

Вивиани увидел, что над ним склонился Байрон. Лорд тоже был абсолютно голый. Юноша попытался оттолкнуть его, но Байрон схватил его запястья и прижал их к мокрой земле. Шевалье в отчаянии заметался из стороны в сторону, стараясь высвободиться, но лорд оказался необычайно силен.

— Никколо, Никколо, это я! Успокойся! Никколо, посмотри на меня, — мягко уговаривал его Байрон, словно пытался успокоить испуганного коня.

Предприняв последнюю попытку сопротивления, Вивиани обмяк. Он понимал, что борьба бесполезна. Ситуация, в которой он оказался, была просто чудовищна,

— Убийцы, — хрипло прошептал он.

— Нет-нет, Никколо, мы не убийцы. Ничего плохого не произошло. Все это был лишь розыгрыш, пьяная игра.

Хотя лорд, судя по всему, видел, что Никколо ему не верит, он отпустил запястья итальянца и выпрямился. Его грудь блестела, и Вивиани не знал, пот это или капли дождя. Волосы Байрона мокрыми прядями падали на лицо и блестели в темноте.

Шелли, нисколько не смущаясь своей наготы, подошел поближе. На его губах играла загадочная улыбка.

— А ты быстро бегаешь.

Эти слова прозвучали в таких обстоятельствах настолько странно, что Никколо чуть не рассмеялся.

К ним подошел кто-то еще. Глаза Вивиани расширились от изумления. Перед ним стоял Полидори! Заметив выражение лица Никколо, доктор виновато развел руками. В отличие от своих спутников, он был одет, хотя и сильно испачкался.

— Всего лишь игра, — мрачно сказал он, но Байрон покачал головой.

Лорд медленно отбросил мокрые волосы с лица, не спуская с Никколо глаз. От такого зрелища у юноши мурашки побежали по телу.

— Нет, это была не игра. Я думаю, что пришло время открыть нашему юному другу эту тайну. Один одинок, двое — друзья, трое — компания, а четверо... четверо — это уже стая.

Слова Байрона каплями дождя повисли на листьях. Вивиани по-прежнему ощущал страх, хотя англичане не пытались ему угрожать и вовсе не намеревались наброситься на него с кинжалами. К тому же он не понимал, о чем говорит лорд.

— Перси, покажи ему. Покажи ему мощь Зевса Ликейского, красоту Аполлона

Ликийского³¹.

Никколо удивленно закрутил головой, переводя взгляд с Байрона на Шелли. Посмотрев на лорда, Перси медленно кивнул. Выпрямившись, он встал так, чтобы Вивиани хорошо его видел. Сперва ничего не произошло. Никколо уже задумался о том, что затеяли англичане на этот раз, но тут тело Шелли начало меняться, словно его кожа была поверхностью пруда, в который бросили камень. Перси запрокинул голову и потянулся. Его кости громко захрустели. В слабом свете луны его тело то увеличивалось, то уменьшалось, ногти удлинились, загибаясь, из горла донеслось отчетливое рычание.

На глазах у Вивиани происходило поразительное превращение, сводившее его с ума. Плоть изменялась, кожа потемнела, Шелли упал на четвереньки, и Никколо увидел, как его тело покрывается черными пятнами. Он не сразу понял, что это растет шерсть. Лицо вытянулось, и Перси открыл рот, словно для того, чтобы зевнуть, а когда закрыл его, вперед уже вытянулась волчья морда. В пасти сверкнули клыки. Он полностью покрылся густым мехом, но в этом зверином облике Никколо еще различал привычные черты Шелли.

А затем превращение завершилось. Там, где только что стоял человек, теперь потягивался волк с темной шерстью и глазами, по-прежнему напоминавшими человеческие.

— Это дело рук дьявола! — вырвалось у Никколо.

Всякому были известны истории о людях, которым нечистый давал такие силы, а еще о людях, прогневавших Всевышнего и наказанных страшным проклятием.

— Ни в коем случае, — весело возразил Байрон. — Хотя я и не разделяю атеизм Шелли, могу заверить тебя, что к дьяволу это превращение не имеет никакого отношения.

— Что... Как... — выдавил Вивиани, не отводя глаз от волка.

Зверь невозмутимо ответил на его взгляд. Не было никаких сомнений в том, что перед ним, на том самом месте, где только что был Шелли, стоит волк.

— Еще греки в древние времена знали эту тайну, — голос Байрона отвлекал Никколо от наблюдения за человеком в облике зверя. — В долинах у горы Ликея в Аркадии жили племена, тайными ритуалами возносившие почести волчьей сущности богов. То, что ты видишь перед собой, ничем от этого не отличается. Это не ведовство, а просто проявление природы. Красота и сила, окружающие нас! Ты должен ощущать, каково это, когда ты воспринимаешь мир... совсем иначе.

— Так ты тоже...

Никколо не договорил, но Байрон понял его вопрос и гордо кивнул.

— Я был первым. Я открыл эту тайну во время своих путешествий, и...

— Так значит, то, что о вас говорят, правда! — взорвался Никколо. — Вы убийцы! Еретики! Вы прокляты!

Полидори покачал головой.

— Я же тебе говорил, что он этого не поймет. Он не такой, как мы. Ему среди нас не место.

Вздыхнув, Байрон выпрямился.

— Это так, Никколо? Ты действительно погряз во всех этих суевериях, сейчас, когда наступают новые времена?

Упрек ранил Вивиани. Не спуская с оборотня глаз, он медленно поднялся. Одежда вся промокла, руки дрожали, но голос звучал твердо.

— Как это может быть проявлением природы? Люди, которые превращаются в волков?

Байрон улыбнулся, будто Никколо пошутил, а Полидори поджал губы.

— Мир полон чудес. Природа сильнее всего, что мы себе можем только представить. И сами мы дети природы, ее искра горит во мне. Я научился раздувать эту искру и хочу пробудить эту силу в тебе. Я чувствую, что ты на это способен, — лорд протянул ему руку. — Доверься мне.

³¹ Ликийский (греч.) — волчий. На горе Ликея находились святилища богов Зевса и Аполлона.

Его глаза горели звериным пламенем, это были глаза волка, но Вивиани чувствовал, что он не врет. Голос Байрона завораживал его. Недолго думая, он ухватился за руку лорда.

Улыбка Байрона стала шире, и Никколо показалось, что он свернул на перекрестке, выбрал новый путь, и дороги назад больше нет.

22

Konne, 1816 год

Никколо ходил по комнате туда-сюда. Он вернулся на виллу Лиотаров только под утро и до сих пор не мог успокоиться. Мысли ускользали, не успевая появляться, но юноша не мог позволить себе отдохнуть. Руки сами собой тянулись к лицу, терли щеки и глаза, и Никколо чувствовал, как дрожат его пальцы. Он не знал, что ему делать, а самое худшее, он понимал, что разгадка у него под самым носом, вот только дотянуться до нее не мог, словно собственный разум отказывался ему подчиняться.

В его голове все время звучали слова Байрона, и временами казалось, что он видит в комнате Шелли — вернее, уже не Шелли, а дикого зверя, волка с человеческими глазами.

Вивиани готов был поверить в то, что события прошлой ночи были лишь мороком, да и когда он думал об этом при свете дня, то казалось, что иначе и быть не может. Морок, галлюцинации, вызванные спиртным и опиумом.

Но воспоминания были реальны, не мог он все это выдумать: Байрон, голый, взмокший от пота, склонившийся над ним с улыбкой, игравшей, должно быть, на губах Люцифера, когда тот отрекся от Бога. Вот она, разгадка: это насмешка над природой, противление Богу, ведовство, дело рук дьявола. Но не все было так просто. Обещания Байрона, его влияние на Никколо... Искушение не хотело отступать.

«Что со мной происходит? Мне следовало бежать прочь, а я не могу перестать думать о них». Вивиани медленно откинул локон со лба и замер, узнав в этом жесте Байрона, которому он бессознательно подражал. «Он впился клыками в мою душу». И вновь его мысли вернулись к дьявольскому проявлению, свидетелем чего он стал. Видимо, именно так действовал Антихрист, нашептывая Иисусу сладкие обещания в пустыне: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее»³², как сказано в Евангелии от Луки.

Они не говорили о власти, но возможность ее обретения была очевидной. «И как нравился себе Байрон в роли искусителя! И все же...»

Дальше Никколо думать не решался. Его бросало то в жар, то в холод, пространство комнаты угнетало юношу, словно он находился в клетке.

Когда дверь распахнулась, Вивиани было подумал, что сейчас сюда войдет Байрон и потребует, чтобы Никколо сказал ему о своем решении, но на самом деле это была Валентина. Девушка вновь ворвалась без стука. Распущенные волосы разметались по плечам, и, судя по всему, она лишь успела одеться и сразу же прибежала в его комнату. Валентина уже открыла рот, собираясь что-то сказать, но тут увидела, в каком Никколо состоянии.

— Что с тобой случилось? Ты ужасно выглядишь! — наконец нашлась она.

Юноша опустил глаза. Большую часть промокшей одежды он снял, но вид у него все равно был неопрятный, сложно было даже предположить, как выглядело его лицо после ночной пробежки по лесу. Костюм был окончательно испорчен: ткань порвалась и пошла пятнами. Внешний вид Никколо отражал его внутреннее состояние растерянности и смятения.

³² Лк 4:6; русский синодальный перевод.

— Я был в лесу... заблудился, — слабым голосом проговорил он.

— Ты бледный как смерть. И у тебя порез на лице.

Вивиани провел ладонью по щеке, но боли не почувствовал.

Подойдя к нему, девушка коснулась лба над левой бровью. От этого прикосновения Никколо на мгновение успокоился — сейчас только Валентина была властна над его мыслями.

— Нужно промыть порез. И ты должен принять ванну и переодеться.

— Наверное, я ударился о ветку, — пробормотал Вивиани.

— О ветку? — Девушка отступила на шаг. — Да ты себя в зеркале видел, Никколо? У тебя очень измученный вид. И дело тут вовсе не в какой-то ветке!

— Было темно, а я заблудился в лесу, я же тебе сказал.

— С тобой все в порядке? — Валентина смерила его пристальным взглядом. — Мне кажется, ты чем-то расстроен.

Да, Валентина весьма удачно подметила его настроение, но Никколо не мог объяснить ей причину своего состояния.

— Не спалось, — признался он, не договаривая правды.

Девушка вышла из комнаты и вскоре вернулась с тряпкой и бутылочкой медицинского спирта.

— Пожалуйста, переоденься, прежде чем спустишься вниз, — холодно сказала она, промывая рану. — Ты напугаешь моих родителей до смерти, если предстанешь перед ними в таком виде.

Внезапно Никколо почувствовал, что чудовищно устал. Сейчас Валентина была нужна ему, как никогда раньше, но он обидел ее, позволил ей отдалиться. Он нащупал в кармане листок со стихотворением, которое они вместе с Шелли и Байроном написали для Валентины. Стих был простым и изящным, в этом не было никаких сомнений. Неужели та ночь была совсем недавно? Что с ним случилось? Или Валентина — это еще не все, что ему нужно от жизни?

Не раздумывая, Вивиани поддался охватившему его желанию прикоснуться к ней. Подняв руки, он притянул девушку к себе и прижался щекой к ее мягким волосам. Сейчас он наслаждался всепоглощающим чувством близости.

Сперва Валентина окаменела, но тут же прижалась к нему сама. Она подняла голову и заглянула ему в глаза, и тогда их губы слились в поцелуе. Никколо не знал, длился ли этот поцелуй мгновение или целую вечность. Все остальное не имело значения, ведь Валентина наконец-то, наконец-то была в его объятьях. Юноша провел ладонью по нежной ткани ее платья и обхватил руками ее талию, чувствуя, как щекочат кожу ее волосы. Ее пальцы ласкали его шею.

— Валентина, — пролепетал он, отстраняясь. — Душа моя, прости меня, если я тебя разочаровал.

Она ласково провела ладонью по лицу Никколо, но в ее глазах по-прежнему светилась тревога.

— Никколо, что происходит на вилле Диодати? Что эти люди с тобой творят? Граф Карнштайн подозревает, что...

— Граф Людовико? — перебил ее Вивиани. — Он снова был здесь? Ты не должна верить всему, что он тебе рассказывает.

— Он волнуется за тебя, Никколо, — девушка, покачив головой, опустила руки. — Так же, как и я.

— Да, конечно, — горько ответил он. — Он так за меня волнуется! И при этом увивается вокруг тебя, а ты, видимо, ничего не имеешь против!

Он знал, что его слова несправедливы, и пожалел о них в тот самый момент, когда их произнес. Валентина сделала шаг назад, и в ее взгляде вновь вспыхнул гнев.

— Если ты уже не доверяешь мне, Никколо, то как я могу доверять тебе? — Повернувшись, она выбежала из комнаты.

Никколо опустился на кровать. Теперь его смятение достигло апогея. Он поцеловал Валентину. А главное, он не может сказать ей правду. Как рассказать об этом, чтобы вся история не показалась чистым безумием? Байрон и его друзья привязали его к себе, взвалив на него ужасную ношу знания.

Вивиани стало понятно, что теперь он уже не может быть частью общества, как раньше, ведь, узнав об оборотнях, он увидел изнанку реальности, стал другим, а есть ли что-то, чего обычные люди боятся сильнее?

На письменном столе лежала Библия — видимо, кто-то взял эту книгу с полки и положил сюда. Кто это был? Валентина? Мадам Лиотар? Давно он не читал Книгу Книг. Вероятно, сейчас настал момент вернуться к ней вновь.

Никколо переоделся, побрился и причесался. Нужно было спуститься к Лиотарам. А потом попытаться выяснить правду.

Колони, 1816 год

Вивиани казалось, будто это не он, а кто-то другой поднимается сейчас по холму, какой-то еще Никколо, не имеющий никакого отношения к реальности.

По небу загнанными животными неслись черные тучи, скрывая вершины гор. Вдалеке в воздухе уже висела пелена дождя, и, хотя тут, у озера, ливень еще не начался, гроза уже приближалась, и мир замер перед бурей. Сильный ветер, отправлявший в пляс верхушки деревьев, развевал подолы камзола Никколо.

Вечным Альпам не было дела до непогоды, они будут противостоять бурям даже тогда, когда потоки дождя смывают все живое с их склонов. Юноше хотелось обладать таким же спокойствием, но он не был вытесан из скалы, его тело было из плоти и крови, и сейчас в его душе бушевала совсем другая буря.

Несколько часов назад Вивиани под сомнительным предлогом покинул виллу Лиотаров и отправился гулять к озеру.

Ни и его душа, ни тело не могли найти покоя. Хотелось двигаться, словно ответы на все вопросы найдутся сами собой, и нужно лишь бежать, бежать, бежать куда глаза глядят. Но куда бы Никколо ни направился, как бы ни пытался уйти подальше от Колони, ответов он не находил. А ведь эти ответы крылись где-то в глубине его души, так же, как рыбы плавали в пучине озера, но он покачивался на волнах своего сознания и не мог заглянуть вглубь, и не было в водах разума ни берегов, ни путеводных огней, указавших бы ему, куда плыть.

После завтрака юноша занялся чтением Библии, но это не принесло ему облегчения. Вместо того чтобы успокоить его душу, Книга Книг вызвала лишь новые вопросы. Его взор устремлялся к небесам, словно Никколо вновь стал маленьким мальчиком, ожидавшим увидеть в вышине Господа Бога, длиннородого старца с суровыми глазами, видевшими все его прегрешения. Но в небе были лишь тучи, а за ними Солнце, вокруг которого вращалась Земля, и где-то там — планеты и луны, вся Вселенная, по Джордано Бруно, включающая в себя бесконечное число миров. И нигде не было Бога, который указал бы Никколо путь.

Вивиани думал о том, чтобы уехать. Просто сбежать. Или поделиться с Валентиной своим знанием. Или даже вернуться домой, в Тоскану. Но Никколо знал, что ему не отделаться от тайны Байрона. Он должен был вернуться на виллу и выяснить, что же он видел на самом деле. Заглянув в новый, неизведанный мир, Вивиани не мог жить так, как раньше.

Его тянуло в окутанный мрачной аурой дом. Он высился в море его мыслей, словно скала, о которую разбивались все сомнения. Теперь, когда шевалье знал тайну обитателей виллы, она казалась совсем иной, темной, таинственной, и притом исполненной притягательной силы. И Никколо ничего не мог ей противопоставить.

Делая последние шаги, юноша сам себе казался персонажем одной из его излюбленных историй, но когда он уже поднял, руку, собираясь постучать в дверь, он понял, что это не так. Первая капля дождя упала ему на рукав, и Никколо замер, глядя, как она впитывается в

темную ткань, а затем постучал костяшками пальцев по прохладному дереву двери. Стук эхом разнесся по всему дому, и на мгновение Вивиани показалось, что строение заброшено.

Но тут дверь открылась, и на пороге показался Байрон. Его ноги освещал слабый свет дня, а на лицо падали тени. Увидев гостя, он улыбнулся, словно не ожидал увидеть здесь Никколо, но Вивиани знал, что лорд ждал его, ведь иначе он отправил бы слугу открывать дверь, а не вышел сам.

— Здравствуй, Никколо. Надеюсь, у тебя все в порядке? Мы за тебя уже волновались.

— Спасибо, я совершенно здоров.

— То, что ты здоров, еще не означает, что у тебя все в порядке, — Байрон отступил в сторону. — Сейчас начнется дождь. Хочешь зайти?

«Хочу ли я зайти?» Никколо, не успев обдумать этот вопрос, уже переступил порог и оказался в темном коридоре виллы.

— Полидори в Женеве, поехал за покупками, а все остальные отправились к себе, — Байрон принял у юноши пальто, небрежно бросив его на коричневый сундук.

— Я пришел сюда не из-за них.

Лорд вновь улыбнулся.

— Выпьешь что-нибудь?

Вивиани покачал головой и смущенно оглянулся. Судя по всему, на вилле действительно больше никого не было, даже слуг.

— Давай поднимемся наверх.

Никколо последовал за Байроном по лестнице. На втором этаже в окна бил свет, развеивая мистическую ауру, в гостиной в камине потрескивали дрова. Комната показалась Никколо до боли родной, все здесь было настоящим, и юноша на мгновение позабыл обо всех своих страхах.

— Я пришел сюда из-за твоего предложения, — без экивоков начал он.

Байрон понимающе кивнул. Налил себе в стакан виски и выжидательно посмотрел на Вивиани.

— И что? — Он отхлебнул немного.

— Мне бы хотелось узнать об этом побольше. Понять это.

Никколо чувствовал себя дураком, который говорит не подумав, но Байрона это, казалось, не смущало. Сев в кресло, он предложил Вивиани присоединиться к нему.

— Тебе хотелось бы узнать побольше... Это неплохое начало. Мы все стремимся узнать, на чем же основывается наш мир. Некоторые полагают, что им это уже известно, но на самом деле они лишь демонстрируют собственное невежество.

— Давай без риторики и софистики, — попросил Никколо. — Скажи мне правду.

— Я никогда не шучу на такие темы, и правда для меня — высшая ценность. Ты хочешь знаний, а я могу тебе их предоставить. И сделаю это. Но ты должен мне кое-что пообещать.

— Что?

— Обещай мне, что воспримешь мои слова без предубеждений. Забудь о том, чему тебя учили в детстве, что нашептывали тебе в юности, о чем говорили, когда ты стал мужчиной.

Вивиани кивнул, поддавшись магии его слов.

— Впервые я столкнулся с теми, кого ты называешь оборотнями, в Албании во время моего гран-тура. Я посещал двор Али-паши, настоящего восточного вельможи. Я ему понравился, и он много времени уделял общению со мной, и вот однажды он решил мне кое-что показать. Али-паша преподнес это как нечто необычайное, заявив, что раскрывает мне тайну, известную лишь немногим европейцам, — Байрон прикрыл глаза, словно сейчас эта сцена вновь предстала перед его внутренним взором. — Паша показал мне пленника, томившегося в глубоком подвале дворца в Иоаннине, жалкого старика, скованного цепями. Я не заметил в этом бедняге ничего необычного, вот только его цепи бросились мне в глаза. Зачем приковывать старика серебряными цепями?

Байрон замолчал. Засмотревшись в камин, он покачивал виски в своем стакане. Глядя

на его поджатые губы, Никколо понял, что эти воспоминания до сих пор берегут ему душу.

— И? — хрипло спросил юноша. — Ты узнал, почему его так паковали?

— Потому что он не был человеком. Али-паша сказал мне, что он вурдалак.

— Кто?

— Оборотень. Человек, который может принимать облик полка. Тогда я понимал не больше тебя, Никколо. Мне показалось, что это одна из восточных странностей, которые недоступны сознанию европейца. Полуправда-полусказка. Но старик заинтересовал меня, и потому я вернулся, чтобы поговорить с ним. Нам трудно было понимать друг друга, ведь я плохо знал албанский, но и моих жалких познаний хватило на то, чтобы разобраться в его истории. Постепенно старик стал мне доверять. Его звали Энвер. Он заявил, что он действительно оборотень и Али-паша держит его в подвале, чтобы вывести у него тайну превращения. Потому и цепи были серебряными.

— Но при чем здесь серебро?

— погоди, сейчас я до этого дойду. Энвер сказал мне, что Али-паша хочет создать армию, в которой солдаты были бы оборотнями. Он мечтает отделиться от Османской империи или даже завоевать ее.

— Воины-оборотни, — задумчиво протянул Никколо.

История, рассказанная Байроном, очаровала его. Она принадлежала царству фантазий, но при этом была правдивой, и теперь Никколо стал одним из ее героев.

— Да, воины-оборотни, — кивнул лорд. — Они не ведают усталости, и их почти нельзя ранить обычным оружием. Только серебряным.

— Вот почему цепи были из серебра!

— Да, именно так. Удивительно, правда? Тогда существование оборотней ошеломило меня не меньше, чем тебя, а ведь я даже не видел процесса превращения. И все же я поверил Энверу. Я чувствовал, что он не лжет.

— И как ты стал таким... я хочу сказать, как ты превратился в волка?

— Я освободил старика, — протянул Байрон, откидываясь на спинку кресла. Отхлебнув виски, он посмотрел на Никколо поверх стакана.

— А откуда ты знаешь, что эти превращения не связаны с нечистой силой? Подумай сам: Али-паша, турки-османы, мусульмане!

— Во-первых, эти люди не менее набожны, чем европейцы, и, хотя их вера отличается от нашей, дьяволу они точно не поклоняются. Во-вторых, я знаю, что Энвер говорил правду. Я не покорился бы ничьей власти, не стал бы вступать в сделку ни с Богом, ни с дьяволом. Я сделал что сделал, и не потому, что того захотела какая-то высшая сущность, но потому, что такова была моя воля. Я принял решение и не намерен просить за это прощения ни перед кем, ни перед людьми, ни...

Он не договорил, но Никколо понимал, что он хочет сказать. «Ни перед Богом». В глазах Байрона светилась гордость, и юноша ему верил. Лорд не стал бы унижаться ради того, чтобы обрести силу. Не такой он был человек.

— Как это произошло?

— Существует определенный ритуал, в котором важную роль играет кровь. Словами это описать трудно, но могу тебя заверить, что это довольно своеобразное действо.

Вивиани кивнул, пытаясь осознать рассказ Байрона.

— Я вижу, что в тебе горит искра Прометея, — тихо, но настойчиво сказал лорд. — Изначальное пламя творения, данное нам тем, кто вынес пытки и смерть и в пытках и смерти обрел победу. Эта искра — дар данайцев, в ней и радость, и горе, она возвышает тебя, манит в полет, но чем выше ты взлетишь, тем болезненнее будет падение. Ты творец, Никколо, и в тебе тлеет эта искра, всего лишь искорка, но она может превратиться в яркое пламя. Позволь, я раздую эту искру, и ты почувствуешь свою силу, и неважно, будет то сила созидательная или разрушительная. Потому что это твоя сила.

— А как же остальные, Джордж? — Этот вопрос не давал Никколо покоя. — Как же наши друзья и близкие?

— А что с ними? — Лорд улыбнулся. — Принимая новую жизнь, ты не должен отказываться от старой. Ты видишь, что Мэри искренне любит Перси. Она ничего не знает о его второй натуре, но я уверен, что, узнай Мэри об этом, она все равно бы его не покинула. А я сам... Что ж, я заметил, что волк в моей душе еще больше распаляет мои страсти, что весьма приятно, должен признать. Так что если ты волнуешься из-за Валентины... то тебе не следует этого делать.

Никколо опустил глаза. Какие перед ним открываются возможности! Какое необычайное переживание! От пламенных слов Байрона все его сомнения исчезли, как исчезают тени в лучах яркого солнца.

23

Сешерон, 1816 год

С тех пор как утром прибыл гонец, у Жианы не было ни минуты покоя. Она не успевала даже помолиться и потому бормотала слова молитвы Розария, занимаясь делом. «*Ave Maria, gratia plena, Dominus tecum*» ³³. В первую очередь следовало подготовить комнаты для братьев. Жиана постоянно думала о том, как быстро ответили на ее просьбу о помощи. Обычно святая церковь затягивала с решением подобных проблем, и какие-либо изменения или просто новые планы приводили к проволочкам, что всегда действовало Жиане на нервы. Но в этот раз и ситуация была особой... В конце концов девушка решила, что в Риме приняли сложившиеся обстоятельства всерьез, и поэтому кардинал делла Дженга так быстро ответил на ее просьбу. Возможно, это даже означало, что теперешний Папа Римский решил больше не препятствовать начинаниям ее наставника. Удивительно, и как только делла Дженга удалось этого добиться?

«*Benedicta tu in mulieribus, et benedictus fructus ventris tui, Iesus*» ³⁴.

Небольшой домик, где раньше жил священник, теперь скорее напоминал гостиницу. Тут можно было разместить еще с полдюжины людей — именно столько монахов Жиана попросила прислать. Достаточно, чтобы завершить охоту, но не так много, чтобы их пребывание здесь кому-то показалось странным.

Она уже мысленно распределяла задания, думала, кого из братьев лучше направить для борьбы с одним чудовищем, кого — с другим. Какая-то суета во дворе отвлекла девушку от размышлений. Раздраженно набросив капюшон на голову, она побежала к двери и только у порога замедлила шаг и опустила голову. Искусство маскировки не входило в набор ее лучших умений, но для случайных свидетелей происходящего этого было вполне достаточно.

«*Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus*» ³⁵.

Открыв дверь, она удивленно нахмурилась. Во дворе стояла огромная телега, вокруг на лошадях сидело человек десять всадников. Сзади на телеге высились бочки и сундуки. Жиана не сразу поняла, что это не ошибка и люди приехали туда, куда и собирались. Это и было их подкрепление из Рима. Перед братом Иорданом стоял какой-то коренастый мордоворот, в своей забрызганной кожаной одежде напоминавший ломового извозчика. Уперев руки в бока, он громовым голосом отдавал приказы. Жиана невольно оглянулась. Да,

³³ «Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с Тобою, Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных» (лат.).

³⁴ «Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего Иисус» (лат.).

³⁵ Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных» (лат.).

этот дом стоял на отшибе, рядом с полуразвалившейся конюшней — тут когда-то была церковь, — но мимо довольно часто проходили крестьяне, пастухи и прочие местные жители. Подобное поведение не останется незамеченным, а это вредило маскировке, а значит, могло помешать охоте.

— Тише, — прошипела она.

Громила, замолчав, повернулся к ней. Он был уже немолод. Тронутые сединой волосы он стриг коротко, и его голова казалась еще больше. Незнакомец смерил Жиану взглядом, и в его темных глазах девушка увидела презрение. Люди церкви смотрели на нее так довольно часто, и Жиана уже внутренне приготовилась к конфликту. Придется доказывать этому типу — как и многим до него, — что главная тут она и почему это так, причем сделать это нужно перед его подчиненными, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств они безоговорочно повиновались ее приказам.

Мужчина подошел к ней и кивнул головой.

— *Rax tecum* ³⁶, сестра, — с невозмутимым видом заявил он, протягивая ей письмо.

Жиана узнала печать кардинала. Мрачно покосившись на здоровяка, она отступила в дом и распечатала письмо. Прочитанное шокировало ее. Девушка ошеломленно уставилась на незнакомца, явно наслаждавшегося происходящим.

— Вы брат Сальваторе?

— *Si*. Я передал тебе приказ и теперь беру на себя командование «Посланцами Папы» в Женеве и окрестностях. *Hic et nunc* ³⁷, — он немного помедлил, — сестра.

Сальваторе воспользовался неофициальным названием их организации, о существовании которой церковь никогда бы не заявила в открытую. Жиана, не обращая внимания на горьковатый привкус во рту, сглотнула. Она знала, что незнакомец так разговаривает с ней намеренно, пытаясь оскорбить. «Все во имя славы Господней», — напомнила себе она, но не могла усмирить гнев, захлестнувший ее душу. Нужно будет исповедоваться и рассказать священнику о грехе гордыни, мешавшем ей принять это унижение.

— Могу ли я поинтересоваться, почему Его Высокопреосвященство решил подобным образом изменить ход операции?

— Возможно, он не захотел доверить решение столь серьезного вопроса женщине, — Сальваторе равнодушно пожал плечами. — Если я правильно помню, этому созданию уже дважды удалось от тебя уйти.

— Верно, — у Жианы перехватило дыхание. — Но в этот раз...

— В этот раз операцией буду руководить я, и мы окончательно уничтожим это чудовище, как и все создания Сатаны, пребывающие в округе. Его Высокопреосвященство просил меня похвалить тебя за проделанную работу, — уже приветливее сказал он. — Все знают, что тебе многого удалось добиться, и я, несомненно, буду прислушиваться к твоим советам.

«Но не будешь следовать им», — про себя подумала Жиана. Видимо, Сальваторе пытался сгладить конфликт, но ее это не утешало. Девушка молча кивнула.

— Я привез четырнадцать братьев и все необходимое из снаряжения и пищи. Насколько я понимаю, мой гонец сообщил тебе о нашем приезде и подготовка уже завершена?

— Конечно. Впрочем, мы не рассчитывали на такое количество братьев и...

— Это вызовет проблемы?

— Ни в коем случае, им просто будет тесно, — холодно ответила Жиана. — Вы должны освободить двор и...

³⁶ Мир тебе (*лат.*).

³⁷ Здесь и сейчас (*лат.*).

— Позаботься о том, чтобы моих людей накормили. Путь был неблизкий, — вновь перебил ее Сальваторе, так что девушка невольно сжала кулаки, пряча их в широких рукавах. — Мы поставим телегу на конюшню и...

— Это раньше была церковь. Мы ею не пользуемся, — возразила Жиана.

— Я не склонен к подобной сентиментальности, — мрачно отрезал монах. — Сейчас нам не до какой-то старой деревенской церкви, которую проклятый корсиканец превратил в конюшню. Позаботься о моих людях, а я займусь всем остальным.

Прежде чем Жиана успела что-либо ответить, в дом вбежал брат Иордан.

— Мы потеряли брата Якова, — прошептал он, словно тяжесть этих слов не давала ему повысить голос.

— Якова? Он следил за порождением Тьмы.

— Да.

— Значит, нужно исходить из того, что наше появление здесь заметили. Мы...

— ...вскоре нанесем удар, прежде чем ему удалось улигнуть от тебя еще раз, — вмешался Сальваторе. — Дни этого чудовища сочтены. Пора ему отправиться в преисподнюю. Как только будем готовы, нападём на него.

— Мне кажется, действовать поспешно неразумно, — возразила Жиана.

Она увидела изумление на лице брата Иордана — молодой монах понял, что не она теперь отдает приказы.

— Отродье Сатаны может сбежать, и нам нельзя идти на такой риск. Ты позаботишься о другой проблеме, сестра. Ты сообщила монсеньору делла Дженга о богомерзких оборотнях, теперь они твоя задача.

— Их трое, а может быть, и четверо. Нельзя нам делить силы. Мы можем атаковать их по очереди...

— Ты позаботишься об оборотнях, — повторил Сальваторе. — Мы нападём на них одновременно. И молись, сестра, чтобы твои действия не навлекли на нас беду уже сейчас. Надеюсь, я не опоздал.

Повернувшись, он вышел во двор и занялся своими подчиненными. Онемев, Иордан и Жиана смотрели ему вслед, В душе девушки бушевал вулкан страстей, и она ничего не могла с этим поделать.

24

Неподалеку от Колони, 1816 год

День опять выдался серый, как и большинство дней в последние недели. С гор дул сильный ветер, и на озере поднимались высокие волны, бившие о берег и качавшие лодки и яхты, и мачты танцевали на фоне затянутого тучами неба. На склонах Альп уже бушевала гроза, она еще не добралась сюда, но вдалеке полыхали зарницы и слышались раскаты грома. Штормовой ветер путал Никколо волосы, развевая их у его лица. Юноша стоял па причале и смотрел в воду.

Собственно говоря, он уже давно принял решение, хотя его до сих пор терзали сомнения. В глубине души Вивиани уже все понял. Сейчас его удерживало лишь воспитание, детская вера в церковь, Папу и Бога, все светские условности и народные суеверия. Байрон верно подметил это, сумев, впрочем, распознать в юноше стремление к свободе. Пришло время отринуть оковы общества и взлететь над этим миром.

Но что, если все это — искушение? Испытание его веры? Может ли он, понимая, что делает, отринуть человеческое, выйти из общества людей, лишая себя возможности вернуться?

— Зачем ты поставил меня перед этим выбором? — прошептал юноша.

Ветер студил кожу, развевая воротник рубашки, но Никколо не чувствовал холода.

«Почему я принял это решение так быстро? Если я и сейчас сомневаюсь и не могу обрести покой?»

Он чуть было не вернулся на виллу Лиотаров. Хотя слова Байрона успокоили его, больше всего юношу сейчас тревожили мысли о Валентине. Сможет ли он скрывать от нее эту тайну? А если не сможет, то будет ли она любить то чудовище, в которое он собирается превратиться? Никколо вспомнил подаренный ей поцелуй. Ему так хотелось, чтобы любимая была сейчас рядом, могла разделить с ним это новое приключение.

Вивиани мрачно улыбнулся, когда понял, что такой возможности ему не предоставили. Ни Мэри, ни Клэр, ни какая-либо другая женщина ничего не знали о странном эксперименте, в котором участвовали три английских поэта. И Байрон недвусмысленно дал Никколо понять, что все так и должно оставаться.

Никколо подружился с компанией на вилле Диодати, не подозревая, что там происходит. Он ничего не знал об опасности, пока его мир не полетел в тартарары. Еще неделю назад он думал, что подобное невозможно, теперь же это оказалось фактом. «Существуют оборотни, перевертыши, ликантропы, вервольфы, как бы мы их ни называли. И я могу стать одним из них».

И еще один вопрос не давал ему покоя. «Что еще может существовать в этом мире? Какие еще чудеса скрываются за покровом реальности? Ведьмы? Феи? Бефана³⁸ на метле, которая похищает детей? Может быть, Юпитер действительно спускался на землю, приняв облик быка, похитил Европу и отвез ее на остров Крит? Во что теперь верить?»

Но ветер не нес ему ответов, не было их и в озере, и только белая пена плясала на верхушках волн. Никколо казалось, что он упал с причала в темную воду и волны швыряют его из стороны в сторону, так что теперь он не может распоряжаться своей судьбой. Мир был мрачным и непонятным местом и внушал страх не меньше, чем морские глубины.

Сжав кулаки, Вивиани принял окончательное решение. Он сам будет распоряжаться своей судьбой. Хотя он и пришел в этот мир не по своей воле, сдаваться не следует, ведь не подчиняются же прихотям мира Байрон и Шелли. Они противятся условностям и строят жизнь по своему усмотрению. Никколо сам определится, какой будет его дорога в жизни, и сегодня сделает первый шаг.

Он махнул рукой, подзывая лодочника.

25

Koppe, 1816 год

Валентина, опустившись на кровать, уставилась на светлые обои и потерла лоб. Голова невыносимо болела, и девушка не замечала ничего вокруг. После разговора с отцом она выбежала из его кабинета. Сейчас юной швейцарке казалось, что весь ее мир перевернулся, а она ничего не может с этим поделать.

Всего несколько недель назад все было в порядке. Она так радовалась, узнав, что Никколо, милый, застенчивый Никколо будет провожать ее домой. Девушка надеялась, что он наберется мужества признаться, что испытывает те же чувства, что и она.

По поводу отношения к Никколо своей семьи она не волновалась — он был сыном графа, к тому же их семьи всегда дружили, а если у мсье Лиотара и были другие планы по поводу замужества дочери, Валентина полагала, что он поддастся на ее уговоры.

Девушка мечтала о том, что Никколо уедет из Коппе, уже став ее женихом, совершит гран-тур, а потом вернется сюда и они поженятся. Она любила его, и ей нравилась его родина, прекрасная Тоскана. Валентина готова была провести там с ним остаток жизни, и

³⁸ Бефана — мифическое существо, в которое верили в Италии.

будущее виделось ей в светлых тонах.

А теперь все изменилось. С каждым днем Никколо все больше отдалялся и с момента приезда в Швейцарию ни разу не пытался открыть ей свои чувства, не говоря уже о том, чтобы попросить у Лиотара ее руки. Сейчас его интересовали только английские поэты. Вивиани часто оставался ночевать на вилле Диодати, а однажды вернулся в рваной одежде и бледный как смерть. Вчерашнюю ночь Никколо провел там же, и сегодня Валентина не видела его целый день.

А теперь она узнала от отца, что Людвиг фон Карнштайн попросил ее руки.

Родители Валентины не имели ничего против того, чтобы породниться с графом, к тому же Карнштайн обладал большим состоянием и отличными связями в области политики и экономики, о чем они не преминули упомянуть.

«Он красив, очарователен и образован». Валентина видела нее преимущества брака с графом, но в его присутствии она никогда не чувствовала себя так, как с Никколо. С юным итальянцем она могла вести себя свободно и непринужденно. К тому же девушка мечтала о его ласках и до сих пор вспоминала его поцелуй. Людвиг был приятным человеком, в чем-то даже соблазнительным, но в то же время Валентину в нем что-то пугало. Она замечала в нем нечто, чему не могла бы дать имени, но это ощущение леденило душу.

Совет. Ей нужен хороший совет, помощь, которой от матери сейчас не дождешься. После возвращения на виллу Валентина заметила, что ее мать превратилась лишь в бледную тень, и которой с трудом можно было узнать прежнюю госпожу Лиотар.

Девушка сбегала вниз по лестнице. На улице моросил дождь, но сейчас ей было не до зонта.

— Я иду гулять! — крикнула она в сторону верхнего этажа и выбежала из дома, прежде чем кто-то успел ей возразить.

Так она и бежала по мокрой улице до самого замка.

— Валентина! — Мадам де Сталь спустилась по лестнице, встречая гостью в коридоре.

На хозяйке замка было ярко-оранжевое платье и такая же шаль. Темные волосы она причесала весьма небрежно: видимо, сегодня баронесса не собиралась выходить.

— Что ты тут делаешь, дитя мое? Ты же вся вымокла! Ты что, пришла сюда пешком совсем одна?

Валентина робко кивнула.

— Мне нужен твой совет, Жермена. Я не знаю, к кому мне еще обратиться с этим вопросом.

При этих словах баронесса улыбнулась.

— Растрепанная и мокрая, как кошка, ты прибежала ко мне за советом? Тогда это может быть только один вопрос. Пойдем наверх, там теплее, а здесь, в коридоре, сквозит. Сними обувь, ты ведь наверняка промочила ноги. Я прикажу принести нам горячий шоколад, а потом я послушаю, что же ты хочешь рассказать мне о милом юном шевалье д'Отранто...

Валентина на мгновение опешила, не понимая, как мадам догадалась, о чем пойдет речь, но потом подумала, что пришла сюда как раз потому, что Жермена была весьма проницательной женщиной.

Спальня мадам де Сталь была роскошно обставлена, стены украшали портреты членов ее семьи, на секретере и подзеркальнике стояли золотые фигурки, широкая кровать с позолоченным балдахином была расстелена, а на одеяле валялись книги и бумаги, которые Жермена небрежно сдвинула в сторону.

— Садись, — сказала она Валентине. — Знаешь, сегодня мне как-то не хотелось вставать.

Девушка осторожно устроилась на краю кровати, а баронесса легла рядом, вытянув ноги. В дверь постучали, и та же горничная, что открыла Валентине дверь, принесла поднос с горячим шоколадом и поспешно удалилась.

— Итак, о чем ты хотела меня спросить? Я надеюсь, шевалье не собирается сбежать, оставив тебя в интересном положении?

От столь неожиданного вопроса Валентина смутилась еще больше.

— Нет... ничего подобного, — она осторожно отхлебнула горячий шоколад.

Напиток был сладким и горьким одновременно, над чашкой вилась струйка пара. Девушка попыталась объяснить мадам де Сталь, что произошло с тех пор, как они с Никколо вместе отправились в Швейцарию. Она рассказала о графе Карнштайне, визитах Никколо на виллу Диодати и своих противоречивых чувствах.

— Если я тебя правильно поняла, ты полагаешь, что любишь Никколо, но не знаешь, отвечает ли он тебе взаимностью? — спокойно осведомилась баронесса.

Валентина кивнула.

— Ну что ж, — мадам де Сталь отхлебнула шоколад, задумчиво покачивая головой. — Байрон — не лучший наставник в подобных вопросах. Есть в нем что-то звериное, волчье, и эта его животная натура и манит, и отталкивает от него людей. Его сердце разбито, и он изо всех сил пытается доказать остальным, что настоящей любви не бывает. Если кто попал в его сети, так просто ему оттуда не выбраться. И помни, я хорошо знаю Джорджа и очень тепло к нему отношусь.

— Но что же мне сделать, чтобы вновь обрести любовь Никколо? — в отчаянии спросила Валентина.

— Вопрос нужно ставить иначе, — склонив голову к плечу, баронесса смерила девушку задумчивым взглядом. — Чего ты на самом деле хочешь достичь? Да, Байрон, возможно, виноват в подобном поведении Никколо, но ведь шевалье, судя по всему, ничего не имеет против. Возможно, тебе следует подумать о том, чего ты хочешь от жизни, а потом посмотреть, как легче всего достичь этой цели. Я не могу сказать тебе, достоин ли Никколо твоей любви, но совет тебе все же дам. Не думай, что брак и любовь как-то связаны между собой.

Посмотри на меня. Я много лет прожила в счастливом браке, по вот любовь... любовь я обрела совсем с другим человеком. Мы с мужем часто изменяли друг другу, и никто из нас об этом не жалел. Если граф Людовико способен понять это, то, вероятно, тебе лучше выходить замуж за него.

— Но почему я вообще должна выходить замуж? — устало протянула Валентина. — Почему я не могу заниматься тем, что я хочу? Отправиться в гран-тур? Или посетить Новый Свет? Вести салон в Париже? Почему главное решение в моей жизни связано с тем, за кого я выйду замуж?

— Потому что так устроен мир, в котором мы живем. Мужчинам позволено практически все, а нам, женщинам, приходится мириться со своим униженным положением, — невозмутимо ответила мадам де Сталь. — Но не забывай, что брак дарит тебе определенные преимущества. Вот, например, Жюли³⁹. Ее брак с Жаком Рекамье — чистая формальность, но муж ее обожает и позволяет ей делать все, что ей заблагорассудится. Она обладает блестящим умом, и лучшие люди нашего времени обращаются к ней за советом. И даже лживые насквозь французские дворяне не судачат о ней. А все почему? Потому что она замужняя женщина. Это дарит ей защиту.

— Но ведь ты сама развелась с супругом, разве не так?

— Все дело в моем возрасте и статусе, дитя мое. Сейчас я уже обрела достаточную независимость и могу выйти замуж по любви или оставаться одна. Но могу тебе сказать, что добиться подобного положения в обществе нелегко. Поэтому я советую тебе подыскать себе супруга, и неважно, будет это Никколо или Людвиг. А потом ты сможешь делать все, что только захочешь.

Жюли Рекамье — хозяйка литературного салона в Париже, близкая подруга мадам де Сталь.

³⁹ Жюли Рекамье — хозяйка литературного салона в Париже, близкая подруга мадам де Сталь.

Колони, 1816 год

Когда Никколо пришел на виллу Диодати, было уже за полночь. Трое англичан ждали его.

— Время настало, — вместо приветствия сказал Байрон.

В этот момент все сомнения юноши развеялись. Время действительно настало.

— Да, — твердо ответил он.

Он чувствовал на себе взгляды остальных, но они не смущали его, наоборот, он ощущал, что все рады его присутствию.

Они направились к двери и завернулись в накидки. Плащ окутывал Никколо мягким теплом. По словам Байрона, вскоре ему не нужна будет одежда, и природа станет для него домом, а ветер и дождь принесут такое же наслаждение, как и ясный солнечный день.

Впереди шел Байрон, за ним — Никколо, а замыкали шествие Шелли и Полидори, ступавшие плечом к плечу в необычном для них согласии. Две лампы освещали путь.

Снаружи дул сильный ветер, развевая полы плащей. Повернувшись к озеру спиной, друзья стали подниматься к холмам и виноградникам, направляясь прочь от Колони. Вдалеке виднелись огни Женевы — даже ночью в городе на Роне не было темно. Но вскоре они свернули за холм, и огоньки скрылись из виду.

Время от времени Полидори начинал что-то говорить — о полях и лугах, о предстоящем пути, но торжественность момента и его заставила замолчать.

Они шли по тому самому лесу, в котором Никколо стал свидетелем их ритуала. В слабом свете ламп деревья казались темными призраками, тянувшими к ним костлявые пальцы. Но Байрон не обращал на все это внимания.

Остановившись на поляне у руин, лорд опустил лампу на землю и снял накидку. Его волнистые волосы трепетали на ветру. Закрыв глаза, он запрокинул голову.

— Я чувствую луну за покровом туч. Сегодня хорошая луна. Наша луна.

Он жестом подозвал Никколо, и юноша, сняв плащ, подошел к нему. Взглянув на него с непонятным выражением лица, лорд убрал прядь волос со лба Вивиани.

Шелли и Полидори замерли на краю поляны. Сегодня они были лишь зрителями, давшими свое согласие на проведение ритуала.

Без лишних слов Байрон снял камзол и расстегнул рубашку, Никколо же полностью обнажил торс. Кожа мгновенно покрылась мурашками, и юноша задрожал от ветра — а может быть, от взгляда лорда, в котором слились обещание блаженства и вечных мук.

— Сегодня ночью мы собрались здесь, чтобы принять еще одного члена в наши ряды, — хрипло начал Байрон, и Никколо понял, что лорд тоже волнуется. — Здесь, на берегах Женевского озера, мы сможем основать новое общество, где тело будет цениться не меньше души, где наши заслуги принесут нам славу, а наши дела — освобождение.

Шелли и Полидори дружно закивали, а Байрон, нагнувшись, достал из-под груды одежды металлическую чашу и кинжал.

Мечтательно улыбнувшись, лорд протянул Вивиани чашу. Его рука мягко легла на плечо юноши, и тот опустился на колени.

— Что я должен делать? — прошептал Никколо.

— Я пушу тебе и себе кровь, она смешается, а потом... что ж, потом я тебя укушу, — должно быть, он увидел выражение лица Вивиани в этот момент. — Не бойся, — склонившись к его уху, прошептал лорд. — Я буду нежен.

Он подмигнул Никколо. Вокруг было холодно, но юношу бросило в жар, и он чувствовал, что на лбу у него выступили капельки пота.

Острые кинжала легко скользнуло по его шее, коснулось горла, а затем впилося в грудь. От острой боли Никколо охнул, но в то же время ощутил поразительную силу, и это чувство

затмило все остальное. Кровь из раны потекла по животу, и юноша закрыл глаза. На его плечи упали горячие капли, теплая чужая кровь собралась в ямке над ключицами, смешиваясь с его собственной.

Вивиани подставил под нее чашу, а волосы у него на затылке встали дыбом. Он ждал укуса. Волнение смешалось с возбуждением. Ему так хотелось почувствовать этот укус. Сейчас все его естество жаждало только этого.

Но тут прозвучал выстрел, чаша вылетела у него из рук, и Никколо отбросило в сторону.

27

Сешерон, 1816 год

За последние дни Людовико дважды поменял квартиру, продолжая платить за снятые комнаты, чтобы хозяева домов думали, что он действительно там живет. Он даже выходил на улицу днем, хотя ненавидел солнечный свет.

Сейчас наступила ночь, и граф отправился на поиски добычи. Ему нужна была кровь. Тьма в нем была голодна, и он ничего не мог противопоставить этому голоду. Жажда теплой свежей крови не давала ему покоя. Вампира била дрожь. Когда он утолял эту жажду, вернее, когда на мгновение голод становился меньше, мысль о металлическом привкусе крови вызывала в нем тошноту, но, когда жажда возвращалась вновь, тошнота забывалась, сменяясь радостным ожиданием насыщения.

Охотиться было легко, и только если Людовико не пил крови довольно долго, жажда мешала ему думать, превращая в дикого зверя, и приходилось тратить все силы на самоконтроль. Нужно было лишь регулярно утолять свой темный голод, и тогда никаких проблем не возникало. А пока его разум не был замутнен, добычу найти было несложно. Звериные инстинкты сами вели его к жертвам. Людовико выбирал тех, кто сам носил в себе Тьму — слабее, чем у вампира, но все же Тьму. Графа влекло все темное в людях — ненависть, похоть, зависть, гордыня, нетерпимость и прочее, что они так тщательно скрывали от окружающего мира, и только Людовико благодаря своей Тьме мог разглядеть в них гниль души за фасадом благопристойности.

Иногда графу хотелось думать, будто он уменьшает зло в этом мире, но он знал, что это неправда. Он убивал, и не раз. Сейчас он уже не помнил лиц своих жертв: эти люди были бедными и богатыми, молодыми и старыми, дворянами и простолюдинами. Долгие годы жизни принесли Людовико опыт и терпение, по голод всегда оставался в его душе, холодный и темный, бездонная бочка, которую он тщетно пытался наполнить.

Рядом с Валентиной голод почти утихал — он чувствовался, но не имел такого значения, как прежде.

Валентина была сейчас на вилле Лиотаров, далеко от него. Поправив камзол, вампир зашагал в темные кварталы, где поджидали клиентов проститутки. Людовико не думал, что люди здесь хуже, чем где бы то ни было, но так действовать было проще — властям не было дела до этих девушек. Их услугами пользовались многие, а слушать не хотел никто. Карнштайн мрачно улыбнулся, подумав о набожных жителях города, — они с таким презрением относились к проституткам, и тем не менее падшие женщины неплохо зарабатывали.

Его мысли вновь вернулись к Валентине. От голода он грезил о ее крови, о синей жилке, бившейся на шее под светлой кожей, но он знал, что его чувства никогда не позволят ему испытать из ее вены. Людовико понимал, что не сможет лишить эту девушку воли, видеть в ней добычу. Валентине даже удалось пробудить в нем давно забытое ощущение — сочувствие. Из-за нее он решил больше не питаться кровью ее матери, хотя теперь ему и пришлось мучиться от жажды.

Наконец он добрался до окраины города — отсюда было далеко до красивых мощеных улиц, до церквей и салонов благородных дам. Дома здесь были маленькими и невзрачными — под стать беднякам, которые в них жили.

Охота началась.

Возможно, вампира предупредила Тьма. Или все дело было в опыте, позволившем ему прожить все эти долгие годы. А может быть, из-за постоянной опасности все его чувства обострились. Или он что-то заметил — какой-то шум или чужое дыхание. Как бы то ни было, Людовико резко отпрыгнул в сторону.

Пули засвистели вокруг, и только потом граф услышал грохот выстрелов. Тьма хлынула из сердца в руки и ноги, помогая уклоняться. И снова выстрелы, одна пуля угодила в плечо. Подпрыгнув, Людовико преодолел притяжение земли и очутился на крыше, зажимая рукой кровотокающую рану.

— Вон он! Стреляйте, стреляйте! — громко крикнул кто-то на итальянском.

Этих охотников прислали из Ватикана. Жиана и ее ублюдки, никаких сомнений. Людовико ругнулся, проклиная охотников, но в первую очередь себя самого. Он знал, что так все и произойдет, но решил не обращать внимания на предупреждения об опасности.

Тьма внутри забурлила, пытаясь взять контроль над его разумом, заставить его сражаться, а главное, убивать. Карнштайн справился с этим. Кровь стучала в висках, и он ощутил, как удлиняются его клыки. Боль пронзила плечо, и пуля, выйдя из плоти, с тихим звоном упала на крышу. Вот только рана почему-то не закрылась. Раздраженно покосившись на измазанную кровью пулю, Людовико побежал.

И вновь тишину ночи взрезали выстрелы. Он знал, что посланники Ватикана не стали бы нападать на него, не будь они уверены в своей победе. Карнштайну уже не раз удавалось скрыться от них — он либо замечал их заранее и тогда скрывался, либо принимал бой и убивал всех своих преследователей. А значит, эти охотники были опасны — они не были новичками, которые могли допустить какую-то ошибку, они не перестанут стрелять, увидев, что он упал, они были внимательны и осторожны. Эти люди умели убивать не хуже него.

К своему удивлению, Людовико почувствовал, что в нем нарастает странное ощущение эйфории, давно забытое предчувствие смертоносного сражения.

Не медля, граф принял решение и спрыгнул в переулок. Его окутывала Тьма. Прогремело еще два выстрела, во все стороны полетела каменная крошка. Одним прыжком Людовико преодолел десять метров, отделявшие его от врагов. Точным ударом вампир сломал первому из преследователей шею, подскочил ко второму и, уклонившись от его ударов, впился клыками ему в горло. Кровь брызнула в лицо, потекла по подбородку и шее. Обнимая обмякшее тело врага, Людовико упивался кровью.

Выстрел пробил вампиру спину так, что пуля вошла в тело инквизитора. Эти люди не допускали ошибок, не жалели своих же братьев, не испытывали сомнений. Умрешь в бою — попадешь в рай...

Спина горела, словно в его тело влили жидкий огонь. Вампир повернулся, но уже не мог двигаться столь быстро, как раньше. Тьма должна была вылечить его, но рана от пули не закрывалась.

Людовико отпрыгнул в Тень. Врагам было известно о его природе: у них были старые архивы, и Ватикан давно уже изучал ему подобных, выработав собственные методы охоты.

У входа в переулок вспыхнул свет, яркий свет, какой не увидишь ночью. Тени отступили, разлетаясь по углам, и вампир остался один.

— Огонь!

Стрелки не медлили, но Людовико был быстрее. Прыгнув, он пробежал два шага по стене противоположного дома и оттолкнулся, уклоняясь от пуль. Очутившись на противоположной стороне, вампир забрался на балкон и побежал по перилам.

Выстрелы прекратились — охотникам нужно было перезарядить оружие. Этим шансом нельзя было не воспользоваться. Когда Людовико прыгнул вниз, послышался еще один выстрел, но вампир двигался быстрее пуль. Внизу он заметил пятерых охотников, возившихся с

ружьями. Только двое из них успели поднять глаза.

Первому он проломил голову в прыжке. С хрустом сломались кости, шея безвольно повисла, противник не успел даже крикнуть. Второй перекатился по земле, а Карнштайн запутался в плаще первого, теряя драгоценные секунды. Людовико поднялся, и кто-то попытался ударить его кинжалом в лицо, но вампир уклонился и ударил в ответ — быстрее, чем враг успел отреагировать. Охотник упал на землю уже мертвым. Второй кинжал впился Людовико под ребра. Вампир зашипел от боли, повернулся и вырвал у врага оружие из рук. Тьма почти обрела над ним контроль, и Карнштайн бросился вперед, пробив пальцами грудь охотника.

Двое других еще пытались зарядить ружья, когда Людовико набросился на них. Теперь все пятеро были мертвы. Раны вампира болели. Ему удалось вырвать из своего тела кинжал. Сейчас он терял кровь, кровь, дарившую ему жизнь и силы.

Но охотников было больше. Карнштайн чувствовал, что они окружают его, подбираются все ближе. От ран он терял силу и скорость, лишался своих преимуществ в бою. До конца ночи он потеряет много крови.

Пыл сражения в нем утих, и вампир понял, что единственный для него выход — бегство. Он бросился назад в переулок и повис на балконе — сейчас он уже не мог ни летать, ни перепрыгивать со стены на стену. Оставалось карабкаться. Добравшись до крыши, он прижался к черепице.

Видно было, что люди в переулке просыпаются. Кое-где слышались голоса, испуганные жители пытались выяснить, что происходит, в тишине ночи звучали их окрики, но люди в этом районе знали, что если в темноте кто-то стреляет, то лучше забаррикадировать дверь и не высовываться. Помощи ждать было не от кого.

Людовико прополз вперед, приподнялся и, пригнувшись, побежал по крыше, а затем перепрыгнул на соседний дом. Куски дранки с шумом упали на тротуар. Вампир продолжал двигаться вперед. Нужно было прорвать кольцо врагов по крышам и скрыться в ночи. В темноте никто из них с ним не сравнится.

Пуля вошла ему в спину, сбив с ног. Карнштайн едва сумел удержаться и не упасть на землю. Боль была невыносима. Он попытался вытолкнуть пулю из своего тела, призвав силы Тьмы, но металл не двигался, засев внутри. Пуля была горячее, как крошечное солнце, и такой же смертоносной. Пока она будет оставаться в его груди, боль не позволит двигаться.

— По крышам, как и всегда, — к нему медленно приближался какой-то приземистый громила. Отбросив пистолет, незнакомец достал еще один.

Вскрикнув, Людовико вонзил два пальца себе в грудь. Враг покинул оружие, но Карнштайн уже вырвал пулю и ушел в Тень.

Тьма вокруг была непроглядна, даже вампир не мог здесь ничего разглядеть. Она приглушала все чувства, обволакивая. Тут было холодно, настолько холодно, что его душа задрожала. Тьма в Людовико жадно впитывала Тени, но вампир сопротивлялся, он не хотел оставаться в этом плане реальности. Карнштайн бросился вперед, двигаясь наобум, и Тени вытолкнули его в привычный мир за спиной незнакомца. Вот только враг успел обернуться и выстрелить.

На этот раз было особенно больно. Вампир упал на колени, силы полностью оставили его.

— Так мало уловов? — с каким-то даже сочувствием спросил громила. — Больше никаких тузов в рукаве?

Людовико ловил губами воздух, но от раны не мог даже издохнуть.

— Скажи дьяволу, что тебя прислал Сальваторе, — прошипел враг, поднимая пистолет.

Не раздумывая, Людовико вложил остатки Тьмы в прыжок. Схватив противника, он упал вместе с ним с крыши.

И они оба ударились о землю.

Неподалеку от Колони, 1816 год

От боли у Никколо перехватило дыхание. Он лежал на спине в мокрой траве, а над ним мелькали какие-то тени. Юноша не сразу понял, что он видит, и лишь потом разглядел Байрона, превращавшегося в волка.

Проведя ладонями по телу, Вивиани почувствовал под пальцами теплую липкую жидкость. «Это кровь, — подумал он. — Я истекаю кровью».

Он перекатился на бок. Отсюда все казалось больше, чем раньше: деревья возвышались до самого неба, каждая травинка скорее напоминала куст, на краю поляны бегали туда-сюда люди невероятного роста. Ночь освещали вспышки, из ружейных дул вился дымок, звук выстрелов оглушал. На Никколо никто не обращал внимания.

Он слышал крики и громкий вой. Приказы отдавали на итальянском и латинском. Вновь зазвучали выстрелы, и один из противников со стоном упал на землю, когда на него налетела рычащая серая тень.

Все вокруг было лишено какого-либо смысла. У Вивиани кровь стучала в ушах, заглушая остальные звуки, тело пронзала боль. Юноша знал, что должен встать и либо бежать, либо сражаться, но он не мог даже пошевелиться.

Он с ужасом наблюдал за происходящим. Люди в лесу перезаряжали ружья и стреляли, а волки метались между ними, атакуя то одного, то другого противника. Никколо увидел, как в одного из волков попали, но тот как ни в чем не бывало побежал дальше.

Вивиани провел кончиками пальцев по груди, где в него попали: он отчетливо ощутил тогда, как пуля пробила кожу и плоть. Юноша думал, что нащупает смертельную кровоточащую рану... но там ничего не было.

Он отер кровь, но под ней была лишь гладкая кожа. Там, где пуля вошла в тело, сейчас не было даже царапины.

На другой стороне поляны из подлеска выскочило трое волков. Звери набросились на пятерых людей. Люди двигались слишком медленно и не успели даже выстрелить. Одному удалось сбежать, а четверо остальных упали на землю. Уже не было понятно, где мех волков, а где человеческая одежда, кричит ли это человек или рычит оборотень.

Никколо пополз по поляне. Он по-прежнему не мог понять, что за чудо защитило его от ранения, но сейчас юноша хотя бы страхнул с себя оцепенение.

Двое волков, отступая от стрелков, вновь скрылись в лесу, по Вивиани успел добраться до третьего. Тяжело дыша, оборотень вытянулся на земле, принимая облик человека.

— Шелли, — прошептал Никколо.

Юноша осторожно оглянулся. Он в каждое мгновение рассчитывал услышать еще один выстрел и уже представлял себе дуло ружья, полет пули, удар... Но люди сейчас преследовали волков.

— Это было... нелегко, — прошептал поэт.

На его теле виднелось несколько кровоточащих ран. Усмехнувшись, Шелли закашлялся, и у него на губах проступила красная пена.

— Что с тобой?

— Нам нужно помочь Альбе. Их слишком много.

— Надеюсь, ему удалось сбежать, — Никколо протянул руку за ружьем.

Приклад еще был теплым, но его прежний хозяин сейчас смотрел мертвыми глазами в небеса.

— Он нас не оставит. Трусом Байрон никогда не был, — охнув, Шелли перекатился на живот.

Посреди всего этого хаоса его нагота не казалась неприличной, удивленно подумал Никколо.

— Я думаю, что сумею зарядить ружья. Ты умеешь стрелять?

Вивиани подумал, не следует ли ему перенести Шелли в лес — может быть, им удастся скрыться в темноте. Но затем он опомнился. Врагов — кем бы они ни были — было слишком много. Они хорошо вооружены и исполнены решимости убить всех до единого.

Никколо кивнул.

— Значит, все эти дурацкие тренировки по стрельбе, устроенные лордом, не прошли зря, — мрачно улыбнулся Перси, протягивая юноше ружье.

Шелли подполз к убитому, перевернул труп, будто какой-то куль с картошкой, и достал мешочек с пулями и пороховой рожок.

Никколо сглотнул, поднимая ружье. Он умел стрелять, не раз ходил на охоту и убивал зверей, но тут речь шла о людях... людях, которые сейчас пытались убить его друзей.

— Стреляй! — прошипел Перси.

И Никколо выстрелил. На удивление он вел себя спокойно — руки не дрожали, дыхание замедлилось, даже сердце перестало выскакивать из груди от волнения. Юноше казалось, будто это не он лежит тут в мокрой траве за разрушенной старой стеной, готовясь выстрелить вновь, а какой-то чужой, незнакомый ему человек, способный на хладнокровное убийство.

Вскрикнув, один из противников схватился за спину и упал на землю. Остальные так и не поняли, что произошло.

Шелли вложил Никколо в руку еще одно ружье, и юноша вновь выстрелил. На этот раз он промазал, но Перси уже зарядил очередное ружье. И вновь выстрел не принес результата. Но теперь противники их заметили.

Стволы развернулись в их сторону, враги пригнулись. Их окутывало облако порохового дыма, и вся эта сцена казалась кошмарным сном, но все же чем-то она очаровывала Никколо.

Снова оружие, выстрел, промах. Ответный огонь. Пуля вошла в землю рядом с головой Вивиани, в лицо полетели комья. Никколо казалось, что он видит летящие в него пули.

— Стреляй!

Он повиновался, и еще один человек упал на землю. Противники перезаряжали ружья, двое двинулись в сторону Шелли.

И тут из леса выскочили два волка. Преодолев пару метров и прыжке, они набросились на нападавших.

Никколо выстрелил еще раз и вскочил на ноги, но прежде, чем он успел броситься в рукопашный бой, Перси сунул ему в руку пистоль. Пригнувшись, юноша побежал по поляне.

Оборотни повалили противников на землю, проскользнув под стволы ружей.

Вивиани помчался дальше. Увидев, что один из врагов поднимает оружие, юноша ударил его в затылок — не очень красивый жест, зато эффективный. Противник пошатнулся, его ружье выстрелило, и тут в горло ему вцепился черный волк.

Никколо оглянулся в поисках других врагов, но больше сражаться было не с кем. Черный волк, только что стоявший над поверженным противником, превратился в Байрона. Голый и окровавленный, поэт оглянулся с отсутствующим видом.

— Боже, кто это был? — простонал Полидори, зажимая ладонью рану на ноге. У него из-под пальцев текла кровь.

— Судя по всему, добрые христиане, — хромая, к ним приблизился Шелли. — Они все время читали молитвы на латыни.

— Но зачем... — начал Полидори, но Никколо перебил его, не позволив договорить.

Какая-то женщина в кожаной накидке приподнялась и направила пистолет на Байрона. Вивиани выстрелил, не раздумывая. Пуля попала ей в плечо, и женщина выронила оружие и вновь повалилась на землю. У нее было разодрано горло.

— Какой же я дурак, — прошептал Байрон. — Слепой самоуверенный дурак!

— Что? — опешил Никколо.

— Я думал, что мы сможем противиться всему, что сможет противопоставить нам этот свет. Я думал, что нам удастся создать собственный мир, нашу собственную утопию.

— Но мы на это способны, Альбе, — возразил Шелли. — Мы победили!

— Победили? — Лорд обвел рукой поляну, покрытую мертвыми телами и залитую кровью. — Нет, Перси, мы не победили. Нам пришлось убивать.

Затем он перевел взгляд на Никколо.

— Нужно убираться отсюда, — удивительно спокойно сказал он, поднимая с земли одежду.

Вивиани молча последовал за лордом и его спутниками. В его голове роилась тысяча мыслей. «Кем были эти люди? Откуда они знали, кто на самом деле Байрон и его друзья? Как они смогли найти нас?»

29

Неподалеку от Колони, 1816 год

Коль была на удивление слабой. Осторожно приподнявшись, Жиана прислонилась спиной к камню. Ноги ее не слушались, да и руками она почти не могла шевелить.

Каждый новый вздох давался сложнее предыдущего. Девушка, казалось, чувствовала, как ее легкие наполняются кровью. Кровь заливала ее одежду, стекала на траву, собираясь в небольшие лужицы. Жиана понимала, что умрет от удушья, если до этого не скончается от потери крови. Втайне она надеялась на то, что перед смертью потеряет сознание.

Чудовища ушли, оставив ее здесь со всеми этими трупами, словно она от них ничем не отличалась. В чем-то они были правы — Жиана умирала. Ее нельзя будет спасти, даже если сейчас ее кто-то найдет. Ее раны смертельны. Надежды не оставалось.

И она жалела сейчас только о том, что нет рядом священника, который принял бы у нее исповедь и совершил соборование.

Словно Господь услышал ее молитвы — в темноте показались чьи-то очертания, и на мгновение Жиане почудилось, что это священник, посланный Господом, чтобы отпустить ей грехи. Мужчина склонился над ней, и Жиана, узнав его, охнула.

— Ты!

— Да, это я, — Людовико насмешливо улыбнулся.

Все его тело окутывала Тьма, словно Тени стали его одеждой, и только его зубы белели в темноте.

— Мои братья...

— Я оказал им услугу, которая, несомненно, пришлась им по вкусу. Теперь они сидят о деснице Господа. И будут сидеть там вечно, насколько мне известно.

— Проклятое чудовище! — прошипела Жиана. — Ты отправишься в ад!

— Но сперва мне суждено прожить остаток жизни, дорогая. Я намерен наслаждаться своим существованием. Попутешествовать, может быть, отправиться в Америку...

— Моя смерть... Наша смерть ничего не изменит. Придут другие. Они будут охотиться на тебя. И убьют. Ты можешь бежать, но ты не можешь спрятаться. Господь покарает тебя.

— Ну, если эта мысль дарит тебе утешение, — граф пожал плечами. — Но скорее я склонен полагать, что эта стычка отбросит вас назад. Теперь вас стало намного меньше. А таких, как ты, и подавно нет.

Услышав похвалу из уст своего заклятого врага, Жиана чуть не рассмеялась, но ее смех перешел в кашель. Из рта полилась кровь. По крайней мере, скоро все закончится. Боль вернулась, она терзала тело женщины огненными когтями, и Жиане приходилось сдерживаться изо всех сил, чтобы не застонать.

Граф, казалось, не замечал усилия Жианы сохранить свою честь. Вампир задумчиво обвел взглядом поляну, покрытую трупами монахов.

— Кто бы мог подумать, что горстка глупых поэтов сможет доконать тебя, — Людовико мягко улыбнулся, поворачиваясь к Жиане. — Но я пришел не для того, чтобы говорить о прошлом, дорогая.

— А для чего же?

— Вообще-то я собирался покончить с тобой самолично. Один из твоих идиотов братьев оказался слишком болтлив и рассказал о ваших планах. Не то чтобы меня заботила судьба этих мелких волосатых псин, но я подумал, что это неплохая возможность вывести вас из строя, пока вы будете заняты.

— Переходи к делу, демон!

Граф рассмеялся, и Тени у его лица заплясали, словно смеялись вместе с ним.

— Я не предполагал, что поэты смогут действовать настолько эффективно. И вот я здесь и с превеликим удовольствием готов предложить тебе договор.

— Тебе нечего мне предложить.

— Ты что, не читала Гете, дорогая? Возможно, и не читала. Вряд ли твое начальство оставляет тебе достаточно времени, чтобы ты могла читать, да?

— Дай мне умереть спокойно, — внезапно Жиану охватила чудовищная усталость.

— Но в том-то и дело. Тебе не нужно умирать. Я предлагаю тебе вечную жизнь.

— Я не боюсь смерти, — женщина рассмеялась.

— Боишься. И я это вижу, Жиана. Смерть пугает тебя так же, как и всех остальных. Ты уже сомневаешься. Почему Бог позволил этим волкам разорвать твоих овечек? Может быть, он плохой пастырь? Почему те, на кого ты охотилась, живы, а ты истекаешь кровью?

— Убирайся!

Глаза Людовико сузились. Он еще раз посмотрел на девушку, но она не шевелилась.

— Я думал, ты сумеешь оценить мое предложение по достоинству. Настоящая вечность, и ты можешь провести ее так, как только пожелаешь. Разве это не лучший выбор, чем сидеть на облаке, играя на лире до самого конца света? Я предлагаю тебе возможность достичь всего, что ты хочешь.

У Жианы перехватило дыхание. Девушка представила себе, какие деяния во славу Господа она сможет совершить, обрета подобную мощь, сколько зла сможет уничтожить, какое добро принесет людям. Она сумеет отправить в преисподнюю тех существ, которым удалось сегодня победить ее.

— Передай от меня привет твоему Богу. — Людовико повернулся, собираясь уходить.

Мысли Жианы путались, и она смотрела вампиру вслед, чувствуя, как темный огонь смерти бушует в ее теле.

— Погоди!

30

Колони, 1816 год

Измученные и перемазанные кровью, друзья добрались до виллы. Флетчер, сбегав вниз по лестнице, ошарашенно уставился на своего господина.

— Милорд... что...

Байрон отмахнулся, не дав старику договорить.

— Принеси нам бутылку бренди и, ради Бога, оставь нас в покое.

Они расселись по креслам. В грязной оборванной одежде, истрепанные и босые, эти люди странно смотрелись в роскошной гостиной.

— Кто это был? — спросил Никколо.

Байрон устало пожал плечами.

— Я не знаю точно. Но Шелли слышал, как они молились, так что мы можем предположить, что это были люди церкви. А кто охотится на, так сказать, дьявольское отродье во имя Господа? Инквизиция.

У Вивиани сдавило горло. Церковь. Ну конечно.

— И вы думаете, нам удалось перебить их всех? Нет, — задумчиво продолжил лорд,

обводя друзей взглядом. — Это только начало. Придут и другие, все больше и больше, они будут преследовать нас, пока мы не захлебнемся их кровью. Мы не можем ничего поделать с их фанатизмом. Нам их не победить. Мы жили в мире тщетных мечтаний, желаний, фантазий, но та поляна, где остались трупы, — настоящая.

Никколо, как громом пораженный, слушал слова своего друга. По щекам Байрона текли слезы, смешиваясь с грязью и кровью. Вивиани и сам чувствовал, что вот-вот заплачет.

Шелли уже открыл рот, собираясь что-то сказать, но потом передумал и отвернулся. Полидори улегся на диване, прижав ноги к животу, словно мучился от боли.

Встав, Байрон повернулся к юноше, опустил ему ладонь на плечо и заглянул в глаза.

— Ты должен оставить нас, Никколо. Ты...

— Что? Почему?

— Потому что я еще не обратил тебя. Ты еще не стал одним из нас, из гонимых. Мы живем на темной стороне мира, и на нас объявлена охота. Но ты не один из нас. Ты должен уйти!

— Но куда мне идти? Я не могу оставить вас после того, что сегодня произошло!

— У тебя нет другого выбора. Подойдите все сюда.

Шелли и Полидори с трудом поднялись и встали рядом с Байроном.

— Поклянитесь вместе со мной, что вы вычеркнете Никколо из своей жизни, уничтожите все следы его общения с нами: записи в дневниках, письма, даже воспоминания. Мы должны подарить ему свободу, хотя своей свободы мы и лишились.

Никколо с ужасом увидел, что все они кивнули. Он хотел возразить, но здравый смысл приказывал ему молчать. «Может быть, так даже лучше. Ты бросил вызов судьбе, а теперь ты видишь, что происходит с теми, кто так поступает. Но ты можешь сбросить с себя груз произошедшего». В глубине души юноша знал, что не все так просто, но ему нечего было сказать.

— Уезжай, — настойчиво говорил Байрон. — Мы останемся здесь и заметем твои следы. Ничто не будет указывать на то, что ты когда-то дружил с нами. Я был глупцом, полагая, что смогу стать новым Прометеем. Я приношу горе и печаль всем, кто приближается ко мне. Огонь во мне горит, но не разгорается ярче, и в конце останется лишь горстка пепла.

— Валентина, — пробормотал Никколо. — Я должен пойти к ней, я должен...

— Нет! Если, несмотря на все меры предосторожности, они тебя найдут, ты подвергнешь ее страшной опасности. Она не должна ни о чем знать. Если хочешь, чтобы с Валентиной все было хорошо, держись от нее подальше.

— Но я не могу! Я люблю ее! Она для меня важнее жизни!

— Раз ты любишь ее, то должен понять, что больше не должен ее видеть.

Копне, 1816 год

Дождь лил как из ведра. Никколо медленно поднялся по ступенькам. Во дворе его уже ждала карета. Хмурый Карло сидел на козлах, кутаясь в плотный провощенный плащ. За последние недели Вивиани его почти не видел, и кучер очень удивился, когда господин вытащил его из постели посреди ночи. Служанка, делившая с Карло постель, успела наговорить много лишнего, прежде чем признала в Никколо гостя своих хозяев.

Вивиани собрал вещи, в то время как Карло, тихо ругаясь себе под нос, поплелся на конюшню и приготовил карету. Теперь оставалось сделать пару шагов, сесть в карету и уехать. Никколо было больно уезжать вот так, среди ночи, ни с кем не попрощавшись, но он знал, что не сможет сделать это, если увидит Валентину. Она не поймет причин его бегства, и от этого ему становилось еще хуже.

Замерев на ступеньке перед входом в дом, юноша оглянулся. Его душу раздирали противоречия. Он понимал, что Байрон прав и им угрожает смертельная опасность. Мертвые на поляне говорили сами за себя. Они были не последними, и их сторонники смогут

проследить связь Никколо с семьей Лиотаров. Это решение будет на его совести. Своим эгоистичным желанием войти в компанию английских поэтов Вивиани навлек на Валентину опасность. С другой стороны, сама мысль о том, что придется покинуть любимую, разбивала ему сердце. Вот так. И никакие разумные объяснения тут не помогут.

Он вспомнил слова Байрона: «Раз ты любишь ее, то должен понять, что больше не должен ее видеть». Мысль об этом мучила его душу, не позволяя дышать.

Дождь размывал его слезы, и они смешивались с водой. Шевалье уже хотел отвернуться, но, повинуясь внезапному порыву, опустился на колени и прижался губами к холодным ступеням. Он вложил в этот поцелуй всю свою любовь, молясь Господу, чтобы тот защитил Валентину.

Затем он уселся в карету и подал знак Карло. Повозка проехала по двору, спустилась к озеру и покатила прочь от Коппе. Прочь от Валентины.

Книга 2 ОРФЕЙ

31

Лондон, 1817 год

Когда Никколо вошел в зал, лекция уже началась. Юноша злился из-за переполненных каретами улиц Лондона — вся эта толчея не позволила ему успеть вовремя. Он оглянулся.

У стен стояло несколько диванов, половину комнаты занимали стулья, причем на диванах расположились дамы, а джентльмены предпочитали стулья. Помещение было довольно темным, как раз под стать настроению Никколо.

Кое-кто обернулся, когда итальянец вошел. Вивиани заметил взгляды юных дам, задержавшиеся на нем немного дольше, чем позволяли приличия, но, разумеется, не стал на это реагировать.

Общество здесь вело себя более степенно, чем в салонах Парижа и других городов, которые юноша уже успел посетить.

Но, может быть, это было связано не столько с холодностью англичан, сколько со скукой, навешиваемой лектором. Докладчик читал монотонным голосом, погружая зал в сон.

Никколо почти не мог разобрать слов, устремившихся на него нескончаемым потоком. Лектор, толстый джентльмен с редкими светлыми волосами и в маленьких очках, зачитывал свое эссе о необходимости поддержания статус-кво в Европе и предотвращении образования новых государств, ведь иначе начнутся новые войны, которые будут намного хуже всех бед, вызванных Наполеоном. Вивиани вспомнил желание некоторых его соотечественников присоединить Тоскану к Италии⁴⁰ — его отец всегда с подозрением относился к подобным идеям.

Как бы то ни было, он пришел сюда не ради этого скучного доклада. Никколо еще раз обвел взглядом зал, но его надежды увидеть здесь знакомые лица не оправдались. Впрочем, особо рассчитывать было не на что: Байрон так и не вернулся в Англию, Шелли с женой — Перси женился на Мэри в конце 1816 года — не стали жить в Лондоне, а о докторе Полидори Никколо уже давно не слышал. Компания с виллы Диодати, столь дружная всего год назад, распалась. «Может быть, отсутствие новостей — само по себе хорошая новость», — подумал Вивиани. В первые месяцы после бегства из Коппе Никколо

⁴⁰ До 1856 года большая часть итальянского региона Тоскана была частью Великого Герцогства Тосканского. (Примеч. ред.)

волновался, открывая газету «Таймс»: он боялся, что там появятся новости о смерти кого-то из его друзей.

Вздохнув, юноша опустил на свободный стул из красного дерева. Сейчас его мысли вновь вернулись к вилле, тем временам, а значит, и к Валентине. Вивиани не видел ее с момента своего отъезда из Коппе, но, где бы он ни находился, он не мог ее забыть, как ни старался.

В Париже Никколо с головой окунулся в культурную жизнь города, принимая любое приглашение на прием, посещая оперу и театр. Он даже почтил своим вниманием кабаре и варьете, пользовавшиеся сомнительной репутацией, — и все это в надежде забыть Валентину. Но все усилия Вивиани оставались тщетными — с тем же успехом он мог бы попытаться забыть самого себя.

Не реже, чем о Валентине Лиотар, Никколо думал и о Байроне. Мрачные предсказания поэта пока не сбылись, но, возможно, Вивиани просто ничего не знал о том, с какими напастьми приходится бороться английскому лорду. Может быть, враги уже напали на его след, не зря же Альбе постоянно переезжал с места на место. Никколо мучился, не зная ничего о судьбе столь дорогих ему людей.

Лекция закончилась, и докладчик вежливо поклонился, принимая аплодисменты. Никколо тоже пару раз хлопнул, а затем поднялся. Ему было скучно, и он уже собирался удалиться, чтобы не вступать в никому не нужные разговоры.

Но, видимо, он все же действовал недостаточно быстро. Какая-то дама с высокой прической нарочито медлительно подошла к нему с фальшиво-скромной улыбкой. Ей было уже под тридцать, лицо сердечком и широко посаженные глаза придавали ей немного печальный вид.

— Должно быть, вы тот самый юный итальянский джентльмен, о котором мне так много рассказывала леди Элизабет.

— Не знаю, тот ли я джентльмен, мадам, но я действительно родом из Тосканы. Никколо Вивиани, к вашим услугам.

— Великолпно! — заявила дама, без спросу взяв его под руку. — Надеюсь, вы не откажетесь составить мне компанию?

— С превеликим удовольствием, — солгал Никколо. — Но у нас есть надо мной преимущество: я еще не знаю вашего имени, а мне кажется невежливым сопровождать даму, с которой я незнаком.

— Кэролайн Лэмб⁴¹, вернее, леди Кэролайн Лэмб. Жаль, что Элизабет удалилась и мы не можем с ней поболтать, но наша очаровательная хозяйка дома сказала, что у нее разболелась голова, — женщина понизила голос до шепота. — Одному красавчику гусару тоже пришлось уйти пораньше. Какая жалость.

Вивиани усмехнулся, продолжая выслушивать поток сплетен, которые его совершенно не интересовали. Он уже несколько недель провел в Лондоне, познакомился с нужными ему людьми, но вовсе не собирался вникать в здешние интриги больше, чем ему казалось необходимым.

И только когда они дошли до конца зала и леди указала на двух мужчин средних лет, стоявших у камина, юноша оживился.

— А это два немца, господин фон Гумбольдт⁴² и его брат, — с напускным немецким акцентом произнесла Кэролайн. — Он посол Пруссии.

— Гумбольдт, — пробормотал Никколо. — Он ученый?

— Естественными науками занимается его брат, Александр, Его даже называют вторым Колумбом, знаете ли.

⁴¹ Кэролайн Лэмб — английская писательница, известна своим романом с лордом Байроном в 1812 году.

⁴² Вильгельм и Александр фон Гумбольдты — крупные немецкие ученые.

Вивиани задумчиво посмотрел на братьев.

— Разрешите покинуть вас на этом, миледи?

— Очень жаль, — Кэролайн с неохотой отпустила его руку.

Лицемерно улыбнувшись ей напоследок, Никколо подошел к немцам. Братья так увлеклись дискуссией, что не сразу его заметили.

— Простите, что отвлекаю вас, — начал он. — Меня зовут Никколо Вивиани, шевалье д'Отранто. Не окажете ли вы честь уделить мне пару минут вашего драгоценного времени?

— Вильгельм фон Гумбольдт, — представился старший из братьев, церемонно кивнув головой.

— Александр фон Гумбольдт, — младший не сводил с Никколо глаз.

Братья были очень похожи друг на друга, вот только волосы Вильгельма уже поредели и их тронула седина.

— Так вы родом из Отранто? Это в Королевстве обеих Сицилий, Неаполь, если я не ошибаюсь? — поинтересовался Вильгельм.

— Совершенно верно. Но на самом деле я родился и вырос в герцогстве Тоскана. Моя семья живет в Ареццо. Вы бывали в Италии?

— О да. Несколько лет я был послом Пруссии в Ватикане. Рим — великолепный город, сохранивший былую красоту. Там витает дух античности, а древние руины позволяют погрузиться в прошлое.

— Мой брат сердцем почти итальянец, должен вам сказать, — Александр лукаво улыбнулся, и вокруг его голубых глаз образовались морщинки.

— Зато ты у нас почти француз, а может быть, и настоящий парижанин, — Вильгельм поморщился. — Такая истинно прусская добродетель, как скромность, стала тебе совершенно чуждой.

Никколо почувствовал, что слова старшего брата прозвучали достаточно резко, и попытался смягчить ситуацию.

— Париж — прекрасный город, хотя... скажем так, не особо чистый, — он решил сменить тему.

— Города не бывают чистыми, — возразил Александр. — Но вы сказали, что хотите воспользоваться нашим драгоценным временем, — наклонившись к Никколо, он заговорщицки понизил голос. — Если вы спасете меня от здешней чудовищной скуки, то я только рад, — он выпрямился, не обращая внимания на укоряющий взгляд брата. — Но вы, наверно, хотели поговорить не о чистоте французских городов, не так ли? Я надеялся, что тема будет поинтереснее.

— Действительно, я хотел расспросить вас о ваших поездках, господин фон Гумбольдт. Меня крайне интересуют некоторые вопросы, связанные с зоологией.

— Так как мне нечего добавить к красочным рассказам моего брата о диких животных, я, с вашего позволения, пойду поболтаю с Мельбурном⁴³, — вежливо кивнув, старший брат откланялся.

Александр посмотрел ему вслед, а потом повернулся к Никколо.

Уильям Лэмб, виконт Мельбурн — муж Кэролайн Лэмб.

— Обычно, находясь в светском обществе, я избегаю скучных разговоров о моих поездках, чтобы не утомлять ими слушателей. Но для вас я с удовольствием сделаю исключение, — у фон Гумбольдта были совершенно удивительные глаза, умные, приветливые, с заразительными веселыми огоньками. — О чем же вы хотели поговорить? Какая из Божьих тварей вас интересует?

— Волки, — склонившись вперед, тихо сказал Вивиани.

— Необычная область интересов, — одобрительно произнес Александр, опуская Никколо руку на плечо. — Может быть, пройдемся?

⁴³ Уильям Лэмб, виконт Мельбурн — муж Кэролайн Лэмб.

Они протолкались сквозь толпу и вышли в коридор. Тут было значительно тише и прохладнее.

— Можно сказать, что *canis lupus* ⁴⁴ — мой конек, — продолжил Никколо.

Отпив вина, Гумбольдт смерил его долгим взглядом.

— Ну что ж, должен отметить, что волки — не моя область исследований, но, как представитель естественных наук, я, конечно же, интересовался разнообразием видов во всех его проявлениях. Волк — очень распространенное животное, его можно встретить и в Европе, и в России, в Азии и Африке, и даже в Северной Америке. Что касается Южной и Центральной Америки, куда я ездил с экспедициями, то, насколько мне известно, волков там нет. Кстати, я бывал и в Северной Америке, но лишь пару недель — тогда я гостил в Филадельфии, — Александр заговорщицки оглянулся. — Не рассказывайте об этом никому из гордого племени англичан, но в бывшей столице Соединенных Штатов волки не бегают по улицам, а люди там вполне способны ходить на двух ногах и разговаривать.

Никколо улыбнулся. Этот немец был одарен и красноречием, и чувством юмора.

— Меня интересует не столько зверь как таковой, — Никколо запнулся, пытаясь сформулировать свой вопрос так, чтобы он не прозвучал безумно.

— А что же?

— Вам известны легенды об оборотнях?

— Вы имеете в виду вервольфов? Ликантропов? — Гумбольдт удивленно приподнял бровь.

Вивиани думал, что немец посмеется над ним, но увидел в его глазах лишь любопытство и потому кивнул.

— Я знаю, что это звучит довольно странно, но я интересуюсь историями о волках. Мифы, суеверия и тому подобное, — он старался, чтобы его голос звучал беззаботно и собеседник не почувствовал, насколько ему нужны эти знания.

— Ах, вы говорите об этнографии? Так мы уже оказываемся ближе к моей любимой теме. Что ж, легенд и мифов об оборотнях существует предостаточно, друг мой. Люди верят и силу животных и пытаются обрести ее, Можем привести пример из истории моего народа. Ваши предки, римляне, весьма неуважительно отзывались о подобных ритуалах варваров, если я не ошибаюсь.

— Но, по-моему, эти ритуалы никак не связаны с ликантропами.

— Позволю себе с вами не согласиться. Вам известны легенды о берсерках викингов? Эти воины надевали на поле боя шкуры — шкуры волков! — и их раны заживали с поразительной скоростью. Вот вам доказательство того, что эти люди ценили свойства животных и пытались сами обрести их.

— Вы хотите сказать, что все дело в их духе?

— А в чем же еще? В теле? Я не верю в то, что берсерки действительно превращались в волков.

Никколо вспомнил поляну возле Женевского озера, запах пороха, кровь, рев и рычание, испачканный кровью рот Шелли, ружье в своих руках — и помотал головой, отгоняя эти мысли.

— В любом случае подобные легенды существуют повсюду, — продолжил Гумбольдт. — Легенды о людях, которые умеют принимать облик зверя. Кстати, это было типичное обвинение во времена охоты на ведьм. Католическая церковь, видимо, всегда боялась оборотней. Но есть страны, где слухи об обладании подобными качествами вызывают не страх, а скорее уважение или восхищение. Хотя мы, европейцы, склонны считать себя венцом цивилизованного мира, во многом наши взгляды остаются довольно мелкими, — Александр вошел в раж. Он энергично жестикулировал, его глаза сверкали.

— А вы не думаете, что в этих легендах... может быть сокрыта истина? — осторожно

⁴⁴ Волк обыкновенный (лат.).

поинтересовался Никколо.

— Как вам известно, я ученый, — Гумбольдт покачал головой. — Меня интересует вопрос о том, что именно заставляет людей верить в подобные представления о природе. И я полагаю, что в основе всего скрыт страх. Взять хотя бы волка. Дикий зверь, избегающий контактов с людьми. И что мы делаем? Мы начинаем на него охоту. Люди других культур лучше понимают необходимость мирного сосуществования. Но вам ли это говорить!

— Что вы имеете в виду? — удивился Вивиани.

— Несомненно, на родине вы стали свидетелем того, как обращаются друг с другом европейцы. Я живу и работаю в Париже, очень люблю этот город, страну и ее жителей. Тем не менее, именно там началась худшая из когда-либо виденных человечеством войн.

— *Homo homini lupus*. .. — пробормотал Никколо.

— Вы читали Гоббса?

Вивиани кивнул.

— Вот именно, — улыбнулся Гумбольдт. — Гоббс говорит, что человек человеку бог, когда речь идет об отдельных гражданах, но человек человеку волк, если мы говорим о государствах.

— Надеюсь, мой брат вам еще не наскучил подробным описанием своих путешествий, дорогой мой шевалье? — Никем не замеченный, к ним подошел Вильгельм.

— Ни в коем случае, — поспешно ответил Никколо. — Ваш брат любезно ответил на мои вопросы, хотя они, возможно, показались ему глупыми.

— Совсем наоборот, — Александр покачал головой. — Я сожалею о том, что не могу ответить на них подробнее. Но если нас так интересует эта тема, то я посоветовал бы вам обратиться к моему другу Жану-Батисту Обри и его сестре Жанне. Они оба превосходные этнологи и занимались народными суевериями, распространенными в Османской империи. Во время своих поездок они узнали много интересного об обычаях мусульман.

— Вот как? Если вас это не затруднит, я был бы очень благодарен вам, если бы вы дали мне их адреса — с удовольствием написал бы им обоим.

— Непременно. Завтра утром я их вам пришлю.

— Завтра утром мы уже будем на пути в Бат, — напомнил брату Вильгельм. — Купание в горячих источниках — лучший способ вытравить английский холод из костей.

— Верно. Значит, я пришлю вам адрес сегодня вечером. — Александр повернулся к Никколо.

— Надеюсь, ты не собираешься опять встречаться с этим ужасным поэтом... Шеллингом? — мрачно осведомился Вильгельм.

— Шелли, — поправил его брат. — И не волнуйся, он уже уехал из Бата.

— Перси Шелли был в Бате? — Никколо не смог скрыть своего изумления.

— Да, там мы с ним повстречались. А вы тоже с ним знакомы?

Юноша помедлил.

— Да, нас представили друг другу, но это было довольно давно.

— Его не назовешь подходящим обществом для человека нашего положения, — нравоучительно заявил Вильгельм. — Этот тип — либерал худшего сорта, у него полно тараканов в голове. Удивительно, что его до сих пор не арестовали, учитывая, что он позволяет себе говорить. Настоящее ничтожество!

— Зато он очень веселый, — возразил Александр. — Шелли сейчас живет в Грейт-Марлоу, из Лондона туда можно добраться за день.

— Вот как? Так близко?

— Почему бы вам не присоединиться к нам? — с воодушевлением предложил младший брат. — При такой ужасной погоде отдых на курорте — как раз то, что вам нужно. К тому же путешествовать очень полезно.

Никколо задумчиво перевел взгляд с одного брата на другого. Он знал, что не сможет противостоять этому искушению.

— Господа, я с удовольствием приму ваше приглашение.

Горы Пинд, 1817 год

— Проклятая тварь...

Стражник поддакнул, даже не стараясь облечь свою мысль и слова. Он очень устал. Глаза заплаыли, лицо опухло — сегодня он целый день просидел у костра и много выпил, и теперь у него было плохое настроение, да и голова отяжелела. Но второго дозорного не смущало явное нежелание собеседника вступать в разговор.

— Наверняка у нее бешенство или что-то вроде того.

— Хм.

За крепостной стеной опять послышался вой — долгий и раскатистый, он эхом разносился по всей долине. В этих звуках сквозила тоска, боль утраты, и почему-то этот вой звучал как-то по-человечески, хотя дозорные знали, что это волчица воет на луну.

Небо было звездным, а ночь ясной, и круглая полная царица ночи повисла низко над горами, словно желтый плод — протяни руку и сорвешь его с небес.

Волчица подобралась к стене поближе, эхо ее воя доносилось уже со всех сторон. Почему-то все в гарнизоне знали, что это волчица, а не волк. Никто не мог бы объяснить, почему он так думает. Волчица, и все тут.

Она появилась в долине несколько месяцев назад, одна, без стаи, и с тех пор постоянно крутилась у гарнизона. Сперва солдаты устроили соревнование — кто первым ее подстрелит. Постепенно ставки росли, ведь пока это никому не удалось, и все больше солдат хотели принять участие в пари.

Пристрелить волчицу никто так и не смог, и чорбаджи⁴⁵ запретил это соревнование. Вначале запрет никого не испугал, но в конце концов командир заставил одного из дозорных среди ночи спуститься с крепостной стены, ударил беднягу палкой по лицу и сократил ему рацион.

Волчица подобралась еще ближе.

— Проклятая тварь, — повторил солдат, поджимая губы, и медленно начал заряжать свой мушкет.

— Прекрати! — испугался второй дозорный. — Ты что, хочешь, чтобы нас бросили в яму?

— Но она же так близко! Я не могу промахнуться. Один выстрел — и все деньги отправятся мне в карман!

Вскинув мушкет, он тщательно прицелился. Казалось, волчица смотрит прямо на него и ее светлые глаза поблескивают в лучах луны. Но солдат не успел выстрелить — перехватив дуло, второй дозорный сбил ему стойку.

— Прекрати. Ты получишь деньги, а меня в яму бросят? Забудь.

— Я с тобой поделюсь, — пообещал солдат, перехватывая мушкет.

Но когда он повернулся, волчицы уже не было, и впереди простирались лишь горы, кое-где поросшие кустами. Дозорный тихо ругнулся.

Второй стражник вновь облокотился на парапет.

— Тебя упекли бы в шахту. Пришлось бы тебе пахать там день и ночь, как рабу.

— Я солдат, а не раб.

Надув щеки, дозорный медленно выпустил воздух. Разговор был окончен. Стоя друг рядом с другом на холодном ветру, стражники пялились вниз, в долину.

— Как по-твоему, может, все дело в серебре? Может, это из-за него волчица бесится?

⁴⁵ Чорбаджи — в Османской империи командир роты янычар.

Но второй солдатик уже уснул. Видя, как он спит стоя, дозорный решил завтра рассказать об этом чорбаджи. Должна же быть какая-то справедливость: денег не получил, так хоть этому типчику наваляют.

— Наверно, все дело в серебре, — сам себе сказал он.

Их разместили гарнизоном в этом богом забытом месте, потому что тут была серебряная шахта. Рабы добывали этот драгоценный металл для Али-паши, и за ними нужно было присматривать. В темных мрачных штольнях сидели бунтари — греки, албанцы, сулиоты и прочая шваль.

Волчица вновь завывала.

«Неудивительно, что местные называют горы на севере Проклятыми, — подумал солдат, прислушиваясь к мерному храпу второго дозорного. Такие мысли лучше не высказывать вслух. — Волшебные волки, призраки, может, тут и еще чего похуже водится...» Парень покрепче укутался в накидку.

А волчица все выла и выла...

33

Грейт-Марлоу, 1817 год

Карета прямо-таки летела вперед. Никколо должен был признать, что дороги в Англии намного лучше, чем у него на родине. Конечно, приходилось постоянно останавливаться и платить пошлину, но скорость передвижения стоила того. Только во Франции дороги были не хуже.

На самом деле эти две страны, несмотря на вечную вражду, во многом были схожи. Повсюду можно было увидеть нищих, безработных, инвалидов, целое войско проклятых душ. Война уже закончилась, но ее последствия до сих пор сказывались.

Вивиани пробыл пару дней в Бате вместе с Гумбольдтами, наслаждаясь горячими источниками. Он прекрасно провел время. Александр оказался чудесным собеседником, ведь благодаря постоянным путешествиям он обладал неисчислимым запасом знаний. Впервые за долгое время Никколо чувствовал себя хорошо в компании. Возможно, именно поэтому он до последнего откладывал свой отъезд с курорта. С другой стороны, честно говоря, он немного побаивался предстоящей встречи с Шелли. Захочет ли поэт увидеться с ним?

Никколо надеялся, что Александр поедет к Шелли вместе с ним, но братьев по срочному делу отозвали в Лондон. Когда они отбыли, у юноши не осталось причин задерживаться в Бате, и потому он направился в Грейт-Марлоу.

Крохотную деревушку на берегу Темзы сложно было назвать живописным селением — маленькие грязные домики казались запущенными, и даже в лучшей части деревни, по которой они сейчас ехали, строения были неопрятными и потрепанными.

Карло за время пребывания в Англии неплохо подучил пиджин, так что теперь с наслаждением матерился на двух языках, расспрашивая дорогу. В конце концов карета остановилась у светло-серого трехэтажного здания с высокими узкими окнами.

— Мы на месте, синьор Вивиани, — объявил кучер. — Вест-стрит, дом Альбион.

Подойдя к двери, Никколо, не снимая перчатки, постучался. Он даже не знал, чего ему ожидать. Сперва ничего не произошло, и юноша уже хотел отказаться от своих намерений, когда дверь медленно приоткрылась, и он увидел в проеме знакомое личико.

— Клэр... — прошептал он.

— Никколо! — Девушка удивленно улыбнулась. — Ну и ну. Мэри! Это Никколо!

Они некоторое время стояли молча. Наконец Клэр пришла в себя и полностью открыла дверь.

— Заходи. Вот я глупая, держу тебя на пороге, как коммивояжера.

— Спасибо.

Никколо вошел, и в нос ему ударил запах сырости, зато в окна лилось много света, и обстановка была уютной.

В дверном проеме показалась Мэри. Женщина была одета в темно-синее платье с передником, о который она как раз вытирала руки. Где-то в доме заплакал ребенок.

— Извините, я на секундочку, — Клэр, повернувшись, выбежала.

Никколо смущенно кивнул. Мэри и Клэр в таком доме, ведущие совершенно обычную жизнь... Все это показалось юноше очень странным, будто он смотрел на давно знакомую ему картину... вот только с непривычного ракурса. От этого воспоминания о Женеве тускнели еще больше, будто все произошедшее на берегу озера было лишь сном, и не было ни крови, ни боли, ни страданий.

— Она пошла присмотреть за Альбой, — Мэри улыбнулась. — А то еще разбудит нашу малышку.

— Вашу... что ж, поздравляю. Я слышал, что вы с Перси поженились, но не знал... — Он запнулся.

— Ее зовут Клара Эверина.

— Красивое имя. А Альба?

— Дочь Клэр. Джордж Байрон — ее отец.

Никколо кивнул. Это его не удивило.

— Давай пройдем в гостиную. Перси собирался немного поработать, но я уверена, что он обрадуется встрече с тобой.

Вивиани вспомнилась ночь на берегу озера и голый Шелли, подающий ему ружье. Он сглотнул.

— Я не хочу вам мешать. Просто я приехал в Лондон, узнал, что вы теперь живете здесь, и решил вас навестить. Вспомнить былые времена.

— Конечно. Тогда ты уехал так поспешно, и я даже волновалась, но Альбе сказал, что у тебя все в порядке.

— В общем, да, — согласился Никколо, следуя за ней в комнату.

Почти все пространство в гостиной занимал гигантский диван и такой же огромный письменный стол. На столе в чудовищном беспорядке были разбросаны бумаги, а на диване развалился Шелли. Виногато покосившись на Никколо, Мэри склонилась к мужу и что-то прошептала ему на ухо, нежно погладив по щеке. Перси проснулся. Вид у него был встрепанный, кожа бледной, а под глазами залегли темные круги, и все же в нем горел тот же огонь, столь дорогой Никколо.

— Итальянский папист! — радостно улыбаясь, закричал Шелли и встал с дивана.

— Он самый. — Вивиани слегка поклонился.

— Прости меня за этот беспорядок, ты просто застал меня за работой... Ну, вернее, за полуденным сном, конечно.

Перси и Мэри начали лихорадочно устранять беспорядок, но это занятие явно было бесперспективным.

— Прошу вас, не беспокойтесь, — попытался остановить их Никколо.

— Присаживайся. Мэри, дорогая, ты не принесешь нам чаю?

Кивнув, женщина вышла из гостиной. Вивиани осторожно уселся на диван, а Перси придвинул себе потрепанный стул.

— А ты изменился, — улыбнулся Шелли, смерив Никколо внимательным взглядом. — Стал старше. За это время ты повзрослел намного больше, чем на год, прошедший с нашей последней встречи.

— Я много путешествовал, — уклончиво ответил Вивиани. — А вот ты почти не изменился. И Мэри тоже. И даже Клэр. Но зато теперь вы женаты, и у вас в доме два младенца.

— На браке настояли наши семьи, хотя я до сих пор не считаю, что любовь требует чьего-либо благословения. Старина Годвин переживал за будущее Мэри и Клэр.

— Ты же знаешь, он хочет нам только добра, — Мэри вошла и комнату с подносом,

уставленным чашками с чаем и блюдами с пирожками. — Любовь без благословения — это одно, а общественное уважение — другое. Если не веришь мне, спроси Альбе. Теперь никто в Англии не желает его принимать у себя, и ему это не очень-то по вкусу.

Опустив поднос, она вышла.

Шелли пожал плечами.

— Сейчас я работаю над новым произведением, «Лаон и Цитна». В нем я смеюсь над ханжеством, лицемерием и нетерпимостью и показываю, что борьба с политическим давлением — это и борьба с этими качествами в человеке. По крайней мере, так должно быть.

«А ты не изменился, — подумал про себя Никколо. — В этом доктор был прав, без Мэри ты пропал бы».

— Ты продолжаешь общаться с лордом Б.? — поинтересовался Вивиани. — У вас все в порядке? Больше нападений не было?

— Ничего не говори об этом Мэри и Клэр, — подавшись вперед, заговорщицки прошептал Шелли. — Им ничего не известно, и они испугались бы до смерти, узнай они о тех... происшествиях.

— Вы им ничего не рассказали? А они хотя бы знают, что вы...

— Нет.

Никколо, опешив, откинулся на спинку дивана и смерил Перси изумленным взглядом. Судя по всему, поэт говорил правду,

— С той ночи мы больше не видели тех нападавших. Вначале я пугался каждой тени, увиденной ночью на улице, но постепенно успокоился. Я не хочу подвергать Мэри опасности и потому с момента нашего переезда сюда не стал больше... превращаться, — Шелли вздохнул. — Сегодня те времена в Женеве иногда кажутся мне сном, и я думаю, а было ли это все на самом деле. Но вот, ты сейчас в моей гостиной как живое доказательство случившегося.

— Это был не сон, — Никколо покачал головой. — Это была реальность. Так ты не знаешь, как дела у Байрона?

— Мы продолжаем общаться, но из соображений безопасности не говорим на эту тему. Я пишу ему о малышке Альбе, Он просто невыносим в отношении дочери. Не хочет разговаривать с Клэр и узнает все только от меня. Боюсь, он хочет отобрать у нее дочь.

— Альбе в роли отца?

— Ха! — фыркнул Перси. — Вот это вряд ли. Скорее всего, он хочет отдать дочь в какой-то монастырь или еще что-то в этом роде. Подходящий поступок для человека его статуса.

В его голосе прозвучала горечь, но Никколо не стал обращать на это внимания.

«Дети, чай, пирожки... А как же Женева, волки, убитые и все, что с нами случилось?»

Мадрид, 1817 год

Валентина внимательно изучала свое отражение в зеркале в золоченой раме. Она повертела головой, присматриваясь, хорошо ли уложены ее локоны. Высокая прическа смотрелась идеально, а бриллианты в ушах и на шее слабо поблескивали, выгодно подчеркивая бледность ее гладкой кожи. Темно-синее платье тоже было вышито драгоценными камнями — настоящая гордость ее модистки.

— Я счастливый человек, — Людовико прислонился к дверному косяку, — ведь я женат на прекраснейшей женщине в Европе. Эти слова мне вчера сказал английский посол.

Повернувшись, Валентина натянуто улыбнулась мужу.

— Он льстец, Людовико. Такова работа дипломата — говорить людям то, что они хотят услышать.

Граф тоже надел вечерний костюм, сшитый по последней моде. В черном пальто он смотрелся особенно элегантно, впрочем, как и всегда. Подойдя к Валентине, он наклонился и

поцеловал ее в шею.

— Конечно же, ты права, но на этот раз посол не солгал, *cherie* ⁴⁶, — он указал на зеркало. — Посмотри на себя и скажи, что это не так.

Валентина опустила глаза. Бессмысленно спорить с Людовико по этому поводу, да и зачем? Нужно благодарить Бога, что после года совместной жизни муж ее по-прежнему любит. Женщина прикусила губу. «Потому что ты можешь усмирить чудовище в его душе, — произнес холодный голосок в ее голове. — И пока ты рядом с ним, он перестает быть убийцей».

Она поставила мужу условие, при котором готова была остаться с ним: он больше не будет убивать тех, чью кровь пьет. И Людовико принес эту клятву.

Граф поцеловал ее руку.

— Пора выходить, любовь моя. Карета уже ждет, а я хочу немного перекусить перед приемом.

У Валентины по спине побежали мурашки. Она терпеть не могла, когда Людовико столь бесцеремонно говорил о своей истинной сущности. Муж обещал больше не убивать, но он не мог выжить без свежей крови, и мысль об этом до сих пор не давала ей покоя. И все же женщина как-то научилась мириться с его природой, понимая, что не в его власти что-либо изменить.

— Да, конечно, — улыбнувшись еще раз, она вновь прикусила губу. — Пойдем.

Она очень надеялась, что Людовико не заметил ее смятения.

От огромного дома, который они снимали на Пуэрта-дел-Соль, до Пласа Майор и дворца герцогов де Уседа, где давал сегодня прием король Фердинанд, было совсем близко, но карета сделала большой крюк, и вскоре широкие роскошные улицы остались позади, сменившись бедными кварталами города.

В одном из узких темных переулков Людовико приказал остановиться.

— Вы уверен, сеньор? — на ломаном французском переспросил кучер. — Это... не есть хороший месце, — он был очень удивлен.

Улыбнувшись, Людовико кивнул.

— Я вернусь через несколько минут, дорогая.

Открыв дверцу, он выпрыгнул из кареты и уже через пару метров скрылся во тьме. Откинувшись на спинку сидения, Валентина закрыла глаза. Когда она узнала об истинной сущности Людовико, это стало для нее настоящим испытанием, и она до сих пор не понимала, как сумела справиться. Ей было невероятно тяжело понять, что ее муж проклят и у него нет надежды на спасение. Вскоре после свадьбы Людовико открылся ей, и сперва она думала только о том, как бы ей сбежать. Он обманул ее, и, не зная правды, она вышла замуж за это чудовище только потому, что Никколо Вивиани разбил ей сердце.

«Неважно, кто я и что я, Валентина. Я люблю тебя. Это не ложь», — сказал он тогда, и она почувствовала, что он говорит правду.

Карета дернулась, и женщина резко выпрямилась. В окне показалось перепачканное сажей лицо — молодой парень наставил на нее пистолет. Он ударил в стекло, и тысячи осколков разлетелись по дну кареты. В тот же момент тип постарше сорвал занавеску со второго окна.

Бежать было некуда. Валентина лихорадочно оглянулась, пытаясь отыскать хоть что-то, что можно использовать как оружие, но, кроме сумочки и небольшой лампы, свисавшей с потолка, ничего не было. Женщина протянула руку, собираясь схватить лампу, но тут старший запрыгнул в карету. Валентина завизжала, изо всех сил ударив его в живот, но ей не хватило сил, чтобы заставить его потерять равновесие.

Парень помахал пистолетом у нее под носом.

⁴⁶ Любимая (*фр.*).

— *La ceca* ⁴⁷, — потребовал он.

Хотя Валентина только начала учить испанский, она поняла слова. Женщина осторожно подняла руки, а старший грабитель потянулся к ожерелью на ее шее.

— Отойди от нее, — на безукоризненном испанском процедил Людовико.

У него не было оружия, но вел он себя настолько уверенно, будто просто решил остановиться и выяснить, как пройти ко дворцу. Старший медленно отступил. Граф галантно махнул рукой.

— Сюда, — он по-прежнему говорил все тем же неестественно спокойным голосом.

Валентина почти физически ощущала силу его слов, древнюю магию, которой не мог противиться ни один человек. Покачиваясь, грабитель вылез из кареты. Он не сводил с Людовико глаз. Валентина обернулась к парню. Пистолет в руках незадачливого грабителя дрожал, во взгляде застыл ужас. Пальцы разжались, и оружие со стуком упало на осколки на дне кареты. У мальчишки был такой вид, словно он увидел самого дьявола. В последний раз взглянув на Людовико, он бросился бежать.

Старший грабитель застыл в шаге перед графом. Людовико небрежно замахнулся и с нечеловеческой силой нанес ему удар в челюсть. Несчастный, словно кукла, отлетел в сторону и ударился о землю. Послышался хруст, за которым последовал крик боли.

Карнштайн вернулся в карету. Стычка никак не повлияла на его внешний вид, и даже его дыхание не участилось.

— С тобой все в порядке? — Он нежно прижал жену к груди.

— Все хорошо, — она опустила голову ему на плечо. — Где кучер?

— Судя по всему, сбежал, по крайней мере, козлы пусты. Что ж, думаю, я и сам смогу управлять каретой, — Людовико заглянул ей в глаза. — Прости. Нельзя было оставлять тебя здесь одну. Это было глупо. Такого больше не повторится. Может быть, ты хочешь домой, милая?

— Нет, все в порядке, — женщина покачала головой. — Поехали. Нас ждут на приеме у короля. И со мной ничего не случилось. Возможно, этим оборванцам просто хотелось есть. Из-за войны страна очень обеднела, — она осторожно выбросила из кареты стекло носком замшевой туфли.

— Я мог бы позаботиться о том, чтобы тебе никогда не пришлось больше бояться подобных нападений, — прошептал Людовико. — И чтобы мы никогда не разлучались.

— Прекрати, — раздраженно отрезала Валентина, отодвигаясь от него в самый угол кареты. — Ты знаешь, что я никогда не смогу стать такой, как ты. Если мне придется пить кровь живых существ, это убьет меня. Ты этого хочешь?

— Нет, конечно. Но подобные случаи заставляют меня беспокоиться о тебе, Валентина. Я боюсь потерять тебя и именно по этой причине повторяю свое предложение.

— Надеюсь, ты любишь меня достаточно, чтобы мне больше не пришлось его отклонять.

— Договорились, — граф вновь притянул жену к себе. — Буду стараться держать язык за зубами.

Валентина устроилась поудобнее, ожидая, пока муж сядет па козлы. Подняв пистолет, оброненный испанцем, она задумчиво посмотрела на оружие. Дернувшись, карета сдвинулась с места.

Грейт-Марлоу, 1817 год

Выйдя из дома в Грейт-Марлоу, Никколо чувствовал крайнее смятение. Он озадаченно покачал головой. Юноша не знал, на что именно он рассчитывал, но какими бы ни были его надежды, они не оправдались. Вместо того чтобы возродить былую дружбу, Вивиани сейчас

⁴⁷ Деньги (исп.).

чувствовал себя совершенно чужим Перси, Мэри и Клэр человеком. Они вели спокойную жизнь в английской провинции. Картина, открывшаяся его взору в этом доме, вполне соответствовала духу прошлого века.

Конечно, Шелли не оставил литературную деятельность и его не покинуло желание изменить этот мир к лучшему, но магия тех ночей на берегу Женевского озера развеялась.

Мадрид, 1817 год

Во дворце де Уседа горел яркий свет. Это здание, построенное в стиле барокко, сияло в лучах тысяч свечей и ламп. Стены украшала изысканная живопись, и на гостей с усталой улыбкой взирали статуи из коллекции Сандовалья, прежнего владельца этого дома.

С момента освобождения Испании от французской оккупации прошло всего несколько лет, и Фердинанд VII воспользовался годовщиной своего возвращения в Мадрид, устроив великолепный прием.

— Думаю, он хочет доказать миру, что Испания вновь обрела былое величие, — шепнул жене Людовико.

Они стояли в длинной очереди, выстроившейся перед королем, ожидая, когда их представят.

— Возможно, для этого ему самому стоило бы немного подрасти.

Валентина невольно улыбнулась. Действительно, король был весьма невысоким человеком и, как и все низкорослые люди, пытался компенсировать этот недостаток железной выправкой. На нем были черные декорированные штаны до колен и рубашка с золотыми позументами. Темные глаза мрачно поблескивали под черной копной волос.

— По крайней мере, сразу видно, что он Бурбон, — ответила Валентина.

По ухмылке мужа она поняла, что ей даже не нужно указывать на тяжелый подбородок короля — Людовико и так понял ее шутку.

В такие мгновения она почти забывала о том, кем был тот человек, за которого она вышла замуж. Валентина залюбовалась прекрасным лицом мужа и его стройной осанкой. Казалось, он ничем не отличался от других гостей на приеме, просто аристократ, мило беседующий с женой. Но тут женщина вспомнила о произошедшем сегодня вечером. Как Людовико силой мысли загипнотизировал грабителей...

«Днем я ничем не отличаюсь от людей, — рассказывал он. — А вот ночью... Что ж, ночью все иначе».

— Валентина? — обеспокоенно позвал ее Карнштайн. — Что с тобой?

— Ничего, я просто вспомнила сегодняшнее нападение на карету.

— Если хочешь, я скажу королю, что дела на улицах Мадрида обстоят не лучшим образом, — предложил Людовико, двигаясь вперед в очереди.

Фердинанд перебрасываясь с каждым из гостей парой вежливых слов и ждал, когда ему представят очередную пару.

— Прошу тебя, не надо. Я слышала, что он невероятно вспыльчив. Лучше не порти ему настроение, а то еще попадем в лапы инквизиции.

По слухам, Фердинанд не воспринимал либеральных устремлений своих подданных и был весьма реакционным политиком. Его противники просто исчезали, критиков заставляли молчать. «И даже инквизиция вновь обрела силу», — с дрожью подумала Валентина. Покосившись на Людовико, она опять прикусила губу. Он рассказывал ей, что церковь охотится на подобных ему, и потому Валентина волновалась за мужа с тех пор, как они приехали в католическую Испанию.

— Этикет в Мадриде устарел не меньше костюма короля Фердинанда, — Людовико, казалось, совершенно не думал о том, что их могут услышать. — Испанцы действительно очень...

— ... верны своим традициям, — перебила его Валентина, пока он не наговорил лишнего. — В этом ты, несомненно, прав.

Взглянув на жену, Карнштайн улыбнулся, и на мгновение Валентине показалось, что она заметила в его улыбке насмешку, но наваждение тут же развеялось.

— Скоро мы уедем во Францию, любимая, как я тебе и обещал. Южная Европа начинает мне надоедать, а в Париже в следующем месяце начинается новый театральный сезон.

Женщина попыталась улыбнуться в ответ. Она постаралась представить себе Париж, но в ее мыслях этот город был таким же мрачным, как и ночной Мадрид.

Наконец их подозвали к королю. Валентина тщательно следила за тем, чтобы ее лицо не выражало ничего, кроме восторга от встречи с монархом. Она вежливо присела в реверансе, в то время как Людовико благодарил Фердинанда за приглашение на прием. Обменявшись парой фраз с королем, они присоединились к остальным гостям.

Граф Карнштайн был довольно известен в Мадриде и смог познакомить жену со многими гостями — как испанцами, так и иностранцами. Супружеская пара неспешно переходила из одного зала дворца в другой.

— Гляди, вон стоит один из генералов герцога Веллингтона.

А вон с тем юношей ты наверняка захочешь познакомиться. Он пишет стихи.

Через некоторое время они расселись на диванчиках, болтая со знакомыми Людовико в ожидании обеда.

Прихлебывая шампанское и вполуха слушая слова голландского культур-атташе, Валентина думала о том, как изменилась ее жизнь в последнее время. Конечно, она продолжала очаровательно улыбаться и старалась быть веселой и остроумной собеседницей. Женщина знала, что Людовико гордится тем, что его жена говорит на нескольких языках и разбирается в литературе и искусстве. Она замечала восхищенные взгляды, которые бросали на них другие гости, «И все они видят лишь тот образ, который создал для них Людовико».

Не зная, смеяться ей или плакать, Валентина готова была отдать все на свете, лишь бы вновь оказаться в библиотеке на вилле Вивiani в Ареццо, где она слушала истории Никколо и вампиры были лишь плодом ее воображения.

34

Париж, 1818 год

Никколо вновь брел по улицам Парижа, и ему казалось, что он вернулся домой. В столице было так же шумно и оживленно, как и во время его предыдущего визита. На роскошных, отремонтированных по приказу Наполеона улицах рядом с площадью Этуаль было полно телег, торговцев, пешеходов и влюбленных.

Этой осенью его гран-тур подходил к концу, но у Никколо с собой было рекомендательное письмо фон Гумбольдта, и потому он хотел провести еще пару дней в городе на Сене — юноша надеялся, что сможет в разговоре с друзьями прусского ученого узнать больше о тайне ликантропов.

После отъезда из Парижа — а Никколо планировал отправиться в путь еще до наступления зимы — он планировал вернуться в Ареццо. Там юношу ждала жизнь, казавшаяся ему такой далекой, что сама мысль о том, что все будет по-прежнему, представлялась ему смехотворной. Отец захочет, чтобы он следовал планам семьи, но если что-то и не поменялось, так это нежелание Никколо идти в армию.

При мысли о семье юноша ощутил угрызения совести. Он уже давно не писал писем ни Марцелле, ни матери и понимал, что они, должно быть, волнуются за него. Никколо решил как можно скорее наверстать упущенное.

Но сперва нужно было подумать о другом. Он уже нашел гостиницу, забронировал номер, позаботился о комнатах для слуг. Теперь следовало взять визитную карточку и рекомендательное письмо и отправиться на встречу.

«А потом... да, что потом?»

Никколо надеялся получить от ученых хоть какую-то информацию, но сам при этом не знал, что именно он ищет. Шелли, казалось, позабыл о прошлом, и, по его словам, так же поступили и остальные. Но Никколо не мог понять, почему же он ищет следы этой тайны, с которой он из-за резких перемен в судьбе, в общем-то, толком и не столкнулся?

Все его воспоминания о вечерах на вилле Диодати оставались светлыми, несмотря на кровавую развязку тех событий, из-за которой он потерял не только друзей, но и Валентину. Мысль о ней вызвала в его душе острую боль. Никколо отчаянно сопротивлялся всем воспоминаниям о Валентине с тех пор, как получил письмо из Ареццо, но теперь ничего не мог с собой поделать.

«Валентина написала мне, — читал он детский почерк своей сестры, — что вышла замуж и теперь стала графиней фон Карнштайн. Почему ты мне ничего об этом не рассказывал? Как прошла свадьба?»

Как прошла свадьба? Конечно, Никколо понимал, что сестра задала этот вопрос вовсе не для того, чтобы помучить его, и все же от этих слов ему стало больно. От самой мысли о Валентине у него сжималось горло, а тоска и вина рвали его душу когтями. Шелли решился на то, чтобы жить вместе с Мэри, так почему он отказался от жизни с Валентиной?

Юноша не раз говорил себе, что пора обо всем позабыть, раз уж он решил отказаться от прошлой жизни. Бесспорно, Валентине было лучше без него, и граф Людовико наверняка был хорошим человеком, несмотря на его загадочное прошлое.

Разум Никколо готов был поддаться на эти уговоры. Но не его сердце.

Париж, 1818 год

Проведя двумя пальцами по узким усам, окаймлявшим его губы, Людовико задумчиво посмотрел на капельки крови, оставшиеся на руках, и слизнул их.

Он выполнил обещание, данное Валентине, и не убил этого человека, хотя эта сволочь и заслуживала смерти. Сутенер, педераст, убийца... список его грехов был огромен, и при встрече Людовико почувствовал их все. Но когда этот тип придет в себя, с ним все будет в порядке, разве что ощутит слабость от потери крови. И тогда он вновь примется за старое. Людовико с отвращением пнул обмякшее тело, валявшееся у ног.

— Подонок, — прошипел он.

Таких негодяев в мире хватало.

Медленно вытащив из кармана жилета часы, граф понял, что следует торопиться. Охота на сутенера заняла больше времени, чем он рассчитывал, а нужно еще было успеть вернуться к Валентине на улицу де ла Луа. Сегодня они пошли в оперу, но в начале второго акта Людовико отправился утолять голод. Валентина же продолжала слушать «Севильского цирюльника», новомодную комедию с едкой сатирой и грубыми шутками третьего и четвертого сословия. Графу такие представления были не по вкусу, и он полагал, что мода на них скоро пройдет, но ему было интересно, что Валентина скажет о композиторе, синьоре Россини.

После событий в Мадриде Людовико, выходя на охоту, предпочитал оставлять жену в безопасности, чтобы она была все время окружена большим количеством людей. Он не только боялся, что на нее может напасть какой-то сброд, но и не хотел, чтобы она попала в руки инквизиции. Лучше, чтобы все могли подтвердить — графиня фон Карнштайн не могла участвовать в преступлениях супруга и ничего о них не знала.

Людовико осторожно, чтобы не испачкать лакированные туфли, перешагнул через лежавшего без сознания сутенера и отступил в Тень. Так ему потребуется всего лишь пара мгновений для возвращения в оперу. Вампир успел проскользнуть в ложу еще до финального выступления графа Альмавивы. Валентина опустила бинокль, в который смотрела на сцену, и молча обернулась к мужу.

Людовико взял ее за руку и на мгновение позабыл о жестокости и грязи, которые их

окружали, и не только в зловонном переулке, но здесь, в театре Монтансье, где аристократы и купцы умело заглушали вонь своего греха духами. Валентина, сжав его пальцы, погладила мужа по щеке. Он заметил в ее глазах жалость. И отвернулся.

Париж, 1818 год

Хотя днем было тепло, с заходом солнца похолодало, да еще и поднялся легкий ветерок. Никколо знобило, но он не решался покинуть широкий балкон. За застекленной дверью в зале горел яркий свет, у окон фланировали пары, и никто не замечал юношу, укрывшегося в темноте. Гости явно развлекались, но их разговоры и смех почти не доносились до Никколо, как и музыка. Люди на приеме казались ему скорее привидениями, чем представителями высшего света из плоти и крови. Ему не хотелось идти на прием к герцогу Сульмонскому, который сейчас гостил в Париже вместе со своей скандально известной женой Паулиной. И все же Никколо принял приглашение, потому что еще дожидался ответа Обри, а в одиночестве его истязала тоска, свинцовым покрывалом окутывая душу.

Юноша сделал еще глоток шампанского, но напиток и в этот раз показался ему безвкусным. Шевалье был на балконе один: если кому-то из гостей хотелось покинуть душный зал, он отправлялся на ярко освещенную террасу, где ждали слуги в ливреях и красовались настоящие произведения искусства, вырезанные шеф-поваром из мякоти арбуза. Облокотившись о перила, Никколо прикрыл глаза. Он сам не знал почему, но в последнее время шумные толпы людей раздражали его, хотелось держаться от них подальше.

Балконная дверь распахнулась, и юноша оглянулся, предполагая, что это пара влюбленных, которые решили уединиться, чтобы насладиться друг другом, но оказалось, что на балкон вышла девушка. Ее очертания виднелись на фоне освещенного стекла, но лица разглядеть было нельзя. Тем не менее Вивиани сразу же понял, кто это. Душу пронзила острая боль.

— Никколо? — изумленно прошептала девушка, подходя к итальянцу.

На мгновение Никколо подумал было о том, чтобы сбежать, просто перепрыгнуть через перила и скрыться во тьме парка, но наваждение тут же отступило.

— Валентина... — Он опустил бокал на перила.

Сделав еще один шаг к нему, девушка склонила голову набок. Она была прекрасна. Бордовое шелковое платье подчеркивало ее формы, и Никколо почувствовал, как от боли и вины у него сжимается сердце. Он не мог дышать, и ему хотелось лишь протянуть руку и коснуться ее светлых локонов, ее нежной кожи... Пальцы свело судорогой, и юноша спрятал руку и карман.

— Никколо, это действительно ты?

Он кивнул, по-прежнему не произнося ни слова.

— Ты мне ничего не хочешь сказать?

Ее слова шепотом слетели с губ, но Никколо показалось, что они огненной ладонью сжимают его душу, его сердце, его совесть.

— Прости, — ему наконец-то удалось взять себя в руки. — Я не хотел вести себя грубо, просто я не ожидал, что ты будешь здесь.

Девушка смерила его взглядом, в котором читалось отстраненное любопытство.

Вивиани подумал, что сейчас эта встреча закончится, что Валентина повернется и уйдет, но она не собиралась оставлять его в покое.

— Почему, Никколо? Почему тогда ты сбежал, словно вор, забравшийся ночью в дом?

Ответ уже вертелся у него на языке, ему так хотелось рассказать ей обо всем, упасть на колени, все объяснить, молить о прощении. Но Никколо не мог так поступить, не только ради своей безопасности...

— У меня были неотложные дела, — юноша прикусил губу. — К тому же я хотел начать свой гран-тур. Конечно, ты все понимаешь.

Его надежды на то, что она вежливо промолчит в ответ, не оправдались.

— Нет. Нет, не понимаю. Никколо, что с тобой произошло? Я хотела выйти за тебя замуж. Я была готова на коленях умолять отца, чтобы он дал согласие на наш брак. И тут ты познакомился с этими... англичанами, — горько выдохнула она. — И исчез. Я ходила к жандармам, потому что испугалась... Что с тобой что-то случилось. И я даже не знала, куда тебе писать.

Внезапно Вивиани разозлился — на себя, на английских поэтов, на Валентину, на весь мир.

— Так значит, ты ходила к жандармам? Это было до или после того, как ты поспешила стать графиней фон Карнштайн? — холодно осведомился он.

— Никколо, я...

— Если ты уж так хочешь это знать, я скажу тебе, почему ушел. Я не любил тебя, Валентина. И, честно говоря, я рад был услышать, что ты дождаться не могла того момента, когда сможешь отправиться к алтарю с графом, — это была ложь, и эта ложь приведет его в ад вернее, чем все, что сделал с ним Байрон.

— Это неправда, — прошептала Валентина.

Но Никколо увидел, как блеснули слезы в ее глазах, и понял, что она ему поверила.

В этот момент опять скрипнула балконная дверь, и в проем выглянула какая-то девушка в кокетливой шляпке. Музыка стала громче, и юноше показалось, что все вокруг смеется над ним.

— Мадам?

— Уже иду, Элеонора, — ответила Валентина, не оглядываясь.

Она ни на мгновение не отводила взгляда от Никколо.

Дверь закрылась.

— Это неправда, — отчаянно повторила Валентина.

— Ты не понимаешь, — начал Никколо. — Я...

Видя, как ей больно, Вивиани и сам чувствовал, что у него разрывается сердце. Все его добрые намерения куда-то улетучились, и он уже готов был сказать Валентине правду.

Но тут дверь опять распахнулась, и на балкон вышел какой-то мужчина.

— Родная. — Он подошел к Валентине. — Вот ты где. Элеонора уже начала волноваться.

— Она меня уже нашла. — Дрожь из ее голоса исчезла, и в нем вновь зазвучал холод.

— Шевалье Вивиани, какой сюрприз.

— Здравствуйте, граф, — вежливо ответил Никколо. — Позвольте поздравить вас со свадьбой. Лучше невесты и быть не может.

— Благодарю вас, мой юный друг. Действительно, я и сам не верю своему счастью.

Граф обнял Валентину за плечи, и девушка улыбнулась ему, но затем опять перевела взгляд на Никколо.

— Ты вся дрожишь, — заметил Людовико.

— Тут ветрено, — его жена плотнее закуталась в шаль. — Пожалуй, я вернусь в зал, — она вновь повернулась к Никколо. — Рада была повидать вас, шевалье. Желаю вам всего наилучшего... в ваших делах. Передавайте от меня привет вашей семье, когда будете писать им, особенно Марцелле. Я очень часто ее вспоминаю.

Повернувшись, Валентина с высоко поднятой головой удалилась. Никколо хотел остановить ее, но словно окаменел. Вся эта ситуация была какой-то ненастоящей.

— Я тебя сейчас догоню, — сказал ей вслед граф.

Никколо вздрогнул от неожиданности — ему почудилось, что он остался здесь один.

Повернувшись, Людовико холодно улыбнулся, смерив итальянца взглядом.

— Держись от нее подальше, мальчик мой. Ты потерял ее, и теперь она моя.

— У меня не было никаких намерений... — начал Никколо, но тут же замолчал.

Покачав головой, граф подошел к перилам и, глубоко вздохнув, посмотрел на парк. Левой рукой он достал из кармана своего элегантного костюма тонкую сигару и спички и

закурил.

— Не надо считать меня дураком, Никколо, — сказал он, затянувшись. — Я вижу, что происходит в твоей душе.

«Вот это вряд ли», — подумал юноша, презрительно фыркнув.

— Она прекрасна, — продолжил Людовико. — И ты ее любишь. Но ты ее недостойн, дорогой мой.

— Я не нуждаюсь в ваших наставлениях, граф. И если вы хотели запугать меня, то ваши усилия тщетны.

— Ты считаешь, что стал мужчиной, да, Никколо? И при этом ты так наивен, — улыбнулся Людовико. — Но я желаю тебе удачи, потому что знаю: она тебе понадобится.

35

Горы Пинд, 1818 год

Неприятная солдату досталась работенка, и дело было не только в самом задании. Проблема состояла в человеке, с которым это задание нужно было выполнить. Но если уж чорбаджи отдал приказ, его подчиненным оставалось только его выполнять. Посол казался доброжелательным человеком, но весь гарнизон знал, что это лишь маска, за которой скрывается нечто совершенно иное.

Посол был невысоким мужчиной среднего телосложения, всегда наряжался в дорогие одежды и носил много украшений. Широкое лицо с густой бородой обрамляли длинные черные полосы. Посол часто смеялся, демонстрируя мелкие белые зубы, торчавшие в разные стороны. Солдатам его зубы напоминали мышинные.

Они вместе спустились в шахту. Большая часть рабов жила в домиках на поверхности — там их запирали на ночь под охраной солдат. Но некоторых никогда не выпускали на поверхность. По ту сторону помещений для рабов с оборудованием находилась пещера — темная душная дыра, полная пыли, царапавшей горло. В этом грязном месте воняло мочой и фекалиями, а еще потом и смертью — пробыв там пару недель в полной темноте, люди теряли надежду и медленно умирали.

За этой пещерой находилось еще одно помещение с ямами. Солдат видел его всего раз, когда ему пришлось вытаскивать оттуда рабов. Там было еще хуже, чем в шахте, если такое вообще возможно. Угодив туда, ты уже не мог выбраться на поверхность, и рабы, которые оказывались там, служили средством устрашения остальных.

И только одного из рабов это правило не касалось. Сейчас его привели в комнатку, отведенную для хранения лопат и мотыг, которую освободили для допроса после приезда посла. Солдаты вытащили раба из ямы. Выглядел он так же, как и четыре месяца назад, и это было поразительно. Большинство рабов не могли протянуть в ямах и месяца.

Кожа раба была перепачкана, словно он искупался в грязи. Впрочем, скорее всего, это так и было. Волосы свисали жирными космами, серо-коричневыми от пыли. Мужчина стоял на коленях, не поднимая головы, да у него и не было другого выбора: его руки были связаны за спиной и прикреплены к палке, соединявшей оковы на его лодыжках и шее. Металл поблескивал в свете керосиновой лампы, которую секретарь посла повесил на крюк. Пытаясь осмотреться, раб завертел головой. Блеснули его глаза, и, хотя его лицо было скрыто тенью, солдат мог бы поклясться, что раб усмехается. У бедняги до сих пор сохранились все зубы, и они оставались белыми, что было вообще немыслимо, учитывая, чем он питался и где провел все это время. Чудеса, да и только.

— Ну вот я и вернулся, Гристо, — начал разговор посол.

Слуга принес вельможе табурет с сидением, обитым кожей, и письменные принадлежности.

Раб молчал. Солдат не понимал, почему люди из Иоаннины постоянно приезжали сюда

допрашивать этого типа. Но, в сущности, солдата его непонимание только радовало. Меньше знаешь — целее будешь...

— Раскроешь нам свою тайну, вурдалак?

Раб молчал. Он вообще редко говорил, и речь у него была какой-то странной, очень хриплой и протяжной, и казалось, будто всякий раз ему приходилось вспоминать, как нужно разговаривать.

— Ох, Гристо, покончи уже с этим, — усевшись на табурет, посол оглянулся, а затем остановил свой взгляд на рабе и улыбнулся. — Все может закончиться. Я знаю, что ты страдаешь от боли. Жжется, да? Видишь ли, если ты нам хоть немного расскажешь о том, как ты стал таким, твои мучения прекратятся. Немедленно.

Раб не ответил, но допрос только начался. Иногда посол оставался в допросной комнате целый день. В любом случае время здесь шло по-другому. Не шло даже, а тянулось.

— Мой господин просил передать тебе, что он восхищен.

Раб приподнял голову.

— Да, восхищен. Ты проявил удивительную силу воли.

Видимо, все дело было в повстанцах, постоянно доставлявших неприятности Али-паше. Христиане прятались в горах, наносили молниеносные удары и вновь прятались. Али-паша вырезал целые долины, казнил десятки и сотни подозреваемых в содействии повстанцам, но воля к сопротивлению не была сломлена.

— Но упорствовать все равно бесполезно. Рано или поздно мы узнаем то, что нам нужно. От тебя или от кого-то еще. Возможно, от одной женщины... — Посол подался вперед, заметив, как раб вздрогнул. — Прости, я не успел тебе рассказать. Ты не единственный, кто попал в наши руки. Сейчас ею занимаются наши лучшие люди. Говорят, она настоящая дикарка, царапается и кусается, а еще извивается под ними... как животное, которым она, собственно говоря, и является. Говорят, они подходят к работе с ней с большим... тщанием.

Раб спокойно покачал головой.

— Ты лжешь, — прорычал он. — Я чувствую это по запаху.

Вздыхнув, посол достал из ножен на поясе длинный серебряный кинжал.

Когда он встал, солдат попытался отвернуться, но комната была слишком маленькой, и, даже если не смотреть, от звуков никуда не денешься. Нож режет кожу, кровь капает на пол... Раб никогда не кричал, но с его губ слетали стоны.

И после всего, что делал с ним посол, Гристо не умирал под пытками.

Да, неприятная сегодня досталась солдату работенка.

Париж, 1818 год

Проведя ладонью по небритому подбородку, Никколо поднялся по ступенькам дома, где жили Обри. Этой ночью он почти не спал, как и предыдущей. После встречи с Валентиной воспоминания преследовали его злобными эриниями, не оставляя в покое, поэтому юноша обрадовался, получив весточку от Жанны Обри. Женщина приглашала его в гости. Возможно, теперь он сумеет приоткрыть полог тайны, ради которой он стольким пожертвовал.

Мадемуазель Обри была необычной дамой. Ей было лет сорок, и эта худощавая женщина была на пол-ладони выше Никколо. На загорелом лице блестели глаза, окруженные сеточкой морщин. Черные прямые волосы были подстрижены коротко, почти как у мужчин. Да и одежда ее была не очень-то женственной: вместо платья Обри носила рубашку, жилет и темные брюки.

— Когда насмотритесь на меня вдоволь, мсье, можете пожать мне руку, — у нее был низкий приятный голос. Несмотря на насмешку, говорила она вполне доброжелательно.

Никколо, замерев на пороге дома в Пасси⁴⁸, действительно засмотрелся на эту женщину и сейчас покраснел от смущения.

— Мадемуазель Обри... — пролепетал он. — Простите... Я не хотел...

— Я знаю, что не хотели, и, конечно, я вас прощаю. Мужчины во Франции часто так на меня реагируют. Вот еще одна причина, по которой мне больше нравится Восток, чем Запад. Конечно, на Востоке в обществе правят мужчины, но если ты уже преодолел ограничения пола, к тебе относятся скорее как к младшему брату, чем как к женщине. Это весьма облегчало мне работу.

— Я восхищен, мадемуазель, — Никколо поклонился. — Именно ваша работа и привела меня сюда. Шевалье Никколо Вивиани, к вашим услугам.

— Понимаю. Александр писал мне, что вы хотите поговорить о волках и людях. Вы произвели на него хорошее впечатление. Он очень тепло говорил о вас и просил меня ответить па ваши вопросы. Но мне не следует забывать о законах гостеприимства. Прошу вас, входите, — женщина сделала шаг и сторону.

Из-за штор на окнах в квартире царил полумрак, хотя было еще утро.

— Простите, шевалье, но у нас с Жаном-Батистом почти нет слуг.

Кивнув, Никколо последовал за хозяйкой. Комната, в которой он очутился, была украшена восточными подушками, разложенными вокруг низкого столика.

— Угостить вас чаем? — поинтересовалась Обри.

Юноша кивнул, и она вышла в соседнее помещение. Никколо медленно опустился на одну из подушек. В углу стоял стеклянный кальян, еще испускавший слабый пряный аромат, будто его только что курили. Вокруг кальяна виднелись глиняные горшочки и небрежно запечатанные пакетики.

Обри вернулась с латунным подносом, на котором блестел серебряный чайник и два маленьких стакана. Из одного из горшочков женщина отщипнула свежей мяты и опустила ее и стаканы, добавив туда же крупный сахар. Усевшись на подушку, она подперла рукой голову, потянулась за кальяном и осторожно насыпала туда древесного угля из пакетика, а затем наполнила чашу янтарной табачной смесью. Никколо с интересом наблюдал за всеми этими приготовлениями.

Сделав глубокую затяжку, Обри блаженно закрыла глаза и откинулась на подушку. Она двумя пальцами протянула Никколо чубук, и он осторожно затянулся. Дым был прохладным и ароматным, и юноша на мгновение задержал его в легких, а потом медленно, чтобы не закашляться, выдохнул.

— Итак, шевалье, — начала Жанна. — Что вам хотелось бы узнать?

— Фон Гумбольдт сказал мне, что вы с братом изучаете народные предания, в том числе и мифы об оборотнях. Вервольфах, — не зная почему, Никколо без обиняков перешел к делу. Голова казалась очень легкой, а в полумраке, где они были одни, вопросы задавать было легко.

— Оборотни, значит, — хихикнула Жанна. — Вы ищете определенную легенду или хотите в общих чертах выяснить, что я знаю об этом?

— В общих чертах, мадемуазель.

Усевшись, Обри налила воды в стаканы, перелила ее обратно в чайник и повторила весь процесс. Наконец, удовлетворившись результатом своих манипуляций, она отпила глоток. Никколо последовал ее примеру. Чай был свежим, одновременно и сладким, и горьким.

— Зовите меня Жанной. Вряд ли обращение «мадемуазель» мне подходит, — она немного помолчала. — Знаете, мы с братом объездили Восточную Европу и Ближний и Средний Восток. Тамошние культуры поразительны и многогранны. А еще они очень древние. Но сколь бы разными ни были отдельные страны, кое в чем они сходны, и мифы,

⁴⁸ Пасси — район в Париже.

которые вас интересуют, как раз относятся к таким вещам. В каждой стране, где я побывала, существуют легенды об оборотнях — вурдалаках, киноцефалах, волкодлаках. Называют их по-разному, но суть преданий одна и та же. В таких мифах говорится о людях, которые могут превращаться в животных, в первую очередь волков, хотя есть и легенды о тех, кто умеет оборачиваться кошкой или шакалом. Оборотнем можно стать, если тебя иницируют через укус, но бывает, что это проклятье врожденное. Разные народы верят в то, что есть оборотни, которые не могут контролировать свое превращение, по якобы есть и те, кто родился волкодлаком и может менять свой облик по желанию.

— Между ними есть разница? — Никколо не мог отвести глаз от клубов дыма, расплывавшихся по комнате, словно они были живыми существами, наделенными собственной волей.

— Да. Те, кто родился оборотнем, передают эти способности своим детям, в то время как иницированные через укус вервольфы на это не способны. По легендам, повсюду в мире существуют целые династии оборотней, хранящие свою тайну и передающие этот дар из поколения в поколение.

— И в Италии? Но разве таких... созданий никто бы не заметил? — удивился Никколо. Жанна передала ему чубук, и он вновь затянулся пряным дымом. — Я имею в виду, об их существовании было бы известно, если бы все так и было, верно?

— Разве? — Обри тихо рассмеялась. — А что, если эти оборотни обладают не только способностью превращаться в животное, но и особой магией, которая их защищает? Разве у них нет причин хранить свою тайну? Ведь если бы эти создания действительно существовали, то у них появились бы могущественные враги, которые пытались бы либо убить всех оборотней, либо завладеть их силой.

Никколо резко поднялся на подушке, и у него тут же закружилась голова. А еще очень хотелось пить. Он отхлебнул чаю.

— И что же это за враги, Жанна?

— Знаете, вы напоминаете мне Жана-Батиста, — она наблюдала за юношей из-под полуопущенных век. — Он тоже одержим всеми этими историями. Он всегда говорил, что Герард ван Свитен⁴⁹ ошибался в своем научном объяснении «дела о вампирах». Сейчас мой дорогой братишка опять в Карпатах, бродит по заброшенным кладбищам, разрывая могилы в поисках доказательств существования Носферату.

— А вы не верите в эти истории? — тихо спросил Никколо и тут же пожалел о том, что произнес эти слова.

Жанна глубоко затянулась, и в кальяне ярко вспыхнули угольки.

— Я и сама не знаю, во что верить. Но я убеждена, что есть и другие люди, кроме моего брата, которые верят в существование этих созданий. Несколько лет назад, когда Наполеон взял Рим и его солдаты устроили в замке Святого Ангела конюшню, в Париж должны были переслать тайные документы из архивов Ватикана. Их собирались разместить в подвалах Сорбонны. Жан-Батист так загорелся, услышав об этом, — в этих документах якобы содержалась информация о вампирах и оборотнях.

— И что же случилось с этими документами? — У Никколо захватило дух.

Сев, Жанна посмотрела юноше в глаза.

— Ничего с ними не случилось. Они так и не попали в Париж. Кто-то перехватил их по дороге. Говорили, что это дело рук высших военных чинов. Те, кто вез эти архивы, погибли. Все до одного. И один наш друг посоветовал Жану-Батисту вновь отправиться в странствия, так как любопытство моего брата якобы навлекло на него опасность. Как видите, совершенно не имеет значения, верю ли я в существование оборотней, ведь есть люди, которые готовы ради этой информации не только пойти на риск, но и убивать.

⁴⁹ Герард ван Свитен — просветитель XVIII века, боролся с суевериями, в работе «Исследование существования призраков» развенчал теории о существовании вампиров.

Никколо сглотнул.

— Военные, говорите? — Он немного подумал. — Может быть, вы могли бы посоветовать мне к кому-то обратиться? К какому-нибудь солдату или офицеру, который что-то об этом знает?

Вздохнув, Жанна опять откинулась на подушку.

— Вы такой же одержимец, как и мой брат, — пробормотала она. — Такой же неисправимый. Поговорите с капралом Кутаром, если уж вам так это нужно. Но будьте осторожны. Я вовсе не уверена, что кто-то погиб от лап вервольфа, но знаю довольно много людей, которые умерли от пуль.

Встав, Никколо помотал головой, пытаясь избавиться от странного ощущения легкости.

— Спасибо, Жанна, — с жаром сказал он.

Женщина даже не открыла глаз.

— Думаю, выход вы найдете сами.

Рим, 1818 год

С каждым шагом ее посох чиркал по полу, так как Жиана поднимала его недостаточно высоко. Женщина шла, сгорбившись, и с кривой ухмылкой рассматривала все вокруг, прекрасно зная, что эта напускная роскошь предназначена только для того, чтобы производить впечатление на глупцов и слабаков. Вот так проявлял свою мощь Папский Престол. Пол был выложен лучшим мрамором, стены покрывали рисунки величайших мастеров прошлого, золоченая резьба украшала двери и плинтусы, напротив высоких окон на стенах висели пышные ковры, а снаружи виднелся ухоженный парк.

Но все это не трогало ее душу. Женщина задумчиво почесала шею — из-под воротника, поднимаясь к уху, выглядывал край бугристого шрама. Под одеждой шрам был незаметен для остальных, но Жиана чувствовала его на коже, знала, как он тянется от шеи по ключице, проходит между грудями и разветвляется на животе на множество мелких белых полос. Рана зажила, но ее последствия остались, тело было изуродовано, для всего мира эта женщина стала инвалидом. Жиана видела это в глазах брата Иордана, как он ни старался это скрыть.

Стены в комнате, где ждал ее брат Иордан, были покрыты красочными фресками, изображавшими сцены из жизни римского императора Константина. Восемь стульев из темного дерева и несколько железных канделябров — вот и вся обстановка. Иордан, расправив плечи, стоял перед одним из стульев. «Он не осмелился сесть, — подумала Жиана, входя в комнату. — Это хорошо».

— *Rex vobiscum*, — поприветствовал ее брат.

Жиана не ответила.

Не было причин скрывать свои раны, более того, женщина постоянно всем о них напоминала: она ходила очень медленно, шаркая ногами и вздрагивая от боли. Она сутулилась, а ее руки безвольно болтались вдоль тела. Жиана пережила фиаско на берегу Женевского озера, чего нельзя было сказать об остальных участниках операции. Погиб тогда и Сальваторе, и его смерть Жиана считала своей удачей, ведь если бы он выжил, то вину за это кошмарное происшествие возложили бы на нее, а не на него. «Среди всего этого горя Господь решил хоть чем-то мне помочь».

Понимая, что она молчит, Иордан откашлялся. Время, проведенное в Риме, сделало его слабаком, и Жиана чувствовала это.

— Да? — прохрипела она.

Рана задела гортань, и теперь приходилось напрягаться, чтобы что-то произнести. Как бы то ни было, страдание — естественная часть земной жизни.

— Новые братья уже готовы, но им, конечно, не хватает опыта, — Иордан старательно не отводил от ее лица взгляда, несмотря на то, что ему очень хотелось это сделать.

— Тогда отправляй их, брат, — она улыбнулась ему настолько зловеще, что брат

сглотнул.

— Возможно, нужно дать им больше времени, сестра. Их обучение было очень кратким, и у них не было возможности попрактиковаться. Для их же безопасности нам, вероятно, следовало бы...

— Что, брат? Упустить еще больше времени? Вот уже два года, как наша организация не может встать на ноги, она повержена нашими врагами, нет, врагами Господними, — говорить стало чуть легче. — Чем больше времени мы теряем, тем могущественнее становятся силы Тьмы. Лучшее обучение паши братья пройдут в бою. Только столкнувшись с врагом, ты можешь познать его хитрость и злобу и научиться противостоять ему.

— Но...

— Никаких возражений, брат. Решено. Мы отомстим за павших. Мы разгоним Тьму славой Света. Но этого невозможно достичь, если мы просто будем сидеть здесь, наслаждаясь безопасностью, и показывать тем, кто доверился нам, лишь страшные картинки и запылившиеся книги!

Иордан молча кивнул, хотя ему явно хотелось что-то сказать. Но он не решался. После своего возвращения в ряды солдат Христовых, Жиана чувствовала страх окружающих. Никто уже не осмеливался перечить ей. Ее слово стало законом — и все из-за принесенной ею жертвы. А еще из-за поддержки кардинала. Мысль об этом напомнила ей о следующей встрече, которая пройдет намного тяжелее, чем эта.

— Ты хочешь мне еще что-то сказать, брат?

— Нет, сестра.

— Мы все должны выполнять свой долг, какую бы боль это ни приносило, — примирительно заметила она, надеясь, что Иордан понял ее намек.

Кивнув, брат откланялся.

36

Париж, 1818 год

Остаток пути до холма Никколо захотелось пройти пешком, и он договорился с Карло о том, что кучер заедет за ним, когда юный шевалье управится со всеми делами. Хотя сюда уже добралась осень и дыхание Никколо белым облачком вырывалось изо рта, небо оставалось по-летнему голубым, сияло солнце, стояла ясная погода. Взор погружался в бесконечную даль, лес переливался множеством красок, а в воздухе повис запах костров — тут уже жгли опавшие листья.

На юге раскинулся Париж. В городе кипела жизнь — а как же иначе? А вот деревушка на холме казалась спокойной, и только лопасти ветряных мельниц медленно вращались под дуновением легкого бриза. Мельницы, на которых перерабатывали гипс, возвышались над этой местностью под названием Монмартр, словно великаны, пытающиеся взмахами рук отогнать незваных гостей. Такое сравнение, пришедшее Никколо в голову, вызвало у юноши улыбку.

Деревню окружали торговые пути, так что она казалась спокойным островком, омываемым дорогами, которые соединяли пульсирующее сердце Парижа с пригородом.

Пикколо шел по узкой дороге, по которой ездили телеги с мешками. Повсюду была белая пыль, уже через пару минут она покрыла юношу с головы до ног, забила в рот и нос, оставляя после себя неприятный привкус гипса. Вначале Никколо еще пытался отряхиваться, но вскоре сдался.

Пройдя мимо лестницы, юноша услышал шуршание и тихое потрескивание дерева, покорявшегося ветру, и уже в который раз спросил себя, что же он тут, собственно говоря, делает.

Капрал Кутар, к которому его направила Жанна Обри, оказался старым пьяницей,

дождавшимся бесславной смерти в Доме Инвалидов⁵⁰. Чтобы развязать ему язык, хватило пары монет — на эти деньги старик всю ночь мог упиваться абсентом. Но вместо конкретной информации о местонахождении римских тайных архивов, Никколо получил лишь пару намеков и очередной адрес. Юноша никак не мог достичь своей цели, найти человека, который что-то действительно знал и был готов поделиться этим знанием. «Возможно, так происходит потому, что нет на самом деле никакого тайного знания», — нашептывал ему здравый смысл.

Но Никколо не собирался отступать. Пройдя мимо пары очаровательных садов, в которых работали женщины в темных платьях и платках, покрывавших головы, он дошел до нескольких домиков из нешлифованного камня, построенных, казалось, еще во времена Карла Великого.

Юноша решил уточнить, правильно, ли он двигается, и обратился к какой-то старушке. Смерив Никколо подозрительным взглядом, женщина указала ему на одно из строений. Поблагодарив старушку, он перешел лужайку и, очутившись перед дверью, постучал. Земля у дома покрылась изморозью, трава пожелтела, словно страницы старой книги, со ставен облупилась краска, и даже сами стены поросли сорняками.

Никколо ожидал встретить здесь кого угодно, однако же удивился, когда дверь ему открыла симпатичная молодая женщина в блестящей пестрой юбке и такой же яркой блузке.

— Тебе повезло, — хрипло произнесла она, растягивая гласные и странно расставляя ударения. — Сегодня я никого не ждала, но для тебя сделаю исключение, — женщина приветливо улыбнулась.

От столь фамильярного обращения юноша несколько опешил и не нашелся, что сказать. К тому же дама, кажется, ждала его...

— Проходи, проходи, не стесняйся, — впившись в рукав шевалье своими тонкими пальчиками, незнакомка затащила гостя в дом.

Никколо обратил внимание на ее распущенные волосы — каштановые кудри доходили почти до талии, очень стройной, надо сказать, и подрагивали при каждом движении.

В доме была всего лишь одна комната, забитая всякой всячиной, начиная от экстравагантной мебели и заканчивая странными безделушками, сразу бросавшимися в глаза. В воздухе висел какой-то экзотический запах, под потолком были протянуты веревки с наброшенными на них пестрыми платками, и комната казалась разделенной на части. Все это придавало обстановке таинственность, которую трудно было ожидать за столь незамысловатым фасадом. Никколо это напомнило дом Жанны Обри, но не совсем. Подумав, юноша догадался, что Жанна намеренно создала такую обстановку, потому что предпочитала жить именно так, в то время как эта комната должна была лишь удивлять ее посетителей.

Женщина подвела Никколо к небольшому квадратному столику с двумя стульями и предложила присесть. На лоснящейся столешнице были разбросаны карты — Таро, догадался юноша. Он уже откашлялся, собираясь изложить свой вопрос, но женщина подняла руку, и ее ногти блеснули в свете свечей.

— Нет, ничего не говори. Ты пришел сюда, потому что тебе нужна помощь, — она взглянула Никколо в глаза.

Женщина была ярко накрашена — темная подводка для век, алая помада. Трудно было понять, сколько ей лет, в любом случае от двадцати до двадцати пяти. Светло-зеленые глаза необычно смотрелись в сочетании с черными бровями и темными волосами.

Никколо даже подумал, что капрал Кутар решил разыграть его и направил к какой-то проститутке. Он уже начал подбирать слова, чтобы прояснить недоразумение, но девушка вдруг резко втянула носом воздух и отвернулась.

— Ты пришел сюда не для того, чтобы узнать будущее, — ее акцент куда-то пропал, и

⁵⁰ Дом Инвалидов — в XIX веке дом призрения ветеранов войны в Париже, сейчас — знаменитый музей.

сейчас она говорила на французском, характерном для высшего сословия. — Тебя... ведет твоя судьба.

Никколо осторожно кивнул, ничего не понимая.

— Что с вашей... с твоей речью?

— Я использую акцент в общении с клиентами. Большинству из них нравится, когда я говорю как... иностранка, если это можно так назвать. Но ты не такой. И ты не местный. Ты... южанин?

Если это была просто догадка, то она оказалась удачной. Никколо вновь кивнул.

— И что же тебе нужно от меня?

— На этот вопрос нелегко ответить, — честно сказал он. — Меня сюда прислали. Один старый солдат сказал, что человек, живущий в этом доме, сможет мне помочь.

— Помочь... в чем? — Ее губы сжались в тонкую линию, и в глазах мелькнула опаска.

— Я кое-что ищу, — уклончиво ответил Никколо.

— Мы все что-то ищем. Если ты мне не скажешь, что это, я не смогу тебе помочь. И помни, что мое время в любом случае стоит денег, так что тебе придется раскошелиться.

— Деньги у меня есть, — юноша был вовсе не уверен в том, что стоит платить за разговор с этой молодой женщиной.

— Вижу. Именно поэтому я с тобой еще разговариваю. Итак?

— Я ищу архивы из Ватикана. Я... — Ее смех не дал ему договорить.

— Тогда тебе лучше поехать в Рим, мальчик мой, и договориться о встрече с епископами, которые эти архивы сторожат, — посоветовала она.

Никколо покорило такое обращение — девушка едва ли была намного старше него.

— Нет, там их нет, и мне это известно. Когда войска Наполеона взяли Рим, архивы Ватикана вывезли. По крайней мере, ту их часть, которая меня интересует.

— Что тебе об этом известно? — Улыбка сползла с ее лица, глаза сузились.

— Мне говорили, что архивы привезли в Париж солдаты. Это была тайная операция. Но здесь их след теряется. Капрал Кутар сказал мне, что тебе известно об этом больше.

— Ничего я не знаю. — Разговор ей явно не нравился.

— У меня есть деньги, — напомнил Никколо.

— Деньги могут пригодиться только живому, — девушка смерила его оценивающим взглядом. — Но я ценю мужество, особенно если оно идет рука об руку с полным кошельком.

Париж, 1818 год

Валентина осторожно вытянула вперед руку, дождалась, когда дрожь уляжется, а затем легким движением нанесла мазок на полотно. Она пользовалась самой тонкой своей кисточкой, состоящей лишь из пары волосков. Ею девушка наносила белые полосы на рисунок. Она только что закончила рисовать этот пейзаж. Работа требовала значительного мастерства и внимания. Опустив кисть, Валентина на шаг отошла от холста и тщательно его осмотрела. Она понимала, что вообще-то должна быть довольна своей работой, но никакого удовлетворения не ощущала. Как и раньше, когда она рисовала этот же пейзаж, ей казалось, что память играет с ней злую шутку.

С точки зрения техники рисунка ее картины были идеальны, ведь женщина все время следила за тем, чтобы не допустить ни малейшей ошибки.

И все же теперь, когда миниатюра была завершена, она казалась ей несовершенной, ведь картина не передавала тот образ, который так четко запечатлелся в ее памяти. Свет был другим, да и земля не того оттенка. Валентина вздохнула. «И вновь все не так, и я не могу понять, где ошиблась».

С тех пор, как она встретила на приеме Никколо Вивиани, ей было все труднее носить привычную маску спокойствия. Чувства, которые, как она полагала, давно угасли, вспыхнули вновь, принося ей невыразимые мучения. Опять и опять девушка задавалась

вопросом, почему же, Бога ради, Никколо два года назад столь внезапно покинул Женеву, не сказав ей и слова.

Видимо, он очень изменился. В его глазах она увидела тоску, которой не было раньше. «Но, конечно, я тоже изменилась. Что же он увидел во мне, когда вышел на тот проклятый балкон?»

— Работает, любовь моя? — Людовико подошел к ней, воспользовавшись своей способностью подкрадываться так, что заметить невозможно.

У Валентины мурашки побежали по коже. Она просила мужа не поступать так в ее присутствии, и он всегда выполнял это ее желание. До сегодняшнего дня.

Людовико осторожно взял миниатюру, которую она только что завершила. Тщательно осмотрев ее, он насмешливо скривил губы:

— Восхитительно, дорогая. Точная работа кисти. Тоскана, если я не ошибаюсь? Опять?

— Тамошние пейзажи очень вдохновляют, — уклончиво ответила она.

— И, конечно, это родина нашего дорогого юного шевалье д'Отранто, — холодно улыбнулся вампир.

— Да, — осторожно согласилась Валентина. — Ты же знаешь, что я год провела в Италии в доме Вивиани.

Ей несложно было заметить, какие страсти бушевали в его душе, хотя внешне граф оставался совершенно спокоен, но она не понимала, что к этому привело. О чем же они говорили на том балконе, когда она ушла?

— Я был удивлен, встретив Никколо на приеме, — продолжил Людовико. — Ты знала, что шевалье в Париже?

— Нет, конечно, — Валентина нахмурилась. — Откуда же мне было это знать?

Пожав плечами, Людовико вернул картину на место.

— Ну, возможно, из вашей переписки? Он тебе пишет? Или это твоя дорогая мадам Рекамье сообщила тебе, что нужно поскорее ехать сюда, так как Никколо в городе?

«Что за подозрения?» — Валентина почувствовала, как в ее душе нарастает гнев.

— Оставь Жюли в покое и не впутывай ее в свои теории заговора, ладно? — отрезала она. — Я понятия не имела о том, что Никколо в Париже, и, как ты помнишь, это не я решила ехать сюда. Это ты захотел, и я выполнила твое желание. Как и всегда, — горько добавила она.

— Как и всегда? — Граф уже почти кричал. — Ты что, хочешь сказать, что я заставляю тебя сопровождать меня в моих поездках?

Валентина уже открыла рот, но он не дал ей ответить.

— Валентина, я все делаю только ради тебя. Наши путешествия и постоянные переезды... Раньше мне было все равно, что думают обо мне люди и что они могут узнать. Я даже наслаждался этой игрой в кошки-мышки с инквизицией, и я всегда побеждал в ней, даже когда мои дела были плохи. Но теперь все изменилось. Я не могу позволить им найти меня, ведь это означает, что в беде окажемся мы оба. А я хочу защитить тебя любой ценой.

Валентина подняла руки. Она ничего не хотела слышать об этом, по крайней мере сегодня вечером.

— Кроме того, я думал, что тебе понравится в Париже, — спокойно продолжил Людовико. Казалось, его гнев мгновенно погас. — Все эти балы, театры, опера. Я полагал, тебе захочется развлечься.

Валентина грустно посмотрела на мужа. Она ему верила. В глубине души она знала, что он говорит правду. Женщина шала, что Людовико ее любит и, возможно, это было единственное чувство, которое он испытывал. «И я знаю, что никогда не смогу ответить ему взаимностью».

Опустившись на пол, она закрыла ладонями лицо.

— Мне осточертел этот Париж, — она сама себя ненавидела за то, что ведет себя как маленький капризный ребенок. — Мне осточертели все города, в которых мы побывали. Может, нам переехать в деревню?

— За городом мне намного сложнее охотиться, — спокойно возразил Людовико. — В городах много хищников, и среди них легко затеряться. А в деревне любая охота будет связана с риском, — он опустился рядом с Валентиной на колени. — Но если ты этого действительно хочешь, то мы найдем какое-то решение. Можем купить дом за городом, в Клиши или другом селении недалеко от Парижа.

Он не договорил, но девушка и так знала, что муж хочет сказать. «Так он все равно сможет охотиться в городе».

Валентина кивнула. На душе у нее было пусто. На глаза наворачивались слезы. Женщина отвернулась и прикусила губу, ощутив во рту привкус крови.

— Оставь меня одну ненадолго, хорошо? — попросила она, кое-как взяв себя в руки.

Смерив ее задумчивым взглядом, Людовико поднялся и вышел из комнаты.

Валентина тоже встала. Подойдя к мольберту, она взглянула на неудавшийся пейзаж Тосканы, а затем взяла миниатюру в ладонь, смазала еще влажные краски, так что на картине уже ничего нельзя было разобрать, и равнодушно бросила холст на пол.

Париж, 1818 год

— Что? Правда Эсмеральда?

Рассерженно зыркнув на него, девушка откинула локон со лба.

— Да. И что тут такого?

— Да ничего, — пробормотал Никколо. — Просто имя кажется ненастоящим.

Вздыхнув, Эсмеральда остановилась, и Никколо обнаружил это только пройдя несколько шагов.

— Вот что бы ты подумал, если бы тебе сказали, что твое имя кажется ненастоящим? — Она покачала головой.

На это Никколо было нечего ответить.

Вокруг странной парочки сновали парижане, бежавшие по своим делам, только Никколо с Эсмеральдой оставались неподвижными. Карету Вивиани оставил в паре улиц отсюда — Эсмеральда настояла на том, чтобы проделать остаток пути пешком.

— Извини, — смутился он. — Я вовсе не хотел намекать на то...

— Конечно, хотел. — Девушка подошла к нему ближе, чем позволял этикет, и, поднявшись на цыпочки, заговорщицки шепнула: — Это творческий псевдоним. Но тебе, думаю, его будет вполне достаточно.

Ее губы находились прямо у его уха, так что Никколо чувствовал ее горячее дыхание и видел гладкую нежную кожу ее шеи, излучавшую тепло на холодном ветру. Девушка отступила, видимо, не заметив, что Никколо оцепенел. Ее юбка взметнулась от резкого движения, серьги и цепочки звякнули.

— Это хорошее имя. Знаешь, всего пару дней назад за мной пытался ухаживать один паренек. Так вот, он сказал, что это имя идеально подойдет героине романа. Этот мальчишка учится на юридическом, но уже победил в паре литературных конкурсов, так что он-то знает, что говорит.

— Возможно, — неуверенно протянул Никколо. — Ну что, пойдем?

Они направились вверх по улице. Некоторое время юноша молчал, но в конце концов любопытство взяло верх.

— А куда именно мы идем?

Девушка задумалась.

— Я знакома с одним человеком, которому, возможно, что-либо известно о местонахождении этих архивов, — она говорила осторожно, будто подбирала каждое слово. — Думаю, что тот, кто направил тебя ко мне, когда-то видел меня в его обществе. Некоторое время назад он был моим главным меценатом, но сейчас уже не располагает былыми средствами. Сложная ситуация.

Больше она ему ничего не сказала, и, сколько Никколо ни допытывался, в ответ

раздавались лишь шутки и насмешки, так что юноша отступил.

И вот они подошли к огромному дому из темного камня, скорее напоминавшему крепость, чем особняк. Никколо почувствовал, что волнуется.

Эсмеральда ухватила за кольцо на двери, продетое в пасти чугунного демона. Демон грустно улыбался. Никколо задумался о том, кто же будет жить в таком средневековом замке. Он уже представлял себе эксцентричного дворянина, уединившегося в этих сырых стенах в окружении таких же старых обезумевших слуг, и очень удивился, когда дверь открыл молодой монах.

Увидев Эсмеральду, парень отшатнулся, но, видимо, дело было не в том, что Эсмеральда была женщиной. Этот монах был с ней знаком.

— Тебе здесь не рады, — прошипел юноша и уже хотел захлопнуть дверь, но Эсмеральда успела вставить в образовавшийся проем ногу.

Судя по всему, на мгновение монах задумался, не раздавить ли ей ступню, но потом опомнился. Его лицо было покрыто веснушками, однако, несмотря на юный возраст, в нем не осталось ничего детского.

— Речь не обо мне, — сладким голосом протянула Эсмеральда. — Этот молодой человек хочет поговорить с епископом.

«С епископом?» — опешил Никколо и уже хотел представиться по всем правилам, но девушка его опередила.

— Он приехал из Рима, — с нажимом произнесла она.

Ее слова повисли в воздухе. Разгадав игру Эсмеральды, Никколо мрачно кивнул. Он зашел слишком далеко и не мог позволить какому-то молодому послушнику помешать себе. Придется подыграть своей спутнице.

— Сколько можно болтать? Где епископ? У меня нет времени! — затарахтел он по-итальянски.

Монах замотал головой, глядя то на него, то на Эсмеральду. Видно было, что он еще им не доверяет, но уверенности в его взгляде прибавилось.

— Синьор... торопится. Он не привык ждать.

— А почему ты его сопровождаешь?

Хороший вопрос. И ответ на это мог быть только один.

Ругаясь по-итальянски и дико размахивая руками, Никколо ввалился в дом, смерив монаха возмущенным взглядом. Парень отступил в сторону.

— Он действительно не любит ждать, — повторила Эсмеральда.

На мгновение все повисло на волоске, и Никколо видел по глазам монаха, что решение может быть любым. Наконец паренек поклонился:

— Прошу вас, входите.

Эсмеральда тоже вошла, и Никколо заговорщицки улыбнулся ей. Монах провел их в скромно обставленную комнату — тут был лишь овальный стол с ножками в виде львиных лап и пара стульев. Окна были закрыты ставнями, в скудном свете плясали пылинки, было душно.

— Пожалуйста, подождите здесь. Я позову Его Преосвященство.

Монах почти бегом покинул комнату, оставив незваных гостей в полумраке. Оглянувшись, Никколо убедился, что его предположение о здешней сырости оказалось верным.

— Впечатляющее представление ты разыграл, — насмешливо зааплодировала Эсмеральда. — Ты уверен, что не хочешь попытать счастья в моей профессии?

— Обирать невинных людей? Нет, спасибо.

Девушка покачала головой. Она совершенно не обиделась, и все происходящее явно доставляло ей удовольствие.

— Я не просто так беру у этих людей деньги. Я даю им то, чего они хотят, так же, как и эти типчики в рясах в своих церквях, милый.

На это Никколо ничего не успел ответить — в комнату вошел какой-то старик.

Возможно, когда-то он со своим белым ореолом волос, напоминавшим нимб, и рублеными чертами лица производил величественное впечатление, сейчас же седые космы торчали во все стороны, глаза помутнели, а морщинистые руки дергались у живота, словно старик боялся потерять пояс мятой ризы.

— Эсмеральда, это действительно ты? — промямлил старик.

Видимо, его речь пострадала не меньше внешности.

— Да, Ваше Преосвященство. — Девушка опять заговорила с акцентом.

— А я уже думал, что мы больше никогда не увидимся.

— Они пытаются разлучить нас, Ваше Преосвященство. Вы здесь, в этой крепости, а я...

— Знаю, дитя мое, знаю, — подойдя к ней, он сжал ее руки.

Некоторое время они простояли так молча, затем же Эсмеральда отстранилась и указала на Никколо.

— Это Никколо Вивиани, Ваше Преосвященство. Он пришел ко мне, и я тут же почувствовала, что между вами существует духовная связь.

— Связь? — опешил старик, озвучивая мысли Никколо.

— Он хочет задать вам вопрос, и я знаю, что у вас есть ответ. Я прочла это в картах и на его ладони. Ваши судьбы связаны.

Старый епископ удивленно посмотрел на Никколо, но затем медленно кивнул, будто действительно почувствовал эту мистическую связь. Подойдя к юноше, он опустил ладони ему на плечи, и Никколо ощутил его зловонное дыхание.

— Да. Да, я понимаю. Говори, сын мой, задавай свой вопрос. Эсмеральда еще никогда не ошибалась.

Юноша откашлялся. Он не понимал, как человек церкви мог оказаться втянутым в сети Эсмеральды.

— Я хотел поговорить о документах, рукописях, которые попали в Париж из архивов в Риме. Я не знаю, известно ли вам об этом, Ваше Преосвященство. Вероятно, это произошло после того, как Наполеон вошел в Рим. По слухам, эти документы вывезли его солдаты.

— Я помню, — взор старика был устремлен мимо Никколо, и юноше показалось, что епископ сейчас видит прошлое. — Плохие это были времена. Безбожные. Тогда оскверняли церкви, презревали святость слуг Божьих. Плохие, плохие времена...

— Документы, Ваше Преосвященство, — мягко напомнила Эсмеральда. — Архивы.

— Говорят, их привезли в Париж. Украли их в святом граде, как и многое другое. Но Наполеон был умен, он не позволил им попасть в руки черни, нет, он запечатал их и отправил сюда. Часть солдат не утратила истинной веры и не хотела потакать этому богохульству. Они сообщили нам об этом. Я пытался выкупить архивы, но все мои старания обернулись лишь насмешками и презрением. Они называли эти архивы трофеем. Трофеем!

— Так значит, документы еще в Париже? — загорелся Никколо, вновь ощутив азарт охоты.

— Нет. За перевозкой проследили люди из Рима. Немногословные люди... У них при себе не было денег, и они управлялись лишь свинцом и сталью. Потом нам сообщили, что солдаты поссорились из-за добычи и перебили друг друга. Двенадцать солдат. Все погибли. А ведь это были добрые христиане, которые хотели нас предупредить. Все погибли...

Услышав эти слова, Никколо невольно вспомнил события на берегу Женевского озера. «Немногословные люди управлялись лишь свинцом и сталью».

— Архивы, Ваше Преосвященство, что произошло с архивами?

— Их вернули в Рим. Может быть, сейчас они в подвалах Ватикана, а может быть, и в другом месте, кто знает.

— А кем были те люди? Это инквизиция?

— Нет-нет. Инквизиция давно лишилась зубов. Эти люди образуют отдельный орден, который защищают высшие чины церкви. Говорят, что их организация настолько секретна, что лишь немногие из кардиналов знают о ее существовании наверняка. По слухам, у этого

ордена даже нет названия. Говорят, его основали *motu proprio* ⁵¹, чтобы защитить добрых христиан.

— Защитить? От чего?

— От Тьмы, конечно, сын мой, — старик бросил на Никколо мутный взгляд. — От Зла. От самого дьявола!

37

Рим, 1818 год

Пройдя по очередному коридору, Жиана оказалась в большом зале. Стены тут тоже были покрыты фресками, и, хотя девушка не была знатоком живописи, даже она обратила внимание, с каким мастерством изображено здание, где великие философы античности обучали своих учеников.

Кардинал делла Дженга сидел прямо под этой фреской на напоминавшем трон кресле, поднятом на пьедестал. Хотя слева и справа от него оставались два свободных места, Жиана осталась стоять. Взгляд кардинала казался добродушным, но девушка знала, что за напускным радушием скрывается острый ум, направленный на воплощение замысла Господнего на земле.

Ее посох царапнул мрамор. Жиана ждала, когда же начнется аудиенция.

В этом роскошном зале собрались лишь посвященные, но девушка не могла преодолеть свою недоверчивость. Здесь были высшие чины церкви и мелкие сошки из курий, но их всех объединяло одно желание — уничтожить безбожность нового времени, противопоставить ей преданность Господу. И конечно же, всех присутствующих объединяла дружба с кардиналом делла Дженга, которому многие из них были обязаны своими должностями. И хотя в этом зале могли собраться только единомышленники, Жиана чувствовала, что не может им доверять. Дело было не только в политике Папского Престола и интригах. Жиана видела всю греховность, все тайные желания этих людей. В этом зале она была единственной женщиной и понимала, что ее недоверие взаимно. Многим не нравилось, что кардинал ввел ее в свой круг, даже просил ее совета и поручал ей весьма ответственные задания. Но никто из них не подозревал, кем она была на самом деле и с какими ужасами ей довелось столкнуться.

— Просто обвинять во всех бедах других, — говорил кардинал, и, как всегда, все ему внимали. — Но ведь и мы утратили былое рвение. Даже в рядах церкви заметна недопустимая терпимость, есть среди нас слишком много тех, кто жаждет реформ. Люди не понимают, что церковь должна выполнять свою миссию неукоснительно и безоговорочно.

В зале одобрительно забормотали. Каждый из присутствующих думал так же, как и кардинал. Унижение святой матери-церкви Наполеоном Бонапартом, заточение Папы, лишение власти, выставление на посмешище на глазах у всего мира — все это не давало им покоя.

— Пий VII — святой человек, которому пришлось многое вынести. И плен, и принуждение, и насмешки. Его поступки на то время были достойны уважения. Корсиканец сам надел корону, а церковь слишком ослабела и не смогла предотвратить этот позор. Папа голодает в знак протеста! Такое сложно себе даже представить. — Кардинал оглянулся. На его лице явственно читалось возмущение. — Но в последнее время Пий VII действует слишком мягко. Предоставить убежище семье Наполеона... Как добрые христиане, мы должны прощать, но сейчас церковь должна проявить силу. Да, мы должны проявить решимость!

Кто-то в зале сказал «да», другие просто кивнули. Делла Дженга призвал собравшихся

⁵¹ По собственной инициативе (лат.).

к воплощению общей цели, и вскоре собрание завершилось. После этого почти каждый из присутствующих подошел к кардиналу, чтобы обсудить частные вопросы. В конце концов в зале остались только Жиана и делла Дженга. Кардинал устало провел ладонью по лицу.

— Как продвигаются твои дела, дитя мое?

— Мы связались с язычниками, как и планировали. Это оказалось сложнее, чем мы полагали, но в конечном итоге все устремления этих людей сводятся к одному — жадность. Мы сумеем добиться удовлетворительного решения нашей проблемы.

— А второе задание?

— Мы набрали новичков, Ваше Высокопреосвященство. Приходится считаться с потерями, но это лучшее, на что мы способны. Кто-то воспользовался моментом нашей слабости и сплел сеть, в которую попадает все больше верующих. Мы еще не знаем, кто за этим стоит, но собираемся как можно скорее разрушить ее, чтобы показать, что церковь не дремлет!

— Хорошо. Я на тебя рассчитываю.

После этого Жиана удалилась. Кардинал был прав в том, что церковь стала слишком мягкой, слишком дипломатичной, слишком толерантной. Таким людям, как Жиана, приходилось прятаться, выполняя свою работу втайне. «Да, это грязное дело, но кто-то должен этим заниматься. Нам приходится марать руки, и нет возможности вновь оставаться невинными. Наши враги не успокоятся, они не признают никаких правил, они само Зло».

Им не хватало поддержки своих же собратьев.

Закрывая дверь, Жиана покосилась на кардинала. Его грехом была гордыня, и жажда власти давно укоренилась в его душе.

Хромая по роскошному коридору, Жиана подумала, что теперь знает, как поступить.

Париж, 1818 год

По дороге назад они оба молчали. Никколо не мог отвлечься от своих мыслей, а Эсмеральда, казалось, была не в настроении говорить. А может быть, она просто поняла, что Никколо сейчас не хочет никаких разговоров.

Покидая дом монсеньора, Никколо все больше понимал, насколько бессмысленны все его потуги прошлых месяцев. Он так углубился в это дело, вцепился в него зубами, словно и вправду был волком, и при этом, казалось, забыл, что у него нет для расследования оснований. Его друзья-англичане разъехались по миру, оставив виллу Диодати позади, и только Никколо никак не мог забыть те странные дни и ночи, настолько изменившие всю его жизнь. Изменившие его самого. Не было никакой загадки, никакого заговора, никаких тайных знаний. Жизнь шла своим чередом, а Никколо сам себе напоминал пса, пытающегося поймать собственный хвост.

Этот монсеньор не знал ничего особенного. Еще один след на песке. Пришло время прекратить поиски правды и вернуться домой. Его мечты разбились, он стал одиноким... Вспомнив о встрече с Валентиной, Никколо невольно вздохнул. Он покосился на Эсмеральду, и девушка ответила ему загадочной улыбкой.

— Ты разочарован, да? — спросила она. — Ты ожидал чего-то большего от встречи с этим стариком?

— Чего-то большего, чем пустая болтовня о дьяволе, ты имеешь в виду? Да, действительно, я ожидал чего-то большего.

— Некоторые тайны лучше не ворошить. Не всякие знания могут сделать нас счастливыми. — Эсмеральда смотрела на него из-под полуопущенных век.

— Это такие советы ты обычно даешь своим клиентам? — фыркнул он.

Хотя в словах Никколо чувствовалась злость, девушка тихо рассмеялась.

— Да, если мне за это неплохо платят. Но тебе повезло, тебе я дала совет бесплатно.

Почему-то ее хриплый смех показался Никколо заразительным. Он чувствовал себя жалким дураком, проделавшим такое путешествие только для того, чтобы узнать, что все это

время он топтался на месте. Но в то же время в глубине души юноша и сам смеялся над собой.

— Я хочу у тебя еще кое-что спросить, — начал Никколо, когда Эсмеральда отсмеялась. — Когда я пришел к тебе, ты не стала разыгрывать передо мной свою роль гадалки. Но почему? Откуда ты знала, что я пришел к тебе вовсе не из-за твоего дара прорицательницы?

— Все дело в магии, — невозмутимо ответила девушка. — У тебя особая аура, которую легко распознать, если умеешь, и таким людям не гадают по руке или картам.

Никколо удивленно посмотрел на нее, но Эсмеральда говорила совершенно серьезно.

— Ты хочешь сказать, что и вправду обладаешь магическим даром? Настоящей магией?

Пододвинувшись вперед на сиденье, девушка наклонилась, так что ее лицо оказалось прямо перед глазами Вивиани. Юноша почувствовал запах ее духов — тяжелый цветочный аромат. Губы Эсмеральды раздвинулись в улыбке.

— Да, обладаю, — прошептала она. — И так как я умею предрекать будущее, я точно знаю, что сейчас произойдет, — с этими словами девушка наклонилась еще сильнее и поцеловала Никколо.

На мгновение юноша настолько опешил, что никак не отреагировал на это, но затем он почувствовал, как его охватила страсть, превосходившая и его гнев, и разочарование. Вивиани гнался за собственной тенью, вел эту бессмысленную игру, потерял возлюбленную и чуть было не лишился жизни, но сейчас все это не имело значения.

Сейчас для него существовала только Эсмеральда, такая прекрасная и соблазнительная, и Никколо пересадил ее к себе на колени, ответив на поцелуй. Обвив его шею руками, девушка прижалась к нему всем телом. Никколо целовал ее губы, посасывал язык, облизывал нежную кожу на шее, а она легонько укусила его в плечо, отчего юноша застонал. Под пестрой блузкой чувствовалась ее крепкая грудь, и Никколо нетерпеливо принялся расстегивать пуговицы, а затем, не сдержавшись, разорвал тонкую ткань, а Эсмеральда опять рассмеялась, и от ее гортанного смеха юношу бросило в жар, так что казалось, что все его тело объято пламенем. Распалаясь все больше, Никколо чувствовал, как ее пальцы забираются ему под рубашку и ласкают грудь. Одной рукой задрав ей юбку, второй он расстегнул штаны. Ее длинные волосы упали Никколо на лицо. Эсмеральда застонала, когда он вошел в нее.

Флоренция, 1818 год

Жиаккомо пригнулся. Хотя по природе своей он не должен был поддаваться страху, он боялся. В теории Жиаккомо был бессмертен, обладал могуществом, был богом, окруженным смертными. Но в этой комнате он был всего лишь рабом.

Вокруг клубилась Тьма, и это было не просто отсутствие света. Да, тут было темно, но в обычной темноте Жиаккомо мог все видеть, а тут даже его сверхъестественные способности не позволяли ему справиться с переплетением щупалец Теней. Эти щупальца носились в воздухе, не успокаиваясь ни на мгновение.

А еще тут было холодно. Это был не мороз и не обычный зимний холод — нет, этот холод проникал в само его естество, заглушая все чувства. Люди в этой комнате просто погибли бы, ведь у них кровь застыла бы в жилах — и это была не метафора.

Жиаккомо не знал, почему он может противостоять этому холоду, но чувствовал, как что-то внутри него реагирует на это — и радуется.

Голос доносился прямо из клубка Теней. Жиаккомо никогда не осмелился бы войти в эту Тьму, не говоря уже о том, чтобы жить в ней, но создание, инициировавшее его, очень редко покидало пространство Теней.

— Здравствуй, сынок, — бесстрашно произнесло оно. — Ты выполнил мое задание?

— Да, — тихо пробормотал он, едва открывая рот.

И делал он это не из-за холода. Жиакомо было страшно. Конечно, эта мысль была абсурдна, но ему казалось, что Тени попытаются схватить его и проникнуть в его тело через рот, если он не будет настороже.

— Все идет своим чередом. Колеса закрутились, и теперь их не остановить. Я горжусь тобой, горжусь всеми вами. Никто не мог бы даже пожелать себе более преданных и усердных отпрысков.

— Благодарю.

— Но вы должны кое о чем знать. Церковь пытается обрести былую силу. Вам нужно быть готовыми, когда она вновь спустит своих цепных псов. У нас еще много дел, сын мой.

Жиакомо подождал немного, но было тихо. В конце концов он повернулся и вышел из комнаты. Ему было трудно не перейти на бег, и Жиакомо показалось, что сзади раздался тихий смех, но, должно быть, он ошибся, ведь во Тьме не было места для эмоций, уж это-то он знал. Он собирался выполнить приказ, хотя и не понимал, каковы причины для таких действий. Все эти кражи, подкупы, шантаж, убийства... Жиакомо понимал, что за всем этим кроется какой-то план, но вот что это за план, он разгадать так и не смог. Впрочем, это обстоятельство чуть ли не радовало его — Жиакомо не знал, сможет ли он жить с этим знанием.

Когда ему обещали бессмертие и великую власть, он не знал, какую цену ему придется платить. Ослепленный жадностью, Жиакомо даже не спрашивал об этом. Но цена оказалась высока, и каждую ночь он терял часть былого сознания. Жиакомо чувствовал, что постепенно теряет рассудок. Тьма в нем была неуголима, и она неуклонно пожирала его душу.

38

Париж, 1818 год

Запыхавшись, Никколо откинулся на спинку сиденья. Эсмеральда еще на мгновение осталась на нем, а затем перебралась па место напротив и начала застегивать порванную блузку. Когда юноша отвернулся, пряча глаза, она хрипло рассмеялась.

— Теперь ты смущаешься? Стидишься меня, милый? Было неплохо, правда? Это заставило тебя забыть о той, другой?

— Какой еще другой? — спросил Никколо, поправляя рубашку и штаны.

— Даже не будучи магом, любая женщина поймет, что ты страдаешь от неразделенной любви, глупыш, — невозмутимо ответила Эсмеральда.

Внезапно Никколо стало неуютно в душной карете.

— Я не хочу об этом говорить, — пробормотал он.

Огонь, столь неожиданно вспыхнувший в его душе, погас столь же быстро, как и разгорелся, и теперь юноша не знал, что ему сказать или сделать.

Отдернув занавеску, Никколо выглянул в окно. Карета ехала по улице, где находилась его гостиница. Он постучал тростью в потолок и, когда Карло отодвинул заслонку, приказал остановиться. Если кучер и заметил, что произошло в карете, виду он не подал.

— Если хочешь, Карло отвезет тебя домой, — сказал девушке Никколо.

— Спасибо, это очень мило с твоей стороны, — ответила она, и юноша не понял, смеется она над ним или говорит серьезно. — Надеюсь, ты получил от проведенного вместе времени столько же удовольствия, что и я.

— Конечно, — сунув руку в карман, он достал маленький кошелек с деньгами. — Мне хотелось бы как-то отплатить тебе... за потраченное время.

— Не волнуйся. Ты уже отплатил.

Смуценно кивнув, Никколо встал и, словно спасаясь бегством, выбрался из кареты. Пододвинувшись к окну, Эсмеральда помахала ему рукой. Не сводя с девушки глаз, Никколо

постучал по крыше кареты, давая Карло сигнал трогаться.

Немного постояв на улице, юноша собрался с мыслями и направился к гостинице. В окнах уже горели огни, на небе светила полная луна, окруженная рваными облаками. Края облаков окрасились серебристым светом.

— Мсье? — К Никколо подошел какой-то молодой человек. — Вы мсье Вивиани?

— Да, — итальянец недовольно кивнул. — Чем могу помочь?

Этот человек был ненамного старше Никколо, но выше и шире в плечах. На его верхней губе виднелись густые усы.

— Я рассыльный, — он сунул руку в карман темного пальто. — Мне поручили кое-что вам передать.

Незнакомец сделал шаг к Никколо, в его руке блеснул клинок.

Вивиани настолько растерялся, что не успел отреагировать. Лезвие вошло ему в живот, хотелось кричать, но боль поднялась к груди, поразила легкие, сжала горло, так что с губ сорвался только хрип. Никколо пошатнулся и чуть было не упал, но незнакомец, подхватив его, прижал к себе. Обхватив итальянца за плечи, словно пьяного, нападавший потащил его в переулок.

Нож по-прежнему торчал у Никколо из живота, прямо под ребрами, раскаленная боль пронзала все тело. Юноша хотел оглянуться, узнать, что происходит, но мир распался на тысячи осколков, на свет и тень, пустые окна и темные очертания домов. Никколо не понимал, что все это значит. Его занесли в переулок и бросили на землю, в грязь.

Тело изогнулось, пальцы сжались на рукояти клинка. Перед глазами все поплыло, замерцали какие-то огоньки, по щекам от боли покатились слезы.

Прежде чем он успел вытащить кинжал из тела, его пальцы разжали. Никколо хотел бы сопротивляться, но силы покидали его, и сейчас он мог только дышать. От каждого прикосновения к клинку по телу проходили волны боли, даже втягивать воздух стало сложно. Он почувствовал, как из раны хлынула кровь, заливая рубашку и штаны.

— Больно, да? Покайся перед Господом, сейчас все закончится.

Никколо сфокусировал взгляд на нападавшем. Улыбнувшись, незнакомец кивнул ему — почти дружеский жест.

Он мог ударить во второй раз в любой момент. Первое ранение было смертельным, Никколо это знал, но ему не хотелось умирать, только не так, не в этом грязном переулке, когда он еще не успел попросить у Валентины прощения.

Лезвие пронзило плоть, взрезало жилы его тела, но не только. Казалось, оно разрезало какую-то нить в его душе, спали какие-то путы, и теперь что-то рвалось наружу, скрытое от мира, голодное, ведомое жаждой жизни. Оно освободилось, и у Никколо потемнело в глазах.

Теперь боль отошла на второй план. Да, она еще осталась, но уже не имела никакого значения, как и кровь, льющая из раны, грязь в переулке, лицо незнакомца, да и весь мир в целом.

По телу Никколо прошла экстатическая дрожь. На мгновение ему подумалось, что это, должно быть, смерть — в ней нет ничего плохого, наоборот, она вызывает возвышенные чувства. Вот только он не умер. Дрожь продолжалась, усиливалась, проникла в самую глубь его тела, дошла до центра его естества.

И тело начало меняться. Так чувствуешь себя, когда собираешься зевнуть, но рот еще не открыл. Ощущение было и телесным, и духовным, и Никколо не мог ему противостоять.

Он чувствовал, как удлиняются одни кости и укорачиваются другие, как плоть принимает новые очертания, как натягивается кожа. Все рациональные мысли исчезли, оставался только этот момент, и не более того.

Лицо деформировалось, и юноша застонал, когда челюсти начали вытягиваться вперед. Зубы тоже удлинились, стали больше, прочнее, острее. Одежда порвалась — ей нечего было противопоставить мощи его тела. Кожа покрылась мехом, и от ткани остались одни лохмотья.

Что-то ударило Никколо, пронзило его меняющуюся плоть, но рана тут же закрылась,

как только из нее вынули клинок.

Никколо зажмурился, наслаждаясь столь молниеносными переменами в своем теле. Его охватила животная радость, и, запрокинув голову, вервольф завыл.

Когда он вновь открыл глаза, мир изменился — пропали цвета и остались только свет и тень, зато повсюду царили запахи, придававшие всему очертания и смысл.

— Чудовище!

Это был даже не крик, а сдавленный хрип, исполненный ужаса. Видоизмененная, огромная голова Никколо повернулась. Он еще чувствовал остатки боли в теле, словно эхо от крика, и от этого ощущения пришел в ярость. Сжав лапу, он замахнулся и зарычал.

Незнакомец отступил на пару шагов. От него пахло страхом, но не только. Никколо чувствовал старый, темный запах, разжигавший его ярость. Не спуская с нападавшего глаз, вервольф, пригнувшись, коснулся передними лапами земли.

А затем он прыгнул с места, с легкостью преодолев расстояние до противника. Оборотень поднял лапы и обнажил клыки. Никколо готов был убивать.

Мужчина уклонился — быстрее, чем Никколо ожидал, быстрее, чем вообще способен был двигаться человек. Незнакомец отпрянул в сторону, бросился на землю и скрылся в тени. Волк с рычанием повернулся. В свете луны блеснул серебристый металл — в Никколо метнули кинжал, но он с легкостью отвел лезвие. Прыгнув, оборотень навалился на нападавшего всем телом.

— Помогите! — завопил незнакомец, понимая, что из охотника превратился в добычу, но его крик тут же перешел в бульканье. Вервольф вонзил клыки ему в шею, сомкнув челюсти настолько, что послышался хруст костей, а мышцы просто порвались.

Из раны хлынула кровь, оросив морду оборотня. Бросив убитого на землю, Никколо поднялся на задние лапы.

Ему хотелось выть, сообщить всему миру о своей победе, но в этот момент вервольф почувствовал, что он тут не один. Оборотень повернулся с поразительной для его роста ловкостью.

В переулке стояли двое — мужчина и женщина. Они явно опешили, увидев вервольфа. Никколо готов был вступить с ними в бой, он обнажил клыки, готовясь к атаке.

И тут его ногу пронзила обжигающая боль. Фыркнув, зверь отпрыгнул в сторону. Противник, который, как думал Никколо, был уже мертв, сейчас поднимался, зажимая рукой рану на шее. Он выставил вперед кинжал, и оборотень почувствовал, что это серебро. Рана на ноге по-прежнему болела.

Не медля ни мгновения, вервольф бросился на врага. Кинжал дернулся, но в этот раз оборотень был быстрее: уклонившись от удара, он схватил противника за руку. Когти вошли в плоть, вырывая куски мяса. Незнакомец пошатнулся. У него не было шансов высвободиться из этой хватки.

Никколо схватил его за голову, заревел и дернул. Рана на шее противника уже почти закрылась, но ему нечего было противопоставить мощи вервольфа. Голова оторвалась от тела, и, когда противник в этот раз упал на землю, в его смерти не оставалось никаких сомнений.

Отпрыгнув в сторону, Никколо оттолкнулся от земли и повис на стене дома. Сзади слышались возгласы других двоих противников. Их кинжалы просвистели там, где он только что стоял. Прыгая вниз, Никколо повернулся и ударил, но женщина успела среагировать — она перекатилась в сторону, и ее кинжал описал серебристую дугу в воздухе, оставив красный след на груди оборотня. А вот мужчина был медлительнее, Вервольф прыгнул на него сверху, впился в него когтями, кусал и рвал, пока не перебил ему шею, вырвав зубами кусок плеча. Лапой оборотень пробил в груди огромную сквозную дыру.

И вновь пришлось уклоняться. Никколо не видел женщину, но ощущал ее присутствие — сейчас все чувства обострились, движения ускорились, и вервольф атаковал. Женщина уклонилась, но они оба знали: зверь теперь охотник, а все остальные — добыча.

Тихо зарывав, оборотень сделал шаг вперед. Задней лапой он наступил мужчине на

грудь, ломая ребра.

Покосившись на своего мертвого спутника, женщина повернулась и бросилась бежать. Она буквально летела над землей, каждым прыжком преодолевая больше метра.

Вервольф последовал за ней, уже через пару шагов опустившись на четыре лапы.

Оттолкнувшись, женщина взлетела, коснулась одной стены, отпрыгнула к противоположной и очутилась на крыше.

Оборотень не отставал. Его когти впивались в каменную кладку и древесину стены.

Женщина побежала по крышам, быстрая, ловкая, такая опасная. Но с вервольфом справиться она не могла.

Он охотник. Она его добыча.

Неподалеку от Венеции, 1818 год

Как же хорошо бежать. Никаких преград, ты свободен, и нет больше суетных забот. Бежать, бежать прочь от дорог, прочь от сел, и чтобы не было людишек с их запахами, их металлом, их скотом, вонявшим страхом и покорностью.

Он бежал по широкому лугу, на небе сияли звезды, ветер ласкал его черную шерсть. Ничто не могло его удержать, ничто не мешало. Здесь не было таких, как он. Он был один, и чувство одиночества вызывало и печаль, и радость.

Но вдруг зверь замер. Казалось, в ночи раздался чей-то зов, но вокруг было тихо.

В душе возникло странное чувство, чувство, которого у него не могло быть, так было нельзя, нельзя, и это знала даже его звериная сущность.

Где-то что-то высвободилось, и сейчас оно кричало о своей страсти. Прижав уши, волк оглянулся, запрокинул голову и завыл.

Неподалеку от Парижа, 1818 год

Проснувшись, Никколо мгновенно понял, что мир переменялся. Ничто уже не было прежним, ничто не будет таким, как вчера. Голую кожу холодил ветер, земля была твердой. На востоке тлели лучики нового дня, но весь мир еще окутывали сумерки, он погрузился в пространство между ночью и днем.

Юноша, застонав, перевернулся на бок. От любого движения мышцы начинали дрожать, в животе шла настоящая война, и обе противоборствующие стороны проигрывали. Во рту чувствовался неприятный металлический привкус, и Вивиани не сразу понял, что это кровь.

В слабом свете он разглядел темные пятна у себя на руках, мраморные узоры, тянувшиеся до локтя. Испугавшись того, что он сейчас увидит, юноша поднес ладони к лицу. Кровь уже засохла и начала покрываться трещинами.

Юноша поспешно вскочил — по крайней мере, попытался, но вместо того, чтобы подняться на ноги, он остался на четвереньках, а мир вокруг закружился в безумном танце, и Никколо вновь упал. Земля продолжала раскачиваться, и он ухватился за нее, чувствуя, как его сносит в сторону. Все успокоилось только после того, как Вивиани пару минут пролежал неподвижно, вытянув руки и ноги.

Вскоре он догадался, почему лежит голый на поле перед въездом в Париж. На долю секунды ему захотелось отбросить эту мысль, воспротивиться ей, но истины было не избежать. «Я... я вервольф».

Когда он вновь попытался встать, все вокруг опять закружилось, но на этот раз слабее. К усталости сейчас примешалась еще и резкая острая боль в ноге. Там зияла рана — глубокий порез, который уже перестал кровоточить, но выглядел все равно плохо. В остальном Никколо был цел и невредим.

Ничего не понимая, юноша провел ладонью по шраму на груди. «Но ведь тогда у нас ничего не вышло! Байрон же меня даже не укусил!» Однако, несмотря на все факты, от вида

своего обнаженного, покрытого кровью тела некуда было деться. Отсутствие одежды давало о себе знать. У Никколо застучали зубы, и он обхватил ладонями плечи, но от холода это не спасало.

«Мне нужно одеться. И принять ванну». Вокруг простирались поля. Еще никого не было видно, но вскоре люди выйдут на работу, а до тех пор нужно было привести себя хоть в какой-то порядок. Юноша не знал, как здешние жандармы отнесутся к голому окровавленному иностранцу, и выяснять это у него не было никакого желания.

Он медленно потрусил к хутору, видневшемуся на востоке. Возможно, там он найдет воду, а на веревке во дворе будет сушиться белье.

По дороге Никколо набрел на небольшой пруд. Вода была холодной, но чистой, и юноша, опустившись у пруда на четвереньки, смыл с себя кровь. «Если бы так же можно было смыть с себя воспоминания», — мрачно подумал он. На самом деле он помнил только переулочек в Париже и свою уверенность в том, что сейчас умрет. Судя по крови, умереть пришлось кому-то другому.

Хотя сейчас, после мытья, Никколо стало лучше, вода еще сильнее холодила кожу, и терпеть это было просто невыносимо. Юноша испугался, что замерзнет в этих полях насмерть. Дрожа, он поднялся и двинулся дальше. Дул ветер.

Когда Никколо добрался до хутора, ему было так холодно, что думалось уже с трудом. Ему было все равно, увидят его или нет, только бы появилась возможность согреться. К его разочарованию, тут не было ни веревок с бельем, ни чучела, с которого можно было снять лохмотья.

Зато тут была собака, и она тут же залилась лаем.

Никколо поспешно спрятался за какой-то постройкой — к счастью, стена защищала его и от ветра.

— Эй! Есть кто?

Юноша еще сильнее вжался в стену и затаил дыхание. Он опять подумал о людях в форме — неприятная получалась картина. Нужно сделать все, чтобы она не стала реальностью.

— Выходи, или я спущу собак!

Итальянец сглотнул. Псы громко лаяли, и это, несомненно, были крупные звери с острыми клыками. «А я голый».

Выглянув из-за угла постройки, юноша увидел слугу в простой одежде, сжимавшего в руке грозного вида серп. Слуга подозрительно оглядывался, но, по крайней мере, он еще не понял, где спрятался Никколо.

— Мсье, — позвал юноша.

Слуга резко повернулся. Никколо вытянул вперед руки, продолжая стоять за углом.

— Я попал в весьма досадное положение.

— Выходи, подняв руки!

— Я предпочел бы остаться здесь, мсье. Позвольте объяснить, я...

— Мадам! — гаркнул слуга. — Еще один появился!

«Еще один?» На мгновение Никколо представил себе хутора вокруг Парижа, где после ночных пробежек приходили в себя местные оборотни, голые и окровавленные, а окрестные жители привычно встречали их... «И давали одежду? Или молча убивали и скармливали псам?»

— Мсье, я...

— Заткнись.

Прежде чем Никколо успел как-то отреагировать на подобное хамство, в двери большого дома возникла какая-то полная женщина. Она поправила прядь волос, упавшую на ее покрасневшее лицо. Вид у женщины был напряженный, будто ее оторвали от работы. Рукава кофты были закатаны.

— Где он, Люк?

— За маслбойней, мадам. Я его сразу заметил.

Никколо нерешительно наблюдал за этой сценой, показавшейся ему совершенно абсурдной, так что теперь он вообще не понимал, как ему себя вести. Женщина, пройдя по двору, остановилась у Люка за спиной.

— Выходите, мсье! — потребовала она. — Вы не первый, с кем такое случилось.

— Сильно сомневаюсь, — вырвалось у юноши.

Неожиданно женщина рассмеялась.

— Так они все говорят. Знаю я эту историю. Прошлой ночью вы познакомились с очаровательной юной дамой, настоящей красавицей. Вы выпили с ней вина и направились к ней домой. А сегодня утром проснулись — полуголый и без кошелька.

Объяснение задевало самолюбие Никколо, но лучше он придумать не мог и потому согласился.

— И конечно же, эта юная дама не была проституткой, — продолжила мадам, по-прежнему с насмешкой в голосе. — Честные мужчины ведь не ходят к проституткам, так? Выходите, мсье, мы напоим вас чем-нибудь горячим и дадим вам одежду.

— Ваша история не до конца соответствует действительности, — осторожно заметил Никколо. — Сегодня утром я проснулся не *полуголым*.

— Ну тогда вам не будет сложно выйти сюда... ой.

— Вот именно. Ой.

Женщина медленно отвернулась, и, хотя Люк продолжал таращиться, Никколо вышел из своего укрытия. Смущенно кивнув, юноша махнул рукой, но тут же опустил ее вновь. Его воспитание не подготовило его к такой ситуации.

В первую очередь к тому, что женщина может повернуться и уставиться на него во все глаза. Никколо прикрывал все, что мог, но все равно оставался голым, тут уж ничего не поделаешь. Крестьянка смерила его оценивающим взглядом и улыбнулась — язвительно, как показалось Никколо, но вполне доброжелательно. Еще раз кивнув, юноша начал переминаться с ноги на ногу.

— Пойдемте, — заявила мадам. — Жаль будет, если такой красавчик замерзнет здесь до смерти.

39

Арецо, 1820 год

Бумаги заплотили всю комнату. На кровати громоздились записные книжки, свитки, вырезки из газет, мятые бумажки. На полу валялись книги, где-то они были собраны в стопки, но в основном разбросаны в беспорядке, с закладками и без, раскрытые и просто разорванные. Повсюду стояли засохшие чернильницы, на листиках виднелись записи и диаграммы, а там, где под бумагами виднелся стол, даже на столешнице можно было увидеть какие-то значки. Сквозь высокие узкие окна в комнату почти не проникал свет, так как ставни были закрыты и только пыль танцевала в паре лучиков, прорезавшихся в щели. Две лампы и множество свечей испускали теплый свет, а на подсвечниках диковинными фигурками застыл воск: видимо, новые свечи разжигали от огарка и втыкали туда же, так что сами подсвечники разглядеть было уже нельзя.

Никколо водил пальцем по строчкам книги. Было слышно, что он что-то бормочет и прерывается только для того, чтобы что-то написать. Перед ним лежала старая итальянская книга о мифах и легендах Древней Греции, до этого много десятилетий мирно хранившаяся в библиотеке. Теперь же поля книги были покрыты восклицательными знаками, какие-то слова и целые абзацы были обведены чернилами.

Рядом валялась рукописная копия судебных документов, составленных в Эстонии в позапрошлом веке. Одну из страниц украшала гравюра с изображением волка на задних лапах. К гравюре был приколот подстрочник перевода.

Из-под рукописи выглядывал томик рассказов и легенд о волках, принадлежавших перу слуги, который пятьдесят лет проработал в доме начальника волчьей охоты. Книга была раскрыта на странице, озаглавленной «*Le loup de Soissons*»⁵². Тут речь шла о волке, в 1765 году убившем за два дня восемнадцать человек неподалеку от Суассона. В конце концов этого полка заколол вилами какой-то ветеран народного ополчения. На полях страницы стояло короткое слово «бешенство», почерк выдавал разочарование.

— Никколо? — В дверь постучали.

Но юноша не поднял голову. Его перо скользило по бумаге, оставляя жирные кляксы, — Никколо даже не смотрел, что он пишет.

— Никколо?

— Ну что еще? — на этот раз откликнулся он, открыв книгу скандинавских легенд по закладке. — Берсерки заревели, и бой начался. Волки завывали, забряцали железом... — бормотал юноша, водя пером по бумаге.

— Можно мне войти?

Перо задрожало, будто не зная, останавливаться ему или нет. Словно очнувшись ото сна, Никколо огляделся и, встав, невольно вздрогнул — запястье громко хрустнуло.

— Конечно. погоди, я сейчас, — попросил он, отодвигая книги в сторону.

Юноша попытался устранить наибольший беспорядок, но не успел он проделать на полу дорожку ко входу в комнату, как опрокинул почти полный стакан. Вздохнув, Никколо понял, что вряд ли успеет привести тут все в приличный вид.

— Заходи.

В комнату вошла сестра. Никколо опять с удивлением отметил, насколько она изменилась. Девочке недавно исполнилось четырнадцать, но она уже вела себя как настоящая светская дама. Платье было сшито *a la mode*⁵³, а темные локоны, раньше такие встрепанные, были аккуратно уложены. На личике Марцеллы отражалось искреннее беспокойство. Обводя взглядом комнату с царящим здесь хаосом, юная леди даже не пыталась скрыть свое неодобрение. Никколо был очень рад, что увидел сестричку, вернувшись домой, но сейчас он чувствовал, что отдаляется от нее, и осознание этого причиняло ему боль.

— Опять читаешь?

— Работаю, — сказал Никколо, чувствуя, что оправдывается.

Странно, ведь это он был старше сестры, а не наоборот, но почему-то не ощущал этого. Может быть, все дело в том, что Марцелла была для его родителей примерной дочерью и делала то, чего от нее ожидали. Граф и графиня гордились ею, а Никколо не удавалось добиться их расположения. «Скорее наоборот, — подумал он, но чувство вины оказалось мимолетным. — С другой стороны, я ведь не доставляю им никаких неприятностей».

— Я волнуюсь за тебя, Никколо, — без обиняков начала Марцелла, словно прочитав его мысли. — И мама с папой тоже.

Вздохнув, юноша переложил пару манускриптов со стула на пол и предложил сестре присесть. Марцелла осторожно устроилась на стуле, а Никколо кое-как освободил себе место на кровати.

— Я знаю, — резко заявил он, надеясь сразу же сбить Марцеллу с толку.

— Ты прячешься тут, — как ни в чем не бывало, продолжила его сестра. — Общаешься со странными и, откровенно говоря, совершенно непристойными типами...

— Это связано с моей работой, — перебил ее Никколо, обведя рукой комнату. — Они находят для меня книги.

— Это какие-то подозрительные личности, и это еще мягко сказано. В любом случае

⁵² Суассонский волк (фр.).

⁵³ По моде (фр.).

только с ними ты и общаешься. Ты не ходишь гулять, не посещаешь приемы, обедаешь один, часто болеешь.

При этих словах Никколо опять начала мучить совесть. Вскоре после возвращения он притворился больным, чтобы отец не отправлял его в армию, ведь обычные уговоры не помогли. Постепенно напускная болезнь вошла у Никколо в привычку, и он говорил о разнообразнейших недомоганиях, чтобы его оставили в покое. На самом же деле юноша чувствовал себя здоровым и сильным, готовым вырывать с корнем деревья, если придется. Он объяснял этот прилив сил своим *Conditio* ⁵⁴ — так он уже несколько месяцев называл это состояние. Красивое слово, за которым скрывалась страшная тайна.

— Ты похоронил себя в своих изысканиях.

С этим упреком сложно было не согласиться.

— И ты больше не пишешь! С момента своего возвращения ты не прочитал мне ни строчки. Для тебя это всегда было так важно, а теперь... — Марцелла подавленно замолчала.

Никколо хотелось обнять сестру, как раньше, утешить ее, но он не решился. Его *Conditio* больше не проявлялось, но он не доверял себе. По ночам юноша не мог уснуть, ворочался в постели, думал о том, какие из его мыслей, чувств, а главное, инстинктов на самом деле принадлежали ему самому, а какие исходили от чудовища, скрытого в глубине его души.

— Тогда я был еще молод, — беспомощно сказал Никколо, будто это что-то объясняло.

Но Марцеллу так просто не обмануть. Она слишком хорошо его знала, даже сейчас, после долгой разлуки, и к тому же она очень повзрослела за эти годы.

— Ты и сейчас еще молод. Но ты уже не тот Никколо, которого я знала. Ты изменился. Ты словно... одержимый.

«Одержимый — вполне подходящее слово, — подумал он. — Впрочем, слово «жертва» подошло бы еще лучше». Никколо вспомнились мрачные картины в замке в Коппе: собаки гонят волков на холм. Ему хотелось обо всем рассказать младшей сестре, поделиться с кем-то своей ношей, но он боялся последствий. «Я никому не могу сказать, кто я. Как им понять это? Возможно, даже то, что я живу с ними, само по себе ошибка. А что, если я превращусь в волка и нападу на кого-то из них? Что, если на меня опять начнется охота? Нет, нельзя впутывать во все это мою семью. Я должен защитить их».

— Я изменился, — холодно ответил Никколо, хотя вовсе не собирался говорить так агрессивно. — Вырос. Я уже взрослый, и мне неинтересен весь тот вздор, что так волновал меня раньше.

— Вздор... — Лицо Марцеллы окаменело.

Та девочка, с которой Никколо жил до своего гран-тура, выпустила бы свой гнев наружу и, скорее всего, запустила бы сейчас в него книгой, но теперь же сестра скрывала свои чувства, и только на мгновение в ее глазах блеснула ярость.

Развернувшись, Марцелла сквозь зубы попрощалась и вышла из комнаты, а Никколо все сидел и сидел на кровати, вот уже в тысячный раз обдумывая, что же предпринять. Но, как и раньше, он не мог найти выход из сложившейся ситуации.

Юноша обвел взглядом комнату, которая все больше напоминала библиотеку безумного книгочея, но и во всех этих стопках книг не было ответа на его вопрос. Никколо собрал о волках и оборотнях всю информацию, до которой только мог добраться. Он переписывался с учеными и накопил значительный объем знаний по этому вопросу, но так и не сумел найти разгадку. А ведь эта разгадка где-то крылась, и Никколо чувствовал ее, замечал ее присутствие во всех этих книгах, но всякий раз, когда ему казалось, что он вот-вот найдет какие-то доказательства, все его надежды обращались в дым, а картина становилась еще запутаннее.

Вздыхнув напоследок, Никколо пересел на стул и продолжил читать. Может быть,

⁵⁴ Условие (лат.).

разгадка совсем рядом...

Он стоял на мягкой земле, сосновые иголки кололи голые колени. Скрестив руки на груди, Никколо раскачивался взад-вперед, бормоча одни и те же слова, смысл которых постепенно терялся от стольких повторений. На небе стояла полная луна, заливая поросшие соснами холмы мягким серебристым светом.

Веяло прохладой, в воздухе уже чувствовались предвестия зимы, но Никколо весь взмок. Вокруг себя он обвел мелом круг, изрисовав его символами, которые он нашел в старой рукописи из Палестины. Перед кругом стояла чаша, над ней вился дымок от углей сандалового и кипарисового деревьев — Никколо воскуривал фимиам.

Благодаря дыму и речитативу юноша мог глубже погрузиться в медитацию, и ему казалось, что он очутился вне пространства и времени.

Чувствуя, что бормотание вгоняет его в безумие, Никколо резким движением схватил кинжал, лежавший перед ним на земле рядом с чашей. Подняв клинок, он приставил острие к углублению между ключицами и, проткнув кожу, медленно повел лезвием по груди вниз, к животу. В конце концов кинжал выпал у него из рук, а на груди протянулась тонкая красная линия. На животе и в паху блеснула пара капель крови.

Жадно вдохнув, юноша опустил голову и стал ждать.

Но ничего не произошло.

Подняв голову, Никколо понял, что ничего не изменилось — ни его тело, ни восприятие окружающего его мира. Он так и остался голым человеком, сидящим на земле в сосновом лесу ноябрьской ночью и проводившим в клубах фимиама странный ритуал.

Он не мог превратиться в волка по собственному желанию — ни силой воли, ни при помощи ритуалов и заклинаний.

Теперь Никколо оставалось только ждать, когда зверь в его душе пробудится вновь и полностью начнет контролировать его тело.

— В последний раз говорю, никуда я не поеду! У меня нет времени, к тому же я плохо себя чувствую!

Граф не скрывал свой гнев. Никколо понимал отца, ведь они давно планировали эту поездку во Флоренцию и даже отправили Марцеллу на пару дней к тетке, где за ней могли присмотреть, а девочка вволю занималась своей любимой музыкой. Но сегодня утром, когда лошадей еще не впрягли в карету, Никколо привезли посылку, которую он так долго ждал. Сейчас книги лежали в его комнате — юноша уже распаковал их, вытащив из свертков, защищавших рукописи во время перевозки, но не успел их даже просмотреть. Никколо чувствовал зов книг, напоминавший ему пение сирен. Это были рукописные копии очень редких произведений — оригиналы находились в Константинополе, и заказать эти копии стоило целого состояния.

Никколо с благодарностью подумал об Эсмеральде — девушка помогла ему наладить деловые связи с людьми, без которых в его исследованиях было не обойтись.

Еще в Париже Никколо получил от Эсмеральды приглашение провести ее на прощание перед отъездом из Франции. Тогда он очень удивился и просто разорвал ее письмо — ему хотелось поскорее покинуть этот город. Но в конце концов юноша передумал и все же отправился на Монмартр, ведь Эсмеральда могла предоставить ему ценную информацию, и неразумно было лишаться такого шанса. По крайней мере, он убеждал себя в этом. Разумеется, он просто навестит эту девушку, попрощается с ней и пожелает всего наилучшего. А то, что случилось в карете, уж точно не повторится.

Но оно повторилось, и вместо краткого визита Никколо остался в доме цыганки на всю ночь. Эсмеральда совершенно очаровала его своим хрипловатым смехом и экстравагантным поведением.

С тех пор, как юноша уехал из Парижа, они с Эсмеральдой время от времени переписывались, а бессонными ночами он замечал, что мечтает о ее стройном гибком теле.

Как и было обещано, Эсмеральда поделилась с ним своими знаниями и познакомила с людьми, которые могли раздобыть редкие или запрещенные книги. Тексты, с которыми он сейчас работал, достать было не так-то просто. Приходилось находить знакомых, а у тех были свои деловые контакты, и так можно было выйти на кого-то, кто мог помочь. При этом следовало действовать неторопливо и осторожно, соблюдая все правила поведения, принятые в этих кругах.

Никколо так долго ждал, когда же его усилия принесут плоды, и вот теперь книги ждали его в комнате, а значит, он не мог терять ни минуты.

— Чем же ты болен?

— Горло болит... — начал Никколо, но граф лишь презрительно отмахнулся.

— Бедный ты наш, можно подумать, у тебя чахотка!

Никколо ответил на это спокойно, но с упреком, и спор длился еще довольно долго, но его исход был предreshен — юноша не сдавался. За последние месяцы он стал еще упрямее. Никколо так хотелось рассказать обо всем отцу, но это было невозможно, и от самой мысли о том, чтобы сказать графу правду, юношу бросало в холодный пот. Он не мог объяснить отцу, что остается здесь ради семьи, что ему нужно прятаться, чтобы в светском обществе не заметили его присутствия в поместье.

Немногие за пределами Ареццо знали, что Никколо пребывает здесь, и юноша надеялся, что это сможет его защитить. Нападение в Париже не было случайностью, и, хотя с тех пор ничего не происходило, нельзя было привлекать внимание врагов.

В конце концов родители, попрощавшись, отправились в путь. Никколо опустил голову — он не мог выносить разочарованный взгляд матери. Юноша знал, что графиня беспокоится о нем, и от этого у него просто сердце разрывалось.

Каждый день, получая письма, он боялся прочитать скверные новости о Байроне, Шелли или Полидори. В переписке Никколо предупредил их об опасности, но только Полидори проявил осторожность — Байрону нужно было внимание света, он по природе своей не мог стать отшельником, а Шелли не хотел отказываться от своих попыток изменить мир к лучшему. И юному итальянцу оставалось лишь надеяться, что с его друзьями все будет в порядке.

Наконец Никколо вернулся в свою комнату, где его ждали книги. Он погрузился в пучину слов, лихорадочно прорабатывая страницу за страницей и пытаясь выписывать самое главное.

Сейчас он читал книгу православного монаха по имени Мануил о варягах: якобы среди них были воины, умевшие во время боя принимать облик зверя и рвать врагов голыми руками. Монах дошел до Киева и встретил на Руси других таких воинов, которых он называл оборотнями. Из одежды они носили только меховые накидки. Мануил давал подробное описание этих перевертышей, и, по его словам, среди охраны киевских князей — дружины — тоже были берсерки. Хотя описываемые в книге события происходили много столетий назад и Никколо трудно было разбирать текст на древнегреческом, чтение полностью поглотило его. Книга этого монаха была на редкость ясной, и в ней приводились цитаты из разговоров с этими воинами — Мануил якобы специально расспрашивал оборотней об их способностях.

Судя по этой книге, возможность впасть в ярость берсерка передавалась из поколения в поколение, и среди северян семьи оборотней пользовались большим уважением. Такие воины призывали силу волка, говоря, что в жилах их предков текла волчья кровь. В бою они обретали огромный рост, а меховые накидки покрывали все их тело. Впадая в звериный раж, берсерки бесстрашно бросались на врага. Мануил писал и о тех, кто завидовал оборотням и пытался подражать им: такие воины вызывали похожее на ярость берсерка состояние при помощи специальных ягод и трав, содержащих яд.

Никколо улегся среди книг, погрузившись в волшебный мир рукописи. Перед его внутренним взором возникали истинные берсерки, и юноша знал, что они чувствовали в бою. «То же, что и я в Париже».

Рукопись резко обрывалась. Из одного не очень правдоподобного источника Никколо знал, что Мануил якобы никогда не возвращался в Константинополь, и было непонятно, каким образом книга монаха вновь оказалась в этом древнем городе и как она попала в частную коллекцию одной богатой семьи в Османской империи. Никколо так и не смог это выяснить — сама копия и без того стоила ему довольно крупной суммы.

Он начал читать вновь, на этот раз медленнее и внимательнее, но уже через пару страниц у него начали слипаться глаза, и юноша уснул на полу, зарывшись под груды бумаги. Ему снились волки и люди.

Никколо проснулся от громкого стука. Юноша сонно помотал головой, но тут стук повторился, и лишь через пару мгновений Никколо понял, что это стучат в дверь. Он встал, но его зашагало, так что пришлось схватиться за изголовье кровати,

— Да? — Язык заплетался, да и сам он охрип.

— Снаружи вас ожидает какой-то чиновник. Он хочет с вами поговорить, — из-за двери донесся голос Карло.

Никколо договорился со своим слугой, что редко будет пользоваться его услугами, а в обмен на это Карло не будет его беспокоить. Такие условия прились по вкусу им обоим, и до сих пор кучер не пытался с ним заговорить.

— Скажи ему, что я сейчас приду.

Умывшись, Никколо причесался — волосы уже отросли на совершенно неприличную длину — и, как мог, поправил одежду. Все его движения были неловкими — юноша никак не мог до конца проснуться. Затем он спустился по лестнице и вышел в гостиную, где его ждал какой-то худощавый высокий мужчина с густыми вислыми усами.

— Синьор Вивиани? — осведомился чиновник, смерив Никколо недоверчивым взглядом, в чем, впрочем, не было ничего удивительного, учитывая теперешний вид юноши.

— Да.

— Я... вынужден сообщить вам печальное известие. Граф и графиня Вивиани погибли, — нарочито вежливо произнес усач.

— Что?

Слова чиновника туманом клубились у Никколо в голове, и он никак не мог ухватить их смысл.

Откашлявшись, усач смущенно повертел форменную фуражку в руках.

— Их карета, синьор... Произошел несчастный случай. Они упали в пропасть.

Никколо, по-прежнему ничего не понимая, посмотрел в окно. Уже был день, а юноша не знал, ни когда он заснул, ни сколько проспал. Слова усача казались бессмысленными, не складывались во фразу.

— Карета? — произнес он наконец, просто чтобы что-то сказать.

— Мы не знаем, как это произошло, господин, ведь на этом участке дороги вообще-то легко проехать. К сожалению, выживших остаться не могло.

— А почему... как... откуда вы вообще знаете, о ком идет речь? — В сознании Никколо вспыхнула искорка надежды.

— Мы опознали карету по гербу.

«Конечно, наш родовой герб на дверце. Так просто». У Никколо было такое ощущение, будто он что-то должен сделать, что-то сказать, что-то чувствовать, в конце концов, но сейчас его голова была пуста. Юноше казалось, будто это не он стоит в этой комнате в мятой одежде и с синяками под глазами, а какой-то другой человек, который только что узнал о смерти родителей. И Никколо хотелось крикнуть этому человеку, что нужно как-то проявить свою печаль, хотя бы ощутить ее, но мысли не держались в его голове, и все слова куда-то исчезли. Его губы двигались сами собой, произнося что-то помимо его воли.

— Благодарю вас за то, что вы мне это сообщили. А что с... — Он запнулся, не зная, как сказать это тактично, — с останками?

— Мы везем их в Ареццо. Для этого нам пришлось позаимствовать повозку у крестьян. Она приедет сюда к вечеру, — помедлив, чиновник потербил усы. — Соболезную.

Никколо неуверенно кивнул.

— А кони? — спросил он. — Они тоже мертвы? Отец не допустил бы, чтобы животных оставили там умирать. Вы об этом позаботились?

— Лошади были уже мертвы, когда мы обнаружили обломки, что, кстати, очень странно. Скорее всего, лошади понесли, иначе этот несчастный случай не объяснить. Мне... Я могу нам чем-то помочь?

— Что? — Никколо уставился на усача, будто только сейчас его увидел. — А, нет. Благодарю вас. Я займусь всеми необходимыми приготовлениями.

Слегка поклонившись, чиновник надел фуражку и ушел. Сейчас этот дом казался Никколо намного больше, чем раньше. Юноша вернулся в свою комнату, убрал книги, вымылся и переоделся в чистое. Все это время его душа разрывалась от крика, но Никколо слышал лишь отголоски этой боли, словно это рыдал кто-то, находившийся очень далеко.

Ареццо, 1820 год

Похороны графа и графини были значимым событием для Ареццо и соседних селений, хотя Никколо и хотел бы, чтобы все церемонии были более скромными. Но, учитывая высокий статус его родителей, нельзя было провести погребение в узком кругу родных, поэтому на похороны пришли не только все родственники, но и представители властей, друзья, знакомые, деловые партнеры, слуги и еще множество людей, которых Никколо до этого никогда не встречал и понятия не имел, кто это. У всех на лицах отражалось одинаковое выражение сочувствия, слова должны были утешать, но оставались для юноши бессмысленными. Словно машина, он пожимал руки, мужественно улыбался, вовсе не чувствуя надлежащей силы духа, вежливо принимал соболезнования. Никколо замечал, что присутствующие удивляются его стойкости, и ему хотелось кричать.

Всякий раз, когда его называли «граф», юноша вздрагивал. Ему казалось, что он какой-то выскочка, прикрывающийся титулом, которого вовсе не заслужил. А еще ему хотелось оглянуться — ведь люди же обращались не к нему, а к его отцу, который стоял за его спиной.

Марцелла держалась неплохо, и только слезы все время бежали по ее щекам. И все же она заставляла себя каждому подавать руку и приседать в реверансе, когда этого требовал этикет.

Первый день после смерти родителей они провели по отдельности — тетка настояла на том, чтобы Марцелла какое-то время осталась с ней и пришла в себя после этого чудовищного известия, а Никколо занимался подготовкой к похоронам. Не прошло и двух часов с тех пор, как он узнал о гибели родителей, как в дом уже начали стягиваться первые посетители, желавшие выразить ему соболезнование и узнать побольше об обстоятельствах смерти четы Вивиани.

Марцелла прибыла в поместье только вечером. Она всю ночь заливалась слезами в объятьях брата, но Никколо, прижимая ее к себе, не мог плакать сам. Ему казалось, что его сердце замерзло и все чувства исчезли.

Само погребение проходило мучительно долго.

— Граф Эрколь Вивиани был аристократом в полном смысле этого слова, патриотом своей страны, образцовым мужем и отцом, — начал священник, когда вся процессия собралась у фамильного склепа.

Под стать похоронам был и морозный зимний день — на замерзшей земле лежали черные сухие ветки, все присутствующие дрожали от холода, а печальные слова заупокойного молебна эхом отдавались в голове Никколо. Юноша все больше чувствовал себя машиной. «Машина для похорон. Механический скорбящий сын». Сейчас его мысли были посвящены чему угодно, только не родителям. Он думал о своих книгах и

исследованиях, о друзьях-англичанах и церкви, о Париже. В глубине его души что-то колыхалось, грозило вырваться наружу, и Никколо уже представлял себе, как волчий вой распугивает всю похоронную процессию.

— *Requiscat in pace* ⁵⁵, — сказал священник, и все закончилось.

Гости молча смотрели, как закрывают склеп.

Затем Карло отвез Никколо и Марцеллу обратно в поместье, казавшееся теперь огромным, мрачным и пустым.

— Что же мы теперь будем делать? — спросила Марцелла, но у Никколо не было ответа на этот вопрос.

— Как-нибудь все устроится, — мягко сказал он, впрочем, не чувствуя никакого оптимизма.

В гостиной собрались слуги — Никколо как новый хозяин должен был с ними поговорить, но в голову ему приходили лишь казенные фразы, пустые, бессмысленные слова, годные лишь для того, чтобы заполнить тишину комнат, готовую поглотить его. Юноша сказал им, что уверен — они будут служить ему и Марцелле так же, как служили его родителям. С другой стороны, только сейчас Никколо понял, что не знает, какими были отношения графа и его жены со слугами. «Любили ли их слуги? Ненавидели? Может быть, боялись?»

Наконец его оставили одного. Марцелла ушла, собираясь снять неудобное траурное платье, а слуги не хотели говорить с Никколо, будто смерть близких была заразной болезнью.

Никколо вышел из гостиной и успел добраться до двери своей комнаты, когда с его губ слетели первые всхлипы. Глаза затуманились слезами, руки задрожали, все тело затряслось.

Повалившись на кровать, юноша свернулся клубком и обхватил свое тело руками. Он рыдал до тех пор, пока боль не оставила его, так что он смог заснуть.

40

Ареццо, 1821 год

Небо начало медленно окрашиваться розовым. Подняв голову, Никколо, к своему изумлению, заметил, что приближается рассвет. Запели первые птицы, на горизонте уже протянулась светлая полоска.

Он не знал, куда подевалась ночь. Юноша опять засиделся в библиотеке, где теперь проводил большую часть времени. Тут он пил вино из погребка отца и искал в книгах ответы на свои вопросы. Впрочем, ему так и не удалось что-либо найти.

Встав, Никколо потянулся и подошел к окну. «Нужно идти спать, а то еще проснется Марцелла и опять начнет читать мне нотации». После смерти родителей Марцелла взяла заботу о брате на себя, и, хотя ее попытки отвлечь Никколо от книг и документов умиляли его, временами это вызывало раздражение. «Итак, пора в объятия Морфея!» — решил он.

Отворачиваясь от окна, Никколо краем глаза заметил какое-то движение. Присмотревшись внимательнее, он разглядел очертания какой-то повозки, с большой скоростью приближавшейся к поместью.

Черная карета остановилась у входа в поместье. «Нужно было разбудить слуг», — подумал Никколо, но предпринимать что-либо было уже поздно, так что пришлось открывать гостям самому.

На карете не было герба, да и кучер был Никколо незнаком. Спрыгнув с козел, слуга открыл дверцу.

⁵⁵ Мир праху (*лат.*) — конец католической заупокойной молитвы.

— Привет, Никколо, — послышался столь знакомый юноше низкий голос.

— Эсмеральда! Что ты тут делаешь?

— Какой ответ ты хочешь услышать, вежливый или честный?

Никколо улыбнулся. Хотя он и не знал, что привело сюда Эсмеральду, он в любом случае был рад ее видеть. Ее приезд показался ему первым приятным событием за последние недели.

— Оба, — ответил юноша. — Прости мою нерасторопность, ты, наверное, хочешь войти?

Он протянул ей руку, и Эсмеральда вышла из кареты. Как принято у французов, она расцеловала Никколо в обе щеки. Сейчас девушка была одета менее экстравагантно, чем в Париже, вероятно, из-за тягот пути: на ней была черная блузка и длинная черная юбка.

— Очень даже хочу, — улыбнулась Эсмеральда. — Дороги в Тоскане просто кошмарные, и у меня вся задница болит, — игриво поморщившись, она потерла ягодичу.

Никколо подал кучеру знак отнести вещи Эсмеральды в дом и повел девушку в библиотеку.

— Все слуги еще спят, — виновато сказал он. — Видимо, придется подождать, пока они подготовят тебе комнату и подадут поесть, но здесь, в библиотеке, по крайней мере, тепло, и я могу предложить тебе что-нибудь выпить.

Эсмеральда с ногами запрыгнула на диван.

— Прекрасно, Никколо, дорогой. Если ты можешь меня согреть, то комната мне совсем не к спеху, — она улыбнулась, сладко и загадочно, прямо как в его снах.

— Ну что, расскажешь мне, что привело тебя в Ареццо? — наполнив два стакана коньяком, юноша уселся рядом с Эсмеральдой на диване.

Она пожала плечами.

— В Париже запахло жареным. Я и дальше искала архивы, должна тебе сказать, хотя старик совсем спятил. Мне удалось выяснить, что секретные документы церкви вновь переправили в Рим, когда корсиканец попал на остров Святой Елены. А еще я знаю, с кем нам встретиться в Риме, чтобы наконец получить доступ к архивам Ватикана.

— Серьезно?

Никколо видел, что и Эсмеральду охватил азарт этой гонки за документами: когда девушка говорила о секретных архивах, столь интересовавших их обоих, ее глаза сияли. И все-таки он не сдержался:

— И? Я так понимаю, это был вежливый ответ. А какой же честный?

Улыбнувшись еще шире, Эсмеральда соскользнула с дивана и встала перед ним.

— Есть кое-что, чего мне не хватало в Париже, — шепнула она.

Юноша чувствовал, как ее слова разжигают в нем страсть. Опустив стакан, он тоже встал и, когда Эсмеральда подняла глаза, поцеловал ее.

— Ты не можешь со мной так поступить! — Уперев руки в бока, Марцелла орала во все горло, позабыв о своем аристократическом воспитании. Казалось, что она опять стала девятилетней девчонкой, разозлившейся на своего старшего братика.

— Либо поедешь к тете Франческе, либо на время в монастырь, — отрезал Никколо. — Тебе нельзя оставаться здесь одной, это невозможно.

— Так останься со мной! — выпалила девочка. — А еще лучше, возьми меня с собой в Рим! Я еще не бывала там и точно не буду тебе мешать, обещаю.

В ее голосе звучала такая мольба, что Никколо чуть было не сдался. «Почему бы действительно не взять ее с собой? Может быть, ей будет полезно выбраться из этого полного призраков прошлого поместья и съездить на пару дней в город?»

Но затем он вспомнил, зачем отправляется в путь и в чьем обществе. Нельзя, чтобы Марцелла и Эсмеральда путешествовали вместе. На свою репутацию Никколо было наплевать, но эта француженка никак не подходила на должность гувернантки для девушки из хорошей семьи.

— Пока я не вернусь, ты останешься у Франчески, Марцелла. Мне очень жаль, —

решил он.

Увидев, как сестренка огорчилась, Никколо смягчился.

— Но я обещаю, что скоро вернусь, — он заглянул в ее полные слез глаза. — Мы съездим в Рим и вернемся еще до весны.

Юноша не знал, верит ли в это сам. С одной стороны, кроме архивов, в Риме его ничто не держало, с другой же стороны, и Ареццо тоже было нечего делать.

— Ты хочешь вернуться с ней во Францию, да? С этой твоей любовницей?

— Марцелла! — возмущенно воскликнул Никколо, но тут же запнулся.

В конце концов, сестра была права. Просто он не думал, что Марцелле известно о его отношениях с Эсмеральдой. «А ведь она уже не ребенок», — подумал он.

— Нет, я не вернусь в Париж. Я приеду в поместье, как и обещал тебе. И кто знает... может быть, подрастешь еще немного и отправишься в свой гран-тур, хочешь?

Мужественно сглотив слезы, Марцелла наконец-то улыбнулась.

— Именно это я и намерена предпринять, — сейчас она опять выглядела взрослее. — Я хочу увидеть Францию, Грецию и Египет.

— Египет? — удивился Никколо.

— Да, страну фараонов. И знаешь что? Можешь меня даже не просить. Тебя-то я точно с собой не возьму.

— Что ж, это вполне справедливо, — улыбнулся он.

Никколо оформлял бумаги, необходимые для пребывания в Риме. Перед выездом из Ареццо он раздобыл множество документов, которые могли облегчить путешествие, начиная с паспорта и заканчивая рекомендательными письмами, благодаря которым неприятности с чиновниками можно было свести к минимуму. От Папского Престола Тоскану отделяла всего одна граница, но в Испании бушевала революция, чей огонь разжигали члены тайной организации карбонаров. Этот огонь дошел и до Неаполя, что обострило ситуацию. Все предвещало приход австрийцев⁵⁶, которым не нравились мысли о новой, более либеральной конституции и опасность восстановления республиканских идей.

И тут в голову Никколо пришла одна идея.

— Вы ничего не знаете о том, есть ли в городе англичане? — спросил он, надеясь, что не слишком общо сформулировал свой вопрос.

— Англичане, синьор? — переспросил чиновник, осматривавший через монокль документы Никколо.

— Один поэт. А может быть, их несколько. Они довольно знамениты, — уточнил Вивиани.

По слухам, Шелли с семьей был в Риме, да и Байрон был известен своей любовью к путешествиям.

Чиновник, подняв голову от бумаг, поморщился, и у Никколо перехватило дух. Подобная реакция означала, что этот человек знал либо о неприличном поведении Байрона, либо о политических взглядах Шелли. Наверняка и то, и другое не нравилось чиновнику. Говорили, что Байрон даже более-менее открыто поддерживал связи с революционерами и оказывал им финансовую поддержку. Возможно, с точки зрения чиновника, контакт с карбонарами был даже предосудительнее, чем проживание с чужой женой — а Байрон славился и этим тоже.

— Ко мне приходило несколько этих так называемых поэтов, все по поводу приезда в Рим, — выражение лица у чиновника было такое, будто Никколо заставил его жевать лимон. — По-моему, среди них был синьор Шелли. Все эти поэты остановились в одном месте, где обычно собираются англичане. Я посоветовал бы вам спросить на пьяцца ди Спанья.

Хотя на самом деле он оказал Никколо значительную услугу, ему явно было неприятно

⁵⁶ Король Сардинии Карл Феликс заручился поддержкой австрийцев для подавления революции 1821 года.

говорить об этом, и было видно, что чиновник считает встречи с подобными личностями плохой идеей.

Хотя все бумаги были оформлены безупречно, проверка длилась довольно долго, и Никколо подумал, что его расспросы навлекли на него подозрения. Видимо, чиновник был разочарован, не найдя, к чему придраться. При этом Никколо сильно подозревал, что документы Эсмеральды, выписанные на имя Изабеллы Грапелли, были поддельными.

Впрочем, ускорить процесс при помощи взятки юноша тоже не решался, ведь чиновник мог этим воспользоваться, чтобы поднять скандал — хотя в любой другой ситуации наверняка взял бы деньги. Да и нажимать на свой титул графа тоже не имело смысла. Бюрократы любому могут превратить жизнь в ад, даже если вызвать их на честный бой.

В конце концов чиновник отпустил Никколо, напоследок бросив на него недоверчивый взгляд. Вивиани раздражало его поведение, но он понимал, что власти не хотят пускать в город республиканцев и либералов, в особенности сейчас, когда повсюду витает дух революции.

Поразмыслив, Никколо решил сперва сходить на площадь ди Спанья, а потом уже отправляться домой. Найти площадь оказалось несложно. От нее вверх поднималась живописная Испанская лестница, ведущая к церкви Тринита-деи-Монти. В центре площади возвышался знаменитый фонтан Баркачча, построенный в форме лодки.

Вокруг фонтана собралась целая толпа женщин, которые что-то громко обсуждали. Не обращая внимания на их болтовню, Никколо спросил дорогу у прохожих. Вскоре ему показали дом справа от Испанской лестницы, заверив, что там живет английский поэт.

Юноша постучался в дверь, и радость наполнила его сердце. Он так давно не видел своих друзей и надеялся, что встретит здесь Шелли и Байрона.

Но дверь ему открыл какой-то незнакомый молодой человек всего на пару лет старше Никколо. Сняв шляпу, Вивиани вежливо представился, перейдя на английский.

— Очень приятно, — у него были очень темные губы. — Джозеф Северн⁵⁷, к вашим услугам, — молодой человек выжидательно посмотрел на гостя. Его курчавые волосы топорщились во все стороны.

— Я ищу Перси Биши Шелли.

— Вынужден разочаровать вас. Сейчас он живет уже не здесь. Вместе с семьей Шелли переехал в дом на Северном побережье. Возможно, они отправились в Пизу, до меня доходили такие слухи.

— Очень жаль, — Никколо едва удавалось скрыть разочарование. — Простите за беспокойство, мистер Северн, и позвольте откланяться.

— Кто это? — донесся из-за двери чей-то слабый голос.

— Все в порядке, Джон, — откликнулся Северн. — Тут какой-то человек, который ищет Перси Шелли.

— Шелли? Впусти его, пожалуйста.

Смерив Никколо скептическим взглядом, Северн все же кивнул и отошел в сторону. Вивиани увидел узкую лестницу.

Когда он вошел, англичанин поймал его за руку.

— Джон очень болен, — тихо сказал он. — Ему нельзя волноваться.

В его голосе звучала мольба, и Никколо остановился, постаравшись заверить Северна в своих наилучших намерениях. Поднявшись по лестнице, Вивиани оказался в небольшой комнате с обитыми темным деревом стенами, уставленными книжными полками. Пол тут тоже был темным, а часть комнаты была отделена плотной ширмой из красного бархата. У окна стоял рояль с поднятой крышкой.

У книжных полок, прислонившись к стене, стоял какой-то молодой человек. Мокрые от пота волосы падали ему на лицо, на щеках виднелась щетина, глаза горячебно блестели, но

⁵⁷ Джозеф Северн — английский художник-портретист.

все же Никколо понял, что этот юноша с тонкими точеными чертами лица и темными глазами очень красив. Он был одет в халат, болтавшийся на его худощавой фигуре, ноги были голыми.

Войдя в комнату, Северн бросился к юноше и подхватил его под руку.

— Джон! Тебе нельзя вставать самому!

— Если я буду все время валяться в этой кровати, это убьет меня быстрее любой болезни, — мрачно возразил юноша, но было видно, что он благодарен Северну за помощь.

Очевидно, сам он был неспособен держаться на ногах.

— Меня зовут Джон Китс⁵⁸, — юноша посмотрел на Вивиани так, будто его слова все объясняли. — Вы ищете мистера Шелли?

— Да, — итальянец откашлялся. — Я Никколо Вивиани, — почему-то ему не хотелось упоминать свой титул. — Мне сказали, что тут живет один английский поэт, и я надеялся...

Никколо не договорил. При помощи Северна Ките медленно опустился на стул и устало отер лицо рукой. Северн явно был обеспокоен, но молчал.

— Я уже довольно давно не видел Шелли, хотя мой приезд в Италию был его идеей. Воздух, понимаете? Говорят, тут мне должно стать лучше.

Вивиани заметил, какая бледно-восковая у Китса кожа, как взмок его лоб, какая мука отражалась на его лице, как тяжело он дышал.

— Чахотка, — объяснил Китс.

— Мне очень жаль, — искренне сказал Никколо.

С таким диагнозом Китсу наверняка вскоре придется повстречаться с Создателем.

— Но, по крайней мере, январский воздух в Риме намного приятнее, чем в Англии. А зачем вы ищете Шелли?

— Мы с Перси... старые друзья, можно сказать.

— Странно, что он никогда не говорил о вас, — пробормотал Китс. Его глаза, казалось, замечали каждую мелочь.

— Джозеф, — он повернулся к Северну. — Ты не мог бы сходить на рынок? Перед приемом лекарств мне нужно поесть, и знаешь, так захотелось свежих помидоров.

— Конечно, Джон, — Северн улыбнулся. — Куплю еще хлеба и ветчины. Аппетит — это хорошо, даже очень хорошо, — весело заметил он и сбежал вниз по лестнице.

— Джозеф ни о чем не знает, — прямо заявил Китс. — Но если я не ошибаюсь, то вам-то как раз обо всем известно, мистер Вивиани, — он запнулся, словно подбирая слова. — Можно сказать, что мы оба... одной крови?

Мысли закружились в голове Никколо. Правильно ли он понял, на что намекает Китс? Неужели этот смертельно больной человек страдал от того же... *Conditio*, что и он сам?

— Это возможно, — осторожно согласился он.

Китс улыбнулся, на мгновение прикрыл веки и... на глазах у Никколо свершилось чудо. Тело англичанина съежилось, голова вытянулась, Китс упал со стула на четвереньки. Его спина начала покрываться волосами, во рту блеснули клыки, мохнатые уши задрожали, и там, где только что был человек, поднялся волк с роскошной белой шерстью. Волк внимательно посмотрел на Никколо темными глазами, немного наклонив голову.

У Вивиани перехватило дух. Он сделал осторожный шаг навстречу волку.

— Действительно, — выговорил он. — Это правда. Вы такой же, как Байрон и Шелли.

Волк махнул хвостом и заскулил. Превращение длилось лишь пару мгновений, и Китс, поднявшись, вновь завернулся в свой халат и обессиленно опустился на стул.

— Да, это правда. Я могу превращаться в волка, но это стоит мне стольких усилий, что в последнее время я редко решаюсь на это.

— У меня столько вопросов, — пробормотал Никколо. — Не знаю даже, с чего начать.

— К сожалению, у нас мало времени до возвращения Джозефа. Так что лучше

⁵⁸ Джон Китс — английский поэт-романтик.

спрашивайте поскорее.

— Это Шелли сделал вас оборотнем?

— Да, это дар Перси. Он надеялся, что так я смогу излечиться. Действительно, после его укуса мне стало лучше, но потом проявились новые симптомы болезни, намного хуже прежних.

— Так значит, мы можем болеть, как обычные люди? — удивился Вивиани.

— Не знаю, может быть, все дело в том, что я уже был болен, когда меня укусили.

— Ваше превращение показалось таким простым, — наконец Никколо решился задать вопрос, мучивший его больше всего. — Будто вы совершенно не прилагали к этому усилий. Как вам это удастся? Вы можете предотвратить превращение в волка?

— Каждый из нас может вызвать превращение, если сосредоточится, — удивился Китс. — По крайней мере, я так раньше считал. А что, у вас не так?

— Нет. Несмотря на все мои усилия, мне пока не удавалось контролировать мое *Conditio*. Зато один раз я превратился, не желая этого.

Китс посмотрел на него с сочувствием.

— Наверное, для вас это очень трудно, — англичанин зашелся кашлем.

— Что с вами?

— Каждый день мое состояние ухудшается, — Китс грустно улыбнулся. — Я уже никогда не уеду из этого города.

Итальянец смущенно моргнул.

— Шелли тоже в Италии, как вам, вероятно, известно, и я скоро напишу ему, — сменил тему Китс, и Никколо увидел, что Северн вернулся.

Под мышкой Джозеф нес пакет, из которого выглядывали помидоры и хлеб.

— Сейчас приготовлю что-нибудь поесть, — объявил он. — А потом тебе нужно будет принять лекарство.

— Я буду очень рад, если вы передадите от меня привет Шелли, — сказал Китсу Вивиани.

— С удовольствием. Я... — начал Китс, но очередной приступ кашля затряс его исхудавшее тело, словно кукловод начал дергать за нитки марионетки.

При виде его мучений у Никколо сердце сжалось в груди. Казалось, приступ длился вечность, но в конце концов Кип отер губы носовым платком, и Вивиани, увидев на белой ткани ни кровь, печально опустил глаза.

— Тебе нужно лечь, — сказал Северн.

Китс был слишком слаб, чтобы с ним спорить. Он попытался встать, но у него подкосились ноги, и он упал бы, если бы Никколо не подхватил.

Вместе с Северном они провели больного по комнате и вышли в соседнюю. Тут стояла кровать с высоким изголовьем, куда они и уложили Китса. Потолок комнаты был покрыт лепниной, в камине горел огонь. С пьядца ди Спанья доносился шум, на пол падали яркие лучи света. Все это так не вязалось с видом смертельно больного.

— Поспи, — пробормотал Северн, нежно убирая упавший Китсу на лоб локон.

Больной устало закрыл глаза, будто ему было трудно поддерживать веки.

— Я уйду, — Никколо сжал его руку — Всего вам доброго, Китс еще раз открыл глаза.

— Да хранит вас Бог, Никколо Вивиани, — пробормотал он. Итальянец вышел из комнаты и замялся, не зная, ждать ли ему Северна или уходить, но тут друг Китса вышел к нему. В глазах Джозефа читалась печаль.

— Спасибо за помощь, — он коснулся руки Никколо. — С начала года ему опять стало хуже. Я очень волнуюсь.

— Надеюсь, он выздоровеет.

— Иначе мы утратим величайшего поэта современности. И прекрасного человека, — грустно пробормотал Северн.

— Джозеф, — голос Китса звучал тихо и хрипло. — Сыграй мне что-нибудь. Гайдна?

— Да, Джон, конечно, — Северн повернулся к Никколо.
— Я сам найду выход, — Вивиани сочувственно кивнул. — Всего доброго, мистер Северн. У каждого должен быть такой друг, как вы, когда приходится...
Он не договорил.
Выходя из дома, Никколо услышал аллегро из Первой английской сонаты Гайдна.

41

Рим, 1821 год

Из открытого окна в комнату лился свежий воздух, разгоняя душный угар камина. Легкий ветерок гладил кожу Жианы, принося весточку о происходящем в городе.

Ей было почти жаль, что она не может быть сейчас там. Зная, что это бессмысленно, женщина все равно прислушивалась, будто так могла стать сопричастна этим событиям.

Сегодня ночью в Риме будет заложен еще один камень в величественный дворец ее мести. Телом она не могла быть там, но привычный экстаз охоты Жиана все же ощущала. После всех предыдущих неудач она наконец-то была уверена в победе.

Где-то там, в ночи, ее люди подстерегали это создание. Они ловили его на живца, шли за приманкой, собираясь захлопнуть ловушку. Рука Жианы сжалась, так что кожаная перчатка закрипела. Вот бы взять сейчас пистоль, зарядить его, нажать на курок... Это принесло бы ей истинную радость. Но теперь ей приходилось жить чужой жизнью, заставлять других людей действовать вместо нее.

«Это тоже у меня отняли», — мрачно подумала она, с горечью вспоминая святые мессы. Ее рука сжималась и разжималась, а женщина все ждала, когда же ветерок принесет ей добрую весть.

42

Рим, 1821 год

— Что-то случилось, — заметила Эсмеральда.

Они стояли в ночном парке Вилла Боргезе. Никколо беспокойно оглядывался по сторонам и не сразу отреагировал на ее слова.

— Почему ты так решила?

— Не знаю. Но ты так осторожничаешь, будто собираешься устроить здесь засаду.

Она внимательно посмотрела на юношу, и у него холодок побежал по спине — на мгновение Никколо показалось, что Эсмеральда может читать его мысли. Впрочем, ему не хотелось рассказывать ей о встрече со смертельно больным поэтом Джоном Китсом, ведь, хотя сейчас эта девушка и стала ему самым близким человеком в мире, он еще не решался рассказать ей о своем теперешнем состоянии.

Когда Никколо так ничего и не ответил, она в конце концов отвернулась.

В этом месте, которое знакомый Эсмеральды подыскал для встречи, молодой граф чувствовал себя неуютно. Оно было слишком безлюдным и отдаленным от шумных улиц — чтобы выйти на мостовую, придется пройти немало минут пешком, а по здешним узким тропинкам не сможет проехать ни одна карета. К тому же здесь не было фонарей, так что в тених, пролегших между деревьями, легко мог кто-то укрыться. «Или что-то». Слабый свет керосиновой лампы освещал лишь Эсмеральду и кружок земли рядом с ней.

Никколо все время казалось, будто он видит в темноте какие-то фигуры, но всякий раз это оказывалась лишь игра его воображения.

— Ты уверена, что он придет?

— Конечно, я уверена. Я бы не поехала с тобой в Рим, если бы в чем-то сомневалась, так?

В голосе девушки звучало раздражение, будто столь невинный вопрос поставил под сомнение правдивость ее слов. «А может быть, и поставил», — подумал Никколо.

— Его найти было нелегко, — продолжила она. — Но даже среди всех этих святош-церковников всегда найдется типчик, который предпочтет Маммону святым обетам. Да, золотого тельца не стоит сбрасывать со счетов, даже в Риме.

Ему не нравилось, когда Эсмеральда столь неуважительно отзывалась о церкви, и девушка об этом прекрасно знала. Возможно, именно поэтому она так и говорила. Гнев Никколо был ничем не оправдан, тем не менее, он готов был поддаться эмоциям. Со времени тех событий на Женевском озере у него не складывалось с верой — Никколо был убежден, что то ночное нападение совершили служители той самой церкви, над которой он запрещал насмехаться Эсмеральде. И все же юноша не мог забыть о своем воспитании. В нем еще жил маленький мальчик, веривший в Бога на облаке в синем небе и знавший, что грешники попадают в ад. В этом Вивиани был похож на Байрона, ведь поэт, несмотря на свои просвещенные либеральные взгляды, так и не смог окончательно отречься от христианства, в отличие от Шелли, чей агрессивный атеизм так раздражал Никколо.

Эсмеральда улыбнулась, будто подслушав его мысли.

— Ты слишком осторожен, — напомнила она. — Это обычная сделка, деньги меняют владельца, мы получаем товар, в конце все участники дела довольны.

— Если бы все было так просто, — пробормотал Никколо.

Вот уже пять лет он избегал всяких контактов с католической церковью и держался подальше от священников и богослужений — насколько это было возможно, чтобы не вызывать внимания в обществе.

Юноша откашлялся, но, прежде чем он успел что-то сказать, Эсмеральда опустила ладонь на его руку. Она погладила его кожу кончиками удивительно холодных пальцев, стало щекотно.

— Кто-то идет, — шепнула девушка.

Он проследил за ее взглядом и действительно заметил какое-то движение, в этот раз настоящее. Издалека приближался какой-то огонек, и вскоре Никколо увидел несущего лампу человека.

Увидев их, незнакомец помедлил, но затем все же подошел поближе. Он был очень низеньким, меньше Эсмеральды, волосы поредели, но он зачесывал их так, чтобы скрыть лысину. Одет человек был в совершенно неприметный костюм.

— Хорошая сегодня ночь, — неожиданно низким голосом поздоровался он.

Видно было, что человек нервничает. Хотя он и сам выбрал это место для встречи, скорее всего, сейчас он жалел об этом, по крайней мере, судя по его беспокойному взгляду. «При свете дня что-то может выглядеть менее опасным, чем ночью», — подумал Никколо и тут же сам себе показался смешным — такие рассуждения напомнили ему низкопробные рассказы в журнале «Нью Мансли».

— Сейчас январь, а не так уж и холодно, — Никколо произнес оговоренную фразу, давая незнакомцу понять, что он подошел к нужным ему людям.

— Слава Богу, — вырвалось у человека. Он оглянулся. — Я уже думал, что заблудился. К тому же всю дорогу мне казалось, что за мной следят.

Все устали в темноту, но в парке было тихо и спокойно.

— Вы принесли? — спросил Никколо.

Он надеялся поскорее завершить эту сделку, но у пришедшего, кроме лампы, с собой ничего не было.

— Нет, Боже сохрани, конечно, нет. Вы понимаете, насколько трудно получить нужные вам материалы?

— Да уж, представляем, — вмешалась Эсмеральда.

Человек смерил ее мрачным взглядом — очевидно, он не считал нужным

отчитываться перед женщиной, поэтому Никколо опять взял слово.

— Нет, нам ничего не известно о возникших у вас трудностях, — он умоляюще покосился на Эсмеральду.

Девушка, скрестив руки на груди, демонстративно отвернулась.

— Эти архивы засекречены. Что в данном конкретном случае означает, что секретнее уже некуда. Они хранятся в специальном месте, скрытые от посторонних глаз. Лишь немногие имеют доступ в эти помещения.

— Но у вас ведь наверняка был какой-то план, раз уж вы пообещали нам переписать соответствующие документы? В конце концов, речь идет о довольно значительной сумме...

— Эти документы стоят всех скудо, которые вы заплатите, — поспешил заверить их человек.

Никколо хотелось поверить ему, но сейчас он лучше понимал отвращение Эсмеральды к церковникам. «И это ватиканский архивариус! Какой позор!»

— Но?

— Но добыть их сразу я не смогу. Нужно перепроверить заданные вами темы и выбрать подходящие тексты. Задержка вызвана тем, что я не могу себе позволить слишком часто платить за проникновение в секретный архив, — улыбнувшись, он смерил Никколо оценивающим взглядом.

Теперь архивариус показался Никколо совершенно омерзительным типом.

— Вам нужно больше денег?

— Это ускорило бы процесс.

Никколо услышал, что Эсмеральда набрала в грудь воздух, но успел вмешаться первым.

— Хорошо, — заявил юноша, будто эта шитая белыми нитками попытка сбить с них побольше денег вовсе не привела его в бешенство. Он слишком долго ждал и слишком многое предпринял, чтобы сейчас не добиться успеха из-за чьей-то жадности. — Но мне нужно обещанное в полном объеме, и быстро.

Архивариус кивнул.

Наклонившись вперед, Вивиани холодно улыбнулся.

— И никаких сюрпризов, пожалуйста. Я хорошо вам плачу, и мне нужна отличная работа. Чтобы больше никаких внезапно возникающих трудностей и непредвиденных обстоятельств.

Человек сглотнул, и Никколо убедился в том, что его правильно поняли.

— Да, конечно, можете на меня положиться. Архивы прекрасно структурированы и хорошо содержатся. Никаких сложностей не возникнет.

— Хорошо.

— Не могли бы вы... — Архивариус протянул Никколо руку.

Сунув пальцы в карман плаща, юноша достал кожаную папку с пачкой векселей разных банков, которые легко было обменять на деньги. Но когда человек попытался схватить папку, Никколо отдернул руку.

— Все остальное вы получите потом, когда передадите мне документы, ясно?

Архивариус кивнул, и Никколо передал ему векселя.

— Предатель! — внезапно раздалось из темноты.

В то же мгновение прозвучал выстрел, и вспышка на долю секунды осветила стрелявшего. Никколо прищурился — яркий свет ослепил его. Он услышал ругань Эсмеральды и тяжелый удар о землю, потом какое-то шуршание.

Придя в себя, Никколо увидел у своих ног архивариуса, по-прежнему сжимавшего в сведенной судорогой руке папку с векселями. Его руки и ноги подергивались, изо рта лилась кровь, жизнь в глазах угасала.

Эсмеральда тоже не могла отвести взгляда от умирающего, Никколо первым сбросил оцепенение.

— Бежим! — Схватив девушку за руку, он потащил ее прочь, от этого ужасного

зрелища.

Они бежали в темноте. Хотя деревья в парке росли негусто, да и кустов было мало, Никколо и Эсмеральда все время спотыкались о корни и ударялись о ветки.

— Может быть, он только один, — запыхавшись, выдохнула девушка.

Но тут крики раздались со всех сторон.

«Будто загоняют зверя на охоте», — подумал Никколо.

Сердце бешено билось в груди. Они бежали, прорывались вперед в полной темноте. Никто пока не стрелял, но Никколо в любой момент ожидал услышать выстрелы, и вся спина чесалась, будто предчувствуя удар. Два возгласа донеслось слева, кто-то ответил справа. «Они гонят нас глубже в парк», — понял юноша.

Эсмеральда не прекращала ругаться, и Никколо поразился ее способности извергать такое количество разнообразнейших непристойностей при столь быстром беге — сам он едва мог дышать.

— Нужно сменить направление, — он наконец смог остановить поток ее ругани.

Девушка кивнула, но это было проще сказать, чем сделать. Между деревьев мелькали огни, от света ламп на землю ложились длинные тени, да и сам парк казался западней — мрачные стволы деревьев напоминали захлопнувшуюся решетку. «И почему тут не патрулируют карабинеры?» — возмущенно подумал Никколо, проклиная про себя всю итальянскую позицию, которой никогда не было там, где она необходима.

— Почему они не стреляют? — удивилась Эсмеральда.

— Берегут амуницию для того момента, когда мы действительно окажемся в западне.

— Но мы и так в западне!

Никколо не стал объяснять ей, что те, кто подослал к ним убийц, так делали и раньше, и тогда потеряли всех своих людей в кровавой бойне. Видимо, на этот раз они решили действовать наверняка. «Неужели им известно о моем... моем проклятье? Это невозможно. В Париже меня явно атаковали вовсе не люди церкви. Что же здесь происходит?»

Они все время спотыкались, а один раз Никколо даже упал, провалившись в кроличью нору. Но юноша тут же вскочил, не обращая внимания на глухую боль в ноге. Никколо и Эсмеральда неслись через парк, а резкие смены света и тени придавали происходящему оттенок чего-то ненастоящего.

Никколо мысленно пытался найти выход из ситуации, но куда бы он ни посмотрел, повсюду были стрелки.

— Мы должны прорвать их окружение, — он начал сворачивать в сторону.

Эсмеральда последовала за ним. «Сейчас как раз подходящее время, чтобы превратиться в волка. Сейчас я должен... превратиться». Никколо попытался найти в себе зверя, как это описывал Китс. Найти ту животную дикость, овладевшую им тогда, в Париже, и сейчас скрытую где-то глубоко в его душе, погребенную под слоем мыслей. Но он находил в себе лишь страх и возбуждение, воспоминания о Женевском озере и о крови. Как юноша ни прислушивался, отклика не было.

Они побежали на свет ламп, в отблесках которых виднелись силуэты двух людей. Один поднял пистоль с длинным дулом, и Никколо отступил за дерево. В парке прогремел выстрел, во все стороны полетели щепки.

Эсмеральда, не останавливаясь, приподняла платье обеими руками, так что оно развевалось у нее на бедрах, будто девушка исполняла диковинный танец.

Другой тоже целился в Никколо и отвел пистоль, только когда Эсмеральда была уже совсем близко.

Ее нога взлетела удивительно высоко, и от пинка в подбородок противник отшатнулся назад, но не успел он сделать и пары шагов, как девушка изо всех сил ударила его в пах. Незнакомец беззвучно осел на землю, и на мгновение Никколо даже стало его жаль.

Юноша, выпрыгнув из укрытия, бросился на второго стрелка. Он попал противнику плечом в грудь, обхватил его руками и сбил с ног. Они покатались по земле, и Никколо сумел за что-то ухватиться — то ли за руку, то ли за ногу — и дернулся в сторону.

Послышался мерзкий хруст, за которым последовал крик боли. Поднявшись на четвереньки, Вивиани разглядел лицо стрелка и не задумываясь нанес удар в подбородок, а затем в висок. Противник поднял руки, защищая голову, а Ник коло, вскочив, пнул его под ребра. Бедняга скорчился от боли.

Никколо побежал дальше. В этой части парка было совсем темно, скорость пришлось снизить, чтобы не потеряться и не упасть. Пригнувшись, Вивиани и Эсмеральда стали красться среди деревьев, постоянно оглядываясь, чтобы проверить, не догоняют ли их враги.

— Дерешься, как парижский уличный мальчишка, — В голосе девушки слышалась улыбка.

Отсюда еще было видно два огонька, но они не приближались, как с удовлетворением отметил Никколо.

— А ты? Что это вообще было?

— Никогда не слышал о шоссоне? Ну, или савате?⁵⁹

— Приемчики уличных громил?

— Я родом из Марсея, а у нас гордятся своим умением нести уличную драку. Меня научил отец. Он был моряком, знаешь ли.

Никколо подумал о том, как мало он знает о настоящей жизни Эсмеральды, но было понятно, что сейчас неподходящий момент что-либо менять в этом отношении.

Они молча побежали дальше.

Наконец впереди показался свет, но это был не огонек лампы, а освещенный прямоугольник, видимо, окно какого-то здания, первые признаки людной местности.

— Сейчас выберемся отсюда, — с облегчением заметил Никколо. — Может быть, в городе они за нами гнаться не станут.

Эсмеральда что-то с сомнением проворчала в ответ, да и Никколо вовсе не был уверен в том, что преследователи так просто отступят. Тем не менее в нем зажегся огонек надежды. Они выбрались из ловушки, подпортили планы своим врагам, и если им удастся затеряться на людных улицах, то на первое время можно будет не беспокоиться об опасности.

За деревьями виднелась улица — от парка ее отделяла железная ограда в человеческий рост. Никколо и Эсмеральда вновь ускорили шаг и, подобравшись к ограде, стали перелезать на другую сторону. Первым наверх взобрался Никколо. Он подал девушке руку и помог ей перебраться на улицу. Вивиани уже обрадовался, но тут из тени вышли какие-то люди. Казалось, будто до этого их там не было и они просто прошли сквозь тень в этот мир.

— Добро пожаловать в Рим, граф, — рыжеволосый невысокий мужчина насмешливо поклонился. — А она была права, вас часто недооценивают.

— Кто был прав? О чем вы говорите? И что вам от меня нужно?

Противники окружили Никколо с Эсмеральдой, перекрывая все пути к отступлению, разве что можно было вернуться в парк. Юноша хотел закрыть собой Эсмеральду, но она отошла в сторону, так что они оказались плечом к плечу.

— Посмотрим, повезет ли вам в этот раз так же, как в Париже, граф, — светским тоном заметил рыжий.

В тот же момент в его правой руке из ниоткуда возникла шпага, а его спутники достали длинные изогнутые кинжалы, слабо поблескивавшие в лучах фонарей.

Никколо никак не мог избавиться от оцепенения, но тут сзади прогремел выстрел...

Рим, 1821 год

Жиаккомо дрался, как дьявол. Впрочем, это было неудивительно, ведь он и был демоном. Он мысленно проклинал сам себя за то, что дал своей жертве так много времени, но теперь уже ничего нельзя было поделать.

⁵⁹ Шоссон и сават — виды французских единоборств.

Этот тосканский граф со своей шлюшкой оказались находчивей, чем он полагал. Жиакомо послали сюда избавиться от них в том случае, если инквизиция потерпит неудачу, а теперь оказалось, что придется драться с этим вервольфом и его сучкой, да еще и с инквизицией в придачу.

Церковники добежали до ограды, кто-то перепрыгнул на улицу, кто-то начал целиться и стрелять. В плечо Жиакомо впиалась пуля, его отбросило назад, боль пронзила все тело, но демон взял себя в руки. Обычно такие ранения не причиняли никаких неудобств, так как тут же закрывались, когда их обволакивала Тьма, но эта рана горела черным огнем.

— Проклятье!

Слыша крики церковников, Жиакомо мрачно улыбнулся. Рядом с ним какой-то женщине пуля попала в лицо. Он почти не знал ее — какая-то римлянка, молодая девчонка, прошедшая становление всего несколько недель назад. Девушка упала на землю. Крича, она пыталась вырвать пулю из головы пальцами, но у нее ничего не вышло. Ее тело замерло, и Жиакомо показалось, что он видит, как Тьма покидает ее, как Тени

струятся из ее рта, носа, глаз, ушей, как они смешиваются с темнотой вокруг.

— Вперед! — рявкнул он.

Один из инквизиторов поднял мушкет, и Жиакомо нырнул в Тьму. Он слился с пространством Теней, и мир на мгновение померк, стал ненастоящим, каким-то далеким. Выстрел прозвучал приглушенно, да и сама вспышка выглядела как слабый огонек.

Уже через мгновение Жиакомо вышел из Тени в пяти метрах оттуда. Рука дернулась вперед, и его шпага вонзилась в грудь инквизитора. Металл скользнул по кости, пронзая плоть. Враг упал ничком, прижав руки к груди.

Жиакомо поспешно оглянулся в поисках своей добычи и тут понял, что речь уже не идет только об убийстве вервольфа.

Сейчас нужно было просто выжить.

Рим, 1821 год

Две группы напали друг на друга, и на какое-то время о Никколо, казалось, забыли. Пригнувшись, он пнул одного из стоявших рядом в колено и отпрыгнул в сторону. Вокруг царил хаос: гремели выстрелы, люди кричали, земля покрылась мертвыми телами.

В трех метрах от него Эсмеральда сражалась с вооруженным кинжалом противником. Руки и ноги девушки с поразительной скоростью мелькали в воздухе, а подол платья развевался, напоминая хвост кометы. От одной атаки она уклонилась, вторую парировала рукой, а затем, развернувшись, стукнула нападавшего локтем в шею. Кинжал со звоном упал на землю — Эсмеральда с силой ударила руку противника о свое колено.

Никколо бросился к ней, подняв кинжал. Хотя противник держался рукой за горло, он продолжал драться. В его темных глазах сверкала ненависть. Нападавший двигался намного быстрее, чем любой человек, и Никколо вспомнилась стычка в Париже, но времени на то, чтобы сосредоточиться и предпринять еще одну попытку обратиться в волка, не оставалось. Эсмеральде попали в лицо, и девушка отшатнулась. Ее противник так зациклился на ней, что даже не заметил атаки Никколо. Удар был неловким, но сильным, и незнакомец взвыл, когда металл пронзил его плоть. Он успел повернуться, но тут Никколо ударил во второй раз.

Клинок вошел в тело. Это было настолько мерзко, что Никколо заташнило. Противник уже собрался напасть вновь, но тут Эсмеральда схватила его за голову и резко дернула ее назад. Он с глухим стуком упал на спину, а девушка, склонившись над ним, начала что-то шептать. Она говорила очень тихо, так что Никколо не мог разобрать ее слов.

Эсмеральда подняла взгляд, а мужчина у ее ног начал кричать, словно его бросили в котел с кипятком. Он дергался, возил руками по лицу, оставляя в коже глубокие царапины. Никколо с изумлением наблюдал за тем, как его пальцы нашли глаза.

— Бежим! — крикнула Эсмеральда, поворачиваясь.

Крики за спиной перешли в хрип, но Никколо не решался оглянуться, следуя за

девушкой в переулок.

— Спасибо, — выдохнула она.

Они побежали дальше. Тут, среди домов, было темно. Кинжал в руке у Никколо казался очень тяжелым, но юноша почему-то не мог его выбросить.

Наконец они свернули за угол, и Эсмеральда остановилась. Запыхавшись, девушка наклонилась вперед, и волосы упали ей на лицо.

— Погоди, — взмолилась она.

Хотя инстинкты подсказывали Никколо, что нужно бежать дальше, он остановился. Юноша всмотрелся в темноту, но погони не заметил.

— По-моему, мы от них оторвались.

— О чем он говорил? — спросила Эсмеральда, отдышавшись. — При чем тут Париж?

— Я... В Париже на меня напали. Незадолго до отъезда. Я не придавал этому особого значения, — солгал Никколо.

В темноте он не мог разглядеть лица Эсмеральды, но чувствовал, что она ему не верит.

— Это были не какие-то там грабители, Никколо, и ты это знаешь. Это были... иные создания.

Юноша помолчал, не зная, что ответить.

— Что за создания? — наконец спросил он.

— Создания, с которыми лучше не связываться. Но я подозреваю, что уже слишком поздно говорить тебе об этом, да? Ты впутался в это дело настолько, что пути назад нет. Да еще и эти фанатики с пистолями! Проклятье! — Она ударила кулаком по стене. — Мало того, что церковь непрерывно пичкает всех своими сказками, так теперь эти церковники еще и решили в меня пострелять!

Никколо оглянулся. Он почти не помнил, что произошло в Париже после его превращения: все было нечетким, размытым, как будто не он сам участвовал в тех событиях, а ему о них просто рассказали. Юноша помнил какие-то образы, звуки и запахи, совершенно отличающиеся от всего, с чем ему приходилось сталкиваться. В этих воспоминаниях не было смысла.

— Что ты об этом знаешь, Эсмеральда? Кто они?

— Их сущность пленена в их телах. — Девушка мотнула головой, предлагая идти дальше.

Мысли лихорадочно заметались у Никколо в голове. Знает ли Эсмеральда о том, кто он? Может быть, именно она ключ к тайне, который он так долго искал?

— Я знаю, — продолжила она, — что такие создания существуют. Создания, состоящие из Тьмы. Не той тьмы, что появляется в отсутствие света. Истинной Тьмы, о которой мы не знаем. И эта Тьма так холодна, что этим созданиям нужна кровь живых, чтобы согреться. У них много имен в разных языках, но самое распространенное их название — это «вампиры».

Никколо вспомнил Жанну Обри и ее рассказы о том, как ее брат раскапывает могилы в Трансильвании в поисках живых мертвецов. «Ирония судьбы: Жан-Батист Обри ищет их по всему миру, а я едва сумел от них спастись!» — подумал он.

— Ты ведь уже сталкивался с ними, правда, Никколо?

— Да. Тогда, в Париже.

— Сколько их было?

Никколо замер. Этот разговор все больше напоминал ему допрос. В голосе девушки звучал холод, и он чувствовал, как растет между ними стена. В Эсмеральду стреляли, били ее кинжалом, гнали через весь Рим, и все это из-за него. И видимо, эта девушка больше знала о тайнах мира, чем он полагал.

— Не знаю точно. Трое или четверо, по-моему. И было уже темно.

— Трое или четверо. В темноте, — медленно протянула она.

Эсмеральда остановилась. Ее взгляд блуждал по лицу Никколо, словно она пыталась найти там что-то новое, невиданное раньше.

— Одного было бы достаточно, чтобы убить любого человека, — серьезно сказала она. — Эти создания быстрее и сильнее нас. Их раны закрываются сами собой. Некоторые могут подчинять людей своей воле или предугадывать наши поступки, прежде чем мы сами примем решение действовать определенным образом. Тени — их друзья, потому вампиры могут перемещаться через пространство Тьмы. Если на тебя нападет одно такое создание, то в большинстве случаев твой смертный приговор уже вынесен. Но трое? Или четверо?

Она не сводила с него глаз. Никколо пытался что-то сказать ей, передать словами мысли, объяснения, увещевания, ложь и правду. Но он не мог ничего произнести, хотя ему этого и хотелось. Казалось, будто он вообще утратил способность говорить.

И тут он понял: «Если и есть кто-то, кто мне поверит, то это она. Эсмеральда в этом разбирается. Она знает о порождениях Тьмы, черт побери!»

Но в этот момент ему в голову пришла еще одна мысль.

— Что ты с ним сделала? С тем вампиром, который упал на землю?

— Я воспользовалась магией, — помолчав, ответила девушка. — Распечатала в нем Тьму. Этому приему меня научил лорд Бармстрок.

— Лорд Бармстрок?

— Один мой старый друг. Неважно. Ты мне ничего не хочешь сказать?

И Никколо принял решение.

— Я оборотень.

Эсмеральда промолчала, и слова посыпались сами собой.

— Вообще-то я не должен был стать оборотнем. Ритуал прервали, прежде чем мы успели его завершить. Ничего так и не произошло. Меня не укусили, ничего такого. По крайней мере, я так думал. А потом однажды обернулся волком. Я не могу на это влиять, хотя вообще-то должен это уметь. Я превратился всего один раз, в Париже. Тогда я подумал, что умру. Человек, который напал на меня тогда, всадил мне кинжал в тело. Но вместо того, чтобы убить меня, он высвободил во мне волка.

Воспоминания никуда не делись. Да, их яркость померкла, но Никколо до сих пор помнил металлический привкус во рту, неспособность шевельнуться, борьбу тела с раной. Он сглотнул.

— А потом? — Эсмеральда опустила ладони ему на щеки, заставляя смотреть себе в глаза.

— Я превратился. Я этого не хотел, все произошло само собой. Потом я пытался обратиться волком вновь, любыми мыслимыми способами, но ничего не вышло. И я не знаю... — Он запнулся.

Девушка молчала, не сводя с него глаз. Никколо понял, что она верит ему, но, тем не менее, не собирается его проклинать.

— Пойдем, *Nicolas le loup-garou* ⁶⁰, — сказала она наконец. — Соберем вещи и будем выбираться отсюда, пока они там дерутся. Все остальное обсудим потом, когда этот негостеприимный город останется позади.

Они попытались понять, где находятся, и вскоре Никколо сообразил, что переулок ведет на виа Омеро.

Пробираясь темными улицами Рима, Никколо и Эсмеральда в конце концов добрались до дома, который снимали. По дороге юноша вспоминал, каким грандиозным показался ему Рим во время прошлых визитов. Тогда он думал, что этот город — настоящий памятник церковной власти и чести, украшенный архитектурой времен античности, которая свидетельствовала о величии его предков. Теперь же Рим казался ему ловушкой. «В Риме опасно. И мне, и таким, как я. Кто бы они ни были».

Дом располагался на виа Арно — старое здание, принадлежавшее когда-то высшей знати, не дворец, но все же довольно просторное, с тремя этажами. Большая часть комнат

⁶⁰ Оборотень Николя (фр.).

стояли пустыми — Вивиани не привез с собой ни мебели, ни большого количества вещей. Эсмеральда сразу побежала на второй этаж, где находилась ее комната, а Никколо, спрятав кинжал под пальто, разбудил Карло и приказал приготовить все для немедленного отъезда. Кучер, все больше выполнявший обязанности телохранителя, что-то проворчал, но тут же начал приготовления.

Никколо последовал за Эсмеральдой. В большинстве комнат обои пожелтели, и при свете дня было видно, что краска на дверях и окнах облупилась, но в полумраке дом казался юноше величественным.

Занявшись упаковкой чемоданов, Никколо побросал в одну кучу и одежду, и книги. Кинжал он положил на кровать, и сейчас лезвие поблескивало на темном покрывале в лучах свеч. «Это всего лишь оружие», — уговаривал себя Никколо, но почему-то кинжал все время притягивал его взгляд, будто юноша чувствовал в нем какое-то зло.

В комнату вошла Эсмеральда. Было видно, что эта ночь далась ей нелегко, но девушка чуть насмешливо улыбалась, и Никколо был рад ее улыбке.

И в этот момент оконное стекло разлетелось на тысячи осколков. Никколо инстинктивно прикрыл лицо руками. Боль от мелких порезов пронзила пальцы, осколки со звоном посыпались на пол.

Когда юноша сумел повернуться к окну, там уже стоял тот самый рыжий, который поджидал их у ограды парка. Лицо его исказилось от ярости, одежда была порвана, а на щеке тянулись четыре глубоких царапины. В руках рыжий сжимал по изогнутому кинжалу.

Эсмеральда отреагировала первой. Она прыгнула вперед, замахнулась... и ее просто отбросило в сторону ударом, который Никколо даже не увидел. Девушка упала на кровать, перевернулась и, свалив чемодан, перевалилась на пол.

— Твои штучки со мной не сработают, проклятая ведьма!

— Ты пришел сюда за мной, — Никколо медленно сделал шаг в сторону, стараясь встать между рыжим и кроватью.

— Я убью вас обоих. Но в твоём случае это доставит мне больше удовольствия.

Незнакомец не сводил с Никколо глаз, следя за каждым его движением. Юноша отступил за кровать, где среди бумаг и одежды неподвижно лежала Эсмеральда. Собравшись с духом, Никколо пригнулся, закрывая девушку своим телом.

Ее глаза были открыты, на лице читалось напряжение. В руке она сжимала тот самый кинжал, который Никколо оставил на кровати.

За спиной уже слышались шаги рыжего.

— Ты мне веришь? — Эсмеральда произнесла это так тихо, что Никколо едва смог разобрать ее слова.

Он сдержанно кивнул.

И тогда Эсмеральда изо всех сил всадила ему кинжал в грудь.

Неподалеку от Рима, 1821 год

Просыпаться было неприятно. Голова раскалывалась, и, когда Никколо попытался приподняться, боль пронзила все его тело. Все мышцы дрожали, и достаточно было малейшего напряжения, чтобы ощутить слабость. Почувствовав неприятный привкус во рту, юноша поморщился. Яркий солнечный свет слепил глаза.

— Где я? — пробормотал он, а потом, прислушавшись к покачиванию повозки, сам же себе и ответил: — В карете.

— Да, мы едем на север, — сказала Эсмеральда.

Никколо открыл глаза пошире и увидел над собой лицо девушки, обрамленное темными локонами. Ее правая щека припухла, на коже виднелись синяки, а к виску она

прижимала мокрый платок. Тем не менее Эсмеральда улыбнулась.

Юноша осторожно поднял голову с ее колен и медленно выпрямился. От этого движения по всему его телу прошли волны слабости, но в конце концов ему удалось взять себя в руки. Он прикрыл глаза и усилием воли отогнал обморок.

— Что произошло? Мы были в Риме, на нас напали... и ты ударила меня кинжалом!

Воспоминание поразило Никколо, и ему показалось, что он до сих пор чувствует этот удар в грудь. Он провел кончиками пальцев по рубашке, но на теле не осталось и следа. Там даже повязки не было, не говоря уже о глубоком ранении, которое он так хорошо помнил.

— Это нас и спасло, — объяснила Эсмеральда. — Да, план был отчаянный, но я была почти уверена, что он сработает.

— Почти уверена? — Никколо вспомнил о том, как испытал боль и в это мгновение скрывавшийся в нем зверь вырвался наружу.

— Да, почти уверена, — пробормотала Эсмеральда. — А что мне оставалось делать? — начала оправдываться она.

— Например, не пытаться заколоть меня кинжалом?

Она промолчала, но Никколо и не ожидал от нее ответа.

— Мне хочется пить, — немного помолчав, сказал он.

Достав из корзины глиняную бутылку с водой, Эсмеральда протянула ее Никколо.

— Расскажи мне, что произошло после этого, — попросил он, поднося бутылку к губам.

— Ты превратился, но не в волка, а в нечто среднее между волком и человеком. Твое тело стало настолько огромным, что ты не мог выпрямиться в комнате, ведь твои плечи касались потолка. Вампир напал, но ты просто схватил его и разорвал от шеи до ног когтями!

Прохладная жидкость побежала по горлу даря силы.

— А потом? — Юноша наконец-то смог оторваться от бутылки.

— Он бросился наутек. Несмотря на чудовищное ранение. Они не люди, и я это знала, но... — Цыганка запнулась. — Как бы то ни было, ты бросился за ним. Должна признаться, я обрадовалась, что ты стал преследовать вампира и на меня внимания не обратил. Я, как могла, старалась не отставать. Карло что-то кричал, но я приказала ему запрячь лошадей. Думаю, если ты еще раз соберешься приезжать в Рим, тебе лучше выбрать другой район для проживания.

— Что? Я что... Я... Они...

У Никколо в голове тут же вспыхнули ужасные картины: смерть и кровь, клыки и когти, вопящие от ужаса люди.

— Нет, те, кто видел тебя, обращались в бегство.

Юноша вздохнул от облегчения.

— Ты преследовал его до ворот города. Думаю, теперь много жителей Рима верят в существование демонов. Этот вампир убегал, как трусливый заяц, ну а ты... ты был как волк, как же иначе.

— Я догнал его?

— О да. Он все-таки решил вступить с тобой в бой, когда понял, что дальше бежать бессмысленно. Ты несея к нему вот так, — девушка подняла руки и обнажила зубы.

Вид у нее при этом был настолько комичный, что Никколо чуть не расхохотался. Эсмеральда помахала скрюченными пальцами, издав громкое рычание.

— Просто безумие какое-то. Он тебя ударил, но ты его схватил и разорвал на две части. Просто взял и разорвал, — она щелкнула пальцами. — А затем укусил его в горло и наконец оторвал голову. Вот тогда-то он и умер окончательно.

Никколо, опешив, уставился на Эсмеральду, почувствовав восхищение в ее голосе. Ему самому от этого рассказа стало тошно.

— А что церковники? Еще что-то случилось? — Юноша устало прикрыл глаза.

— Не знаю. Ты пробежал еще немного, но потом, прямо в каком-то винограднике, ты уселся, зевнул, или, по крайней мере, мне так показалось, и лег на землю. И тут я увидела

лежащего на земле голого спящего человека.

«Спящего, — повторил про себя Никколо. — Да, поспать было бы неплохо».

— Я захватила Карло с каретой, мы тебя подобрали и спешно отправились в путь.

Спать хотелось очень сильно, но пока что нельзя было это себе позволять, каким бы уставшим он ни был. Юноша заставил себя открыть глаза и потер переносицу левой рукой.

— Жаль, что я не могу контролировать изменения, которые со мной происходят, — пробормотал он. — Что же это такое?

— В тебе скрыт волк, вот только он... очень далеко. Вернее, очень глубоко в тебе, он под покровом всего того, что ты считаешь собой. После твоего рассказа о происшествии в Париже я подозревала, что твое превращение могут вызвать совершенно особенные обстоятельства. Смертельное ранение может пробудить в тебе волка.

— Но все это неправильно. Я не волк, — заметив взгляд Эсмеральды, Никколо поправился. — Я не должен быть волком. Ритуал завершился, так толком и не начавшись.

Отодвинув занавеску, он выглянул наружу. То, что сначала показалось ярким дневным светом, на деле оказалось слабыми лучами восходящего солнца. Утро было холодным и ясным, на синем небе виднелось пару белых облаков. Карета ехала мимо полей, вдоль дороги иногда попадались каменные ограждения, по обочине плелись крестьяне с плетеными корзинами на спинах, путники тяжело опирались на посохи, да еще вдалеке маячили медленные повозки, запряженные волами. Все было таким мирным и привычным, что Никколо, глядя в окно, почти смог забыть о происшедшем сегодняшней ночью. Почти.

Наклонившись вперед, юноша открыл небольшое окошко, ведущее на козлы.

— Как только сможешь, поворачивай на восток. Едем в Пескару.

Кучер что-то буркнул в ответ, и Никколо, приняв это за согласие, задвинул заслонку и вновь откинулся на лавке.

— Мы едем на побережье? — удивилась Эсмеральда. — Ты что, хочешь на корабле...

— ...пересечь пролив Отранто, — договорил за нее Никколо. — Наверное, поеду во Влеру.

Девушка опешила еще больше.

— В Османскую империю. Там Байрон стал оборотнем. Пришла пора найти ответы на мои вопросы. Да и в любом случае мне сейчас лучше покинуть Италию.

— Ехать в Османскую империю небезопасно.

— Знаю.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

— Ты можешь выполнить одну мою просьбу, Эсмеральда? — спросил Никколо. — Я не могу ожидать, что ты поедешь со мной, но я хотел бы уговорить тебя остановиться в Ареццо и присмотреть за моей сестрой. Я очень о ней беспокоюсь, к тому же она думает, что я скоро вернусь.

— Нянька из меня никудышная, — девушка удивленно приподняла брови.

— Да, я знаю. Можешь считать себя распорядительницей моих земель в Тоскане, если хочешь. Прошу тебя, не отказывай мне. Я не знаю, кому еще можно доверить Марцеллу.

Эсмеральда задумалась.

— Ну что ж, может быть, там мне удастся выяснить, кто за тобой охотится и почему. Могу задействовать свои связи. Но, кстати, на это потребуются деньги, — не без удовольствия прибавила она.

Никколо кивнул.

— С деньгами никаких трудностей не будет. Я благодарен тебе за согласие.

Юноша закрыл глаза и под мерное покачивание кареты за пару мгновений погрузился в глубокий сон.

Рим, 1821 год

Девушка приходила сюда раньше всего лишь раз — ее привел тогда Жиакомо... в ее

первую ночь. Тогда она поклялась, что не появится здесь снова, но это было не в ее власти.

— И?..

От голоса так и веяло холодом морозной январской ночи. В этом создании не осталось ничего человеческого, если оно вообще когда-то было человеком.

— Там была инквизиция, — дрожа, ответила девушка.

У нее были причины для страха. Тому, кто приносит плохие вести, вряд ли стоит рассчитывать на снисхождение. Но, к ее изумлению, из темноты донесся звук, напоминавший смех, если бы не казалась абсурдной сама мысль о том, что это существо может обладать чувством юмора.

— Дальше.

— Они нас узнали. Жиакомо приказал вступить в бой, потому что наша добыча от них убегала. Их было много, и они были хорошо подготовлены.

— Сейчас нет той инквизиции, которая заслуживала бы носить это гордое имя. А охотники эти — не более чем жалкие щенки. Вы их уничтожили?

— Да. Но и много наших пропало.

Никакой реакции.

— Графу и его шлюхе удалось скрыться.

Девушка замолчала, ожидая поношений; выговора, наказания, хоть чего-то. Но существо молчало.

— Жиакомо последовал за ними, насколько мы видели. И он... он не вернулся.

Опять последовало ожидание ответа, но создание по-прежнему молчало. Смирившись с этим, девушка уже развернулась, собираясь выйти, но существо вновь заговорило.

— Вы отважно сражались. Передай моим детям, что я благодарна. А что до Жиакомо... мне очень жаль. Возможно, этой ночью мы не достигли своей цели, но торопиться некуда. Я найду другие способы.

Кивнув, девушка покинула комнату. Она изо всех сил старалась, чтобы со стороны это не казалось бегством, но понимала, что все равно движется слишком быстро. Девушка ненавидела себя за эту слабость, но одного присутствия существа было достаточно, чтобы приглушить все мысли, словно разум покрывался коркой льда.

Тьма внутри шевельнулась, требуя после столь напряженной ночи свежей крови, теплой жизни.

Девушка не стала противиться искушению, зная, что охота еще не закончилась.

44

Неподалеку от Иоаннины, 1821 год

— У тебя есть деньги?

Кивнув, Никколо передал закутанному с ног до головы человеку кошель с требуемой суммой. Юноша опасался, что теперь, когда Омар получил деньги, он уйдет, но проводник лишь открыл кошель, заглянул внутрь и спрятал куда-то в складки своей широкой одежды.

Никколо был одет точно так же и по-прежнему чувствовал себя в этом наряде немного странно. Наряд был очень свободный — широкие штаны, которые нужно было заправлять внизу, плоские туфли, рубашка до середины бедра с широким воротником. Ткани хватило бы на двух человек такой же комплекции. Голова Никколо была обернута длинным платком — дело рук его проводника. Край платка прикрывал юноше лицо, открытой оставалась лишь узкая полоска над носом. Никколо казалось, что он носит старый шлем с забралом.

— Пойдем, пойдем, — приказал Омар. — Стражники долго отворачиваться не станут.

Внезапно Никколо подумалось, что пробираться ночью за линию обороны — это не очень-то хорошая идея, тем не менее он последовал за проводником.

— В прошлом месяце Али-паша пытался сбежать. Теперь все очень осторожны.

Никколо что-то буркнул в ответ. С момента своего приезда он наслушался историй об Али-паше — о его отваге или подлости, в зависимости от того, кто эти истории рассказывал. Сейчас все только и говорили, что о его попытке сбежать. «Повезло же мне. Приехал в Османскую империю именно тогда, когда верховный правитель решает избавиться от неугодного ему наместника провинции». Осенью прошлого года войска султана захватили эти земли и в Иоаннине и окружили Али-пашу, который казался правителю слишком уж самостоятельным. С тех пор турки держали крепость в осаде, а Али-паша постоянно пытался выбраться из этой западни, но османские войска не позволяли ему этого сделать. Вот и последний его побег не увенчался успехом.

Никколо пришлось потратить довольно много денег, чтобы найти подходящих людей, готовых несмотря ни на что отвести его в Иоаннину. К тому же юноше потребовалась вся его храбрость, чтобы этой февральской ночью встретиться с Омаром — как ему говорили, весьма надежным и порядочным человеком. Само количество заверений в порядочности насторожило юношу, но пока что его мрачные предчувствия не оправдались.

— А что тебе нужно от турок, Никколо? — спросила его Эсмеральда в последнюю ночь, проведенную вместе в Пескаре, когда они лежали обнаженными в темноте невзрачной комнатухи. — Даже если Байрон сказал правду, тебе тяжело будет найти человека, о котором он говорил.

— Но, возможно, там есть и другие такие, как я, — возразил Никколо. — Жанна Обри рассказывала мне, что там якобы живут целые династии вервольфов, семьи и племена, передающие из поколения в поколение способность оборачиваться зверем.

— И ты полагаешь, что, если ты найдешь такую семью, они смогут тебе помочь?

— Не знаю. Но, возможно, я смогу научиться у них лучше понимать, кто же мы такие. Боюсь, что на мне лежит то же проклятие, что и на тех детях Тьмы, которые напали на нас в Париже.

Перевернувшись на бок, Эсмеральда подперла голову рукой и начала водить пальцем по груди Никколо. На его коже не осталось и следа от удара кинжалом.

— Ты не порождение Тьмы, — прошептала она.

— Откуда ты знаешь?

— Тебе ведь известно, что я владею магией. — На этом она завершила разговор, впившись Никколо в губы поцелуем.

Хотя юноша часто задавался вопросом, сможет ли он когда-либо прекратить свои поиски, после отъезда из Италии в нем крепло чувство, будто он идет по правильному пути. Именно это чувство заставило его пересечь пролив Отранто и направиться из порта Влера в горы Пинд. Он преодолевал все препятствия, возникавшие на его пути, ведь его гнали вперед мысли о том, что разгадка совсем рядом, в Иоаннине.

Когда Никколо с Омаром добрались до озера Памвотида, там их уже ждал еще один мужчина. Из-за тюрбана нельзя было разглядеть его лицо. Он должен был переправить их через озеро на рыбацкой плоскодонке. Оба албанца что-то тихо обсудили, активно жестикулируя. Проводник указал на человека в лодке:

— Ему тоже нужны деньги.

Никколо предполагал это, поэтому достал из рукава рубашки заранее приготовленный кошель. На животе юноша носил ремень с десятком таких кожаных кошельков, и в каждом из них лежала вполне приличная, но и не слишком большая сумма. Он передал кошель рыбаку, и тот, недоверчиво ощупав деньги, впустил Никколо с проводником в лодку.

Первым на корму спустился Омар, затем Никколо, и не успел юноша сесть, как рыбак оттолкнулся от берега веслом — они отчалили. В последний раз Никколо плавал на такой лодке в Швейцарии. Он с ностальгией вспоминал давно прошедшие дни. Тогда прогулки по озеру забавляли друзей, теперь же это плавание могло оказаться опасным для жизни.

В городе горело лишь несколько огней, но в лагере османского войска костров и факелов было как звезд на небе. Крепость возвышалась на холме рядом с озером, и турки следили и за водой.

На озере было тихо. Дул легкий ветерок, но поверхность воды оставалась неподвижной, будто бриз был ей нипочем. Никколо вздрагивал и принюхивался всякий раз, когда в темноте что-то хлюпало. Он чувствовал запах дыма костров, влажной одежды рыбака, смолы на досках лодки. После отъезда из Рима юноша заметил, что все его чувства обострились, и теперь он мог воспринимать те детали, в первую очередь запахи, на которые раньше не обращал внимания.

— Ты должен оставаться очень осторожным и не попасть в руки людей султана, чужеземец, — тихо сказал Омар. — А когда проберешься в крепость, вообще всегда будь начеку. Али-паша — беспощадный человек.

— Что ты имеешь в виду? — так же тихо спросил Никколо.

— У сына Али-паши была возлюбленная, которую возжаждал и его отец, — прошептал Омар. — Однажды ночью он захотел взять ее силой, но она сопротивлялась и ударила его. Тогда Али-паша приказал схватить ее и семнадцать ее подруг, связать их и бросить в озеро. Говорят, что в этом случае он проявил особое милосердие, потому что речь шла о женщинах. С мужчинами обошлись бы более жестоко.

От слов проводника у Никколо мурашки побежали по коже. Юноша не мог рассмотреть выражения лица Омара, но его голос звучал напряженно.

— Говорят, что после этого от него сбежала родная дочь, но официально говорится, что никакой Гайди никогда и не было.

Никколо задумался о судьбе девушек, но тут над водой раздался крик. Итальянец вцепился в край борта, чувствуя, что сердце выскакивает у него из груди. Впереди мелькнул огонек, затем вспыхнул вновь, слепя глаза, и Вивиани пришлось прикрыться ладонью. Справа к ним подплыла довольно большая лодка. На ее носу стоял бородач с лампадой на длинной палке.

Крик повторился, на этот раз в нем прозвучала настойчивость. Омар уверенно ответил что-то, и Никколо уже испугался, что его выдали людям Али-паши. Лодка подплыла ближе, и итальянец разглядел в отблесках лампы с десятков человек, смотревших на них с явной неприязнью. Они были вооружены кинжалами и мечами, еще Никколо заметил по меньшей мере два мушкета. «Интересно, какое наказание ожидает шпиона в Османской империи?» — подумал он, предположив, что за шпиона его, скорее всего, и примут.

Мгновения тянулись невероятно долго. Омар что-то говорил, затем встал, указал на себя, на плоскодонку, на Никколо и рыбака, на берег — и вновь повернулся к мужчине на носу патрульной лодки. Бородач прорычал в ответ и отдал приказ, после чего Омар бросил ему кошель с деньгами, и рыбак вновь взялся за весла. Большая лодка исчезла так же быстро, как и появилась.

Они проплыли немного, когда проводник, рассмеявшись, обернулся к Никколо.

— Он остался недоволен. Теперь ему придется делиться со всей своей командой.

— Кто, капитан? Этот тип с длинной бородой? — переспросил Никколо, жестом изображая бороду.

— Да. Он хотел забрать все деньги себе.

Дальше они двигались молча. Наконец лодка причалила к берегу рядом с крепостью. Над ними возвышался холм, закрывавший часть неба. Ловко перемахнув через борт, Омар оказался по пояс в воде. Он принялся тащить лодку к суше, и Никколо уже собрался ему помочь, но проводник поднял руку и ткнул пальцем в берег. Только когда лодка ткнулась носом в гальку на берегу, он махнул юноше рукой, позволяя сойти.

Рыбак молча оттолкнулся от берега и поплыл прочь. Вивиани и глазом не успел моргнуть, как плоскодонка скрылась в темноте.

— Пойдем, пойдем.

Следуя за проводником, Никколо двинулся по тропинке вверх. Путь был опасным: из-под ног сыпались мелкие камни, легко было оступиться.

— Где солдаты?

— Внизу. Пойдем, пойдем.

Никколо оставалось лишь довериться проводнику и идти за ним. Возвращаться было поздно, да юноша и не нашел бы дорогу один, к тому же тут легко было попасть в руки к османским солдатам. Проводник перепрыгивал с камня на камень, словно горный козел. Время от времени он останавливался и шепотом подгонял Никколо. Слева у озера был резкий обрыв, справа возвышалась крепость, откуда доносились приглушенные голоса. Теперешняя резиденция Али-паши производила мрачное и пугающее впечатление.

Наконец они добрались до стены, выраставшей, казалось, прямо из камня. Никколо вздохнул с облегчением, проведя кончиками пальцев по грубым валунам. Запыхавшись, он прислонился к стене.

— Пойдем, пойдем.

Не давая шевалье отдохнуть, проводник потащил его дальше. Они прокрались вдоль стены, и наконец Омар, прислушавшись, удовлетворенно кивнул и вошел в какую-то маленькую нишу. Там обнаружилась дверь высотой не больше метра. Проводник постучал, подождал немного и постучал еще раз. Из-за двери доносились запахи множества людей.

Дверь открылась, и в глаза Никколо ударил свет. Он мог смутно разглядеть несколько вооруженных солдат, говоривших с проводником. Юношу втолкнули внутрь, кто-то подхватил его и вытащил на свет. Дверь с громким щелчком захлопнулась.

Обведя взглядом окруживших его бородачей, Никколо приветливо улыбнулся. Он решил, что сейчас следует как-то предложить им деньги, но тут к нему подошел какой-то неуклюжий громила.

— Ты понимать? — Мордоворот говорил на ломаном итальянском.

— Да, — Никколо кивнул. — Я хочу отблагодарить вас. У меня есть деньги и...

Он не успел договорить — громила опустил ему свою лапищу на плечо.

— Али-паша хочет с тобой говорить. Ты идти.

— Али-паша? — опешил юноша.

— Да. Ты идти!

На сей раз эти слова прозвучали как приказ. Стоявшие вокруг принялись подталкивать Никколо вперед, и, словно коня в поводу, его повели по коридору вглубь крепости. Итальянец хотел оглянуться, но ему не давали на это времени, продолжая толкать вперед.

Никколо вспомнились рассказы Байрона об Али-паше и истории, которые он слышал на пути сюда. О том, что Али-паша приказывает зажарить своих врагов заживо, раздробить им молотом все кости в теле... Байрон называл пашу бессовестным тираном, виновным в жестоких и омерзительных преступлениях.

И теперь Никколо вели на встречу с этим человеком. Человеком, которого собственные союзники взяли в осаду в этой крепости.

Никколо не знал, чего ему ждать, ведь было непонятно, пленник он или гость. Его привели в большой зал, уставленный десятками масляных ламп. Здесь собралось множество людей, не всем хватало места.

Зрелище произвело на Никколо огромное впечатление. Двор Али-паши не напоминал ни один из приемов, на которых юноше довелось побывать во время своих путешествий. Здесь все говорило о Востоке. Мужчины были одеты в яркие роскошные наряды, на широких поясах у них висели сабли, а кое у кого даже и пистолы. Женщины — сплошь в чадрах, разодетые в шелка, увешанные драгоценными камнями, словно это всего лишь стекляшки. Диваны, обитые тяжелой тканью, низкие столики, вышитые подушки. Из курильниц доносился запах ароматических масел, но Никколо все равно мог различить запахи собравшейся здесь толпы.

Зрелище было весьма экзотическим, к тому же этот зал наверняка располагался в глубине крепости, потому что каменные стены, украшенные золотыми узорами, не имели окон, а потолок поддерживал десяток мощных колонн.

В центре зала оставалось свободное пространство. Именно туда и повели Никколо. По периметру замерли вооруженные солдаты, не спускавшие с итальянца настороженных глаз.

Но тут Никколо заметил хозяина этого восточного великолепия, и все остальное отошло на второй план. Старик скорее лежал, чем восседал на диване, но все равно вызывал благоговение. Седая, тщательно ухоженная борода ниспадала на грудь, пышный меховой воротник прикрывал плечи, и Никколо показалось, что этот воротник сделан из гривы льва. Голову венчала незатейливая полосатая шапочка.

Сам паша был тучным мужчиной, но его тело скрывало множество слоев ткани. Несмотря на полуопущенные веки, Никколо разглядел в его глазах ум... и жестокость.

Затянувшись из кальяна, Али-паша передал мундштук своему слуге, с наслаждением выдохнул дым и смерил Никколо взглядом, от которого у юноши душа ушла в пятки.

В своих странных одеяниях и криво сидящем тюрбане юный граф сам себе показался смешным. Сняв головной убор, юноша, отведя его в правой руке, поклонился — как он надеялся, не нарушив ничьих обычаев.

— Ты итальянец, — заметил Али-паша по-гречески.

— Никколо Вивиани, к вашим услугам, — он немного говорил на этом языке.

Паша рассмеялся, и его смех поддерживали стоявшие рядом. Никколо тоже улыбнулся — ему показалось невежливым не отреагировать на шутку, хотя она и осталась ему непонятна.

— У тебя маленькие уши, — отметил паша.

Никколо задумался, правильно ли он понимает греческую речь. «И если я перевел его фразу правильно, то как это понимать? Как комплимент или как оскорбление?»

— Подойди поближе. Я хочу посмотреть на твои руки.

Никколо неохотно подошел к дивану Али-паши, и тот, осмотрев руки итальянца, удовлетворенно кивнул, словно подтвердил собственную правоту в каком-то лишь ему известном вопросе.

— И маленькие руки. Такие мягкие. Ты джентльмен.

Английское слово удивило Никколо, но он решил не спорить.

— У меня на родине меня действительно называют аристократом, то есть джентльменом. Здесь же я лишь гость при дворе великого Али-паши.

— Ты проделал долгий путь и столкнулся с множеством опасностей, и все это ради того, чтобы оказаться здесь.

— Что ж, это стоило моих усилий, — Никколо по-прежнему пытался вести вежливый разговор.

— У тебя серебряный язык, — рассмеялся Али-паша. — Как у многих тебе подобных.

Теперь в его голосе уже не слышалось былого дружелюбия. Видимо, паша решил перейти к серьезному разговору. Никколо не знал, что на это ответить, и потому промолчал.

— Такие, как ты, приходят сюда и обещают нам деньги, оружие и помощь. Они хвалят нас, макая каждое из своих слов в мед. Они покрывают свой язык духами, так что мы не чувствуем яда их речей. Англичане, французы, русские с длинными именами и короткими бородами.

— Мне ничего не известно о таких... — начал Никколо, но Али-паша не дал ему закончить.

— Что же тебе здесь нужно, Никколо Вивиани?

— Я хотел увидеть двор Али-паши во всем его величии. Много лет назад мне рассказали о вашей роскоши. Я знаю, что каждое мгновение, проведенное здесь, стоит целой жизни. Мне нет дела до войн европейцев.

Али-паша протянул руку, и слуга вновь передал ему мундштук кальяна. Старик два раза затянулся, не спуская с Никколо глаз. Сейчас он чем-то напоминал шакала, наблюдающего за умирающим животным.

— Я думаю, что ты приехал сюда для того, чтобы выведать главную из моих тайн, Никколо Вивиани.

— Нет-нет, я...

— Но меня предупредили. Мне сказали, кто ты. И *что* ты.

— Я лишь путешественник, не более того.

— Ты насмехаешься надо львом в его собственной пещере? — Встав, Али-паша развел руками. — Может быть, там, снаружи, и лают псы, но лев не удостоит их своего взора. Он хозяин своей пещеры и своих земель. Пусть собаки лают, но у льва до сих пор достаточно сил для того, чтобы разорвать волка!

«Он обо всем знает!» — понял Никколо. Солдаты бросились к нему и повалили на землю. На голову натянули мешок, а руки и ноги связали веревками, почему-то прохладными на ощупь. Его подняли и понесли прочь. Последним, что он слышал, был смех Али-паши.

45

Горы Пинд, 1821 год

Путешествие оказалось дорогой в ад. Никколо сопротивлялся изо всех сил, но его связали и запихнули в ящик, в котором он почти не мог двигаться. С мешком на голове юноша ничего не видел, но теперь же его окружала непроглядная тьма.

Он уже представлял себе, что его уложили в гроб и похоронили живьем, но на самом деле это было не так. Ящик, в котором он лежал, куда-то несли, ставили и вновь поднимали, трясли, а один раз даже уронили, и Никколо сильно ушиб плечо. Через некоторое время мышцы свело судорогой, и молодой граф попытался ослабить путы, но они лишь сильнее врезались ему в лодыжки и запястья.

Никколо вспомнились истории Омара об Али-паше: тиран бросал своих врагов связанными в море, и юноша был уверен, что такая судьба его и ожидает.

Он кричал, пока не сорвал голос и не заболели легкие, и теперь больше не мог произнести и звука. По ящику время от времени стучали, слышался смех, и юноша понял, что его просто дразнят, пытаются разозлить, и в конце концов прекратил дергаться. Время все равно не имело значения, и Никколо погрузился в беспокойный сон. Иногда юноша просыпался, не зная, явь ли это. Сон и реальность сплелись воедино, и Никколо снились узкие пространства, в которые он был заточен.

В конце концов ящик открыли, и юношу вытащили наружу. Мешок с головы сняли, глаза ослепил яркий свет. Над ним простиралось синее небо, вокруг тянулась пустошь, а вдалеке возвышались горы, чьи вершины прятались в облаках. Вокруг не было видно ни одного человеческого поселения. На обочине дороги, если эти два следа от колес в земле можно было назвать дорогой, стояли две телеги, запряженные волами.

Какой-то бородач протянул Никколо кружку с водой. Юноша благодарно принял ее и напился.

— Еда хорошо, — заявил бородач и начал кормить итальянца белым безвкусным хлебом, скатывая шарики и запихивая их ему в рот.

Никколо угостили даже куском козьего сыра со специями, а потом снова дали воды.

В конце концов бородач указал на обочину.

— Делать.

Никколо непонимающе уставился на него, и тот схватился за промежность и издал звук, отдаленно напоминающий журчащую воду.

— Я не могу... — протестовал юноша, но его толкнули к обочине, стянули штаны и заставили присесть на корточки.

Стоявшие вокруг солдаты с любопытством наблюдали за происходящим. Сгорая от стыда, Никколо облегчился.

Затем его опять потащили к ящику, действительно оказавшемуся гробом. Увидев это, Никколо начал сопротивляться и кричать, но все было тщетно. Полдюжины солдат затолкали его внутрь и накрыли. Юноша, извиваясь, стал давить ногами в крышку, но один из солдат просто улегся сверху.

Когда вокруг стало темно, итальянец прекратил сопротивление. Он старался глубоко дышать и не терять самообладания, но темнота и страх сводили его с ума, и сейчас Никколо не мог все спокойно обдумать.

Телега, зашатавшись, двинулась вперед. Юноша почувствовал, как слезы наворачиваются на глаза.

Так все и продолжалось. Никколо время от времени извлекали из темноты гроба, кормили и поили. Два раза его развязывали, но в эти моменты солдаты держали его на прицеле мушкетов, словно он был каким-то демоном, которого нельзя выпустить на свободу. На коже, где веревки врезались в тело, образовались багровые кровоподтеки, а ушиб на плече стал синим с желтоватым отливом.

Его вытаскивали наружу и с той же непреклонностью укладывали обратно в гроб, надевая перед этим мешок на голову, как бы он ни сопротивлялся.

Вивиани не знал, куда они направляются. По крайней мере, они точно углублялись в горы. Все попытки вывести у похитителей цель их путешествия ни к чему не привели. На самом деле все общение ограничивалось парой слов на ломаном греческом, которым кое-как владел бородач — судя по всему, начальник этих солдат.

Непонятно было даже, сколько прошло времени, ведь Никколо не знал, выпускают ли его наружу каждый день. Иногда это происходило ночью, но был ли это поздний вечер или раннее утро, юноша не понимал. Вся его жизнь свелась к паре мгновений, когда страшный голод и мучительная жажда ненадолго отступали. Все остальное тонуло в этой темноте, в одиночестве, и Никколо поймал себя на том, что радуется, когда видит неприветливые лица солдат, ведь это были люди.

Когда вокруг зазвучали незнакомые голоса и в воздухе повисли новые запахи, Никколо наострил уши. Здесь было больше людей. «Может быть, я в городе?» — подумал он. Вдохнув поглубже, юноша начал вопить, лихорадочно вспоминая слово «помогите» на всех известных ему языках. В конце концов кто-то похлопал ладонью по крышке гроба, но Никколо не прекратил кричать, пока его не начали раскачивать из стороны в сторону. Снаружи раздался хриплый смех.

Гроб подняли и бросили на землю. От удара итальянец на мгновение оцепенел, но тут его опять куда-то понесли. Наконец движение прекратилось, но больше ничего не произошло. Голоса стихли.

Ему не оставалось ничего, кроме ожидания, и в сознании Никколо вспыхивали ужасные картины — его оставили где-то умирать, возможно, в каком-то огромном зале, уставленном гробами с телами врагов Али-паши.

«Но зачем было везти меня в такую даль, чтобы потом просто убить?» — пронеслось у него в голове, однако, несмотря на все логические умозаключения, юноша ничего не мог поделать с овладевшим им ужасом.

Защелки крышки клацнули, и гроб открылся. Никколо вздохнул с облегчением. Тут тоже пахло людьми. Вокруг царил полумрак, и только одна сальная свеча испускала свет. Вокруг гроба собрались солдаты. Они глазели на Никколо, словно он был экспонатом в кунсткамере. Все лица были незнакомыми, даже бородач куда-то запропастился.

Один из солдат поднял мушкет и осторожно толкнул Никколо в бок, словно опасался, что от слишком сильного прикосновения юноша взорвется, как пороховая бочка. Ничего не произошло, и некоторые набрались храбрости и принялись его ощупывать, осматривая одежду и роясь в волосах. Кто-то отдал приказ, и Никколо вытащили из гроба и поставили на ноги. Путы разрезали, и по затекшему телу впервые свободно полилась кровь — так мучительно и в то же время сладко, ведь это означало, что он еще жив.

Никколо повели по каменному коридору. Сперва он подумал, что находится в каком-то здании, но потом понял, что стены состоят из выщербленной скалистой породы. «Это пещера, — догадался молодой граф. — Или шахта». Но осмотреться он не успел, потому что

уже вскоре они дошли до ямы. Вивиани двигался неуверенно, ноги дрожали, и он почти не чувствовал ступней после того, как так долго пролежал в гробу. Глубина ямы была не меньше трех-четырех метров, и юноша опасливо замер на ее краю. Один из солдат схватил его за плечо и развернул к себе. Подняв длинный изогнутый кинжал, солдат одним движением разрезал веревки на его руках, и, прежде чем итальянец сумел что-либо предпринять, его толкнули в грудь. Инстинктивно сделав шаг назад, Никколо споткнулся и почувствовал под ногами пустоту.

Падая в яму, он лишь успел увидеть насмешливые лица солдат.

Горы Пинд, 1821 год

Время шло незаметно. Сперва Никколо еще пытался определить, сколько же времени он тут находится, и делал зарубки на стене всякий раз, когда ему приносили еду, но вскоре понял, что это происходит нерегулярно, и теперь он даже не мог заставить себя подойти к этой стене.

Вода, которую ему приносили, всегда была теплой и застоявшейся, иногда Никколо даже чувствовал ее гнилостный привкус. Кормили его рисом или другой кашей, перемешанной с тушеными овощами. Иногда ему даже давали суп, и это были лучшие дни, ведь в супе плавало мясо, и нередко к нему полагался хлеб. Солдаты спускали корзинки с едой в яму на веревках.

Никколо отказывался облегчать жизнь своих палачей, но его попытки бунтовать всегда проваливались. Когда он не подвешивал корзину обратно на веревку или разбивал кувшин с водой, вниз спускалась дюжина солдат. Они избивали его палками, пока он не оседал на пол и не сворачивался там клубком, пытаясь закрыть руками голову. Его пинали, что-то крича на неизвестном ему языке.

«Почему?» — спрашивал он сам у себя бессонными ночами.

— Почему?! — вопил он, видя чье-то лицо над краем ямы.

Но ответа по-прежнему не было.

И все же Никколо продолжал свои попытки, ведь иначе солдаты просто оставляли его в темноте. Пока он ел и за ним смотрели, было светло. Пока он привлекал к себе внимание, было светло. Юноша никогда не думал, что слабое мерцание факела будет иметь для него такое значение, что он готов будет принять побои, лишь бы его увидеть.

Один край ямы Никколо отвел под отхожее место — там была небольшая ниша в стене, и юноша заползал туда, когда ему нужно было облегчиться.

Он бегал в яме по кругу, прыгал и скакал, пытаясь отогнать мысли об одиночестве. А бывало, что и просто лежал, и у него не было сил сделать и пару шагов. Ему казалось, что это вечное проклятие, особый, уготованный ему ад, куда попадали грешники, отрекшиеся от Бога. Он вспоминал слова Шелли: «Бога нет», и верил, что попал сюда просто потому, что не возразил тогда своему другу.

Но вот настал день, когда к яме подошло много солдат, которые спустили вниз лестницу и жестом приказали Никколо ухватиться за нее. Его подняли наверх и вновь повели по коридору. Юноша с изумлением обнаружил, что сейчас может нормально идти и даже высоко держать голову. Его завели в какую-то пещеру и раздели. Увидев ведра с водой, Никколо понял, что последует дальше, и не стал сопротивляться.

Двое солдат, взяв ведро, медленно облили юношу прохладной водой. Его зазнобило, но ощущение было неопишным. Вода смывала не только грязь этих недель с его кожи, но каким-то образом и страх с его души. Вытершись, Никколо надел тонкие, но зато чистые штаны и рубашку. Сейчас он уже не чувствовал себя обреченным на вечные муки призраком и вновь стал графом Вивиани. Все органы чувств работали лучше, чем раньше, зрение стало острее, он слышал тихие шаги в отдалении и обонял страх своих надсмотрщиков.

Юноша пригладил отросшие волосы и провел пальцами по лицу. Щеки и подбородок

покрывала густая борода; сейчас он, наверное, похож на местных жителей.

Солдаты вывели его из купальни, и впереди опять потянулись слабо освещенные коридоры. Вид у надсмотрщиков был жутковатый — они молчали, а их лица выражали такую напряженность, что Никколо не мог понять, в чем дело.

Горы Пинд, 1821 год

Девушка сидела на вершине холма. Стояли холода, а она была одета лишь в жалкие лохмотья — что-то из одежды она нашла, что-то украла, но от холода это не спасало. Когда опустится ночь, будет еще холоднее, но тогда она снимет одежду и примет форму, в которой весенние заморозки ее не испугают.

Но пока что она оставалась человеком. Так было легче наблюдать за лагерем издалека. Форт был построен на склоне горы — внутри находился вход в шахту, и четвертой стеной крепости служила скала. Здания в форте были маленькими и безобразными, во дворе валялись горы выкопанной земли и шлака. Время от времени ворота открывались и рабы выносили наружу мусор, сбрасывая его вниз в долину. В такие дни девушка пыталась пробраться в крепость, но стражники были внимательны, и сама шахта вызывала у нее страх.

Из трубы одного из зданий все время шел дым — там трудились рабы. Были здесь и обычные рабочие, присматривавшие за пленниками. Девушка слабо представляла себе, как руду превращают в металл, но она знала, что горную породу нужно переплавлять и очищать. Рядом с плавильней стоял небольшой домик без окон, перед которым всегда дежурили солдаты. «Серебро, — она сплюнула. — Эти ублюдки заточили Гристо в серебряной шахте». Очевидно, они заметили, как трудно удержать такого, как он, в другом месте. Умны, ничего не скажешь.

Ее внимание привлекло какое-то движение в долине. К форту ехали повозки — несколько обычных телег и две крытые, запряженные волами. Рядом с ними устало шагали солдаты. Для погрузки металла обычно подводили плоские повозки, поэтому девушка стала внимательно присматриваться, чтобы понять, кто же решил наведаться в форт. На ветру трепетало два выпела. Эти символы были ей знакомы. Всякий раз, когда он приезжал сюда, девушка слышала крики Гристо. Скрипнув зубами, она сжала кулаки. На мгновение девушка даже подумала, не побежать ли вниз, чтобы устроить засаду между двумя скалами на дороге к форту — она могла залечь там, а потом выскочить и убить их всех.

Но девушка осталась на месте. Здесь было слишком много солдат, и если они ждут ее нападения, то будут стрелять серебром. Тогда ее ранят или даже убьют, а Гристо останется один. В заточении на долгие годы.

Она беспомощно смотрела, как небольшой караван подъехал к воротам. Однажды они допустят роковую ошибку, однажды это произойдет. И тогда она будет рядом, она освободит Гристо и отомстит его мучителям.

При мысли о том, что произойдет сегодня ночью, девушки растеряла всю свою ярость. Ее охватило бессилие. «Сколько я уже жду? Четыре года? Пять?» Но другого выхода не было. Она не могла уйти, не могла оставить Гристо одного. Нужно было ждать.

Горы Пинд, 1821 год

Дойдя до входа в комнату, часть солдат осталась снаружи, другие же завели Никколо внутрь. Искусственная пещера была небольшой — в квадратной комнате стоял лишь один стол и стул, на котором расположился роскошно одетый мужчина. Незнакомец просматривал какие-то документы, но, когда Никколо вошел, он поднял голову. Кроме него здесь был еще какой-то полуобнаженный человек, стоящий на коленях. Длинные сальные волосы прикрывали его лицо, кожа покрылась коркой грязи, но юноша заметил множество страшных толстых шрамов, спускавшихся с его плеч по груди и спине и скрывавшихся за ремнем штанов. Мужчина оставался совершенно неподвижным. Слева и справа от него

стояли двое солдат.

— Вы неплохо выдержали последние недели, синьор Вивиани, — сидевший за столом говорил на итальянском с едва заметным акцентом.

Его борода была тщательно уложена и промаслена, ухоженные пальцы поблескивали кольцами. Одежда немного напоминала военную форму, но выглядела очень богато, а на голове была шапка, напомнившая Никколо головной убор Али-паши. «Давно это было, только вот когда?»

— Я Утман-бей, — продолжил он, когда Никколо не ответил. — Я приехал сюда, чтобы выяснить, в каком состоянии вы находитесь.

Никколо горько рассмеялся.

— Это не смешно, — заявил бей и махнул рукой.

Один из солдат ударил Никколо тонкой палкой под колено. Штаны немного смягчили удар, но боль все равно была ужасна, и у юноши подогнулись колени. После второго удара он повалился на пол.

— Так-то лучше. Дайте-ка я на вас посмотрю. Мне сообщили, что вы не обычный человек. Это правда?

— Я гражданин герцогства Тоскана. Меня удерживают здесь против моей воли!

Стоявший на коленях мужчина со шрамами на теле посмотрел на Никколо. За грязными прядями волос блестели его глаза, и юноше даже показалось, что на его губах заиграла улыбка.

— Здесь вы пленник. Вернее, раб. Считается, что вы пропали без вести во время осады Иоаннины. Ходят слухи, что турки напали на вас и казнили как шпиона, хотя, конечно, никто этого не признает. Могу предположить, что ваша семья уже оплакивает вас как погибшего.

— Как вы забрали меня из крепости?

— Синьор Вивиани, здесь я задаю вопросы. Итак, спрашиваю снова: вы обычный человек?

— На этот вопрос я уже ответил.

Бей разочарованно покачал головой.

На этот раз удар пришелся по затылку, оставив на коже раскаленную полоску боли. Никколо резко втянул носом воздух, пытаясь сдержать крик, уже зарождавшийся в горле.

— Отвечайте, и все последующее доставит вам намного меньше боли.

«Они знают, кто я такой! Они привезли меня сюда, потому что знают, кто я!»

— Понятия не имею, о чем вы, — выдавил Никколо, понимая, что если он признает свою истинную сущность, то ему придется еще хуже.

— Вы... как это у вас говорится? Человек-волк? Оборотень? Ликантроп?

Никколо заставил себя улыбнуться — он надеялся, что эта улыбка смогла выразить растерянность.

— Что, простите?

— Вы меня прекрасно поняли.

— Нет, я не оборотень, — юноша вложил в свой голос столько сарказма, сколько ему позволяла боль в шее.

Утман-бей нахмурился. Он уже собрался поднять руку, но тут человек в шрамах что-то произнес на неизвестном Никколо языке, не произнес даже, а прорычал, и в комнате стало тихо.

— Гристо говорит, что вы не вервольф. Что иначе он почуял бы это. По его словам, среди итальянцев таких не бывает. К сожалению, вряд ли мы можем себе позволить доверять его словам. К тому же, могу вас заверить, исходя из моего опыта, что среди итальянцев и не такое бывает.

Никколо тщетно старался разгадать скрытый смысл его слов. «Какое отношение этот подонок имеет к Италии?»

— Так что мы продолжим.

На Никколо со всех сторон посыпались удары, и каждый оставлял на коже огненный

след. Ему задавали какие-то вопросы, отдавали приказы, били, дергали за волосы, приставляли серебряный кинжал к горлу: «Давай, режь его!». Но юноша молчал.

Пытка казалась бесконечной. Целый океан боли, и Никколо тонул в его волнах, временами теряя сознание, но его вновь и вновь приводили в чувство, лили воду в лицо, давали пощечины. В конце концов он растянулся на полу, безвольно раскинув руки и ноги. Все его тело превратилось в одну большую рану.

Горы Пинд, 1821 год

Вскоре настала ночь, и девушка, раздевшись, приняла облик волка и медленно потрусила по склону в долину. По ночам она часто подбиралась к стенам форта — так ей казалось, что она рядом с Гристо.

Послышались крики, и волчица прислушалась. Кричал не Гристо, это был кто-то другой. Какой-то человек. Впрочем, в его криках звучали знакомые нотки. Он был одним из них.

Запрокинув голову, волчица завывала. Он был не один, и она хотела, чтобы он это знал.

Горы Пинд, 1821 год

— Я склонен поверить тебе, — заявил бей. — Никакой ты не оборотень. Мы наблюдали за тобой все это время, и ты ни разу не попытался принять свой истинный облик, защититься, раскрыть нашему повелителю свой секрет, чего он так жаждет. Ты просто слабый человек, — Утман помолчал. — А теперь ты всего лишь раб.

Он что-то сказал солдатам, и Никколо вынесли из пещеры. Наконец-то он смог погрузиться в блаженное беспмятство.

46

Клиши, 1823 год

Валентина размашисто подписалась и, сложив письмо, запечатала его в конверт, который положила к другим письмам на столе. С тех пор, как они с Людовико переехали в это уединенное место, ее переписка стала обширнее. За исключением редких приемов, пользовавшихся большим успехом, в их поместье почти не бывало гостей, и оба супруга были этим довольны.

В дверь постучали, и девушка подняла голову. У входа с белой розой в руке стоял Людовико. Он улыбался.

— Какая ты красивая.

— Людовико! — Валентина вскочила. — Ты уже вернулся!

Войдя в залитую светом комнату, граф заключил жену в объятия.

— Да, я вернулся. Знаешь, я по тебе соскучился.

— Как твои... дела в Париже? — Валентина знала, что на этот вопрос муж не ответит.

— Ничего необычного, — как она и ожидала, Людовико лишь отмахнулся. — Зато я выяснил то, о чем ты меня просила.

— Вот как? Пожалуйста, садись и расскажи мне об этом. Может быть, приказать слугам тебе что-то принести?

Покачив головой, граф уселся на диван.

Некоторое время назад Валентина получила письмо от Марцеллы Вивиани: девочка очень беспокоилась из-за исчезновения своего брата. Эта новость взволновала и графиню. Она не сразу доверилась Людовико, но в конце концов решила, что это правильный поступок, ведь у ее супруга было множество деловых партнеров по всей Европе. Граф

обещал ей навести справки о том, где сейчас Никколо, и, очевидно, ему это удалось.

— Я задействовал свои связи, — начал рассказывать он, когда жена села рядом. — Тут напомнил о долгах, там дал взятку... Вначале мне казалось, что этот Вивиани как сквозь землю провалился, но постепенно картина начала проясняться. Говорят, что два года назад в Албании видели молодого итальянского аристократа, ехавшего в Иоаннину. Затем след потерялся, и я уже опасался, что Никколо убили турки. Но затем выяснилось, что он все-таки добрался до крепости. По слухам, Али-паша отправляет своих политических противников и особо важных пленников в серебряную шахту в горах Пинд. Впрочем, о точном местоположении этой шахты ничего не известно.

— Политических противников? В серебряную шахту? — опешила Валентина. — Но какое отношение имеет Никколо к политике Османской империи?

— Мне тоже трудно поверить в то, что наш юный друг сумел каким-то образом настроить против себя хитроумного предводителя турок, но я узнал, что в ночь исчезновения Никколо на пути в Иоаннину из крепости в горы выступил тяжеловооруженный отряд, перевозивший заключенного. Я уверен, что речь идет именно о Никколо, и ни о ком другом. Мне говорили, что вся эта операция проводилась тайно и предпринимались серьезные меры предосторожности. Даже такой деспот, как Али-паша, должен понимать, какие последствия может повлечь за собой похищение и заточение европейского аристократа.

Откинувшись на спинку дивана, Валентина стала обдумывать эти страшные новости. Возможно, Никколо оказался пленником восточного тирана? Его отправили в серебряную шахту? Девушка потеряла лоб. Она никак не могла осознать услышанное.

— Ты понимаешь, что все это значит? — спросила она.

Муж пожал плечами.

— У меня нет полного представления о том, что это значит, но я могу сказать наверняка, что у графа Вивиани большие неприятности. Турки славятся своим гостеприимством, но они опасные враги. У Али-паши в этом вопросе плохая репутация. Говорят, он даже четвертовал и топил своих противников. Работа в серебряной шахте — тяжелое наказание, и мне не кажется, что Никколо так просто выпустят оттуда.

— Ты считаешь, что он еще там?

— В прошлом году Али-паша был низложен, но Никколо не объявился. Либо он еще там, либо...

В глубине души Валентина и так это понимала, хотя муж и не договорил.

От этой мысли ей стало больно. Она выбрала тихую, спокойную жизнь в Клиши со своим садом, письмами и приемами. Валентина хотела обо всем позабыть, не задавать больше никаких вопросов. Никколо отверг ее любовь, по какой бы причине он это ни сделал, и она решила вычеркнуть его из своей жизни. А теперь оказывается, что он уже два года находится в плену у какого-то варвара, а может быть, и вовсе мертв. Какое-то время девушка думала, что же теперь делать.

— Спаси его, Людовико, — она встала перед мужем.

— Что?

— Найди Никколо и спаси его, если это возможно, — повторила Валентина.

— То есть ты хочешь, чтобы я поехал в Османскую империю, нашел спрятанную в горах серебряную шахту, само существование которой является тайной, и вывез этого молодого дурака из Богом забытой страны? Притом что мы не знаем, почему он оказался там и жив ли он вообще?

Валентина опустила на колени и, словно нищая на Елисейских Полях, протянула к нему руки.

— Да, Людовико, хочу. Если кто-то и способен на это, то только ты. Если я для тебя действительно хоть что-то значу, сделай это для меня.

— Вот мы раз и навсегда и получили ответ на вопрос, любишь ли ты меня так же сильно, как и я тебя, — в его циничных словах прозвучала горечь.

Девушка опустила голову ему на колени.

— Мне очень жаль, Людовико. Да, я не люблю тебя. Но ты и сам давно это знаешь, правда? Если бы я любила тебя, то не отказывалась бы вновь и вновь стать такой же, как ты. И хотя сперва я хотела ненавидеть тебя, мне это не удалось. Я привязана к тебе, уважаю и ценю тебя. Я твоя жена, Людовико, и не имеет значения, согласишься ли ты выполнить мою просьбу. Я все равно никогда тебя не оставлю. До самой смерти. Но я прошу тебя спасти Никколо. И я даю тебе слово, что если тебе это удастся, то я больше никогда его не увижу и не буду искать встречи с ним. Я лишь хочу знать, что он жив и ему не угрожает опасность.

Прикрыв веки, Людовико потер виски. Валентина почувствовала, что слезы наворачиваются ей на глаза, и едва сумела сдержать рыдания.

Вампир распахнул глаза.

— Ш-ш-ш, — мягко прошептал он, с такой легкостью усадив Валентину к себе на колени, словно она была маленьким ребенком.

Обняв жену правой рукой, левой он погладил ее по щеке.

— Прости меня, — всхлипнула Валентина.

— Не плачь, родная, — губы Людовико почти касались ее уха. — Не плачь. Я благодарен тебе за откровенность, ведь честность — это главное в браке. Не печалься. Я поеду к османам и освобожу Никколо Вивiani.

Ежедневный труд был тяжелым. Они работали в шахте, выстроившись в ряд и орудуя устаревшими инструментами. Нужно было выломать кусок камня из стены, уложить его на тележку, протаскать по коридору и отправить на переплавку. Еды давали вдоволь, хотя это и была только каша без приправ. Тем не менее без обильной пищи тут никто долго не протянул бы.

Обычно Никколо ставили возить камни к плавильне. Эта работа считалась хорошей, ведь хотя и трудно было тащить тележку с маленькими колесами по неровному полу, но можно было довольно часто делать перерывы, пока тележку загружали и разгружали.

— Эй, Нико! — Один из арабов кивнул, бросив обломок руды в тележку.

Большинство здешних жителей сокращали его имя, чтобы легче было выговаривать.

— Хватит, — итальянец покачал головой и горизонтально рубанул рукой воздух.

Никколо постепенно учился объясняться с другими рабами: там жест, тут подхваченное у кого-то словечко. Он не знал, как его товарищи по несчастью оказались в этом аду, но видел, насколько они отличаются друг от друга. Кто-то молился Аллаху, другие просили помощи у христианского Бога, третьи же давно впали в отчаяние и постоянно молчали.

На обед и ночлег рабов, словно скот, сгоняли в яму, спуская их вниз по деревянным лестницам, которые потом поднимали солдаты. К счастью, в этой яме было тепло — тонкие рабы, которые носили рабы, не спасли бы от холода.

Постепенно Никколо приспособился к этой новой жизни. Воспоминания о родине, о своем прежнем существовании — все это отступило на второй план, и значение приобрело только то, что происходило здесь и сейчас: нужно было пережить этот день, попытаться получить хороший кусок хлеба, передохнуть, избежать побоев. Жизнь юноши свелась к выживанию.

Конечно, он пытался обернуться волком, отчаянно надеясь сбежать, если ему это удастся. Но сейчас волк в нем укрылся еще глубже, чем обычно, остались лишь тонкий слух и обостренное обоняние, которое Никколо не раз проклинал в этой зловонной дыре.

Вскоре мысли о побеге угасли. Во дворе всегда было много солдат — казалось, что на этой шахте разместились целая армия. По ночам в коридорах закрывали двери, лестницы из ям поднимали, и рабы не могли выбраться.

Никколо, граф Ареццо, постепенно исчезал. Его место занимал Нико, как его называли другие рабы и солдаты, неспособные произнести итальянское имя.

Казалось, так будет продолжаться до тех пор, пока он не умрет в шахте.

Свет факелов упал на дно ямы. Глаза Никколо так привыкли к постоянному полумраку, что ему пришлось зажмуриться — неожиданное сияние слепило глаза. На краю ямы собрались какие-то люди — десять или даже больше. Юноша слышал их голоса. Всем командовала женщина. Это было настолько необычно, что Никколо не сдержался и поднял голову.

Он по-прежнему плохо знал албанский и понимал ее речь лишь обрывками. Старый раб, учивший его языку, когда оставались силы после работы на каменоломне, говорил на каком-то другом диалекте, чем солдаты, но, по крайней мере, хоть что-то Никколо удавалось уловить.

С края ямы вниз кого-то столкнули. Тело с глухим стуком ударилось об пол, несчастный застонал. В ответ надсмотрщики расхохотались.

— Мясо! — крикнул один из солдат, разыгрывая сигнал к ужину.

Затем огни померкли, и остался лишь свет единственной лампы, горевшей высоко над головами рабов. Большинство из них даже не пошевелились, кто-то отодвинулся от упавшего, и только Никколо решил подобраться к нему поближе.

— Хочешь воды? — Он понимал, что незнакомец вряд ли будет говорить на том же языке, и потому дополнил свои слова соответствующим жестом, будто он подносил кружку ко рту, но потом догадался, что в темноте бедняге все равно ничего не разглядеть.

— Извини, я не понимаю, — ответил новоприбывший по-французски.

Но поразил Никколо не язык, на котором изъяснялся этот человек, а его голос. Помедлив, юноша всмотрелся в темноту, «Возможно, я схожу с ума?»

— Людовико? — неуверенно протянул он.

Резко повернув голову, новичок уставился на Никколо. Теперь юноша понял, что это действительно человек, известный ему под именем Людовико.

— Никколо, — граф слабо улыбнулся. — Я все-таки нашел тебя. Тяжелая это, знаешь ли, оказалась работенка. Рад, что мои труды окупились, — теперь он перешел на итальянский.

Отодвинувшись, Никколо смерил его недоверчивым взглядом. Камзол Людовико порвался, превратившись в настоящие лохмотья, кожа была покрыта слоем грязи, волосы слиплись, но это, несомненно, был тот самый граф Карнштайн. Даже в теперешнем положении он не терял бывшего высокомерия, как будто пребывание в этой шахте было лишь досадным недоразумением, на которое не стоит обращать внимания. «Но что, во имя всех святых, он тут делает? Что значит, он нашел меня? Возможно, он работает на Али-пашу и его подослали выведать мои тайны?»

— Тебя по-прежнему зовут Людовико? — недоброжелательно осведомился Вивиани.

Казалось, грубость Никколо пошатнула самоуверенность графа, тем не менее его ответ был привычно-любезным, словно он сейчас общался с юношей на светском приеме.

— Людовико — хорошее имя, не хуже любого другого. Я уже давно ношу его и намерен пользоваться им и в дальнейшем.

От графа исходил специфический запах. Никколо не сразу узнал его, но понял, что уже не раз ощущал нечто подобное. Такой же запах исходил от тех людей в переулке в Париже, когда его пытались убить. И в Риме, когда к нему с Эсмеральдой ворвались в дом, где они тогда остановились. Это был древний запах, запах Тьмы.

— Как ты тут? — без тени сочувствия в голосе спросил Людовико. — Выглядишь не очень хорошо, если можно так выразиться.

— Я раб, — с горечью ответил Никколо. — Целыми днями — в шахте. Они отобрали у меня все: мою жизнь, статус, даже имя. Как ты думаешь, как я тут?

Посмотрев юноше в глаза, Людовико наклонился вперед, будто опасался, что их могут подслушать.

— Тут происходит нечто большее, чем ты полагаешь. Я попал сюда не по своей воле... а меня не так просто взять в плен. Нам грозит большая опасность.

Опешив, Никколо уставился на графа, не понимая ни его слов, ни причин, по которым

он тут очутился.

— Что ты имеешь в виду? И как, черт побери, тебя занесло в Албанию?

— Я же уже сказал. Я приехал сюда, чтобы вытащить тебя из этих неприятностей. И если бы это была обычная шахта, то никаких сложностей это не представило бы. Но не здесь. Здесь все иначе, и я весьма обеспокоен.

Смерив его взглядом, Никколо еще раз принял. «Тени», — подумал он.

Теперь юноша подозревал, какую тайну всегда хранил граф Карнштайн. Но Никколо хотелось, чтобы Людовико рассказал ему об этом сам.

47

Рим, 1823 год

Услышав новость, Жиана не смогла сдержать улыбку.

Annuntio vobis gaudium magnum: Habemus Papam. Eminentissimum ac reverendissimum Dominum, Dominum Annibale Francesco Clemente Melchior Girolamo Nicola Sanctae Romanae Ecclesiae Cardinalem della Genga, qui sibi nomen imposuit Leo XII. ⁶¹

Она никогда не сомневалась в том, что конклав выберет кардинала делла Дженга новым папой. Он сможет повести священную римскую церковь, будет править твердой рукой, и это, должно быть, поняли кардиналы, почти месяц заседавшие в Квиринальском дворце⁶² после смерти Пия VII.

Грехи времени повлияли на некоторых из кардиналов. Жестокость французов оставила страшные следы на теле церкви, и их нужно было вывести.

Но времена бедствий закончились, все горести развеются, как дым на ветру. Лев XII станет настоящим Папой Римским. Он обладает должным рвением. Жиана погладила шрам на горле. Лев XII предоставит ей всю необходимую поддержку, чтобы найти и уничтожить порождения Тьмы, где бы они ни появились. С его помощью все враги церкви будут уничтожены.

«Как и мои враги», — с улыбкой подумала Жиана. Святой Престол во власти решительного человека, а значит, настанут новые, лучшие времена. В этом она была уверена.

Горы Пинд, 1823 год

— Что ты такое?

Вопрос повис в темноте.

— Я создание Теней, Никколо. В моей душе извечная Тьма, придающая мне силы ночью. Больше мне ничего не известно. А ты?

Никколо вспомнилась охота в Риме, создания, напавшие на них с Эсмеральдой, слова цыганки.

— Я-то человек, ублюдок! Но вот ты нет! Ты... что-то другое, — внезапно юноша испугался. — Что ты сделал с Валентиной?

— С ней все в порядке. Она во Франции, Никколо, — Людовико помолчал. — Хотел бы я знать, кто я такой. Хотел бы я знать, *почему* я такой. Но я не знаю. Когда я был совсем молод, мне рассказали одну историю.

⁶¹ Сообщая вам о великой радости: избран Папа Римский, блистательнейший и почтеннейший господин Аннибале Франческо Клементе Мельхиор Джироламо Никола делла Дженга, кардинал Рима, взявший себе имя Лев XII (*лат.*).

⁶² В Квиринальском дворце прошли четыре конклава, в частности конклав 1823 года, избравший Льва XII. (*Примеч. ред.*)

— Кто? — перебил итальянец, но Карнштайн лишь отмахнулся.

— Ее имя не имеет значения. Теперь она лишь прах, — Людовико на мгновение задумался, словно сейчас его глаза видели картины давнего прошлого, но затем вновь взял себя в руки. — Она сказала мне, что я — мы! — носим в себе Тьму, которая существовала еще до творения. Ту Тьму, которая должна была исчезнуть при словах «Да будет свет!». Вот только она не исчезла, эта изначальная Тьма, хотя свет и жег ее. Она спряталась, укрылась в самом творении. В нас.

— И кем она делает тебя и тебе подобных?

— Называй это как хочешь. Я слышал много обозначений, но думаю, что наиболее привычным для тебя будет слово «вампир», — Людовико запнулся. — Я вижу мир словно сквозь темное стекло, Никколо, — хрипло выдавил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Я вижу все зло мира. Красота увядает на моих глазах. Свет солнца приносит мне лишь боль. Когда я смотрю на человека, то вижу в нем лишь Тьму. Я заглядываю за кажимость мира, для меня нет иллюзий. Я смотрю на юность и красоту а вижу гнилую полуразложившуюся плоть.

— Не понимаю... — признался Никколо.

Мрачный тон вампира пугал, словно сама темная шахта не была достаточно гнетущей.

— Там, где ты видишь уважаемого всеми государственного деятеля, я вижу алчность и скупость. Где ты любишься красотой, я смотрю на стареющую кокетку. Вот ты говоришь с врачом и думаешь, что он помогает людям, я же вижу тщеславие и презрение ко всем окружающим. Ты увидишь молодого аристократа, для меня же это будет транжира, проматывающий состояние своей семьи. Ты решишь, что этот старец мудр, я же знаю, что он заставляет детей ублажать свою вялую плоть, — Людовико хмуро улыбнулся. — Некоторое время я полагал, что это и есть мое предназначение. Что я должен наказывать зло, причем каждое по-своему. Я строил настолько хитроумные планы, что грешники погибали от собственных злодеяний. Но если вначале это придавало моей жизни какой-то смысл, то потом моя радость померкла. Все это не стоило моих усилий. Куда бы я ни посмотрел, повсюду люди сами навлекали на себя несчастья. Я гордился своими успехами, а грешники и так были бы наказаны, пусть и без моего участия. Чтобы люди стали хуже, достаточно одного моего присутствия. Все, на что я обращаю взор, тускнеет, чего я касаюсь, погибает от злобы. Цветы вянут при моем приближении, все добродетели становятся в тягость. А есть и те, кто умирает от истощения, будто я заражаю их чумой. Впрочем, может быть, все сложилось бы так же, не будь меня рядом? А я просто этого не подозреваю?

На этот вопрос у Никколо не было ответа. Он хотел бы утешить Людовико, но месяцы, проведенные в этом ужасном месте, сковали его язык. «По крайней мере, здесь тоже ад, пусть и без созданий Тьмы».

— Это невозможно, — наконец нашелся он. — Вот моя семья. Ты приходил к нам, гостил у нас, вел дела с моим отцом. И ничто не истлело, никто не умер. А я всего лишь сын моего отца.

Людовико мрачно рассмеялся, и у юноши мурашки побежали по телу.

— А ты уверен в этом, мальчик? Может быть, мне рассказать тебе кое-какие детали этих дел? Пару отвратительных грязных подробностей? Сказать тебе, с кем твой отец вел дела? Как он зарабатывал деньги, на которые вы так безбедно жили? Как вы выстояли во время войны, когда многим пришлось бежать?

Никколо хотелось закричать, наброситься на этого человека — на это создание! Назвать его лжецом, избить его, принудить замолчать. Но он не шевельнулся. Юноша понимал, чего он так боится. Людовико мог открыть ему правду.

— И только Валентина не такая, — продолжил вампир. В его голосе зазвучала нежность. — Когда я с ней, мне кажется, что я встречу следующий рассвет без боли, без слабости. Она свет моего темного мира, искорка в бесконечной ночи. В моей ночи.

— Что ж, теперь ты ее не увидишь, — злорадно фыркнул Никколо. Хотя что-то

хорошее.

— Это она попросила меня найти тебя. Когда ты исчез, вряд ли кто-то волновался за тебя сильнее, чем Валентина. Ирония судьбы, правда? И в доказательство моей любви к ней я отправился в путь.

— Это *она* прислала тебя?

— Да. Я сделал это по просьбе Валентины. Не думай, что я пришел из сострадания к тебе или из-за подобной глупости. Я уже давно понял, что не являюсь орудием Бога, потому что Бога нет, — Людовико сказал это с таким жаром, что Никколо невольно улыбнулся.

Слова вампира тронули его, напомнили ему Перси.

— Ты говоришь прямо как Шелли, — заметил он.

— Этот странноватый молодой поэт? Вряд ли, Никколо. Если кто из нас и был на него похож, так это ты.

— Был?

— Он погиб. Утонул во время шторма. Друзья сожгли его труп на месте. Ох, прости, ты не мог этого знать. Это произошло уже после твоего исчезновения. Знаешь, я не забывал о твоих друзьях из Женевы.

— Так Шелли мертв? А что ты знаешь о Китсе, которого он тоже сделал... — Никколо запнулся, но Людовико лишь покачал головой. — А Байрон?

— Пару месяцев назад он поехал в Грецию. Я слышал, что его там чествуют как героя, хотя на самом деле там все только и делают, что сидят на одном месте и поздравляют друг друга с победой.

— Остался лишь один, — сжав губы, Никколо вздохнул.

— Но и ты не человек, — Людовико задумчиво посмотрел на него. — Больше не человек. Ты изменился. Мне кажется, что что-то брезжит в глубине твоей души. Не забывай, я способен увидеть твою сущность.

Из-за края ямы донеслись какие-то голоса, затем вниз спустили лестницу.

— Пора идти работать, — шепнул Никколо. — Удачи тебе.

— Когда ты сказал, что я похож на Шелли, ты же не просто хотел меня обидеть? Ты имел в виду не его идеалы и мировоззрение, а кое-что другое.

От факелов было больше тени, чем света. Работа завершилась, и их привели обратно в яму.

На этот раз Никколо не стал участвовать в ставших привычными распрях по поводу еды, а сразу же уселся у стены рядом с вампиром. Видимо, Людовико тоже не хотел есть. «А может быть, это ему и не нужно».

— Шелли был невосприимчив к моему воздействию, — признал вампир, проведя ладонью по волосам. — И это само по себе было интересно. С тобой то же самое. Я чувствую что-то странное в твоей душе, Никколо. Оно скрыто, но уже готово разорвать цепи.

— Как у Шелли?

— Нет. В тебе это погребено глубже, однако твоя сила больше, если ты понимаешь, о чем я. В твоём сердце живет дикий зверь, и он хочет освободиться от пут, в которые ты его заковал, — Людовико сидел в темноте, но его глаза светились, словно в них горел негасимый огонь.

— Откуда ты знаешь? — выдохнул Никколо.

Внезапно собственное тело показалось ему чужим, кожа натянулась, стала ему мала, все тело прошиб пот.

— Так было не всегда. Ни в Ареццо, ни в Коппе, ни в Париже, когда мы виделись в последний раз, я этого не заметил. Я почувствовал это только сейчас. Что это, Никколо? Что ты с собой сделал?

Юноша вспомнил, как пытался отбросить все мысли о вервольфах и демонах. А потом с ним произошло его первое превращение.

— Ритуал... не был завершен. Он не сработал. — Никколо горько рассмеялся. — И все же я стал...

— Кем?

—оборотнем.

Они уже давно не работали, а еду принесли два раза. В привычном укладе шахты что-то изменилось, и Никколо ничем не мог этого объяснить. По крайней мере, это не было связано с присутствием Людовико, ведь его могли бы просто оставить в яме, а всех остальных погнать на работу.

— Как ты вообще попал в плен? — спросил юноша. — Как ты очутился в этой вонючей яме?

Людовико помолчал, будто не желая отвечать, и провел ладонью по лбу.

— Мне надо было оставаться начеку, но я был совершенно уверен, что ты попал в передрагу исключительно по собственной глупости. Иоаннину почти сожгли, а солдаты султана еще стояли в городе, но у меня не возникло проблем, которых нельзя было бы решить деньгами.

— Осада еще продолжается?

— Нет, — Людовико покачал головой. — В прошлом году Али-пашу хитростью выманили из крепости и убили, так что восстание закончилось после его смерти. Это неважно. Видимо, своими вопросами я наделал много шума. Они пришли за мной ночью. Вообще-то это мое время, но и их время тоже.

— Кто пришел?

— Мужчины и женщины, такие же по своей природе, как и я. Их было около дюжины или даже больше. Я весьма немолодой вампир и принял в своей жизни много битв, но эта... Казалось, будто они досконально меня изучили, знали все мои способности и умения. Их сила была просто невероятна. Они точно знали, где я спрячусь, что буду делать, как буду защищаться... Всё знали. Когда они вытащили меня из города и я очутился в горах, я понял, почему это произошло и кто за этим стоит.

— Кто? Да говори уже!

— А иначе что? Ты превратишься в волка?

— Нет, — Никколо взял себя в руки. — Я не могу вызвать превращение силой воли и не знаю почему. Эсмеральда говорит, что я превращаюсь только после того, как меня серьезно ранят.

— Эсмеральда?

При мысли о том, что Людовико когда-нибудь расскажет Валентине об Эсмеральде, юноше стало не по себе.

— Она разбирается в таких вопросах, — он пожал плечами. — Но речь не об этом. Итак, кто же приказал взять тебя в плен?

— Ты знаком с женщиной, которая все это подстроила, — продолжил свой рассказ Людовико. — И даже встречался с ней. Помнишь, на небольшой полянке неподалеку от живописного селения Колони.

Никколо удивленно нахмурился. Он не помнил там никаких встреч. Разве что...

— Ага, вижу, ты вспомнил, — удовлетворенно кивнул Людовико. — Ее зовут Жиана, она из той черни, которую церковь посылает охотиться за такими, как я. Ну и, конечно же, за такими, как ты.

— Так за всем этим стоит церковь? Тут, в Албании? Но что делают дети Тьмы в инквизиции?

Это было просто бессмысленно, как ни крути, и вопрос просто сорвался у Никколо с языка.

— Боюсь, это не церковь привлекла к себе вампиров. За них несу ответственность я, пусть и косвенно. Я нашел эту инквизиторшу в Колони, где вы с друзьями ее оставили. И в минуту слабости я сделал ей предложение, от которого она не смогла отказаться. Я подарил

ей Тьму.

— Что? Да ты... ты спятил! — взвился Никколо.

— Сейчас я склонен с тобой согласиться, — мрачно кивнул Людовико. — Но тогда идея показалась мне хорошей, ведь так я мог отплатить ей за все годы преследований. После становления я отпустил ее, думая, что она сломается.

— Минуту слабости, ну надо же!

— Нет, ты меня не понял. Я говорил о ее слабости. Жиана всегда была крепка в своей вере, но перед смертью ее уверенность пошатнулась, совсем чуть-чуть, но достаточно для того, чтобы предать все, за что она боролась. Это был великолепный момент, поверь мне.

— И теперь она стоит за всем этим?

— Да. Но я не понимаю, какое отношение она имеет к этим землям. Признаться, я обеспокоен. Тут происходит что-то важное, вот только я не знаю, что именно. Мне не удастся понять планы наших врагов.

Никколо устался в темноту. Он не сомневался в словах Людовико. Они были во власти созданий, чьей логики юноша не понимал. И тут он кое-что вспомнил.

— Здесь есть еще один оборотень. Я видел его всего один раз. Другие рабы говорят, что его держат отдельно от всех. Когда-то Байрон рассказывал, что Али-паша хочет создать непобедимую армию.

— Мания величия некоторым кажется добродетелью, — хмыкнул Людовико, но тут же опять помрачнел.

— Как бы то ни было, нам надо выбираться отсюда.

Кивнув, вампир протянул Никколо руку. Помедлив, итальянец пожал ее. Ему казалось, что он сам прокладывает себе дорогу в ад, но выбора не было. Судьба свела их вместе.

48

Горы Пинд, 1823 год

— Разве в темноте ты не должен приобретать особые способности? Может быть, ты сумеешь вытащить нас отсюда?

Людовико поморщился, будто Никколо заставлял его жевать зеленый лимон.

— Ты что, думаешь, что мы еще сидели бы тут, если бы все было так легко? Когда меня взяли в плен, кое-что произошло. Они запечатали мою Тьму, и теперь я не могу добраться до нее, как ты не можешь вызвать в себе волка.

— С вами такое часто случается?

— Нет никакого «с нами». Я знаю лишь нескольких людей, подобных мне, но у нас нет своего общества, нет семей и династий, если ты об этом. Мы одиночки.

Они сидели рядом, прислонившись к стене ямы. Наверное, прошло несколько дней, но сейчас определять ход времени стало еще сложнее, потому что рабов почему-то не отправляли в шахту. С момента прибытия Людовико Никколо и другим пленникам пришлось выходить на работу всего один раз. Тем не менее их продолжали кормить. Нельзя сказать, чтобы Никколо возражал против такого режима.

— А ты должен... пить кровь?

— Вообще или в данный момент? — саркастически фыркнул вампир, но юноша не дал сбить себя с толку.

— И то, и другое.

— Да, меня мучает жажда. Нет, это даже не жажда... скорее напоминает голод. Но я могу держать себя в руках, спасибо, что поинтересовался.

Людовико резко повернул голову, и Никколо услышал чьи-то шаги. А кроме того, он ощутил запах, который, как он знал, сопутствовал вампирам.

— Ну и ну, — голос принадлежал женщине.

Поднявшись, граф пригладил свой порванный камзол и поклонился, Никколо же лишь повернул голову в сторону посетителей.

На краю ямы стояли двое. Какая-то хрупкая женщина, чьи черты лица скрывала Тьма, была окружена Тенями, так что она казалась лишь силуэтом, лишенным цвета и контуров.

Рядом с ней стоял Али-паша. Хотя Людовико и сказал, что паша мертв, тем не менее, это был тот самый человек, который взял Никколо в плен в Иоаннине.

— Я думал, что он погиб, — шепнул итальянец.

— Видимо, слухи о его смерти были сильно преувеличены.

— Я подарила тебе настоящее сокровище, мой правитель, — сказала женщина.

Улыбнувшись, Али-паша погладил рукой бороду.

— Хватит дурачиться, Жиана! — фыркнул Людовико.

Никколо испуганно присмотрелся, но никого не смог узнать в этой бесформенной фигуре, окруженной Тенями.

— Я не дурачусь, Людовико. Просто пришло тебе время искупить свои грехи. Скоро я избавлюсь от груза прошлого и смогу целиком и полностью посвятить себя будущему. А ты побудешь гостем великого Али-паши, который сможет о тебе позаботиться.

— Вот черт, — прорычал Никколо.

Ее чудовищный запах бил вервольфу в нос. Если от Людовико исходил лишь слабый аромат Тьмы, выдававший его натуру, то запах этой женщины был намного сильнее.

Жиана повернулась к нему, словно только сейчас заметила, и ткнула в юношу пальцем.

— Кто это?

— Раб, — отмахнулся паша. — Всего лишь раб.

— Никколо Вивиани?

— Откуда тебе известно мое имя?

Не ответив, Жиана повернулась к Али-паше.

— Ты должен был убить его, глупец! — Ее форма начала меняться, Тени копошились на ней, словно она больше не могла их контролировать.

— Он не такой, как ты сказала. Никакой он не волкодлак, просто глупый мальчишка. Раб, не более того.

Странно было смотреть, как этот могущественный человек оправдывается перед маленькой неприметной женщиной.

— Он тот, кто я сказала, — холодно отрезала Жиана, и Тени на ее теле вновь замерли. — Убей его, как ты мне и обещал. Немедленно!

С этими словами она исчезла, и там, где она только что стояла, не осталось и следа.

— Как она это сделала? — поразился Никколо.

— Это была лишь иллюзия, ее Тень, — ответил Людовико.

Но прежде чем вампир успел объяснить все подробнее,

Али-паша прокричал какой-то приказ, и на краю ямы появился десяток солдат.

Спустив в яму лестницы, солдаты разогнали палками рабов по углам и с обнаженными саблями и заряженными мушкетами направились к Никколо и Людовико.

— Неплохо бы тебе сейчас превратиться в волка, — краем рта шепнул граф.

— Ты же у нас вампир, — Никколо вздохнул. — Убей их, высоси их кровь, соверши какой-нибудь поступок...

Но оба так ничего и не сделали, когда солдаты схватили их, связали и поволокли вверх по лестницам, словно скот.

Десяток тяжеловооруженных солдат повели Людовико в одну сторону, а Никколо потащили в другую, вглубь шахты. Ноги у юноши были связаны, и ему оставалось лишь терпеть. Он думал, что сейчас окажется в комнате с плахой и палачом, но его все тянули и тянули по бесконечным коридорам.

В конце концов надсмотрщики дошли до огромной пещеры. Судя по неровностям стен, она была естественного происхождения, и люди только выбили в полу какие-то ямы. Часть

ям была совсем небольшого размера, не больше двух шагов в диаметре, другие же достигали ширины в десяток метров. В полумраке почти ничего нельзя было рассмотреть: кроме факелов солдат, свет здесь источала лампада среди ям.

Никколо подвели к краю довольно большой ямы и разрезали пути. Юноша уже приготовился к тому, что его толкнут вниз, но солдаты расступились, пропуская кого-то вперед.

— Браво! — Подошедший саркастически зааплодировал.

— Утман-бей, — Никколо кивнул.

С момента их последней встречи бей совершенно не изменился.

— Ты обманывал нас всех много месяцев. Просто поразительно. Выдавать себя за полное ничтожество просто для того, чтобы выжить, да так, что мы ничего не заметили. Мы с повелителем восхищены твоей хитростью.

— Твоим повелителем? Али-пашой?

— Им самым, — Утман-бей самодовольно улыбнулся. — Должен сказать, что его смерть была моей идеей. Все становится намного проще, когда весь мир верит в то, что ты погиб.

Подняв руку, он уставился на свою ладонь. Запястье оплетали Тени, они перепрыгивали с пальца на палец, поднимались к плечу.

— Столько силы! Мой повелитель добр ко мне, — Утман-бей расхохотался, и солдаты отпрянули.

Никколо не ответил, ожидая, что в тело ему вот-вот вопьется серебряная пуля. Они убьют его и оставят труп гнить в этой яме... «Ну и что? — раздраженно подумал он. — Все равно это лучше, чем такая жизнь».

— Встань на колени, — приказал бей.

Никколо упрямо покачал головой.

— Я предпочту умереть стоя.

— Умереть? — Бей опять рассмеялся. — А кто тут говорит о смерти? Нет, ты должен жить.

Никколо пораженно посмотрел на него, и изумление юноши еще больше развеселило помощника Али-паши.

— Ты представляешь большую ценность. Вернее, твоя кровь ценна. Если ты поможешь нам и раскроешь тайну тебе подобных, мой повелитель щедро наградит тебя. Ты сможешь покинуть это место и править вместе с Али-пашой, когда он станет султаном.

— Султаном? — Никколо сплюнул. — Вы связались с дьяволом, и вас ждет дорога в ад. Вам нечего предложить мне, что заставило бы меня помогать вам.

На это Утман-бей не стал возражать. Он кивнул, будто другого и не ожидал.

— Подождем. Время на нашей стороне. Потом поговорим.

Никколо что-то кольнуло в ногу. Вздвогнув, он повернулся, но тут удары посыпались со всех сторон. Кто-то толкнул его, и оборотень полетел в темноту.

Когда он пришел в себя, все тело болело. Никколо упал на руку, и кисть сильно затекла, так что по коже побежали мурашки. Возможно, он мог бы легко перенести падение, но, отбиваясь от солдат, сильно ударился головой. Когда юноша поднялся, в его голове запульсировала боль, а перед глазами вспыхнули разноцветные круги, хотя вокруг было темно. Никколо застонал. Боль постепенно отступала, оставляя лишь ноющее послевкусие, с которым вполне можно было справиться.

Он услышал какие-то слова на незнакомом языке. Кажется, это был вопрос, но итальянец ничего не понял. Фразу произнесли снова, на этот раз на другом языке, но и это не помогло.

— Я не понимаю, — беспомощно ответил Никколо на итальянском. Он чувствовал себя очень глупо, разговаривая с призраком в темноте.

— Как тебя зовут? — Вопрос задали на греческом.

— Никколо, а тебя? — обрадовался юноша.

— Гристо. Бей не знает, что я говорю на этом языке. Я вообще им мало что сказал, — незнакомец захихикал, что прозвучало очень странно в этом мрачном месте. — Бей говорил с тобой. Я тебя знаю. Мы уже виделись.

— Когда?

— Давно. Это было в маленькой комнатке, где тебя допрашивал бей. Он хотел, чтобы я определил, оборотень ли ты.

— Так ты тот тип со шрамами! — догадался Никколо.

Немного помолчав, Гристо рассмеялся.

— Полагаю, можно и так назвать. Но все же я предпочитаю обращение «Гристо». Это, знаешь ли, мое имя.

— Прости, я не хотел тебя обидеть. У меня у самого на теле больше шрамов, чем мне хотелось бы.

Пальцы Никколо скользнули к груди, где остался шрам с той ночи на Женевском озере. Казалось, это было так давно...

— Я солгал, — заявил Гристо, не обратив внимания на извинения юноши. — Когда ты попал в комнату, я тут же почувствовал в тебе волка.

— Так значит, ты сам...

— Да. Но я не настоящий вервольф. Только полукровка.

— Не понимаю, — Никколо приподнял брови.

— Я не родился оборотнем. Мне подарила волка моя возлюбленная. Она волк по крови.

— Ты давно здесь?

— Не знаю, — Гристо ответил не сразу, и его голос зазвучал неуверенно. — Несколько лет?

Никколо разочарованно прижался спиной к стене. Годы плена, тьмы, одиночества, все эти пытки и шрамы... Юноша обхватил руками колени, попытался свернуться в клубок, но, как бы он ни бежал от окружающего мира, это не помогло бы ему выбраться отсюда.

— Моя возлюбленная до сих пор там, снаружи. Она ждет меня. По ночам я слышу ее вой. Она хочет, чтобы я знал, что она не оставила меня. Она поможет нам, когда мы попытаемся сбежать.

— У нее что, с собой целая армия?

— Нет.

— Там снаружи сотни солдат. Этим местом правят вампиры, — Никколо почти кричал. В нем разгорелась ярость, выжигая страх. — И она одна? На что способна одна-единственная женщина?

— Ты себе даже не представляешь, на что способна моя возлюбленная, — возразил Гристо. — Пули, сабли, крепостные стены — все это ее не остановит, когда она высвободит своего волка.

— Почему же она до сих пор не вытащила тебя отсюда?

— Все из-за серебра, этого проклятого серебра. Они добывают серебро из стен, и оно повсюду, и в камнях, и в воздухе. Из-за серебра я не могу найти своего волка, и моя возлюбленная тоже. Все дело в этом месте, Никколо.

— И что же нам теперь делать?

— Ждать. Ждать хоть какой-то возможности. И когда она подвернется, мы убьем их всех.

Прижавшись затылком к холодной стене, Никколо промолчал. Мысль о том, чтобы убить обидчиков, обладала своей притягательностью, и юноша не раз ночами представлял свою будущую месть. Но сейчас для него важнее было выбраться, вновь увидеть небо, вдохнуть полной грудью свежий воздух, поплавать... Ему хотелось вновь смеяться, вести долгие беседы, вкусно есть, пить вино. Хотелось позабыть обо всем, что оставило шрамы на его теле и в душе.

Горы Пинд, 1823 год

Темнота не смущала Людовико. Он ею даже наслаждался, радовался ей, как старому другу. Не мешало ему и одиночество. Если бы не кандалы на руках и ногах, из-за которых приходилось все время стоять, опершись спиной о стену, плен был бы вполне сносным. Вампир попытался разорвать цепи, но они не поддавались, как он и предполагал.

Его удерживал не просто металл. Кандалы были темными, наполненными чернотой, и эта Тьма противилась ему. Людовико попытался призвать ее, но она не покорялась его власти.

Послышались чьи-то шаги, и вскоре дверь распахнулась. В комнату вошли Али-паша и его помощник со множеством колец на пальцах. Людовико знал, что сейчас произойдет — это был уже не первый раз. Паша и бей двигались в полной темноте — как и Людовико, им не нужен был свет.

— Пей! — приказал Утман-бей, сунув Людовико под нос кубок, источавший восхитительный аромат крови.

Кровь была совсем свежей, только из вены, и вампир открыл рот, сам себя ненавидя за это. Голод все усиливался, и редкие угощения лишь подстегивали его.

Теплая кровь потекла по языку, оставляя металлический привкус во рту. Вампир закрыл глаза. Как ее было мало...

— Ты ешь совсем неплохо. Но вот мы... мы пьем кровь всласть.

— Прекрати, Утман, — проворчал паша, наклоняясь к горлу Людовико.

Его клыки прорвали кожу, и Али-паша начал высасывать кровь из вампира. Людовико застонал, мышцы свело судорогой, цепь зазвенела. Затем его крови испил и Утман-бей. Они наслаждались этим процессом, не обращая внимания на попытки Людовико высвободиться. Когда они отступили, вампир повис на цепях. Осталась лишь пустота и голод, от которого он сходил с ума.

Мучители молча покинули комнату. Они почти не говорили с Людовико, а никто другой сюда не заходил. Видимо, это помещение находилось в глубине шахты.

Вампир в своем отчаянии временами думал о том, что же произошло с Никколо, но приказ Жианы был вполне однозначен. Должно быть, бранные останки итальянца сейчас лежат в какой-то пропасти в горах. «Если бы я знал, в какое катастрофическое положение он попал, то ни за что не согласился бы выполнять просьбу Валентины».

Людовико горько рассмеялся. Он лгал сам себе. Он не мог отказать Валентине.

Несомненно, сейчас он находился в худшей ситуации своей столь долгой жизни и понятия не имел, как ему отсюда выбираться.

49

Горы Пинд, 1824 год

Когда они оставались одни, Никколо слушал рассказы Гристо о ночных пробежках волков, о далеких путешествиях в горах, об охоте и тех мгновениях, когда ты загоняешь и рвешь на части добычу. Перед его внутренним взором представляли широкие равнины, густые леса, величественные вершины гор. Юноша видел себя свободным, и в нем росла тоска, превосходившая его желание выбраться отсюда.

Истории Никколо интересовали Гристо не меньше, и итальянец рассказывал о своей семье, поездках, о знакомстве с Байроном и другими поэтами и, наконец, о той роковой ночи на берегу Женевского озера.

— Церковь сильна у вас? — спрашивал болгарин.

— На некоторых землях да, на других же она слабее или раздроблена. А у вас не так?

— Нет, и у нас, там, откуда я родом, люди верят в Бога, но они не подчиняются

Римскому патриарху. Многие из них сохранили древние знания и не боятся нас. И все же мы в основном скрываем свою сущность. Так безопаснее.

Солдаты, принося им еду, всегда приходили по двое. Они были очень осторожны и старались не подходить к краю ямы.

Утман-бей больше не появлялся. Если он рассчитывал, что Никколо сойдет с ума от одиночества, варясь в собственном соку, то его ожидало разочарование. Пленники не могли видеть друг друга, но сама близость Гристо была бальзамом для израненной души Никколо. Их разговоры помогали ему не отчаиваться в темноте. Они говорили о странах, в которых родились, учили друг друга словам своего языка, обменивались историями, шутили и даже смеялись, и Тьма на время отступала.

Наконец-то Никколо нашел человека, который понимал его вопросы.

— Однажды ты всему научишься, — утешал его Гристо. — Когда мы выберемся отсюда, оставив позади эту проклятую серебряную шахту, я приму тебя в мою стаю. Если ты поживешь с нами, то научишься находить в себе волка тогда, когда он тебе нужен.

Из разговоров с Людовико Никколо знал, что сам пробыл здесь уже год, а Гристо, должно быть, и того больше. Этому человеку пришлось многое пережить, но он обладал такой непоколебимой верой в успех, что сумел все вынести. Когда Никколо спросил его об этом, болгарин ответил:

— Она ждет меня. Я переплыл бы глубочайшее море, перебрался бы через высокие горы, чтобы быть вместе с ней, и я знаю, что и она готова пойти ради меня на все. Именно это и делает нас теми, кем мы являемся.

Никколо прекрасно понимал его чувства, ведь именно мысли о Валентине помогали ему не сломаться в худшие минуты. «Как сказал Людовико? Она мой свет в темноте ночи? Что-то вроде того, — с этими мыслями в юноше зрело решение. — Если мы будем просто сидеть тут и ждать, то возможности сбежать так и не представится».

Стены ямы были слишком высокими, и, как ни старайся, их не перепрыгнешь, да и орудий, чтобы облегчить себе подъем, у Никколо не было, и все же он пытался выбраться. Двигаясь ощупью в темноте, он искал кончиками пальцев мельчайшие неровности поверхности стен, впадины и выступы, там трещинка, здесь уступ. Стены освещались только во время прихода солдат, так что приходилось работать в абсолютной темноте. Юноша соскальзывал вниз, подъем резко обрывался, или же он просто не мог в очередной раз найти место, казавшееся таким многообещающим.

Когда приходили надсмотрщики, Никколо сжимался в углу, будто покоришься судьбе, но, как только они уходили, он продолжал работу. Постепенно он изучал стену сантиметр за сантиметром, запоминал все ее шероховатости, изучал ее секреты. Сперва он смог подняться на метр, потом на два, но тут подъем оборвался, и пришлось сменить место у стены.

Опять мучительный первый метр, то там, то тут трещинки, за которые можно зацепиться. Пот ручьями лил со лба, пощипывая глаза, но Никколо лишь жмурился и продолжал свой подъем. У него оказалась очень сильная хватка, намного сильнее, чем он ожидал. Работа в шахте удивительным образом придала юноше сил. Он не сдавался.

И вот, в какой-то момент Никколо нащупал пальцами лишь пустоту. От неожиданности он чуть не упал, но сумел ухватиться за край ямы и начал подтягиваться. На мгновение итальянец так и повис, не зная, упадет или удержится, но затем ему удалось перевалиться через край. Он запыхался, все тело было покрыто потом, но он выбрался наружу.

— Никколо? Никколо, с тобой все в порядке?

Не успев ответить, юноша увидел вдалеке отблески огня.

— Да. Готовься.

Пригнувшись, он побежал к выходу из пещеры. На стене уже плясали тени, и Никколо испугался, что его заметят. Он спрятался у выхода.

Вошли двое солдат. Один держал факел, другой нес две небольшие корзинки с едой и канат. Они прошагали мимо пленника, не заметив его. Никколо взмолился Богу, чтобы они сперва направились к яме Гристо — порядок выдачи еды не был установлен, и тут все

зависело только от настроения надсмотрщиков. Словно подслушав его мысли, солдаты пошли к яме друга по несчастью.

Никколо бросился вперед. Ему казалось, будто его босые ноги громко шлепают по камням, но солдаты как раз прикрепляли корзинку к канату и не заметили его.

Закричав, Никколо ударил первого солдата плечом в спину. Споткнувшись, тот выронил факел и упал в яму Гристо. Другой надсмотрщик, склонившийся над корзинкой, дернулся и схватился за саблю, но Никколо пнул его в лицо, не оставляя времени обнажить оружие. Они повалились на пол. В горле у солдата клокотало, из сломанного носа текла кровь, но Никколо, не останавливаясь, все бил и бил его по лицу, выпуская весь скопившийся гнев и страх прошлых месяцев. И только когда надсмотрщик уже не шевелился, итальянец поднялся.

— Никколо! — шепотом позвал Гристо.

Осторожно перегнувшись через край ямы, юноша заглянул вниз. Гристо сидел на спине упавшего солдата, сжимая в руке окровавленный камень.

Торопясь, насколько можно, Никколо спустил в яму канат и уперся ногой в выступ, удерживая один его конец, пока Гристо поднимался.

Впервые они оказались лицом к лицу. Гристо был высоким, намного выше Никколо. Длинные волосы спутались. На пленнике была лишь набедренная повязка. Возраст определить было сложно, но Никколо предположил, что болгарин лишь на пару лет его старше.

Гристо широко улыбнулся, и на его грязном лице блеснули неожиданно белые зубы. Глаза светились задором. Подскочив к Никколо, он крепко обнял юношу. От болгарина исходил резкий запах, но Никколо осознавал, что и от него пахнет не лучше, поэтому не обратил внимания. Раньше Гристо был для него лишь голосом, теперь же можно было ощутить его прикосновение.

— Нужно спешить, — Гристо отступил на шаг. — Скоро они заметят наше отсутствие. Нужно выбираться из шахты.

— Я должен найти Людовико, — возразил Никколо.

— Что, этого кровопийцу? Но зачем?

— Я... обещал ему. Он попал сюда из-за меня. Я должен это сделать.

Гристо разрывался между пониманием действий Никколо и тревогой, но в конце концов принял решение.

— Хорошо. Пойдем, поищем твоего странного друга.

Наклонившись, болгарин обыскал солдата, по-прежнему лежавшего без сознания, и столкнул его в яму. Затем он вытащил из корзины с едой кусок хлеба и разломил его пополам.

— Что еще зря пропадать, верно?

Кроме того, Гристо протянул юноше саблю и кинжал.

— Умеешь с этим обращаться?

Никколо неуверенно взял в руки кинжал.

Жуя сухой хлеб, они вышли в коридор.

Чудовищный голод сводил Людовико с ума. Вампир беспомощно обвис на путях, и ему казалось, что он слышит какой-то шум, крики, даже выстрелы. Будто он очутился в прошлом, как тогда, у Бикокка⁶³, и грохочут испанские аркебузы...

Но тут дверь распахнулась, и видения прошлого померкли. К нему подбежал Никколо Вивиани. Юноша что-то крикнул, повернулся и втащил в комнату еще какого-то мужчину, сражавшегося с солдатом. Вивиани вместе с незнакомцем набросились на надсмотрщика, повалив его на землю. Блеснул кинжал, из-под вспоротой формы ударил фонтан крови. Запах

⁶³ Имеется в виду битва при Бикокка в Ломбардии в 1522 году.

бил Людовико в нос, заглушая все остальное. Теперь голод стал еще сильнее.

— Крови... — прохрипел он, не сводя глаз с раны, изливавшей драгоценные жизненные соки.

Никколо ужаснулся, а незнакомец, чье тело покрывал странный узор шрамов, мрачно отвернулся и подошел к двери, но вампиру сейчас не было дела до их реакции на его слова.

— Он и так уже почти умер, — заметил Гристо.

По-прежнему колеблясь, Никколо приподнял умирающего солдата и, взглянув на Людовико, поднес шею раненого к его губам. Жадно прижавшись к ране на горле, вампир начал пить.

С каждым глотком его силы восстанавливались, Тьма внутри становилась сильнее, требовала большего. Людовико пил кровь умирающего до тех пор, пока не иссушил его. Он измазал кровью подбородок и губы и сейчас хотя бы мог стоять на ногах.

— Испугался? — усмехнулся вампир, глядя на Никколо.

Юноша, проведя ладонью по рту, упрямо покачал головой:

— Нет.

— Зря. Я же говорил тебе, кто я. Думаешь, это шутки? Думаешь, я мрачный герой в стиле твоего дружка лорда Байрона? Мучимый сомнениями, неспособный жить в этом мире? Нет, меня терзает лишь жажда крови.

— Сейчас они позовут подкрепление, — вмешался незнакомец. Он говорил по-гречески. — Может быть, перестанете трепаться?

— Освободите меня от пут.

Никколо дернул за цепи, но они не поддавались. Затем он попытался выдернуть железные штыри из кандалов, но и они не шевелились.

— Свет. Нам нужен свет, — объяснил Людовико. — Кандалы пропитаны Тьмой. Их нельзя снять или разорвать цепи. Даже я на это не способен.

Незнакомец протянул Никколо факел, и юноша осторожно поднес огонь к рукам вампира.

— Погрузи металл в огонь, ну же!

— Но твоя рука! — возразил Никколо. — Ты же сгоришь!

— Рука заживет, но только если мы выберемся отсюда. Давай же!

Когда пламя заплясало на его запястьях, Людовико завопил от боли. Кожа затрещала, в воздухе запахло горелой плотью — огонь жег волосы, кожу, мышцы. Вампир пытался замолчать, но боль была слишком сильна. Он изо всех сил дернул рукой — и металл сломался. Там, где пламя касалось кандалов, Тьма отступала, и в боли Людовико нашел утраченную прежде силу.

Посмотрев на обуглившуюся руку, на черную, потрескавшуюся кожу запястий, вампир застонал.

— Дальше, — сжав зубы, приказал он.

Никколо медлил, и Людовико, выхватив у него факел, поднес огонь к кандалам на второй руке. На этот раз он ожидал боли, но от этого она не становилась меньше.

Чувствуя, что больше не выдержит, вампир дернул рукой. Кандалы распались, но боль в запястье была невыносима.

Закрыв глаза, Людовико попытался подавить боль, пока она не завладела всем его естеством. Постепенно от нее осталась лишь слабая пульсация, и вампир открыл глаза. Никколо отступил на шаг, его глаза расширились от ужаса, незнакомец же наблюдал за происходящим с любопытством.

— Ты бы лучше подносил пламя к цепи, а не к самим кандалам, раз уж ты так легко рвешь металл, — мужчина злорадно ухмыльнулся.

— Неплохая мысль, — хмыкнул Людовико. — Жаль, что она пришла тебе в голову так поздно. Но ты прав.

Теперь, хотя огонь и был слишком близко к телу вампира, процедура освобождения стала менее болезненной.

Людовико осторожно сделал шаг вперед. Цепь, по-прежнему висевшая на его ноге, звякнула об пол.

— Ты хотел меня освободить, — вампир повернулся к Никколо. — Спасибо тебе.

— *Quid pro quo* ⁶⁴. Ты пытался спасти меня, теперь настал мой черед. Тут не нужны благодарности.

— У нас нет времени! — рывкнул незнакомец. — Надо выбираться!

Людовико кивнул.

— Как тебя зовут?

— Гристо, — он скорее прорычал, чем проговорил свое имя, и резко дернул головой. — Они идут!

И действительно, в коридоре слышались шаги, тяжелые башмаки стучали по полу. Чей-то голос отдавал приказы.

Никколо не нужно было понимать чужую речь, чтобы догадаться, кто это.

— Али-паша, — он повернулся к Людовико. — Ты сможешь с ним справиться?

— С Али-пашой и его цепным псом Утман-беем? — Вампир поднял израненные руки. — В лучшие времена это было бы возможно. Но здесь и сейчас? Нет. А вы что же? Почему бы вам не отрастить немного шерсти и не поковылять на луну?

— Не получается, — прошипел Гристо. — Не в этой шахте. Здесь серебро.

— Ага. Значит, мы опять в ловушке. Как бы то ни было, я благодарен вам за отвагу и находчивость. Жаль, что нам это не помогло. Хотя... — Ему в голову пришла одна идея.

Пока Гристо закрывал дверь, Людовико поспешно проверил, в какой мере к нему вернулись его способности. Тени повиновались его воле, а Тьма легко формировалась вокруг. Ухмыльнувшись, вампир посмотрел на Никколо.

— Серебро не позволяет вам обратиться в волков, так?

Итальянец кивнул.

В этот момент в дверь ударили, но Гристо удерживал ее изо всех сил. Никколо бросился ему на помощь. Снаружи что-то крикнули, и дверь сотряслась вновь.

Из углов комнаты к Людовико потянулись Тени, огибая факелы, оставленные Никколо на полу. Тени поднимались по ногам вампира, обволакивали все его тело и, наконец, объяли его целиком.

— Скажем так, я могу вам помочь. Тени нам не мешают.

Гристо посмотрел на него с отвращением, будто Людовико предложил ему есть детей, но в конце концов все же кивнул.

— Но один я не справлюсь. Их слишком много.

Подняв кинжал, Никколо приставил острие к своей груди и сглотнул.

— Ты будешь не один.

И вот настал тот момент, которого она так давно ждала. Волчица сидела на холме, прячась в тени двух огромных скал. Солнце висело над самым горизонтом, а внизу в долине жизнь шла своим чередом. Она уже собралась отправиться на охоту, когда раздался *зов*.

Ее сердце забилося чаще. Это был не приветственный вой, не игривый лай. Это был крик, зовущий на охоту, в бой. Вой оборотня пронесся по коридорам шахты, и тут к зову примешался другой голос, громкий и чистый, и в этом голосе звучали ярость и безграничная ненависть — он будет гнать свою добычу до конца.

Пригнувшись, волчица серой тенью скользнула со склона в долину.

Заварушка в шахте обеспокоила солдата, но он был на дежурстве на стене, так что пускай другие с этим разбираются. Вероятно, пара рабов решила поднять восстание, но скоро им придется понять, что с голыми руками на сабли и мушкеты выходить не стоит.

⁶⁴ Одно вместо другого (лат.).

Конечно, в узких коридорах сражаться неприятно, и солдат радовался, что сейчас он не там.

Да и вообще, паршивые настали времена, в особенности с тех пор, как посол устроился в крепости. Ночью он ходил туда-сюда, проверяя работу часовых. Говаривали даже, что он требует, чтобы к нему приводили рабов. В этом не было бы ничего необычного. А на то, что среди рабов были как мужчины, так и женщины, а к тому же дети и старики, можно было бы закрыть глаза. Но ходили слухи, будто все рабы, побывавшие в его покоях, болели, а Некоторые даже умерли. Солдат эта напасть еще не коснулась, но многие из них уже обзавелись талисманами и натирались чесночным соком.

В шахте слышался громкий вой, но солдату удалось убедить себя в том, что это кричат рабы.

Вдруг его внимание привлекло какое-то движение сбоку в поле зрения. В слабом свете заходящего солнца блеснул светлый мех и скрылся между двух скал, а потом появился вновь. Часовой не мог поверить своим глазам.

Это была та самая волчица. В этом не было сомнений. Ее давно уже не видели, говорили даже, что она ушла из этих мест, а один солдатик дошел до того, что заявил, будто он пристрелил зверя, а тело упало в пропасть, но все знали, что это ложь. Этого наглеца подстерегли за плавильней и начистили ему физиономию, так что он во всем сознался. Спор давно отменили, а собранные деньги роздали.

И все же солдат зарядил мушкет и приготовился стрелять. На деньги ему было наплевать. Сейчас речь шла о его чести. Как будут завидовать ему товарищи, когда он покажет им волчью шкуру! В этот раз волчица не убегала, наоборот, она двигалась прямо к крепостной стене, будто хотела ее перепрыгнуть. Солдат целился. Чем ближе она подойдет, тем легче будет попасть. Сзади в шахте кто-то кричал, но часовой не обращал ни на что внимания. Важен был лишь выстрел. Палец лег на курок.

И тут волчица начала меняться. Прямо в прыжке ее тело вытянулось, стало намного крупнее, голова отяжелела, и лапы, коснувшись земли, оказались в два раза длиннее и мускулистее. Теперь это создание уже не напоминало волка. «Вурдалак, — в ужасе подумал часовой. — Оборотень!»

Одним прыжком вервольф очутился на стене. Его когти впились в камни, и уже через пару мгновений он приземлился на камни рядом с солдатом. Парень выстрелил, но пуля, вошедшая в бедро, не причинила оборотню никакого вреда. Повернув голову, женщина в облике полуволка-получеловека занесла левую лапу и, обнажив клыки, зарычала.

Теперь солдат слышал крики, волчий вой и выстрелы, но оборотень уже бросился на него, и мир померк.

Людовико, несмотря на боль, чуть не рассмеялся. Ему не было жаль этих людишек, убежавших с их пути.

Гристо обернулся волком с рыжевато-коричневой шерстью. Он прыгал на солдат, бросая их на землю. Всю ширину коридора занимал Никколо — полуволк-получеловек. Благодаря Теням, хранившим оборотней от действия серебра в шахте, оба выглядели еще страшнее. В темноте их почти нельзя было разглядеть, ведь Тьма окутывала их тела, развеиваясь пологом мантии при каждом их движении.

Никколо легко справлялся с солдатами. Одного его удара хватало на то, чтобы разорвать противника на части, его укус ломал кости и рвал тела. А еще оборотень двигался очень быстро. При первой атаке, когда у солдат оставалось время на выстрел, вервольф даже не дернулся, когда в него попала дюжина пуль.

Оборотни выли, прыгали вперед, сражались плечом к плечу, а Людовико оказывал последнюю услугу оставшимся после них раненым. Он лакомился их кровью, и с каждым глотком его раны исцелялись все больше.

Тем не менее вампир старался держаться от Гристо и Никколо подальше. Если болгарин контролировал свои действия, то в Никколо пылала животная ярость, и Людовико чувствовал, что это не его друг-итальянец сеет смерть среди врагов, а что-то совсем другое.

Пленники теснили солдат по коридору, и те, кто не хотел отступать, погибали. Кого-то затоптали собственные товарищи, спешившие убратся отсюда. Людовико добивал и их — они не могли оставлять врагов за спиной.

Троица добралась до большой пещеры, в которой засел отряд солдат под предводительством Утман-бея. Люди не могли противиться его приказам. «Кровь от крови моей», — в ярости подумал Людовико и отступил в Тень. Гремели мушкеты, выли оборотни.

Утман-бей почувствовал его приближение. Резко повернувшись, он поднял руки. Людовико ударил, но бей уклонился и нанес ответный удар, расцарапав вампиру кольцами щеку.

Людовико в ярости призвал Тени и натравил их на бея, но тот сопротивлялся. Пару мгновений равновесие противоборствующих Теней удерживалось, а затем Людовико, закричав, вложил всю свою силу воли в атаку. Бей отступил, но Тьма Людовико ударила его, повалила на колени. Старый вампир знал холод своих Теней, они были холоднее льда и морозной ночи. Тени проникали в тело Утман-бея, лишали его воздуха.

Улыбнувшись, вампир склонился над поверженным противником.

— Я забираю у тебя силу моей крови, — процедил он. — Зря вы считали, что справитесь со мной. Или с ними, — Людовико мотнул головой в сторону вервольфов, рвавших солдат, словно зайцев.

Это была настоящая резня.

Конечно, бей не повернул голову. Он был слишком занят — пора было готовиться к смерти.

И вдруг Людовико объяла Тьма. Крик заглох в его горле.

Люди бежали прочь, оставляя за собой запах страха. Запрокинув голову, оборотни издали победный вой.

Никколо окружала Тьма, Тени, холодившие его мех, и что-то внутри не позволяло ему сопротивляться этому.

Волк помчался вперед, и Никколо последовал за ним. Он доверял Гристо, даже когда тот был под защитой Тьмы. Они пересекли пещеру, но тут что-то преградило им путь. Оборотень зарычал, когда Тени вокруг заплясали. Из коридора, откуда веяло свободой, вышел какой-то старик, источавший запах Тьмы. Он поднял руку, и его Тьма обвилась вокруг вервольфа, прижимая его к полу. Гристо схватили Тени, отбросили его в сторону, и волк, ударившись о камень, замер. Тени отпрянули, по израненному телу волка прошла дрожь, и на полу вытянулся голый мужчина.

Оборотень противился Тьме, кусал и рвал Тени, видя, как они сплетаются вновь. Тени были сильны, но и он не слаб. Они не могли удержать его, поддавались под его напором, и Никколо сделал шаг к врагу. Старик улыбался в бороду. Еще шаг. Он был совсем близко.

— Впечатляет, — пробормотал бородач. — А что будет, если мы уберем Тьму?

Его пальцы мелькнули в воздухе, будто он ухватился за невидимый канат и дернул. И Тени отпрянули от оборотня, исчезли, будто он источал свет. Все тело пронзила боль. Боль шла отовсюду, она въедалась в кожу, раздирала плоть. Никколо упал на колени и, взыв, обхватил лапами голову. Старик рассмеялся.

Охваченный яростью, вервольф прыгнул вперед. Боль истязала тело, заставляя превратиться в человека. Еще один прыжок, лапы вытянуты вперед, голова опущена. Всем своим весом оборотень навалился на бородача. Тело Никколо дрожало, мышцы укорачивались, кости становились тоньше, изменяли форму, шерсть втягивалась в кожу. Вместе с силой ушла и боль. Юноша вытянулся на полу. Теперь он был в облике человека.

Не вполне понимая, где он находится, Никколо оглянулся. Неподалеку с трудом поднялся Людовико и, сделав один неуверенный шаг, опять осел на пол и покачал головой. Итальянец лежал на каком-то человеке. Он не сразу понял, что это Али-паша. Правитель был фактически разорван надвое, такой глубокой была рана на груди, но все же его глаза еще двигались, а губы расплылись в страшноватой ухмылке, обнажив красные от крови губы.

И вдруг рядом с Никколо очутился Людовико. Вампир сжимал в руках меч, отобранный у кого-то из павших солдат.

— Надо было тебе убить его в самом начале, — прошипел он. — Как она тебе и приказывала. Но задним умом мы всегда крепки.

Его удар снес Али-паше голову, и ухмылка старика погасла.

— Пойдем. Второй раз у меня этот трюк не сработает.

Никколо кивнул. Он по-прежнему не мог прийти в себя от окружавших его разрушений. На этот раз от перевоплощения осталось больше воспоминаний, и юноше казалось, что он лучше контролировал свои поступки в облике полуволка.

Они подбежали к Гристо. Болгарин пришел в себя. Кровь текла из его ран, но он сам смог подняться на ноги, и Никколо вновь удивился силе его воли.

И тут прозвучал грохот взрыва. Пол задрожал, как от землетрясения, с потолка посыпалась пыль.

— Что это? — удивился Людовико. — Такое ощущение, что взорвалась целая бочка с порохом.

— Ну я же говорил, ты себе даже не представляешь, на что способна моя возлюбленная. — Гристо радостно улыбнулся. — Пойдемте!

Они понеслись по коридору. Никколо сумел найти дорогу, которой часто пользовался, когда возил тележки из шахты. Он настоял на том, чтобы сбросить рабам в ямы лестницы, и только после этого они двинулись дальше.

Впереди забрезжил слабый свет, и итальянец почувствовал запахи свежего воздуха, гари и... крови. Наконец они преодолели последние метры до выхода. Снаружи к небесам, отмеченным полоской света на горизонте, вздымался столб дыма.

А перед входом в шахту взад-вперед бегал гигантский вервольф. Никколо впервые собственными глазами увидел то, о чем ему раньше приходилось только слышать. Существо было покрыто светлым мехом, его фигура немного напоминала человеческую, но оно было намного крупнее. Широкие плечи и грудь, изогнутые, как у волка, лапы, короткая шея, венчавшаяся массивной волчьей головой. Навострив уши, создание повернуло к ним морду.

Заметив Людовико, оборотень зарычал, но Гристо успел встать между ними.

— Он друг. Он спас меня.

Зверь явно понимал его. Запрокинув голову, полуволок-получеловек завыл, и Никколо почувствовал, какая радость звучит в этом голосе. Судя по всему, это была подруга Гристо.

На поверхности также царили хаос и разрушения. Во внутреннем дворе крепости лежали разодранные тела солдат, кто-то бежал прочь, из шахты доносились крики рабов.

— Пойдемте.

Они покинули крепость, и Никколо мчался со всех ног, наслаждаясь чувством свободы.

Горы Пинд, 1824 год

Лишь отойдя на значительное расстояние, они остановились. Никколо запыхался, и ему пришлось опуститься на колени, чтобы прийти в себя. В долине внизу полыхали дома, в воздух поднимался темный дым, закрывая звезды. Из крепости бежало множество людей. Рабы и солдаты мчались рядом, пытаясь спасти свою жизнь.

Теперь Никколо смог рассмотреть своих спутников — все уже приняли человеческий облик. Людовико старался держаться от Гристо и незнакомки подальше. Женщина, казалось, совершенно не запыхалась от бега. Она была невысокой и очень жилистой: видно было, как напрягаются мышцы ее тела. При этом незнакомка совершенно не стеснялась своей наготы. Ее маленькая грудь и плоский живот мерно вздымались и опускались. На кожу налипли пыль и кровь, волосы свалились и вообще выглядели так, словно их небрежно подрезали

ножом.

Женщина стояла рядом с Гристо, не сводя с него глаз. Ее пальцы гладили его кожу, скользая по шрамам. Он опустил голову и что-то пробормотал, а она подошла к нему поближе и потерлась щекой о его шею, не прекращая поглаживать его тело.

Они замерли на вершине холма, молча погружившись в свои мысли, и Никколо не решался мешать им. После всех разрушений и смертей Гристо и его подруга являли собой очень мирное зрелище, которым юноша мог наслаждаться.

Наконец женщина сделала шаг назад. Оглянувшись, она посмотрела на Никколо так, будто видела его в первый раз, и что-то сказала. Обняв ее за плечи, Гристо улыбнулся.

— Катя, — представилась она.

— Никколо, — юноша поклонился.

Внезапно он осознал, что тоже голый, и его охватило острое чувство стыда. Никколо представил друзьям Людовико, но женщина лишь бросила на вампира неодобрительный взгляд и тут же начала что-то рассказывать Гристо. Тот перевел слова Кати на греческий:

— Она говорит, что ты такой же. У тебя волк в крови.

Посмотрев на женщину, Никколо с сожалением покачал головой.

— Я не понимаю, как это возможно. Да, ритуал был проведен, но не до конца. Я не должен был стать вервольфом.

Услышав перевод Гристо, Катя энергично замотала головой.

— Ты такой же, как и она. Тебя сделал оборотнем вовсе не ритуал, — переводил Гристо, вслушиваясь в поспешную речь подруги. — У тебя волк в крови. Он был всегда, с самого твоего рождения.

— Что это значит, что у меня волк в крови?

— Меня вот... сделали волком. Она подарила мне волка, чтобы мы могли быть вместе. Но она сама и есть волк. Она такой родилась. Ее род — род волков.

Никколо удивленно нахмурился.

— Скажи ей, что у меня в семье не было оборотней. Мои родители не были вервольфами. Только я такой. Я родом из Италии, черт побери, у нас такое вообще-то не считается нормальным!

На этот раз Катя говорила дольше, и Гристо дослушал ее речь до конца, прежде чем переводить.

— Волчья кровь есть и в Италии. Давным-давно оборотни пришли вместе с кочевыми племенами восточных степей. Они шли за ханом Аспарухом⁶⁵ и сражались вместе с людьми. Их почитали, как тому и надлежит быть. Когда сыновья хана Кубрата пошли каждый своей дорогой, оборотни продолжили им служить. Один из сыновей Кубрата отправился в Италию. Его звали Альцек⁶⁶. Среди его воинов тоже были оборотни. Когда из Рима и Константинополя пришли христиане, кочевники отступились от своих взглядов и приняли Христа. Но оборотни остались вместе с ними — иногда окруженные все тем же почетом, иногда таящие свою сущность.

— Погоди-погоди, — остановил его Никколо, пытаясь осознать смысл этих слов. — Ты хочешь сказать, что мои предки были кочевниками? Но я из итальянской семьи!

— Да, они были болгарами, — Гристо пожал плечами. — Все это было так давно. Кто сможет сказать, кто стоял у истоков вашей семьи?

— Но почему я? Почему не мои родители? Не моя сестра?

Гристо перевел этот вопрос, и Катя опять начала говорить.

Никколо нетерпеливо ждал, не сводя глаз с ее заострившегося лица. Даже сейчас в ней

⁶⁵ Хан Аспарух — третий сын хана Великой Болгарии Кубрата, жил в конце VII в. н. э., основал первое болгарское государство на Дунае.

⁶⁶ Альцек — пятый сын хана Кубрата, привел своих сторонников-болгар в Италию, где они и осели.

еще проглядывали волчьи черты — в блеске глаз, в наклоне головы, когда женщина к чему-то прислушивалась.

— Она говорит, что если ты можешь оборачиваться в волка, то на это способна и твоя сестра, если у вас одни и те же родители. Иногда кровь молчит, но она не может онеметь.

Внезапно Никколо представил себе, как Марцелла впадает в ярость, что с ней не раз случалось, и тогда... Об этом даже думать не хотелось. Ужасно, просто ужасно.

— Как мило, — фыркнул Людовико. — Целая семья волчат.

Зарывав, Катя отрывисто пролаяла пару слов, но Гристо схватил ее за руку и начал в чем-то убеждать.

— По-моему, я ей не нравлюсь, — сухо заметил вампир.

— Она благодарна тебе, — объяснил Гристо. — Но нам, вервольфам, нелегко находиться рядом с тобой. Ты должен уйти.

— Нет проблем, в этой восхитительнейшей гостеприимной стране меня больше ничто не задерживает. А ты что будешь делать, Никколо?

Юноша неуверенно перевел взгляд с пары оборотней на Людовико и обратно. Он думал о словах Гристо, о предложении пожить в стае и попытаться понять, кто он на самом деле такой. «Кем бы я ни был, у меня все равно есть обязательства», — понял Никколо.

— Сперва я должен позаботиться о моей семье и предупредить друзей, — объяснил он. — Но я хочу многое узнать и многому научиться. Мы сможем увидеться еще?

— Мы всегда будем тебе рады, волчонок. Твое место рядом с нами. Катя научит тебя принимать твое наследие. Она поможет тебе... восстановить душевную целостность.

Женщина улыбнулась Никколо, и тому на мгновение показалось, что он попал домой.

Париж, 1824 год

— Дорогая графиня, не было никакой необходимости приходить сюда лично, — коренастый секретарь министра иностранных дел едва мог скрыть свое недовольство ее внезапным визитом. — Я уверен, что письменное прошение...

— Опять не дало бы никакого результата, — перебила его Валентина.

Ее терпение было на исходе. За последние недели она написала множество писем, общалась с разными политиками, задействовала все рычаги, чтобы выяснить судьбу Людовико, но ее муж, казалось, как сквозь землю провалился.

Вот уже три месяца она не получала от него никаких новостей. Последнее его письмо было доставлено с корабля, на котором Людовико направлялся в Албанию, а затем его след терялся, и Валентине казалось, что во Франции не было ни одного человека, который захотел и смог бы ей помочь.

Министр иностранных дел Шатобриан⁶⁷ был ее последней надеждой, но сперва предстояло пробить оборону этого чиновника, столь рьяно охранявшего вход в комнату своего начальника, словно он был разжиревшим Цербером у входа в преисподнюю.

— Послушайте, почему бы вам просто не попробовать? — Валентина мотнула головой в сторону двери. — Спросите министра, не согласится ли он меня принять.

Толстенький секретарь неуверенно поднялся со стула и скрылся в кабинете Шатобриана. Через пару мгновений дверь распахнулась, и чиновник, поклонившись, позволил Валентине войти.

Министр иностранных дел оказался кряжистым мужчиной с густыми черными волосами, такими взъерошенными, что казалось, будто он специально их растрепал. Подойдя к Валентине, Шатобриан поцеловал ей руку.

— Моя милая графиня, если бы я знал, что этот глупец заставляет вас ждать в приемной, я немедленно вышел бы вам навстречу. Мадам де Рекамье весьма восторженно

⁶⁷ Франсуа Рене де Шатобриан — французский политик и писатель.

отзывалась о вас.

— Благодарю, мсье, не могу не ответить вам таким же комплиментом. Следуя совету Жюли, я прочитала «Аталу»⁶⁸, и это принесло мне большое наслаждение.

Министр, самодовольно улынувшись, слегка поклонился.

«Если лесть позволит мне добиться своего, — подумала Валентина, — то я еще, чего доброго, начну хвалить его прическу или вкусы короля».

— Я очень благодарна вам за то, что вы согласились на эту аудиенцию, милорд.

— Прошу вас, присаживайтесь. Насколько я понимаю, речь идет о семейных проблемах с вашим мужем графом Карнштайном, не так ли? — осведомился Шатобриан.

— Он уехал по делам в Османскую империю, и я с начала года не получала от него писем, чего раньше никогда не случалось. И вообще, у меня о нем нет никаких вестей, и это крайне меня беспокоит.

«От угрызений совести я не могу спать ночью. Это ведь я отправила его туда на поиски Никколо. Если теперь пропадут они оба, я себе этого никогда не прощу».

— Понимаю. По какому делу ваш муж направился туда?

— Это связано с импортом серебра, — не моргнув глазом, ответила Валентина. — Мой муж хотел осмотреть серебряную шахту, которую собирается приобрести.

Ложь далась ей легко, ведь она была недалеко от правды.

— Османская империя — весьма сложное государственное образование, — задумчиво протянул министр, принимаясь ходить туда-сюда по комнате. — Это многонациональная страна, и множество народностей стремятся к созданию своих государств. Фактически там постоянно ведется гражданская война, и я боюсь, что французское влияние в этом регионе невелико. «Больная на Босфоре»⁶⁹, так, кажется, говорят. Если ваш супруг намерен вести там дела, то он отважен до безрассудства.

— Да, такова его природа, — улыбнулась Валентина. — Но сможете ли вы помочь мне, милорд?

— Посмотрим, что я смогу сделать, — пообещал Шатобриан.

— Благодарю вас, — Валентина встала. — Пожалуйста, сообщите мне, если вам что-либо станет известно.

Монастырь неподалеку от Каламбаки, 1824 год

Никколо смотрел вниз. Монастырь, в который его привели Катя и Гристо, был построен на высокой скале. Когда они пришли сюда ранним утром, скалы были укутаны туманом, и казалось, что это место получило свое название не зря — с болгарского оно переводилось как «Плывущий в воздухе».

Монахи подняли их наверх, сбросив вниз сетку на канате, и, следуя христианским заповедям о любви к ближнему, предоставили скромную пищу и жилье. Никколо благодарил их от всей души, мучаясь, впрочем, угрызениями совести — если бы монахи знали об истинной природе своих гостей, вряд ли они проявили бы такую доброту.

Вымывшись и побрившись, итальянец впервые за долгое время почувствовал себя тем человеком, каким был раньше. Конечно, его раны давно зажили — Катя при помощи Гристо объяснила, что это проявление его дара, — но шрамы напоминали Никколо о шахте и о борьбе...

Он услышал запах Людовико еще до того, как вампир приблизился. С каждым превращением чувства Никколо становились острее, и он не знал, какие еще перемены ему предстоят. «Может быть, когда-то и в человеческом облике в моих чертах будет

⁶⁸ Роман Шатобриана «Атала, или Любовь двух дикарей в пустыне».

⁶⁹ «Больная на Босфоре» — популярный в XIX в. перифраз для обозначения Османской империи.

проглядывать волк, как у Кати?»

— Солнце скоро сядет, — заметил Людовико, облачиваясь о выступ стены. — Поразительно, и как они построили этот монастырь на такой высокой скале? — Он залюбовался долиной.

Итальянец лишь кивнул. Близость вампира изматывала, и Никколо не знал, в том ли дело, что ему известно о природе

Людовико, или же запах вампира вызывал в вервольфе чувство опасности. Юноша старался не выказывать неприязни, хотя и понимал, что чувства графа настолько остры, что он и так все замечает.

— Нам нужно поскорее уезжать, — заметил вампир. — По крайней мере, мне. Наверное, моя... жена уже беспокоится обо мне.

Никколо сглотнул, но промолчал. Ему показалось, что Людовико неприятно упоминать в разговоре с ним Валентину, к тому же юноша просто не знал, что на это ответить.

— Я тоже должен вернуться на родину. Нужно позаботиться о семье. Но сперва я предупрежу Байрона, и это дело не терпит отлагательств. Монахи сказали, что он по-прежнему в Месолонги, но турки уже сняли осаду с крепости. После встречи с Байроном я сяду на корабль и вернусь в Ареццо.

— А как же наши новые друзья? Вернее, твои новые друзья, — Людовико улыбнулся. — Эта волчица готова разорвать мне горло, да и Гристо нельзя причислить к моим горячим поклонникам, но он хотя бы старается скрыть свое отвращение.

— Мы с ними договоримся о встрече. Я вернусь, как только Марцелла будет в безопасности. Мне столько всего нужно узнать, и наконец появились люди, которые помогут мне в этом.

— Первые недели самые тяжелые, — мягко сказал Людовико, словно он мог понять состояние вервольфа.

«Хотя, скорее всего, он-то меня и понимает, ведь и сам был когда-то человеком», — подумал Никколо.

— Так значит, вот и все? — тихо спросил он. — Мы попрощаемся, пожелаем друг другу доброго пути и пойдем каждый своей дорогой?

Людовико провел ладонями по накидке, которую дали ему монахи, и улыбнулся.

— Нет сигар, как жаль. Мои запасы остались в Иоаннине, — граф обвел взглядом скалы, окаменевшими гигантами возвышавшиеся к самому небу. Солнце садилось. — Да, наверное, именно так и будет. Мы с тобой очень разные. Ты начнешь новую жизнь, возможно, даже здесь, или в каком-то другом месте, я же вернусь к жизни старой. Конечно, я буду помнить наши приключения в Албании. Такое быстро не забывается.

— То, что ты сказал о моем отце...

— Забудь, — резко перебил его Людовико, отворачиваясь. — Я просто хотел сделать тебе больно. Такова уж моя природа. Он был безупречным человеком.

Никколо чувствовал, что вампир жлет, но решил не задавать больше вопросов.

Они стояли рядом на скале, нежась в последних лучах солнца. Долина внизу наполнялась темнотой, и скоро тень легла и на монастырь.

После поездки хотелось пить, и Валентине казалось, что в горле у нее пересохло от всех этих бессмысленных бесед, которые она вела в Париже.

Выйдя из кареты в Клиши, девушка вошла в дом, сняла шляпку и пальто и приказала Эмили подать воды. Усевшись в гостиной за стол, Валентина посмотрела через окно на сад. Садовник следил за травой, но многие клумбы стояли пустыми — она так и не дала указания,

какие цветы там посадить. Печальное это было зрелище.

«Ничего я не добились, — разочарованно подумала она. — Полушутливое согласие Шатобриана навести справки о Людовико, да еще пара предложений о помощи от всяких карьеристов, которых и всерьез-то воспринимать нельзя. Вот и все, что я получила».

Валентина не знала, что предпринять. Возможно, следует отправиться в Османскую империю на поиски Людовико и Никколо? Марцелла уже предлагала, но до сих пор этот план казался Валентине невыполнимым. Они просто не знали, где искать своих родных.

«Потом нужно будет написать Марцелле и сообщить, что я так ничего и не выяснила. Бедная девочка...» Валентина знала, что Никколо оставил младшую сестру на попечение какой-то цыганки, и много раз думала о том, что же толкнуло его на такой неподобающий поступок.

Войдя в гостиную, Эмили поставила на стол графин и стакан. На подносе высилась стопка писем.

— Это пришло за время вашего отсутствия, мадам, — объяснила служанка, неуклюже сделав книксен.

— Спасибо, я сейчас посмотрю.

Напившись с жадностью, Валентина протянула руку к письмам.

«Наконец-то!» — пронеслось в ее голове, когда она увидела такой знакомый почерк. Разорвав дрожащими пальцами конверт, она развернула письмо.

Сообщение было коротким и каким-то безличным, словно Людовико опасался, что прочесть его может кто-то посторонний.

Муж писал, что возвращается в Италию вместе с Никколо Вивиани. Заканчивалось письмо так:

«Если это возможно, встретить нас по дороге. Сперва мы направимся в Ареццо, в поместье Никколо Вивиани, и будем ждать тебя там. Не медли! Как только получишь это письмо, тут же отправляйся в дорогу.

Твой Людовико»

Внезапно силы оставили Валентину, и она выронила письмо. Бумага медленно опустилась на пол. «Никколо еще жив. И Людовико жив».

В голове вертелись тысячи вопросов. Что так надолго задержало Людовико? Где он нашел Никколо? Почему она должна ехать в Ареццо? Может быть, Никколо болен или ранен?

Но девушка понимала, что из этих коротких строк ей ответа не получить.

— Эмили! — громко крикнула она. — Эмили, не распаковывай чемодан. Завтра мы уезжаем. Скажи кучеру, что мы едем в Тоскану.

Месолонги, 1824 год

Под дождем бухта выглядела серой и мрачной. Маленькая шхуна вошла в порт. Перед Никколо возвышались стены крепости, на которых виднелось множество солдат. В дороге итальянец выяснил, что османы сняли осаду крепости только в конце прошлого года и греки вместе со своими союзниками ожидали нового нападения. Стены оцетинились дулами пушек.

Войти в порт было нелегко, так как бухта часто засорялась песком и появлялись опасные мели. Еще с корабля Никколо заметил, что город окружает болото.

Вид этой мрачной крепости посреди мрачных хлябей не произвел на юношу особого впечатления. Он ожидал чего-то большего от центра греческой борьбы за свободу.

В порту было полно моряков, торговцев и обычных горожан, в этой толчее Вивиани не сразу удалось сориентироваться. Как и полагается, он попытался доложить местным чиновникам о своем приезде, но после короткой перепалки с явно уставшим таможенником пожалел о своем решении. Документы юноша все равно потерял и пришлось дать чиновнику взятку, потратив большую часть денег, одолженных ему Катей и Гристо. Впрочем, Никколо

не беспокоился о том, как с этим жалким остатком сбережений будет добираться до Италии. После злоключений последних лет это казалось лишь мелкой неприятностью, которую легко преодолеть.

Затем он принялся искать дом Байрона, расспрашивая прохожих по-гречески. Найти англичанина оказалось очень просто — казалось, каждый в этом городе знал лорда и само упоминание его имени вызывало в людях радость и одобрение.

Забросив на плечо мешок, в котором находились все его пожитки, Никколо, следуя указаниям, направился к большому дому прямо на берегу моря, состоявшему из нескольких построек. Эти постройки, видимо, возводили без предварительного плана: черепичные крыши были косыми, местами вверх выдавались какие-то башенки, и Никколо заметил даже пару колонн, поддерживавших навесы. В лагуне перед домом стояли рыбацкие суденышки без парусов на мачтах, на берегу вокруг костра грелись какие-то люди, прячась от дождя.

Большой странный дом в самом центре этой пропитанной дождем идиллии — Никколо сразу понял, почему Байрон решил поселиться именно здесь. Не обращая внимания на собравшихся людей, юноша подошел к первой попавшейся двери — понять, где главный вход, было невозможно. На его стук отреагировали не сразу. К радости Никколо, дверь открыл Флетчер. Слуга Байрона в изумлении уставился на итальянца. Глаза у него были красные.

— Это вы, господин Вивиани? — Неприятности прошедших лет, приключившиеся с Байроном, оставили свой след и на Флетчере. — Я вас едва узнал.

— Да, это я, — Никколо приветливо кивнул.

Слуга отер ладонью щеку «Да он же плачет!» — внезапно понял Никколо.

— Ты не хочешь сообщить твоему господину о том, что к нему пришел гость?

— Я... да, конечно. Но лорд Байрон тяжело болен. Не знаю, сможет ли он вас принять.

— Болен? — Сердце Никколо сжалось от мрачных предчувствий. — Чем?

— У него болезнь легких. Он очень слаб. Это все из-за погоды и этой ужасной местности. Тут так влажно и душно, совсем не то, что у нас на родине.

«Болезнь легких, как и у Китса».

— Я должен с ним увидеться, — настаивал Вивиани. — Это очень срочно. Пожалуйста, отведи меня к нему.

— Не знаю...

— Отведи меня к нему, — с нажимом сказал Никколо. Он явно не собирался мириться с возражениями.

Флетчер кивнул. Из его правого глаза выкатилась еще одна слеза, будто упоминание о болезни хозяина вновь разбредило ему душу. Шаркая, слуга побрел в дом, а Никколо направился следом. С каждым шагом беспокойство юноши росло.

Байрон лежал, опершись спиной о высокое изголовье кровати. Комната, где разместили больного, была большой, с широкими окнами, которые сейчас закрыли из-за дождя и занавесили темными шторами. В комнате горела пара ламп, но они лишь усиливали мрачное впечатление.

Английский лорд был без рубашки, укрытый одеялом. Плечи были обнажены, волосы пропитались потом, и Никколо заметил пару седых прядей. С тех пор, как он видел Байрона в последний раз, поэт сильно постарел.

Когда итальянец вошел в комнату, лорд с такой натугой поднял голову, что у Никколо сжалось сердце. На мгновение он подумал, что Байрон в бреду и не узнает его, но тут на губах поэта заиграла слабая улыбка.

— Никколо.

Махнув рукой, Байрон приказал Флетчеру оставить их одних. Никколо бросился к кровати и, опустив мешок на пол, присел рядом с лордом. В нос ему ударил резкий неприятный запах, запах болезни и смерти. «И еще какой-то запах, острый и горьковатый».

— Как ты попал сюда?

Голос Байрона был слаб, как и его движения, но Никколо все равно видел в лорде того

самого англичанина, который так очаровал его в Женеве.

— На корабле. Я искал тебя.

— Зачем? Ты тоже хочешь освободить греков от ига тирании? Весьма бессмысленное предприятие. Большинство из

них всего лишь пастухи, которым миска с чечевицей важнее свободы.

— Нет, — Никколо покачал головой. — Послушай, я приехал тебя предупредить. Существует заговор, цель которого — уничтожить всех нас. Нападение на виллу Диодати не было случайностью. С той ночи меня преследуют.

— Что ж, ко мне они опоздают, — хмыкнул Байрон.

— Не говори так, Альбе. Ты вновь поправишься, и тогда...

— Нет. Когда я только ступил на греческие земли, я уже тогда знал, что умру здесь. Я надеялся, что это произойдет в бою за свободу, что я перед смертью с презрением взгляну на угнетателей... Но этому не суждено было случиться, — горько рассмеявшись, лорд закашлялся. — Я искал тут гордый народ, а нашел лишь горстку оппортунистов. Они предпочтут резать глотки друг другу, чем своим врагам.

И вновь в нос Никколо ударил тот самый запах. «Это же яд», — вдруг понял он.

— Сейчас это уже неважно. Я подозреваю, что тебя отравили. Так же, как и Китса.

— Китса? Перси писал мне, что он умер после плохого отзыва на его книгу. Тогда мне показалось это сомнительным.

— Нет, Перси сделал его одним из вас... вернее, из нас. Это и стало его смертным приговором.

С трудом приподнявшись, Байрон опустил Никколо руку на плечо, и юноша увидел, как в горячих глазах поэта ведут борьбу фатализм и какая-то дикая, неукротимая энергия, которой не было имени.

— Плевать, умру ли я от яда или из-за этих проклятых болот. Я хочу тебе кое-что сказать перед смертью...

— Но ты не умрешь! — Это была и мольба, и приказ.

— Послушай меня, — Байрон лишь покачал головой. — Я оказал тебе плохую услугу.

Никколо удивленно нахмурился.

— В Колони, — продолжил лорд. — Тогда я сказал, что тебе нельзя больше видаться с твоей возлюбленной. Это был неправильный совет, рожденный болью моего сердца. Я был разлучен с любовью всей моей жизни и думал, что истинные чувства к женщине невозможны. Вернее, я хотел, чтобы они были невозможны. Если я не смог обрести счастья в любви, то кто же сможет?

Никколо не знал, что ему сказать на это. Он был ошарашен. Байрон вновь опустился на постель. Он тяжело дышал.

— Они делают мне кровопускание, — он указал на повязку на своем запястье. — Я давно мог бы отказаться от этого, но они высасывают из меня кровь.

— Что? Кто?

— Мои врачи. Скальпель убил больше людей, чем меч, но я слишком слаб, чтобы противиться им. Я чувствую, что мой конец близок. Может быть, вызвать священника и исповедаться? Тогда я умру раскаявшимся грешником... Нет, нет, никакой слабости, я буду мужчиной до конца...

Байрон закрыл глаза. Дыхание с хрипом слетало с его губ, пот проступил на лбу и щеках, словно этот недолгий разговор лишил его последних сил.

Не зная, что ответить, Никколо поднялся, но в этот момент Байрон с неожиданной силой схватил его за запястье.

— Что сделано, то сделано. Я несу в себе боль. Ни у кого нет надо мной власти, никто мной не владеет. На меня возложила руку смерть, и это делает меня свободным.

И вдруг Никколо понял, что он должен сказать.

— Я прощаю тебя.

— Я этого не просил.

— И все же, я прощаю тебя, — склонившись, он поцеловал поэта в мокрый лоб.
В последний раз улыбнувшись, лорд закрыл глаза. Каким тяжелым было его дыхание, каким горячим лоб...

Выходя из комнаты, Никколо услышал, как Байрон пробормотал:

— Умирать совсем не трудно...

В комнату ворвался Флетчер, а Никколо выбежал из дома, ничего перед собой не видя.

Он бесцельно бродил по улицам многолюдного города и вскоре услышал новость о смерти Байрона. Незнакомые люди плакали, обнимая друг друга, и Никколо понимал их печаль, сам же чувствовал ее в тысячу раз сильнее. Вместе с Байроном умерла и частица его души. «Последняя ниточка, соединявшая меня с моей прежней жизнью, оборвалась».

В конце концов Никколо нашел небольшой трактир в порту и устроился там на ночь, лишившись всех своих денег. «Завтра нужно будет найти способ переправиться в Италию. А плату за дорогу придется отрабатывать», — подумал он, но следующее утро казалось невероятно далеким.

Опустив мешок на узкую и не слишком-то чистую кровать, Никколо уселся, глядя прямо перед собой. В этот момент дверь его комнатунки открылась.

В дверном проеме стоял Людовико. Никколо понимал, что должен удивиться его приходу, но у него не оставалось сил на еще какие-то эмоции.

— Байрон мертв, — не здороваясь, вымолвил он. — Я опоздал.

— Мне очень жаль. Я не был с ним знаком, но, судя по всему, он способен был дарить вдохновение окружающим. Я могу войти?

Никколо махнул рукой, и вампир переступил порог. В комнате, кроме кровати, был всего один стул. На нем-то Людовико и устроился. В отличие от итальянца, он опять был одет в роскошные ткани и производил впечатление богатого человека.

— Я принес тебе плохие новости, друг мой. Я получил письмо от Валентины.

У Никколо оборвалось сердце.

— Она написала мне в Иоаннину, куда я сперва вернулся, что получила мое письмо и радуется нашему скорейшему приезду.

— Разве это плохо? — удивился Никколо.

— Казалось бы, нет. Вот только я не писал ей никакого письма.

— Кто же это сделал? — У юноши мурашки побежали по телу.

— Разве это не очевидно? Кто еще мог знать о нашем побеге? — Людовико говорил тоном учителя, что-то втолковывавшего глуповатому ученику. — Зачем кому-то заманивать Валентину в Ареццо?

— В Ареццо?

— Да, в Тоскану, в дом твоих родителей.

У Никколо перехватило дыхание. «Марцелла, — подумал он. — И Эсмеральда. И Валентина».

— Жиана и ее душегубы неплохо потрудились, — прошипел он.

— Я хотел тут же отправиться в путь, но мне показалось разумным и тебя предупредить о происходящем. Эта женщина никогда не сдастся. Она будет гнаться за нами, пока кто-то не погибнет — либо мы, либо она. Нужно ехать, Никколо. Мы должны торопиться.

«Зачем он мне рассказал все это? — юноша задумчиво посмотрел на вампира, но не заметил в нем никакого коварства. — Он боится за Валентину, и ему нужна моя помощь. Нет, ей нужна моя помощь. Им всем. Всем людям, которых я люблю». Эта мысль больно ударила Никколо. Ничто еще не закончилось.

Поместье выглядело таким же, каким его помнила Валентина. Кипарисы и пинии обрамляли дорогу, ведущую к каменному зданию. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались зеленые луга и поля. Теплая весна в полной мере позволила проявиться красоте здешней природы.

И только когда карета почти подъехала к входу, Валентина заметила, насколько поместье изменилось за последние восемь лет. Дикий виноград совсем разросся, такой ухоженный раньше фасад дома покрылся трещинами, краска на темных рамах облупилась, и одна ставня даже криво повисла на петлях. Казалось, владельцы просто позабыли о своем поместье.

Валентина попыталась вспомнить, как они с Никколо уезжали отсюда, направляясь в Швейцарию, — она должна была вернуться домой, а ему предстояло отправиться в гран-тур. *«Путешествие, которое так сблизило нас, а потом разлучило навек»*, — подумала Валентина.

Она еще помнила этот день, казалось, слышала смех и слова прощания, но девушка, сидевшая тогда в карете, стала для нее чужой. Она поверить не могла, что когда-то была так молода, беспечна и наивна.

Валентина невольно прикусила губу. Сейчас не время предаваться воспоминаниям. Она пыталась подготовиться к встрече с Людовико и Никколо, но все же понимала, что проблема в ней самой, в ее вечно противоречивых чувствах.

Из Поппи⁷⁰ она послала в поместье письмо, чтобы предупредить о своем приезде, и надеялась на то, что Людовико с Никколо встретят ее по дороге, но этого не произошло. «Нет причин беспокоиться», — увещевала себя Валентина, и все же, когда карета остановилась у дома, ее руки судорожно сжались на коленях.

Кучер помог ей и Эмили выбраться из экипажа. На террасу вышли две темноволосые девушки. Одна из них была одета в простое серое платье, сшитое по ее мальчишеской фигуре, волосы были тщательно уложены. Вторая была более женственна, на ней была черная юбка и пестрая блузка. Такой же пестрый платок удерживал ее роскошные локоны. «Должно быть, это Марцелла, — догадалась Валентина. — А вторая — та самая цыганка».

— Валентина! — воскликнула Марцелла, поспешно сбегая вниз по ступенькам. — Это действительно ты!

Они обнялись, и, только когда Марцелла отстранилась, Валентина увидела, насколько она изменилась.

— Ты так выросла.

— А ты стала еще красивее, — со смехом ответила Марцелла, но тут же вновь стала серьезной. — Скажи, что привело тебя сюда? Ты все-таки решила, что нам следует направиться в Османскую империю на поиски твоего мужа и моего брата?

— Что? — Валентина ошарашенно покачала головой. — Они что, еще не... Я хочу сказать, Людовико и Никколо еще не приехали?

— Нет, конечно, — опешила Марцелла. — А почему...

— А вы, должно быть, та самая Валентина, — холодно перебила их темноволосая женщина, вышедшая с Марцеллой на террасу.

— Это Эсмеральда, — по голосу девушки было понятно, что цыганку она недолюбливает.

— Очень приятно, — Валентина пожала протянутую ей руку и вновь повернулась к подруге. — Я не понимаю. Я приехала в Ареццо, потому что получила от Людовико письмо, в котором он просит меня встретить его здесь.

— Странно, — заметила Эсмеральда. — Мы не получали от них никаких вестей и

⁷⁰ Поппи — городок в Тоскане в сорока километрах от Ареццо.

очень беспокоимся о Никколо.

Валентине было неприятно то, что женщина называет Никколо по имени. Ей стало интересно, что их связывает.

— Людовико написал мне, что они оба в безопасности и направляются сюда.

— Никколо в безопасности? Но это же прекрасные новости! — Марцелла захлопала в ладоши.

— Возможно, они просто задержались и скоро приедут? — предположила Валентина, но ее слова прозвучали не очень-то убедительно.

— Будем надеяться. Но почему же Никколо не сообщил нам о приезде? — удивилась Эсмеральда.

— Здесь нам все равно эту загадку не разгадать, — задумчиво протянула Марцелла. — Давайте зайдем в дом и попробуем во всем разобраться.

Пролив Отранто, 1824 год

Прищутив глаза, Никколо с таким напряжением смотрел на парус, словно усилием воли мог заставить корабль двигаться быстрее. При этом, в сущности, ему было не на что жаловаться. Людовико щедро заплатил греческим рыбакам, и те не жалели сил, чтобы поскорее доставить своих пассажиров к цели.

Большую часть времени вампир проводил под тентом, натянутым над кормой, — днем там была хоть какая-то тень. По ночам они спали рядом с рыбаками под этим же тентом.

Взглянув на молодого итальянца, Людовико поднялся и подошел к нему поближе.

— Сойдем в Равенне, — сказал Никколо. — Немного дальше, чем мы планировали, но дороги на Ареццо оттуда лучше, и мы доберемся быстрее, чем если бы мы ступили на берег в Анконе или Пезаро.

— Согласен. Будем действовать быстро. Я договорюсь с чиновниками, а ты купишь лошадей. Никаких карет, так будет дольше.

Приятно было разрабатывать планы. Хотя утлое рыбацкое суденышко плыло довольно быстро, да и ветер был попутный, Никколо казалось, будто они стоят на месте. Вынужденное бездействие изматывало нервы, да и Людовико ощущал то же самое.

Вблизи Ареццо, 1824 год

Солнце уже клонилось к горизонту. Никколо гнал коня. Они меняли лошадей на каждом постоялом дворе, оставляя за собой измученных взмокших животных, но теперь им предстояло преодолеть последний отрезок пути. Нужно было добраться до Ареццо раньше врагов, все остальное не имело значения.

Людовико скакал в сотне метров позади: у графа всегда были проблемы с животными, которые его боялись, к тому же Никколо лучше владел искусством верховой езды.

Сейчас итальянец мчался галопом по дороге, по которой так часто ходил и ездил, но еще никогда в жизни он так не торопился. Между двух поросших диким виноградом холмов показалось поместье. Никколо ожидал, что увидит дым, пожарище или руины посреди заброшенного парка, но его дом стоял как ни в чем не бывало.

Никколо ворвался во двор. Во все стороны полетел гравий — он резко остановил коня.

Из конюшни вышел какой-то человек, и Никколо не сразу узнал в нем Карло: он оставил слугу под Иоанниной и предполагал наихудшее.

— Добро пожаловать домой, господин! К вашему приезду все подготовлено.

— Что? — опешил Никколо.

Его лошадь отфыркивалась, да и сам он ловил губами воздух.

— Графиня Карнштайн сообщила нам, что вы скоро приедете, господин.

Как раз в этот момент во двор въехал Людовико.

— Валентина? Она здесь? У всех все в порядке?

— Да, господин.

Сердце Никколо сжалось. Они успели вовремя. Соскользнув с лошади, он едва не бросился громиле кучеру на шею.

Солнце наконец-то село, и на поместье опустилась ночь.

Валентина обвела взглядом библиотеку, в которой они собрались. Судя по часам, было уже далеко за полночь, и внезапно у нее возникло такое чувство, будто в ее теле пребывает сейчас какой-то другой человек, а сама она наблюдает за происходящим со стороны.

Ненастоящими казались ей и Людовико с Никколо, ходившие взад-вперед перед камином и рассказывавшие невероятнейшую историю о вампирах, оборотнях и обезумевшей инквизиторше. Они приехали в поместье через день после нее, вымотанные и взвинченные. Сейчас они, освежившись, описывали свои приключения. Валентина была счастлива видеть их живыми и здоровыми, но ей было горько оттого, что она никогда не знала всей правды о Никколо Вивиани.

Когда-то в этой же комнате Никколо уже рассказывал подобную историю. Валентина чуть не рассмеялась от этой мысли. Но то, о чем он говорил сегодня, не было мрачной сказкой, одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы убедиться в правдивости его слов.

Сложно было принять откровения, которыми этой ночью делились с ними Людовико и Никколо. Много лет назад в Швейцарии Никколо согласился на ритуал, во время которого его должен был укусить оборотень. Затем он, как одержимый, пытался выяснить происхождение и предназначение вервольфов и в конце концов оказался одним из них.

Тяжелее всего было принять эту новость Марцелле. Пару минут назад девушка выбежала из библиотеки.

— Я еще поговорю с ней, — предложил Никколо.

— Да, наверно, так будет лучше, — согласилась Эсмеральда.

«Видимо, она уже давно обо всем знала», — подумала Валентина, чувствуя, как эта мысль разжигает в ней гнев.

— Вы должны собрать вещи. Завтра выезжаем на рассвете, — продолжил Никколо. — Людовико полагает, что разумнее всего будет оставить Италию и направиться в Германию, в Пруссию. У Людовико есть земли под Берлином. А там уже посмотрим.

— Как по мне, то лучше выезжать прямо сейчас, — вмешался граф. — Но я боюсь, что мы не успеем собраться. Надеюсь, на территории протестантов мы будем в безопасности.

«В безопасности! — Ярость Валентины росла с каждым мгновением. — А нас, конечно, никто не спрашивает. Ну, значит, поедem в Берлин, какая уж теперь разница».

Ареццо, 1824 год

Смутная тревога не давала Никколо успокоиться, и он понимал, почему Людовико хочет уехать прямо сейчас. Возможно, сказывались времена, которые он провел в рабстве, или же он не мог поверить в свою безопасность, но мысль о том, что Жиане удалось заманить Валентину в Ареццо, не шла у юного графа из головы. При этом Никколо понимал, что, скорее всего, навсегда лишит Марцеллу привычного окружения. Его сестра всегда мечтала о путешествиях, но наверняка иначе представляла себе обстоятельства своего отъезда.

— Предатель, — прошипела она ему в лицо. — Ты бросил меня одну, чтобы отдаться своему безумию! И теперь ты заявляешь, что мы оба, нет, даже вся наша семья — настоящие чудовища?

Никколо не стал возражать, надеясь на то, что Марцелла все поймет, когда у нее будет время подумать и привыкнуть к своему новому положению. «И привыкнуть к мысли о том, что с ней может произойти».

Юноша мерил шагами библиотеку, время от времени останавливаясь, чтобы

отхлебнуть вина. В его голове складывались и тут же рушились планы — о поездке в Берлин, об укрытиях, которыми они смогут воспользоваться. Он надеялся вновь повидаться с Катей и Гристо. А потом, возможно, следовало вообще уехать из Европы, направиться в Новый Свет или в Индию, в Японию или еще куда-нибудь, где их никто не знал и где они смогут начать новую жизнь.

Людовико был более спокоен, по крайней мере, внешне. Усевшись в старое уютное кресло, вампир читал книгу из коллекции Никколо. Время от времени он улыбался, а однажды даже рассмеялся.

— Просто восхитительно, — заметил он. — Кто бы это ни написал, у него наверняка была очень бурная фантазия. Чеснок и кресты, ну надо же!

Но Никколо лишь что-то буркнул в ответ. Мыслями он опять был в Албании. В какой-то момент он поймал себя на том, что вновь и вновь пытается сбежать... Перед отъездом у него осталось еще одно незавершенное дело.

Валентина склонилась над открытым сундуком. Собирать, собственно говоря, было нечего, и она отправила Эмили спать — чтобы уложить платье, белье и пару мелочей, помощь ей не требовалась, ведь сумки, привезенные в Ареццо, так и остались неразобранными. Опустив в сундук щетку для волос, Валентина взяла серебряное зеркальце, и уже уложила его, когда решила еще раз посмотреть на себя. В зеркале девушка выглядела измотанной: веки припухли, под глазами залегли тени. Она устала. Устала от этой поездки, от этой ночи. И от всей той лжи, которая предопределяла ее жизнь. Схватив зеркало, Валентина изо всех сил швырнула его в стену.

В этот момент в дверь постучали.

— Войдите, — рявкнула она, думая, что это ее муж или Марцелла.

Но в комнату вошел Никколо. Вид у него был смущенный.

— Ты уронила зеркальце? — спросил он, увидев осколки на полу.

— Нет. Я только что бросила его о стену, — холодно ответила девушка. — Чем могу служить?

Никколо беспомощно поднял руки, не зная, что сказать. За эти годы он изменился сильнее остальных — угловатый подросток превратился в настоящего мужчину, носившего потертый костюм так, будто это мантия короля. И выражение его глаз позволяло понять, что этому юноше довелось пережить.

— Ничем, я просто хотел с тобой увидеться. Убедиться в том, что у тебя все в порядке.

— Что ж, у меня все в порядке, как видишь, — раздраженно отрезала она. — Теперь можешь пойти к Эсмеральде и проверить, как там она.

Смущенно кивнув, Никколо уже повернулся к выходу, но тут Валентине стало стыдно за свою грубость.

— А сам-то ты как? — уже спокойнее спросила она. — Наверное, последние годы были для тебя просто ужасны.

Никколо робко улыбнулся.

— Иногда мне по-прежнему снится, что я сижу в той шахте, если ты об этом. Это было кошмарное место, и я очень благодарен Людовико за то, что он спас меня. Это еще одна причина, по которой я пришел к тебе. Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты послала его ко мне.

— Ты об этом знаешь? Людовико тебе рассказал?

— Даже если бы он мне ничего не говорил, я все равно догадался бы. У него самого не было причин рисковать жизнью ради меня. Ему не свойственны столь благородные жесты.

— Он поехал в Албанию, чтобы выволить тебя из плена Али-паши, — резко напомнила ему Валентина. — Да, он сделал это потому, что я его попросила. И это притом, что он знал, *почему* я его об этом прошу. И если я правильно поняла твой рассказ, Людовико чуть не погиб, спасая тебя. И он, по крайней мере, был честен со мной в отношении того, что касается его натуры. Так что не надо мне тут рассказывать о благородных жестах.

Кивнув, Никколо молча опустил голову и на мгновение вновь напомнил Валентине того юного итальянца, в которого она когда-то влюбилась.

— Ты права, — пробормотал он. — Я не рассказал тебе правду, ни в Женеве, ни в Париже. Я думал, что смогу защитить тебя, если просто уйду, но сейчас я понимаю, как ошибался. Людовико правильно поступил, открывшись тебе, — расправив плечи, он взглянул ей в глаза. — Я больше не могу лгать, Валентина. Слишком уж долго тянется эта ложь. В темнице Али-паши у меня было время на сожаления. Я пришел сюда сказать тебе, что я тебя люблю и всегда любил. Я надеюсь, что ты сможешь меня простить и уедешь отсюда вместе со мной.

Валентина взглянула на него, и что-то в ней сломалось. Она пыталась забыть Никколо. Пыталась поверить в то, что он ее не любит. Пыталась убедить себя в том, что сама не любит его. Но вот он стоит перед ней, и куда пропало все ее хваленое самообладание? Девушка закрыла глаза. «Если бы ты сказал мне об этом раньше. Тогда, в той жизни, когда мы еще были свободны от своих проклятий».

— Слишком поздно, Никколо, — мягко сказала она. — Я не могу оставить Людовико и не сделаю этого. Я кое-что пообещала ему за то, что он спасет тебя.

— Что ты пообещала? — Никколо произнес это так медленно, будто только учился говорить.

— Я обещала Людовико, что больше никогда не буду с тобой видаться и не буду искать встречи с тобой. Он привез тебя сюда, чтобы ты мог позаботиться о своей сестре и об Эсмеральде, но когда мы покинем это место, то каждый двинется своей дорогой. На этот раз мы расстанемся навсегда.

— Но ты... ты не можешь так поступить, — пролепетал Никколо. Кровь отлила у него от лица. — Он не может этого от тебя потребовать.

— Он этого и не требовал, — от горечи у Валентины перехватило дыхание. — Я сама ему предложила. Людовико всегда держит слово. Именно поэтому ты еще жив и сейчас находишься в Ареццо. Разве я могу подвести его?

Она видела, как сжались его кулаки.

— Даже если надежды нет, я рад, что все тебе сказал, — прошептал Никколо, стараясь держать себя в руках. — Я тебя люблю.

— Я знаю, — мягко ответила она. — Я тоже тебя люблю.

Подойдя к Валентине, он заключил девушку в объятия, и, прежде чем она успела возразить, их губы слились в поцелуе.

В дверь опять постучали. В комнату с нарочито приветливой улыбкой на лице вошел Людовико.

— Боюсь, что помешал вам, но я полагаю, ты и так собирался уходить, не так ли, Никколо?

Итальянец молча покинул помещение.

53

Ареццо, 1824 год

В прихожей громоздились сундуки, чемоданы и тюки — запасы, которые понадобятся им в дороге. Уже на рассвете все вещи погрузят в карету и телегу и... Пора будет покидать Ареццо. Никколо знал, что мысль о том, что придется вновь оставить родину, должна вызывать в нем более сильный отклик, но он ничего не ощущал. Слишком уж долго он пробыл на чужбине, слишком уж изменился, чтобы сейчас считать этот величественный замок своим домом.

Послышался какой-то тихий звон.

— Ты что-то слышал? — спросил он у Людовико, но тот лишь покачал головой. — Мне

показалось, будто...

И тут раздался пронзительный вопль, оборвавшийся столь же неожиданно, как и начался. У Никколо мурашки побежали по коже.

— Валентина! Марцелла!

Людовико уже вскочил и бросился к двери, прежде чем Никколо успел отреагировать. Он побежал за вампиром по короткому коридору к прихожей — и замер на месте.

На верхней ступеньке лестницы в одной только ночной рубашке стояла Валентина. Кровь отлила от ее лица. За ее спиной Никколо увидел женщину, вокруг которой вились Тени.

Людовико тоже остановился, а затем сделал осторожный шаг вперед.

— Стойте! — крикнула женщина, опуская руку на плечо Валентины.

Это была Жиана. Она презрительно усмехалась.

Из других комнат на первом этаже выбежали какие-то люди — мужчины и женщины, в которых Никколо узнал отродье Жианы. Взгляд Людовико заметался от одного врага к другому, затем вампир повернулся к Валентине. Следуя приказу, он не двигался с места.

— Наконец-то мы все здесь собрались. — Голос Жианы так и сочился злорадством. — Должна признать, что убить вас крайне сложно, граф Вивиани. С вашими английскими друзьями все обстояло намного проще. Но теперь мне не нужно прибегать к ядам, порошкам и всем этим секретам. Сойдет и так.

— Отпусти ее, — удивительно спокойно произнес Людовико. — Тебе же нужен я. Зачем тебе она?

Жиана рассмеялась, и этот залиvistый радостный смех был столь же неуместен, как и на похоронах.

— Ах, ты всегда был таким эгоистом, Людовико. Всегда только я, я, я. Должна разочаровать тебя. Я пришла сюда не только из-за тебя, но и из-за твоего друга. И из-за нее.

Ее пальцы скользнули по голой шее Валентины, и Никколо едва удержался от крика. Часть вампиров начали подниматься по лестнице, стараясь держаться от Никколо и Людовико подальше, но неуклонно окружали их со всех сторон.

— Что тебе нужно? — спросил Никколо, надеясь выиграть время.

— Месть за то, что вы оба сделали со мной. К тому же я хочу поблагодарить вас за то, что вы мне подарили. Вы открыли мне глаза.

— С удовольствием забрал бы свой подарок, — прошепел Людовико, но женщина лишь рассмеялась.

— Нет, для этого ты слишком слаб. Ты поделился со мной своей Тьмой, но теперь я стала чем-то большим. За все прожитые тобой столетия ты не мог повидать того, с чем сталкивалась я. Все твое знание ничтожно по сравнению с моим. Долгие годы борьбы с такими, как вы, и все это задокументировано в архивах. У меня есть исследования людей, обладавших намного большим интеллектом, чем твой, *mio padre* ⁷¹. Тексты о дьяволопоклонниках, описания ритуалов, книги о магии, дневники. Настоящая сокровищница знания, подарившая мне столько власти, что ты себе и представить не можешь.

— Ты хочешь, чтобы мы погибли? — перебил ее Никколо. — Тогда убей нас. Хорошо. Но отпусти остальных.

— Любовь, — промурлыкала Жиана. — Прекрасное чувство, особенно если его можно использовать. Любовь связывает вас по рукам и ногам. Вы не сможете ничего предпринять, пока она будет в моей власти. Вам обоим можно спокойно перерезать глотки и бросить вас истекать кровью, как свиней, и вы не станете сопротивляться. И все это в надежде на то, что с ней ничего не приключится. Вы связаны, и эта нить держит вас сильнее посеребренной веревки и магических слов.

⁷¹ Мой отец (итал.).

Никколо не мог оторвать от Валентины глаз. Он знал, что Жиана права. Юноша понимал, что его бездействие не спасет Валентину, не может спасти, но он никогда не предпримет ничего, что могло бы поставить ее под удар. Никколо оцепенел и лишь смотрел в широко распахнутые глаза возлюбленной.

— Ты безумна, — прошептал Людовико.

— Теперь ты сожалеешь о содеянном, *mio padre* ?

— Я исправлю мои ошибки.

— Нет, не исправишь. Из-за своих ошибок ты и погибнешь. Но утешься, вы лишь первые. Тьма, томившаяся в заточении множество веков, вернется во мне и моих детях, и наступит новое время. Мы построим новую церковь на руинах прежней и уничтожим слабость в наших рядах!

Прежде чем вампир что-то успел ответить, Никколо увидел страх в глазах Валентины, страх, и не только. Она приняла решение, и вервольф это чувствовал, словно видел, как распускается перед ним цветок. Он хотел закричать, но было уже слишком поздно.

Валентина молча дернулась вперед и перепрыгнула через поручни. Казалось, что на мгновение ее тело зависло в воздухе, светлые волосы блеснули, и Никколо почти поверил в то, что сейчас воздух понесет ее и она плавно опустится вниз, но ее тело рухнуло, все так же беззвучно, и лишь послышался глухой удар о каменные ступени. Перекатившись на бок, Валентина застыла у подножия лестницы.

Взревев раненым зверем, Людовико набросился на стоявшего рядом вампира. За его пальцами тянулись нити Тьмы, он ломал кости и рвал кожу, будто его ногти были стальными.

Никколо побежал вперед, не сводя глаз с тела Валентины. Он упал на колени, проехав последний метр по полу, погладил кончиками пальцев ее щеку, убрал со лба непослушный локон. В ее глазах еще теплилась жизнь, но юноша видел, что она умирает.

— Нет-нет-нет! — взмолился он. — Нет-нет-нет!

У него на глазах выступили слезы. Из уголка губ Валентины потекла струйка крови. Осторожно повернув ее, Никколо поднял девушку на руки, прижал к груди, коснулся губами ее лба.

За его спиной послышались шаги, но Никколо прижимал к себе Валентину, пытаясь лишь силой своей воли предотвратить ее смерть, передать ее умирающему телу свое тепло, свою жизнь.

Клинок вошел ему в плечо, боль раскаленной иглой пронзила грудь. Вервольф осел на пол, но на его губах заиграла улыбка. Так или иначе, сейчас все закончится.

Жиана наблюдала за всем этим сверху, и ее переполняло ощущение триумфа. Девушка умирала, но это было уже неважно. Рядом лежал граф Вивиани, и кровь била фонтаном из чудовищной раны на спине. Когда он умрет, Жиана будет отомщена. Рядом с графом сражался Людовико. Видимо, он выучился лучше фехтовать и дрался с отчаянной отвагой, но врагов было слишком много. Вот он убил одного, но и его ранили в ногу. Он обвинил Тьмой одну из женщин, но ее меч поразил его в бок.

Сейчас Жиана покончит с этим. Какая-то часть ее души восхищалась сейчас Людовико, бурлящей в нем ненавистью, которая ограждала его от боли. Но все же он был пережитком прежних времен, реликтом. Его нужно было устранить. И теперь, благодаря своим стараниям и защите папы Льва XII, она уничтожит все, что стоит у нее на пути. Вампиры, оборотни, ведьмы — никто не сможет противостоять ее детям. А когда все закончится, она выпустит в мир Тьму и покончит с церковью. Но сперва следовало избавиться от тягот прошлого. Хорошо бы сделать это самой, собственными руками.

Жиана начала спускаться по лестнице. Ее слуги позаботятся о графине Вивиани и ее подружке. А ее ждет радость убийства Людовико.

Он двигался быстро. Одного вампира отбросило назад, второго он просто разорвал на куски и бросился — нет, полетел ей навстречу. Для человека движения Людовико были

неуловимы, но Жиана видела все в мучительно замедленном темпе. Уклонившись от его удара, женщина схватила вампира за руку и отбросила прочь так, что он ударился о поручни лестницы, и, прежде чем Людовико успел подняться, Жиана уперлась ногой ему в бок и дернула за руку.

Его стон музыкой прозвучал в ее ушах. Вампир покатился по ступенькам, а Жиана, небрежно отбросив оторванную руку, пошла следом.

— Не дергайся, и все закончится очень быстро.

Сзади послышалось рычание, и женщина оглянулась. С пола поднимался огромный вервольф. Оборотень выпустил когти и помотал головой из стороны в сторону, глубоко втянул воздух, принюхиваясь. На него набросился один из детей Жианы, но вервольф еще в воздухе оторвал ему голову. Безжизненное тело шлепнулось на пол.

Фыркнув, словно кошка, Жиана воззвала к Тьме. Вокруг закружились Тени, защищая ее, придавая силы, и женщина прыгнула вперед, прямо на лапы оборотня.

На Людовико напал один из вампиров. Защищаться с одной рукой было почти невозможно, но все же граф сумел схватить врага за горло и ударить головой о мраморные ступени. Изогнувшись, он впился зубами в шею поверженного молодого вампира, и в рот ему потекла сладкая, исполненная Силы кровь. Людовико сжал челюсти, ломая врагу хребет.

Отбросив труп, граф оглянулся. Перед ним предстало поразительное зрелище: Никколо в облике вервольфа сражался с Жианой, которую превосходил ростом в два раза... но не побеждал. Его когти поблескивали при движении, но женщина уворачивалась от его ударов и в какой-то момент схватила его за руку. Тени вокруг ее тела стали гуще, и Жиана швырнула огромного оборотня на лестницу. Заревев, Никколо ударился о поручни, каменные опоры сломались, в воздух взметнулся столб пыли, во все стороны брызнули обломки. Поднявшись, вервольф встряхнулся, повел носом и уставился на Жиану. Та улыбалась, наслаждаясь моментом. И тут оборотень прыгнул.

Людовико бросился к женщине, которую именно он сделал такой.

Без Валентины жизнь казалась невыносимой, и граф был полон решимости выиграть для Никколо время, чтобы тот мог убить это созданное им чудовище. Минутного замешательства может хватить, и потому Людовико воззвал ко Тьме, собрал вокруг себя Тени.

Но Жиана исчезла, и тут графа ударили в бок, сбивая с ног. Мир закружился, пол и потолок слились в единое целое, кости начали ломаться, ребра затрещали, давя на легкие, мышцы мучительно натянулись. По всему его телу прошла волна боли, перед глазами поплыло, но Людовико призвал всю свою силу воли, чтобы не потерять сознание.

Вервольф бил Жиану, но та либо уклонялась от его ударов, либо парировала их Тьмой.

Сам Людовико не решился бы на схватку с оборотнем, но Жиана была не просто равна вервольфу по силе, она могла его победить.

«Да она же играет с ним!» — понял граф, отирая рот от крови. Дышать было больно, и, когда он попробовал подняться, ноги под ним подогнулись.

Когти разорвали Жиане бок, пробив кожаный доспех, и оборотень радостно взвыл, но женщина не обратила на ранение внимания и тут же ударила Никколо в живот. Со стороны удар казался слабым, но вервольфа отбросило назад, и он сложился пополам, скользнул по полу, оставляя когтями глубокие борозды в мраморе, и наконец опять поднялся на лапы. Оборотень стал осторожно кружить около Жианы, подергивая ушами и обнажив клыки. Людовико понял, что Никколо ищет какую-то прореху в ее защите, что-то, чем можно было воспользоваться.

Женщина не двигалась с места, наблюдая за своим противником. Она ожидала нападения. И вервольф атаковал. На этот раз Жиана отреагировала сразу же, ударив оборотня по морде. Она схватила его за шерсть на загривке и без видимых усилий бросила себе за спину.

Никколо мягко приземлился на тюки с вещами. Пара чемоданов расстегнулась, одежда

рассыпалась во все стороны.

И тут Людовико увидел небольшую склянку, откатившуюся в сторону. *Ламповое масло!*

Оборотень запыхался. Каждое движение приносило боль, но от этого он становился только злее. Всякий раз, когда он пытался схватить Жиану, она исчезала. Она была слишком быстра. И сильна. Из ран сочилась кровь, стекала по коже, пропитывала шерсть. Часть из них уже закрылась, другие же были слишком глубоки, но Никколо не было до этого дела. Он жаждал убийства.

Взвыв, вервольф напал вновь, ударил правой, затем левой лапой. Жиана уклонилась, но ее плащ скользнул по его когтям, и Никколо ухватился за ее одежду, притянул женщину к себе, вонзил когти в плоть... Ах, какое прекрасное чувство, вот она стонет от боли... Оборотень прижал ее к груди и уже склонил морду, собираясь откусить ей голову, но тут Жиана выбросила вверх руку и ударила Никколо в нос. Вервольф взвыл, но не отпустил жертву, прижимая ее к себе все сильнее, готовый раздавить ее, если так будет нужно.

Что-то холодное коснулось его ступней, начало ползти вверх, обвиваясь вокруг тела и вокруг его добычи, такое холодное, что у Никколо подкосились ноги. Его окутала непроглядная Тьма, ледяная Тьма, подобная пространству между звезд, Тьма, враждебная жизни и теплу. Вервольф завыл, сопротивляясь Тьме, но та не отступала, поднимаясь все выше, по его плечам, груди, шее. Никколо хотелось кричать, но Тени сомкнулись на его морде, не позволяя издать и звука.

В последний момент он увидел, как какой-то однорукий что-то швырнул в него. И тут мир взорвался.

Людовико, запыхавшись, опустился на колени и повалился набок. Он больше не мог двигаться, силы полностью оставили его.

Склянка врезалась в извивающуюся массу Теней, почти полностью окутавшую вервольфа и Жиану. От удара стекло разбилось, пролив масло на их тела. Людовико обмотал склянку пропитанной маслом рубашкой и поджег ее, и сейчас Тени загорелись, и этот огонь развеивал Тьму, как утро изгоняет ночные кошмары. Оборотень завыл, но граф не знал, был ли это крик радости оттого, что Тьма отступила, или крик боли от ожогов: горящее масло разъедало его плоть.

Жиана отшатнулась. Огонь пожирал ее одежду, играл в волосах. Она попыталась вновь призвать Тьму, чтобы погасить пламя, и Тени уже начали сгущаться вокруг ее тела, но оборотень, не обращая внимания на боль, бросился на врага. Он вонзил когти в ее грудь, впился клыками в шею. Они оба повалились на пол, объятые пламенем. Вервольф не отпускал, его задние лапы били Жиану по ногам, кроша мышцы и кости, челюсти все плотнее сжимались на горле.

Хотя тело Людовико превратилось в одну сплошную рану, вампир улыбнулся, слыша крики Жианы. Никколо запрокинул голову, с его клыков свисали кровавые ошметки, и, когда крики утихли, он победоносно завыл. Но этот вой тут же перешел в крик боли, и оборотень покатился по полу, пытаясь погасить пламя. Труп Жианы так и остался гореть.

— Фонтан, — выдохнул Людовико, не зная, слышит ли его зверь, может ли он понимать человеческую речь. — Во дворе.

Может, вервольф его понял, а может, сработали инстинкты, но оборотень выпрыгнул из прихожей, пробив застекленную дверь, и бросился во двор.

Людовико откинулся на спину. У него было странное чувство, будто он совершил что-то хорошее. Но тут он увидел безжизненное тело Валентины, и боль мгновенно вернулась. Лицо графа исказила мука. Цепляясь ногтями за трещины в мраморе, он начал ползти вперед, к телу жены.

Арецио, 1824 год

Отфыркиваясь, Никколо выбрался из холодной воды. «Кто бы мог подумать, что когда-то этот фонтан спасет мне жизнь?» Вода стекала по его телу. Юноша осмотрел свою кожу, ожидая увидеть страшные раны, но вместо чудовищных ожогов обнаружил лишь покраснение. Он изумленно провел ладонью по своему ставшему человеческим телу. Ощущение было неприятным, но напоминало последствия солнечного удара, а вовсе не купания в горящем масле.

«Валентина!» Эта мысль вернула его к реальности. К тому же Марцелле и Эсмеральде по-прежнему угрожала опасность. Перепрыгнув через край фонтана, он бросился в дом, замедлив шаг у выбитой двери. Осторожно переступив через обломки, Никколо босиком прокрался в коридор, оскальзываясь на паркете. В прихожей повсюду была разбросана одежда, валялись обломки камней и досок, пол покрывал слой пыли, в центре комнаты еще дымился труп Жианы. Но сейчас Никколо заботила только Валентина. Рядом с девушкой лежал Людовико, обнимая ее оставшейся рукой. Граф осторожно гладил жену по виску кончиками пальцев.

— Она еще жива, — хрипло сказал он, когда Никколо подбежал к ним. — Но она умрет.

Все его лицо было измазано кровью, и в его глазах читалась такая мука, что у Никколо сжалось сердце.

— Мы должны что-то сделать! Нам нужен доктор, хирург!

— Уже слишком поздно, Никколо.

Людовико гладил девушку по голове, будто она просто спала. Глаза Валентины были закрыты, грудь едва заметно поднималась и опускалась, изо рта струйкой текла кровь.

Никколо охватило отчаяние.

— Да что с тобой? — Схватив Людовико за плечо, он развернул его к себе. — Разве ты ничего не можешь сделать?

— Я мог бы поделиться с ней Тьмой, — граф прищурился. — Но... тогда она станет вампиром, как и я.

— Ну так сделай это! Иначе мы ее потеряем! — Дрожа, Никколо отступил на шаг.

Людовико склонился над девушкой. Юноше хотелось оттащить его от Валентины, помешать ему, но он сдержался.

Вампир коснулся жены губами, словно целуя, закрыл глаза, и по ее телу прошла дрожь.

Вытащив из тюка брюки и рубашку, которая скорее подошла бы к вечернему костюму, Никколо оделся, а затем полетел вверх по лестнице, перепрыгивая три ступеньки за раз. Он заглядывал во все комнаты, не зная, что его ожидает.

Сестру и Эсмеральду он нашел в спальне Марцеллы. Перед открытой дверью балкона парусами надувались занавески. Девушки были связаны, их посадили на край кровати, заткнув рты кляпами. Они смотрели на Никколо расширившимися от ужаса глазами. Бросившись к ним, он освободил их от кляпов и прижал к себе. Марцелла плакала — от страха ли, или от облегчения, Никколо не знал.

— Все в порядке. Все уже закончилось.

Он все говорил и говорил, пытаясь их успокоить. Наконец он развязал их веревки.

— Что с Валентиной? — спросила Марцелла.

— С ней все будет хорошо, — солгал Никколо, оглянувшись на дверь. Там никого не было. Снизу не доносилось ни звука. — Все будет хорошо.

Эсмеральда позаботилась о Марцелле, будто это была ее сестра. Никколо был благодарен ей за помощь, потому что не чувствовал в себе сил быть тем братом, который сейчас нужен Марцелле. Он мог думать только о Валентине.

Людовико уложил жену в кровать, заверив Никколо, что она должна спать во время превращения в вампира и это совершенно нормально.

Сжимая в руке кинжал, Никколо прошелся по всем комнатам, но все дети Жианы исчезли. Может быть, их убил Людовико, или же они сбежали, когда Жиана погибла в огне — Никколо не мог сказать наверняка. Он лишь смутно помнил ту ночь и понимал, что так будет всегда.

Наконец он вернулся к себе. Людовико сидел рядом с кроватью на стуле. Видимо, он лишь отошел вымыться, а все остальное время находился здесь. На сюртуке засохла кровь, а левый рукав был пуст.

— Что с тобой? — спросил Никколо. — С твоей рукой?

— Тьма сильна, и она может восстановить мое тело. Рана уже закрылась, — Людовико не сводил глаз со спящей жены. — Сейчас это неважно.

Валентина была очень бледной, но ее дыхание оставалось ровным, кровь больше не текла изо рта. В остальном Никколо не замечал в ней никаких перемен. Кроме запаха. Сейчас Валентина, как и все вампиры, пахла древней Тьмой, которую теперь носила в себе.

Кивнув, он отвернулся. На данный момент ей больше ничем нельзя было помочь.

Направившись в комнату Марцеллы, Никколо увидел, что его сестра заснула на руках у Эсмеральды. Мягко высвободившись, француженка накрыла девушку одеялом и подошла к нему.

— Ну что?

— Не знаю, что у нас вышло, — признался Никколо. — Она будет жить, это точно.

— Все уже закончилось?

— Думаю, да. Жиана мертва, ее вампиры разбежались. Какими бы ни были их планы, им не суждено стать реальностью.

Эсмеральда кивнула, слабо улыбнувшись.

— Как бы то ни было, с тобой точно не соскучишься.

Несмотря на усталость и тревогу, Никколо тоже нашел в себе силы для улыбки.

Подавшись вперед, девушка поцеловала его в щеку, а затем, отвернувшись, легла на кровать рядом с Марцеллой и измученно закрыла глаза.

Выйдя из комнаты, Никколо направился к Людовико и его жене.

Валентина открыла глаза незадолго до рассвета. Оглянувшись, она изумленно посмотрела на потолок, а затем ощупала свое тело.

— Что случилось? — спросила она, увидев Людовико и Никколо.

— На нас напали, и ты чуть не погибла, пытаюсь спасти всех нас, — ответил ее муж.

Он выглядел просто ужасно: раненный, одетый в ошметки сюртука, с оторванной рукой.

Валентина вспомнила о столкновении с вампиром, о холодном металле, об угрозах этой женщины. О прыжке. О чудовищной боли от удара. Но сейчас она ничего не чувствовала. Девушка пошевелила пальцами на ногах, ступнями, руками. Она ничего не сломала. Как такое возможно?

Что-то шевельнулось в ней, и у Валентины перехватило дыхание. В ней разгорелся изначальный голод, мрачное желание — жажда крови.

Ей нужна была кровь.

Холод охватил все ее тело, и она почувствовала в себе древнюю силу.

— Что вы со мной сделали? — Девушка в ужасе распахнула глаза.

Они не ответили.

— Что вы со мной сделали?

И тогда Валентина закричала.

Стара-Загора, 1824 год

В городе было тепло. Марцелла жаловалась на гнетущую жару, но Никколо слушал ее вполуха. Они приехали на два дня раньше оговоренного срока, и он снял дом, в котором им придется ждать Катю и Гристо. Никколо нисколько не сомневался в том, что они приедут.

— А они вообще какие?

— Кто? — Вопрос Марцеллы вывел его из раздумий.

— Твои друзья. Волки.

— Гристо тебе понравится, — немного подумав, ответил он. — Он очень веселый. Знает много языков и многое пережил. А его подруга, Катя... Она другая, не такая, как все. Но я думаю, что она тебе тоже понравится. Она такая же упрямая, как и ты, — Никколо улыбнулся.

Кивнув, Марцелла замолчала. В ней еще не проявились никакие признаки ее наследия, но Никколо чувствовал, что и в его сестре скрыт зверь. С каждым днем он все больше привыкал полагаться на свои инстинкты.

На улице раздался голос муэдзина — верующих звали на молитву.

— Я надеюсь, что они нам многое объяснят, — продолжил Никколо. — Мы проведем с ними некоторое время. Тут все будет иначе, не так, как в нашем поместье. Надеюсь, ты это понимаешь.

— Да-да, братишка. Я же уже не маленькая. Как-нибудь справлюсь.

Зыркнув на сестру, Никколо улыбнулся. Она была права, и он нисколько не сомневался в ее словах.

— Никколо? — Марцелла замялась. — Мы еще когда-нибудь увидим Валентину?

У него сжалось сердце. Валентина отреклась от него, так же, как и от Людовико, и оставила их в Ареццо. Ему было трудно смириться с этим, но ей потребуется время, чтобы разобраться в себе, понять и принять то, чем она стала. По крайней мере, так сказал Людовико, прежде чем исчезнуть.

Никколо надеялся, что Валентина сумеет найти способ принять свою новую сущность. И что когда-нибудь она его простит. При этом он не был уверен, сможет ли сам себя простить.

— Не знаю, — честно ответил он.

Больше он не станет лгать. Марцелла была единственным человеком, который остался рядом с ним.

Никколо посмотрел в окно на крыши домов, на холмы на горизонте, где синее небо смыкалось с землей. Яркий свет слепил глаза, но юноша не жмурился. Его манили холмы, поля, луга, простиравшиеся за ними леса. Он вспомнил слова Гристо о том, что сумеет научиться управлять волком в себе, жить в стае, и подумал, что волки, в отличие от людей, могут обладать истинной свободой.

Перед ним простиралось будущее, и Никколо был полон решимости оставить прошлое позади. Однако он знал, что это невозможно.

Эпилог

В морозном воздухе прогремел выстрел. Комья грязи и снег взметнулись вверх, но волк не двинулся с места. На него посыпались мелкие камни и комья земли, но он невозмутимо смотрел на охотника.

Было холодно. Дыхание волка вырывалось изо рта белым паром, и этот пар медленно рассеивался в воздухе.

Каркнул ворон, и его голос стал предупреждением для всех, кто мог его понять. Карканье прозвучало в утреннем тумане, напугав мелких зверьков, которые тут же бросились бежать.

Солнце уже поднялось над горизонтом, но светило слабо, кружок мягкого, приглушенного света среди деревьев.

Волку был знаком запах охотника. Так пахли ловушки в лесу, кровь на земле. Так пахла смерть.

Зверь двинулся вперед, медленно и величественно приближаясь к охотнику. Мужчина перезаряжал ружье, но волка это не заботило. Он ускорил шаг.

Охотник встал на колени. Этот тип уже перебил много волков, застрелил их, отравил, поймал в железные капканы, где звери долго и мучительно умирали. Волк обнажил клыки.

Пуля поразила его в грудь, отбросила назад. Все тело пронзила боль, но волк лишь мотнул головой и вновь пошел в атаку. Рана уже закрылась.

Охотник еще раз перезарядил ружье, на этот раз уже поспешнее. Запах его страха висел в воздухе, и волк ощущал этот страх, видел его в движениях человека, в его взгляде.

Волк прыгнул, бросил охотника на землю. Клыки нашли горло.

Никколо сомкнул челюсти.

Теперь этот человек не убьет больше ни одного волка.

Послесловие и благодарности

Авторы лгут. Не со зла, такова уж их профессия. Даже те авторы, которые полагают, что докопались до истины, в лучшем случае лишь рассказывают свою версию произошедшего, а то, что истинно для одного, может оказаться ложью для другого.

Лорд Байрон, Джон Китс, Джон Полидори, Перси Биши Шелли, его жена Мэри Шелли и все остальные, несомненно, были историческими личностями, и их произведения оказали огромное влияние на развитие литературы, но, конечно, никто из них не был оборотнем. Может быть, таких существ и вовсе нет — по крайней мере, так считает современная наука.

Однако встреча литераторов тем дождливым летом 1816 года действительно произошла, и на протяжении множества проведенных вместе вечеров возникли идеи написания таких книг, как «Франкенштейн»⁷² и «Вампир». Первая книга получила широкую известность, хотя и в популяризированном варианте, вторая же стала первым романом о вампирах, как их описывают сегодня.

Я пытался, насколько это возможно, придерживаться исторических фактов и справедливо описывать действующих героев, но при создании фантастического произведения рано или поздно это вызывает трудности, ведь реальная история переплетается с пространством воображения. Да и описать людей, которые еще при жизни привлекали к себе внимание своими поступками и талантом, очень сложно, ведь их личности настолько многогранны и противоречивы.

Надеюсь, каждый из читателей сможет составить собственное мнение об этих интереснейших временах и выдающихся личностях. Если кто-то из вас после прочтения моей книги захочет узнать об этом больше, это станет для меня величайшим достижением.

Во время работы над этой книгой мне во многом помогли разные люди.

В первую очередь мне хотелось бы поблагодарить моих литературных агентов фон Шмидт и Абрамс, которые способствовали написанию романа. Кроме того, хотелось бы выразить благодарность команде издательства «Неупе», Мартине Фогль, Себастиану Пирлингу и Саше Мамчаку, а также их неутомимым помощникам. Я очень благодарен Уте Дангке, редактору, которая придала этой книге лоск и сыграла в ее публикации очень важную роль.

Кто-то помог мне своими профессиональными знаниями, кто-то поделился информацией об исторических мелочах, были и те, кто рассказывал забавные истории. Им я тоже хочу сказать спасибо за потраченное на меня время, усилия и участие.

Супружеская пара Шелли читала друг другу свои произведения в процессе написания.

⁷² Речь идет о романах Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» и Джона Полидори «Вампир».

Мне хотелось бы поблагодарить людей, которые первыми познакомились с моим текстом, одолели сотни страниц и дали ценные советы; это Тини «Ужасный», Дани «Опасный», Андреас «Жестокий», Джудит «Веселый Роджер», Инга «Коварная», Себастиан «Зловещий», Даниэль «Почивший с миром», Джулия «Чертик из коробочки», Кристоф «Пугающий» и Сильвана «Страшила». Спасибо всем вам.